

Полное собрание сочинений. Том I священномученик Иоанн Восторгов

Том II * Том III * Том IV * Том V

Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы.
1889–1900 гг.

Предисловие

Предисловие

К полному изданию своих литературных трудов, уже одновременно напечатанных в различных журналах и газетах, я приступаю вследствие настоятельных просьб читателей. Считаю нужным предпослать этому изданию несколько замечаний.

Я не имею никакой возможности теперь выпустить в печать все мои слова, речи – это придется сделать, если судит Бог, в дополнительной серии томов; теперь же выпускаются в свет, как уже замечено, только где-либо уже напечатанные мои работы, преимущественно помещенные в следующих периодических изданиях: «Церковные Ведомости», издаваемые при Св. Синоде, «Колокол», «Миссионерское Обозрение», «Голос Истины», «Московские Церковные Ведомости», «Московские Ведомости», «Вестник Грузинского Экзархата», газ. «Кавказ», «Церковность», «Русская Земля», «Епархиальные Ведомости» различных епархий и многих других.

Печатаются мои поучения, речи и статьи в хронологическом порядке; я счел нужным это сделать потому, что такой порядок яснее представит читателю все разнообразие интересов и настроений минувшей четверти века; кстати сказать, издание почти совпадает с двадцати пятилетием моей служебной, общественной и литературной деятельности. В конце издания будет дан и систематический предметный указатель моих произведений для облегчения всякого рода справок.

Из коротеньких заметок о месте и времени произнесения моих речей и проповедей читатель увидит, в каких условиях мне приходилось работать: мне приходилось говорить в разных городах Кавказа, Сибири, Китая, Кореи, Японии, Камчатки, Дальнего Востока, в путешествиях по России, во время Миссионерских курсов, в водовороте общественных настроений богатого тревожными событиями периода 1905–10 гг. и т.д. Здесь было не до отделки литературной формы... И посему строгих критиков моих произведений я прошу принять все это во внимание.

Один том (V-й) я выделяю для статей и сочинений по социализму;

этот том издается в большем числе экземпляров и выпускается в продажу отдельно. Помещенные в нем статьи будут полезны для средних учебных заведений – преимущественно духовных, а также для занятий на Епархиальных и Окружных Пастырско-Миссионерских Курсах, на которых вопросы о социализме, как показал опыт, всегда привлекают особое внимание слушателей. В том IV-й войдут статьи по вопросам миссионерским, педагогическим, публицистическим. Первые же три тома заключают в себе исключительно проповеднический материал.

В заключение должен заметить, что и из напечатанных моих статей многое у меня затерялось в бесконечных моих переездах и странствованиях. Если эти статьи будут отысканы в различных газетах и журналах и собраны, они войдут в дополнительные тома.

Протоиерей Иоанн Восторгов.

1889 г.

Пастырь и пасомые¹

Пасите еже в вас стадо Божие, посещающе его не нуждою, но волею и по Бозе (1Пет. 5:2–5).

...Повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь, тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще; да с радостию сие творят, а не въздыхающе, несть бо полезно вам сие (Евр. 13:17).

Христос посреди нас, возлюбленные мои братья!

Итак, по Божьей милости и по воле высшего церковного начальства я назначен к вам священником, пастырем, учителем и попечителем ваших душ, назначен на это страшное, высокое и ответственное служение, назначен вас учить, для вас священнодействовать и – страшно мне вымолвить – вами духовно управлять, управлять каждую вверенную мне душу к Царству небесному, созидать каждого из вас Божьим человеком, на всякое дело благое уготованным (2Тим. 3:17).

Страшно мне в эти минуты совершать первое у вас служение, страшно мне, молодому, совсем даже юному, стоять сейчас пред вами в этих священных одеждах. Вот пред собою вижу я людей, убеленных сединами; вот стоят старики, увешанные знаками боевой службы, – знаками отличий от Царя нашего; вот стоят и те, которые бывали в плену у горцев, вынесли великую тяготу непрерывной войны; вот старые, опытные хозяева, отцы больших семейств, заправляющие большими домами, со многими слугами и работниками.

Мне ли, столь молодому и неопытному, духовно управлять вами?

Ах, страшно, страшно мне, дорогие мои, в настоящий час стоять здесь перед вами!

Но совершается воля Божия. И рождением, и воспитанием, и призванием церковной власти, и что еще скажу? – и желанием моего сердца пришел я на эту высоту и тяготу священства и готов повторить пред призывающим Богом то, что говорят при этом высшие священноначальники: благодарю, приемлю, ничесоже вопреки глаголю.

Тем более, поэтому, в священный сей час хочется мне говорить о том, что есть пастырь и что такое пасомые, какие у нас права и обязанности и какие взаимные отношения.

О, братья! Пред моими глазами так и стоят святые строки Священного Писания, в моих ушах так и гремят сейчас призывы и заповеди, обращенные к пастырям Христом – Пастыреначальником и Его апостолами, продолжателями дела Христова на земле, которые нас,

недостойных, соделали своими преемниками.

«Я пришел не для того, чтобы Мне послужили, но чтобы послужить другим» (Мф. 20:28), говорил о Себе Спаситель, и тем повелел пастырям быть служителями своих пасомых. «Вы, пастыри, – заповедует св. ап. Петр, – пасите порученное вам стадо Божие, надзирая за ним не принужденно, но охотно и для Бога, не для гнусной корысти, не господствуя над этим – не вашим, а Божьим наследием и Божьим имуществом, но бывайте образцами, примерами для стада» (ср. 1Пет. 5:2–3). «Будь образцом для верующих словом, жизнью, любовью, духом, верою, чистотой», – повелевает пастырю другой апостол – св. Павел (1Тим. 4:12).

Молись, служи, учи, вразуми, наставь со всяким долготерпением, наставь незнающего, поддержи колеблющегося, возврати отпавшего, уверь его в истине святой православной веры, – и все делай кротко, благодушно, любовно; переноси скорби, свершай дело благословения, прими гонения, упреки, зависимость в жизни и во всем житейском от даяний прихожан; будь незлобив (2Тим. 4:5). Не упусти из виду ни единого духовно-больного, каждого врачуй соответствующим духовным лекарством. Вот пастырское право и вместе долг.

Посмотрите же, я один, а вас так много. Тяжело мне и страшно, братья мои!

Тяжесть пастырства увеличивается у вас и здесь особыми обстоятельствами. Среди вас – раскольники в большем числе, чем вы; священника в этом поселке доселе не было, и это в продолжение целых ста лет! Сколько у вас колеблющихся! Как не привыкли многие из вас к храму и пастырю! Приход новый, и все надо заводить вновь: храм, школу, все порядки церковные. Знаю, многим это будет не нравиться, многие будут на меня гневаться за пастырские напоминания и требования, станут бранить в глаза и за глаза. Что делать священнику, когда он пред вами стоит беззащитный? Будут меня оскорблять и раскольники: где найти мне защиту?

Преклоняю я главу мою пред Богом, чувствую тяготу служения, у Бога прошу помощи и защиты, а после Бога – у вас, мои дорогие пасомые и отныне – дети духовные!

Не плотскими оружиями мы сильны, не защиты плотских оружий я у вас прошу. Мы, пастыри, сильны благодатью Господа и вашей любовью, послушанием, вашими о нас молитвами.

И посему всем сердцем я умоляю вас: помогайте мне в исполнении святого моего дела! Отцы, наставляйте детей своих; мужья, действуйте на

жен, жены – на мужей, братья и сестры – друг на друга. Будем усердны к вере, к церкви, к молитве, будем слушать поучения церковные; я буду говорить вам о вере, сколько сил моих хватит.

Будьте покорными детьми вашего духовного отца, священника, хотя бы и молодого и неопытного: ведь и плотских родителей мы не избираем, а получаем таких, каких Бог дал, и все-таки слушаем их, а меня, духовного вашего отца, вы сами просили у архиерея, сами усердно приглашали прийти к вам.

На исповеди, в частных беседах будьте со мною откровенны, доверчивы, идите ко мне в дом, кому нужно поговорить, кто нуждается в духовном совете, идите без стеснения, без боязни: я не только не буду тяготиться вашими посещениями, но, напротив, буду, вам глубоко благодарен за это. Тогда только дело мое у вас пойдет успешно, если вы откроете предо мною ваши души. Ведь врачу плотскому вы не станете же говорить неправду, не станете скрывать от него болезнь свою, если пришли лечиться от этой болезни! Так собственный ваш разум, собственное ваше благо говорит вам о том, что вы с любовью и доверием должны обращаться к вашим пастырям. А послушайте, что повелевает вам слово Божие! Грозно говорит оно о пастырях, многого требует от них, но грозно говорит оно и о пасомых. *«Повинуйтесь, – учит св. апостол, – повинуйтесь вашим наставникам и покоряйтесь, ибо они заботятся о душах ваших и за них дадут отчет; пусть они с радостью это делают, а не с воздыханием, ибо это для вас не полезно» (Евр. 13:17).*

Яснее ясного поучение апостола. Будем же жить, молиться, работать вместе, помогать друг другу.

Если же я чем-либо буду нехорош, не все исполню, кого-либо обижу, чего не сделаю и забуду, то, братья мои, помните, что и я человек, слабый и грешный. Не священнику ведь мы верим, молимся, служим, а Богу. Заранее прошу вас: простите мне мои недостатки, не осудите, не потеряйте ко мне той любви и доверия, которой я уже видел от вас в первые часы моего у вас пребывания. Молитесь со мною, молитесь и обо мне, да не оскудеет моя сила, да не охладится моя ревность. Мое благо и ваше благо – одно. Будем же вместе, дружно и любовно работать Господу.

Закончу тем, чем начал: Христос посреди нас, возлюбленные, и Его благословение да будет в моем вам первом священническом благословении.

Благословение Господне на вас Того благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

1890 г.

Пастырские заветы²

«Благодать вам и мир да умножатся в познании Бога и Христа Иисуса, Господа нашего» (1Пет. 1:2).

Со словом мира и любви не на языке только, но и в сердце я в первый раз приходил к вам, возлюбленные братья, когда по воле Пастыреначальника Господа Иисуса паства эта вручена была моему недостойному попечению. И вот прошел год, в который я день и ночь оглашал вас, не имущих прежде пастыря, оглашал, поучал слову Божию. Не прошло ни одной службы, не пропущено ни одного случая, чтобы не сказал я вам слово поучения, назидания. Весь труд первого священника в новом приходе выпал на мою долю; не мне судить, как и с успехом ли я трудился, но что трудиться пришлось много – это несомненно.

Этот храм мною построен, освящен и наполнен утварью.

Церковно-приходская школа открыта мною со многими трудами, с великою скорбью, с большими жертвами. Общество трезвости, внебогослужебные собеседования, утром проповеди за утреней, в обедню, вечерние чтения, книжный склад, наконец, украшение сего храма – все это прошло через мои руки. Куда бы ни обратился мой глаз, на что бы ни посмотрел я, все здесь сделано при мне. Прости, все мое дело! Простите, тяжелые думы, дни и ночи беспокойства, простите, вы, добрые люди, дети мои духовные; не взыщите, если плохо учил вас, если мало говорил, если ленился проповедовать. *Если благовествую, – нет мне похвалы, ибо нужно сие, но горе, если не благовествую!* (1Кор. 9:16).

С молитвою на устах и сердце, со страхом Божиим и любовью я пришел к вам, со словом мира и любви встретил вас, – с этими же чувствами обращаюсь к вам и ныне при прощании с вами. Это слово, действительно, будет последним для вас. Ухожу. Не допытывайтесь, отчего, почему; дело сделано, на сие воля Начальника пастырей – Господа Иисуса. Простите! Прости, святой храм, мною недостойным освященный, прости, алтарь славы Господней, прости, водруженный руками моими грешными престол славы Божией! Простите, добрые люди, спасибо вам за привет и ласку, за любовь и участие; не поминайте лихом вашего молодого пастыря, молитесь за меня, – это ваш долг, ваша обязанность. Не забуду и я вас, никогда не забуду, и чудится моей душе: уж нигде и никогда не будет мне так хорошо, как было здесь, среди вас. А когда услышите, что я отозван в другой мир, когда узнаете, что я упокоился, поминайте меня молитвою, как и я учил поминать всех живых и умерших

пастырей! Любите Господа Бога всею душою вашею, почитайте Божию Матерь, угодников Божиих, крепко держитесь святой православной нашей веры. Наша вера – Христова, наша вера – правая, наша вера – спасительная. Не упивайтесь вином: в нем блуд; не объедайтесь: это идолопоклонство; не будьте горды, тщеславны, не будьте льстивы, человекоугодливы; стоящие у власти, не берите взяток, не продавайте Бога, правды. Ходите в церковь, слушайте слово Божие, исполняйте заповеди Христовы, старайтесь о святом храме, доме Божиим, выстройте новый, не щадите, не жалейте жертв на его украшение. Не клянитесь Богом, особенно напрасно, почитайте праздники, в праздники не пьянствуйте, а занимайтесь делами благочестия, посты соблюдайте, отца, мать почитайте, духовных отцов не судите, молитесь за живых и мертвых, своих священников, Бога бойтесь, Царя чтите, старших почитайте; мужа, любите своих жен, не обижайте их, не обременяйте непосильною работою; жены, любите мужей, повинуйтесь им; мужу тяжелым трудом достается кусок хлеба семье, не ссорьтесь же с мужьями, утешайте их, согревайте ласкою и любовью; детей своих любите, учите их добру, не соблазняйте их дурными примерами, выстройте для них школу, не сводите их со староверами, помните, что отдадите за них отчет Богу; друг друга любите, живите по-братски; братья и сестры, любите друг друга, не оскорбляйте друг друга, не деритесь, не ссорьтесь, не распутничайте, следите за молодежью, не позволяйте скверных игр, скверных слов, песен под праздники, не сводите в нечистых играх сыновей и дочерей ваших вместе с другими дочерьми и сыновьями; бросьте нечестивые вечеринки; не обманывайте, не воруйте, будьте на расплату честны, слабых людей-работников, работниц не обижайте, не обсчитывайте; друг другу не завидуйте. Помни каждый свое последнее: смерть, суд Божий, рай, ад. Не забывай веры, помни Бога. Там, на небе, Господь: все Он видит, все знает, будет Он судить нас: бойся, страшись, раскайся, плачь о грехах своих! Вот вам последние, прощальные наставления. С высоты этого священного места, в этом святом храме я неустанно учил вас всему этому. Вы стали лучше, богобоязненнее, привыкли ходить в храм; меньше стало у вас пьянства, обманов, многие закоренелые грешники покаялись, многие и староверы, больше стал человек, познали истину святой Церкви, присоединились к православию. За год как много мы пережили в церковной жизни! Помните же мои наставления, не забывайте, исполняйте их. С молитвой я пришел к вам, с молитвой и отхожу. Да сохранит вас Господь день и ночь от всякого зла и напастей, да помилует, спасёт, да благословит всем добрым! Вот моя молитва о вас, вот мои пожелания. Первые дети не забываются, первые и

вы мне дети духовные: буду и я помнить вас, молиться о вас.

Все мы, как люди, не свободны от человеческих слабостей и немощей. Все мы ежедневно грешим против Бога, близких, против своей совести. Кто в жизни своей бывает чист от скверны, кто греха не сотворил, кого не обидел? Никто, если и один день его жизни! Вот почему и нам нужно проститься по-братски, по-христиански. Обращаюсь к вам, братья и сестры, здесь, в храме Божиим, со своим последним словом. Прошу и молю всех с земным поклоном простить мне, если кого обидел я словом и делом. Простите мне, братья, простите, простите! Не забудьте в молитвах, помяните добрым словом. Многому, очень многому я не успел научить вас: пусть умудрит вас Господь, пусть научит вас новый священник. Если кому придется быть на месте нового моего служения по своим делам, или по делам церкви, – не забывайте меня.

Да будет над вами благословение Божие! Имя же Божие да будет благословенно во веки! Аминь и Аминь.

Евангельские блаженства³

Слышанное нами сегодня евангельское чтение глубоко знаменательно; в нем изложены такие истины, которые по справедливости считаются основными в учении Спасителя, достойно называются заповедями Евангелия. В нынешнем евангельском чтении Спаситель изобразил путь, который ведет христианина от земли на небо, – тот путь, которым шествовали к Царству небесному все святые, в том числе и ублажаемый ныне Церковью святитель Христов Николай. Небезвременно посему и нам ныне остановиться внимательнее на этих заповедях евангельских, заповедях блаженства, которые и без того мы слышим в устах клира церковного каждую литургию.

Изречения о блаженствах евангельских, или, как принято называть, нагорная проповедь произнесена была Спасителем непосредственно вслед за избранием апостолов. Окруженный апостолами Спаситель сошел в горы; к Нему хлынула толпа народа: один желал послушать Его Божественное учение, другой – искал исцеление от обдержавшего его недуга. Господь начал исцелять больных. Но, врачую болезни тела, Господь видел в душах окружавших Его людей страшную болезнь – невежество, предрассудки. Все эти люди более или менее веровали в Него, как Мессию, но видели в этом Мессии царя земного, имеющего устроить на земле славное царство, в которое войдут только потомки Авраама – евреи, исполняющие закон Моисеев. Покорить весь мир Ему ничего не стоит; ведь Он – чудотворец, а вот Он избрал себе и апостолов, это 12 ближайших вельмож Его, следовательно, вот-вот наступает славное царство Его, несущее евреям и богатство, и довольство, и силу, и славу.

Предстояло теперь Спасителю разрушить предрассудки евреев, предстояло Ему объяснить, что царство Его – действительно царство, но далеко не похожее на царство земное; что в него, в это царство, имеют право входа не одни потомки Авраама по плоти, но все те, кто по своим душевным качествам похож на Авраама; предстояло Спасителю сказать всему народу о том, что должен делать и чего может ожидать всякий, кто хочет войти в Его царство, всякий, кто желает следовать за Христом. Самим своим названием христиане мы показываем, что желаем следовать за Христом, что мы стремимся быть членами Его царства. Послушаем же внимательно слов Христовых.

Гордые своею праведностью иудеи в своем самомнении считали себя стоящими ближе всех к Богу, считали себя достойными блаженства,

богатыми по душе; в своем самомнении они не замечали своих недостатков, пороков, которые между тем росли больше и больше. Так, гордость закрывала им врата Царства небесного, ибо *Бог гордым противится*, как говорит Писание (Иак. 4:6; 1Пет. 5:5). Чтобы войти в это Царство, человек должен исправить свою душу, а для самого начала этого исправления необходимо, чтобы человек сознал себя бедным добрыми делами, нищим по душе, нищим духом, он должен быть смиренным. Без нищеты духовной невозможно самое начало нашего исправления. Эта нищета духовная и есть первая ступень на пути к блаженству, первый шаг к Царству небесному.

Посему, говорит Господь: *Блаженны нищие духом, яко тех есть Царство небесное* (Мф. 5:3).

Гордый иудей был самодоволен: он и Богу молился непременно с мыслью о своей праведности, как видим мы из притчи о мытаре и фарисее, он внутренне восхищался своею святостью, поклонялся своим достоинствам. Не таков человек нищий духом, смиренный. Раз он сознал себя нищим духовно, он скорбит, он плачет о своих грехах, и скорь эта, плачь, это сокрушение о грехах, если оно искренне, поможет ему, наверное, изгнать из своей души худое. Пребывание греха заставляло его плакать, удаление от греха приносить ему чувство радости, утешения.

Посему: *Блаженны плачущие: они утешатся* (Мф. 5:4).

Гордый, самодовольный иудей с холодным презрением, с нескрываемым отвращением смотрел грешника: он жесток был в суде над ним; вспомним только Симона – фарисея и жену-грешницу. Не таков нищий духом. Видя ясно свои грехи, скорбя о них, он делается снисходительным к грехам других, он чужд презрения к кому бы то ни было; он делается кротким, способным к милости и любви, способным войти в Царство, в наследие милосердного и любящего Бога, Который, по слову Иоанна Богослова, и Сам *любы есть* (1Ин. 4:8, 16).

Посему-то: *Блаженны кротции, ибо они наследят землю* (Мф. 5:5).

Самодовольные, гордые своею праведностью иудеи уже по этому самому не искали правды для себя, потому что считали себя преисполненными правды, они только умели замечать чужие неправды, как фарисей у мытара, и чем далее шло время, тем более и более они погрязали в своих неправдах, тем более и более удалялись от Царства Божия. Нищий духом, плачущий о грехах своих – не таков: по одним этим своим качествам он ясно видит свои неправды, свои недостатки, свое бессилие в борьбе со злом и желает он вожделенной правды, и стремится к радостному оправданию он пламенно, сильно желает, как желает есть

голодный, как хочет пить жаждущий, он алчет и жаждет правды и по самому стремлению своему, раз оно искренне, он делается способным получить эту правду, – а правда есть Бог, – получить это оправдание себе, – а оправдание человека в Боге. Он насытится правдою.

Посему; *Блаженны алчущие и жаждущие правды: они насытятся ею (Мф. 5:6).*

Гордый иудей, считавший себя выше всех, был эгоистичен, он любил только себя, поклонялся себе, он был жесток в отношениях к другим. Нищий духом, плачущий, кроткий, сознающий свои неправды не может быть таким: прося и ожидая милости себе, он милостив и к другим и через то и сам достоин помилования, – *имже судом судите, судится вам (Мф. 7:2).*

Посему: *Блаженны милостивии, яко тии помилованы будут (Мф. 5:7).*

У гордого, самодовольного иудея сердце было лукавое; лукавое уже потому, что оно неспособно было видеть собственных недостатков, а если и видело, то лукавыми, хитрыми уверениями усыпляло совесть, принуждало ее молчать. Нищий духом со всеми своими перечисленными качествами, особенно с правдою и милостью, делает сердце свое чистым, чуждым всякого лукавства, умышленного обмана. И подобно тому, как только чистый, здоровый глаз способен видеть свет, так только чистое сердце способно видеть, узреть Бога, а это – высочайшее блаженство.

Посему поистине: *Блажены чистые сердцем, ибо они узрят Бога (Мф. 5:8).*

Как не может быть тьмы в свете, так не может быть вражды в чистом сердце. И нищий духом в чистом сердце своем не имеет и тени вражды, мало того, – он не может видеть вражды и между другими, но хочет всюду видеть мир, согласие; он старается везде уничтожить раздор, примирить враждующих; он делается миротворцем. Великий Миротворец есть Сын Божий Единородный. Он уничтожил великую вражду между человеком и Богом, Он примирил правосудие Божие с Божественным милосердием; поэтому всякий миротворец достоин того, чтобы Бог назвал и его Своим сыном; он уже принадлежит к Царству небесному.

Посему: *Блаженны миротворцы, ибо они нарекутся сынами Божьими (Мф. 5:9).*

Вот путь к Царству небесному, славный царский путь, которым шествовали все угодившие Богу и убажжаемый ныне Св. Николай, – путь, которым должны идти и мы, христиане, – путь перевоспитания всей души, имеющий конечною целью Царство Мессии. Он не легок – этот путь, зато

велика в конце его награда. Он начинается нищетой духа и с необходимостью требует и других перечисленных качеств: не будешь нищим духом, не станешь плакать о грехах, потому что не будешь сознавать их, не будешь, далее, кротким, ищущим правды, милостивым, чистым сердцем, миротворцем. Эти качества составляют стройное целое, они так тесно, логически между собою связаны, что развитие одного влечет за собою развитие и другого, потеря одного заграждает путь и к другим. Это лестница от земли к небу, а указанные качества – ступени этой лестницы: отымите одну ступень в начале, середине или конце, – восхождение по лестнице станет невозможным. Вспоминать нужно это чаще, когда слышите блаженства евангельские, а слышите их часто.

Но люди, развившие в душе своей указанные качества, эти члены Царствия Божия, что могут ожидать себе на земле? Иудеи в ложном понятии своем о царстве Мессии ожидали себе всевозможных благ земных и преимуществ. Но не то обещает Христос Своим последователям. Он знал, что учение мира и любви, правды и милости, которое принес Он на землю, дурно будет встречено теми, кто привык жить среди вражды, лжи, эгоизма. Он знал, что люди себялюбивые, думающие только о своих выгодах, восстанут против этого учения, возненавидят принимающих и осуществляющих его в жизни. И прежде – от крови Авеля праведного до крови Захарии пророка, убитого между алтарём и жертвенником, рядами веков, непрерывною сменой поколений гнали и ненавидели тех, кто стоял за правду, милость, любовь. Что, кроме гонений и поношений, ожидал Сам Себе Христос? И Он умер на позорном древе в безысходных муках, – Праведник за неправедников. Что, кроме тех же гонений и поношений, Он мог обещать и Своим последователям? И они часто бывают гонимы, презираемы; ложь всегда будет восставать на правду; жестокость, эгоизм не будет мириться с проявлениями кротости, милосердия. И Господь ни в одной Своей заповеди блаженства не обещает благ земных: там, на небе, в стране вечной правды и истины, христианин найдёт себе награду; там, где между делом и возмездием за него царит полное согласие, возмущенная совесть найдет успокоение. Туда, в небесное наше отечество, зовет нас Христос, зовет и говорит:

Блаженны изгнаны правды ради, яко тех есть Царство небесное. Блаженны будете, егда возненавидят вам человецы, и ижденут, и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, се бо мзда ваша многа на небесех (Мф. 5:10–12).

Утешительные слова, радостная весть! И во всех концах земли, во все века, у всех христианских народов отзывались чутким сердцем на эти

благостные слова люди, хотящие быть достойными звания христиан; забывая земные беды, пренебрегая мучениями, презирая все богатство и славу мира, в чаянии благ небесных, тех благ, *их же око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1Кор. 2:9), они шли путем, указанным Спасителем для достижения Царства небесного. Смирением стяжали они высокая, чрез нищету сделались богатыми. И мы тех людей, этих святых Божиих, знаем, и мы тех святых чтим, память их празднуем. Добро, если бы им подражали! Аминь.

Боговдохновенность святого евангелия⁴

Прежде, чем приступить к решению вопроса относительно наших канонических евангелий, необходимо упомянуть об одной важной истине, касающейся тех же евангелий и вполне доказанной богословской наукой, – об истине подлинности наших евангелий: о том, что они явились на свет именно в I-м христианском веке и написаны действительно теми св. мужами, которым и приписываются. Иначе, при отрицании этой истины, и поставленный вопрос не имел бы ровно никакого значения. Это понятно само собою. Но что касается подлинности наших канонических евангелий, то можно сказать положительно, что вообще во всей литературе древности мало, может быть, даже совсем не найдется примеров столь великой исторической достоверности и подлинности, какие имеют наши 4 евангелия, если только, мы будем вести исследование об этом деле беспристрастно. Нужно быть крайне упорным против указаний здравого смысла, нужно наперед отвергнуть всю древнюю историю, чтобы решиться идти против этого. Что же касается отрицательной евангельской критики, слепо отвергающей вопреки многочисленным историческим данным и научным доказательствам подлинность евангелий по одному предубеждению ко всему сверхъестественному, то по поводу ее отрицаний достаточно сказать одно, – что, употребляя те приемы в доказательствах, которыми пользуется она, можно отвергнуть все, что угодно, из прошлой истории человечества. И Комментарии Цезаря, как и Записки Тацита и все вообще литературные памятники древности не выдержали бы такой критики; в этом случае от скептицизма, который есть скорее болезненное состояние духа, чем плод правильной деятельности ума, нет убежища. Итак, мы принимаем за несомненную истину, что подлинность наших евангелий доказана и засвидетельствована историей.

Спрашивается теперь: могли ли апостолы написать эти евангелия, пользуясь естественными средствами, т.е. своими природными дарованиями, научными средствами, и одни из них, как Матвей и Иоанн личными наблюдениями, как очевидцы и непосредственные ученики Господа нашего Иисуса Христа, а другие, как Марк и Лука, пользуясь преданием?

Обращаясь к рассмотрению и решению этого вопроса, мы должны прежде всего заметить, что здесь нужно различать два случая, сообразно с двумя направлениями, существующими во взглядах на наши евангелия: 1) или сказания евангельские недостоверны, как идеализация их авторов, или

2) достоверны. В том и в другом случае, при ближайшем и правдивом исследовании, мы все-таки должны прийти к одному заключению, что апостолы не могли написать евангелия при помощи естественных средств.

Рассмотрим сначала первый случай – взгляд на евангельские события не как на реальные факты, а как на идеализацию апостолов. У защитников этого взгляда мы можем прежде всего спросить: могли ли апостолы создать такое высоко идеальное Лицо, как Иисус Христос, Его Божественный характер, которому равного не знает история? Личность Иисуса Христа составляет центр всех событий евангельских историй, – поэтому не лишне будет сделать с рациональной точки зрения хотя беглый взгляд на Лицо Иисуса Христа как Сына Человеческого, чтобы увидеть, могли ли апостолы создать из человеческих материалов такой идеал личности, каким был Христос Спаситель по их изображению?

Это Лицо, если принять во внимание все Его необычайные свойства, выше всякого описания и даже разумения: пред Ним разум человеческий может только изумляться и благоговеть. Кто хоть раз с беспристрастием и честными намерениями всматривался во все черты и стороны Лица Иисуса Христа, тот хотя бы и не уверовал в Него, как в Бога, все-таки должен отдать дань удивления Его великой Личности. Мнимый Сын мнимого плотника, Он при ближайшем рассмотрении является как Сын истинного Архитектора – Творца и Правителя вселенной. Все нас в Нем поражает, и прежде всего нас удивляет в Иисусе Христе чрезвычайная нравственная сила, производящая на души окружающих людей неотразимое влияние. Идет ли Иисус Христос в пустыню, и тысячи народа, презирая зной, голод и другие неудобства, следуют за Ним, жадно ловя на лету каждое слово Его. Говорит ли Он мытарю, погрязшему в денежных расчетах, привыкшему к своему доходному ремеслу, или рыбакам, предавшимся своему промыслу: «идите за Мной»! – и мытарь, бросив свои доходы, покончив со своими расчётами, и рыбаки, оставив свой промысел, свои сети, иные покинув даже отца своего, беспрекословно следуют за Божественным Учителем. Но, может быть, они следуют прельщенные ожидающим их почетом или материальным довольством? Нет, они идут за Иисусом на бедную, скитальческую жизнь, на насмешки и гонения влиятельных фарисеев, на всевозможные обиды и притеснения. Кто, читая дивные повествования евангелистов, не поражался и тем обстоятельством, что женщины-блудницы, привыкшие к наслаждениям порока, заслышав слова Божественного учения Иисуса Христа, падают к ногам Его, омывают их слезами, отирают волосами?.. И много еще примеров подобного влияния Христа на души людей приводят евангелисты. Даже суровые

сердца тех, кого враги Христа послали, чтобы схватить Его, и которые, очевидно, привыкли к исполнению подобных приказаний, и те поражаемы были необыкновенною силою Его слова; один этот дивный возглас: «Аз есмь»... повергает их на землю. Таково было действие живой Личности Иисуса Христа на окружающих людей.

Мы не можем, далее, надивиться светлomu, глубоко пронизательному уму Иисуса Христа. Еще 12-тилетним отроком Он приводил в безмолвие, в удивление, даже в ужас престарелых богословов иудейского народа. Во время служения Своего Миру Он быстро поражал, обезоруживал и делал безответными самых опытных и бойких диалектиков своего времени. Но особенно мудрость Спасителя была чрезвычайна в том отношении, что она простиралась, во-первых, до сердцеведения, так что Христос как бы видел душу каждого человека и часто вразумительно отвечал, ко всеобщему удивлению своих слушателей, на их самые сокровенные мысли или возражения; во-вторых, мудрость Христа, – и это самое главное, – возвышалась до ясного предвидения будущего, так что Иисус Христос изрекал всевозможные предсказания и о Себе Самом, и о судьбе учеников Своих, и о судьбе Иерусалима, Капернаума, Вифсаиды, всей Иудеи, и о судьбе Своей Церкви, всего Мира, – и все Его предсказания исполнялись с удивительною точностью, многие после написания евангелия, некоторые исполняются теперь, а некоторые только ждут своего исполнения. И при этом Иисус Христос говорил о самых возвышенных истинах, выражал самые широкие мысли в немногих словах, но так, что слова Его настолько ясны и просты, что понятны даже детскому разумению, но в то же время так глубоки и много содержательны, что вполне все исчерпать в них не может ни один гений.

Не менее поразительны и дивны и нравственные качества Иисуса Христа. Поистине с нравственной стороны Иисус Христос – это идеал, который пугает грешного человека, и утешает, поражает, и умиляет до слез. Это олицетворение беззаветной любви к людям, – вот что можно сказать для слабого определения Его нравственного достоинства. Вспомним только, как Он беседует с бедной самарянкой у колодца Иакова; вспомним, какая у Него любовь, милосердие и снисхождение к тем несчастным, опозоренным, падшим женщинам, на которых современное Ему общество смотрело с ледяным отвращением и неприязнью. Вспомним, какие у Него слова любви к Своему падшему апостолу и слезы скорби за Иерусалим, за Свой бедный, ослепленный народ иудейский. Посмотрите, вот Он предает Самого Себя на страдания и мучения за весь человеческий род и на месте позорной казни, на кресте

Своем, в предсмертных страданиях обещает разбойнику рай и Сам молится за своих распинателей: «*Отче! прости им, ибо не знают, что делают*» (Лк. 23:34).

А дела Его? Оставляя в стороне самое свойство этих дел – их чудесность, обратим внимание на цель их, на их, так сказать, внутренний смысл. Смысл и цель всех Его действий – это постоянные благодеяния несчастным меньшим братьям: бедные, плачущие, труждающиеся, обремененные, скорбящие, гонимые, недужные, – вот Его меньшие братья. А что может быть выше Его самоотвержения, Его добровольной нищеты, по которой Он во все время Своего служения не имел даже «где главы поклонити» (Мф. 8:20)! Что может быть выше Его смирения, простиравшегося даже до того, что Он омыл ноги Своим ученикам и уклонился от венца царского, который однажды предложили Ему иудеи! Где найдем мы во всей истории человечества такие черты, соединенные в одном лице, как совершенная чистота Христа Спасителя, Его неподдельное смирение и кротость, Его неистощимое долготерпение, Его непобедимое мужество, Его нечеловеческая сила воли? Уже одно соединение этих свойств в Лице Иисуса Христа в такой целостности и гармоничности указывает на выщечеловеческое Его достоинство.

Все слова Его, все дела, вся жизнь Его запечатлена печатью такого нравственного совершенства, такой неподражаемой святости, что сами враги не могли найти в Нем даже малейшего недостатка. Одним словом, – жизнь Иисуса Христа была чудом в нравственном отношении.

Как же смотрел на Себя Сам Христос Спаситель и какова цель Его явления в мир, по изображению евангелистов? Цель, к которой стремился Иисус Христос и которую называл "делом" Своим (Ин. 17:4), была цель высочайшая, никогда неслыханная в мире. Были и есть люди, считавшие целью своего существования служение науке, искусству, стремившиеся сделать преобразования и открытие в этих областях знания; были законодатели, стремившиеся улучшить политическое или социальное устройство того или другого отдельного народа или единичного государства. Иисус Христос (вполне сознательно называя себя Сыном Божиим, посланным от Отца сотворить волю Его) стремился к иной цели. Он явился к людям, чтобы пересоздать, обновить в религиозном отношении весь род человеческий, растленный грехом, просветить всех людей светом истинного Боговедения, сообщить всем грешникам, как средство Богоугождения, учение о чистейшей, Богоподобной нравственности, которой во все века будет удивляться человечество, образовать из всех земнородных, соделав их святыми (Мф. 5:6–7), единое

стадо, единое царство Божие и, пострадав за них до крестной смерти и примирив их таким образом с Божиим правосудием, ввести всех в вечные обители Отца Своего Небесного... И когда же явился Он с такой недостигаемо-высокою целью среди народа иудейского? Тогда, когда сыны Израиля, а в том числе, конечно, и неученые апостолы, писатели евангелий, потерявши истинный смысл своих Божественных писаний и, в частности, истинный смысл мессианских пророчеств, ожидали себе в Мессии Израильского земного царя – завоевателя, долженствовавшего возвести евреев до недостигаемой высоты политического могущества и экономического благосостояния, покорявши им все народы земные. Какого Мессию ждали евреи, -показывают личности многих лжемесий, появившихся впоследствии, которые мало того, что разделяли все заблуждения своего народа, но и еще пользовались этими заблуждениями для своих целей. Но не так поступал Христос: Он пошел прямо против предрассудков и суеверий народа, разрушал все его плотские, чувственные воззрения на Мессию и, непризнанный, отвергнутый большинством своего народа, пострадал в исполнение пророчеств, согласно предначертанному плану Божьего домостроительства, но не изменил Своему назначению. Таков был Иисус Христос, Сын Человеческий. И могли ли апостолы, люди простые и необразованные, обыкновенного человека возвысить в своих описаниях евангельских до такой степени человеческого совершенства? Но сказанного мало даже для самой слабой характеристики Божественной Личности Его, над Которой задумывались, Которой удивлялись и пред Которой благоговели все истинно великие гении человечества.

В евангелиях возвещается еще, что Иисус Христос был не только необыкновенный Учитель всего рода человеческого, свет мира, истина и путь для знания жизни человеческой; нет, Он был Вероучитель и словом, и делом, Основатель веры Нового Завета, а самый первый, основной и центральный пункт этой веры есть искупление Иисусом Христом людей от греха, проклятия и смерти. Это самый высокий, таинственный, а потому и трудно понимаемый пункт в религии Нового Завета, но, тем не менее, это – историческая истина, такая же достоверная, как и то, что Иисус Христос жил на земле, она доказывается самим фактом существования Христова.

Поучая людей Богопознанию и Богоугождению, Христос учение Свое часто сопровождал предсказаниями, что Сын Человеческий за истину будет предан в руки врагов, будет унижен, поруган, измучен и убит на кресте и в третий день воскреснет, и когда вознесён будет на крест, всех привлечет к Себе. Самые приближенные ученики Его, даже те, которые

удостоились видеть Его Божественную славу на Фаворе, и те не понимали этого предсказания: так оно было необыкновенно, несогласно с Его достоинством, несбыточно, по разумению естественного разума! Крестная казнь считалась самой мучительной и самой позорной казнью жесточайших преступников, почему крест, как символ спасения христианского, представлялся суеверным иудеям соблазном, мудрым грекам – безумием. И как же могло сбыться, чтобы вознесенный на крест, как злодей и наряду со злодеями, всех привлек к Себе – и иудеев, и язычников? И, однако, все это исполнилось до последней йоты слова Христова.

Спрашивается теперь: какой всемирный гений мог домыслиться до того, что можно унижением, позором, страданиями, мучениями, которым подвергали величайших злодеев мира, возвыситься до Божественного достоинства, что крестною смертью, искупительною смертью можно победить смерть человеческую и на этом основании воздвигнуть всемирную Церковь Христову, которой и врата адовы не одолеют? И кто же все это написал, кто создал такую высоко идеальную личность, как Христос, с такою многосторонностью и полнотою характера, который далеко превосходит многообдуманный анализ самых внимательных Его исследователей, так что люди и даже целые общества оказываются способными рассмотреть и усвоить едва только одну из чисто человеческих сторон Его: монахи видели в Нем идеал аскетизма, философы – человека, познавшего все истины, для благотворительных обществ Он, по словам Винцента де Поля, – величайший филантроп, для Иоганна Мюллера, историка-скептика, Он – разъяснение всей истории, а Наполеон, понявши и узнавши людей, познал, что Христос не есть человек. Кто бы мог возвысить простого Иисуса до Евангельского Христа, служившего, служащего и имеющего служить на все века предметом удивления, недомысленным идеалом человечества? Кто мог выдумать, изобрести, сочинить беспримерный, неподражаемо целостный и гармоничный, в высшем значении слова общечеловеческий характер Христа, кто вложил Ему в уста Его неподражаемые беседы и все Его Божественное учение? Кто бы мог измыслить Богочеловека и придать Ему столько предсказаний, исполнившихся с поразительнейшею точностью? Неужели же апостолы-евреи и их сотрудники, люди простые, неученые, сыны своего века и своего народа, разделявшие заблуждения и воззрения современного им общества, как и сами они об этом повествуют? Но даже если бы они были и гениальными людьми, то и тогда не могли бы создать столько предсказаний, поразительно верно исполнившихся и

исполняющихся. Если допустить, скажем словами одного учёного, что евангелисты выдумали Иисуса, тогда они явятся чудеснее Самого Христа. Никакие высокопросвещенные гении не могли создать такого Божественного идеала, каким изображается Иисус Христос в евангелии. Всякий идеал всегда соответствует человеку, создавшему этот идеал: как же апостолы могли создать совершеннейший идеал в лице Иисуса Христа? Такое Лицо, как Иисус Христос, должно было и жить так, как повествуется о Нем в евангелии: ибо, как говорит Вейс, «самая общая мысль о таком человеке в душе грешных людей уже была бы чудом, а жизненное изображение этой мысли, живое, наглядное, фактическое воспроизведение всех подробностей деятельности его, притом у писателей, первоначально необразованных и независимых друг от друга, была бы более, чем чудом, была бы чем-то невозможным». Но еще менее могли выдумать такой образ иудеи, – образ, который совершенно не соответствовал их идеалу Мессии или иудейского мудреца; этот образ стоял в самом глубоком противоречии со всем умственным и нравственным мировоззрением иудейского народа. Стоит только всмотреться в личности национальных лжемессий еврейского народа – Иуды Гавлонита, Баркоахеба; стоит только всмотреться в изречения и деяния чисто еврейских мудрецов – Гиллела, Гамалиила, чтобы убедиться, что в образе Иисуса Христа вовсе нет исключительных черт национальности, – а это необходимо было бы ожидать в изложении апостолов-евреев: они, без сомнения, даже против своей воли внесли бы в этот образ такие черты, которые необходимо обличили бы их. Большею частью, эти иудейские мудрецы-охотники до пустых казуистических споров, до хитросплетенных парадоксов, ревнивые спорщики за исключительные, национальные привилегии иудейского племени, фанатические борцы за букву закона... Словом, все они в большей или меньшей степени – отображения тех книжников и фарисеев, о которых говорится в евангелии и которые являются прямою противоположностью нашему Спасителю. Каким же образом иудеи, современные явлению христианства, додумались до того, чтобы создать характер, который во всех отношениях уклоняется от их национального типа и нимало не соответствует тем чертам, которые вследствие воспитания, обычаев, патриотизма казались современным иудеям самыми прекрасными, наилучшими и наиболее привлекательными чертами человека? Трудность признать такой характер изобретением уже составляет прямое доказательство историчности, т.е. несомненной действительности характера. Невозможно допустить этого и потому, что они рассказывают о

Христе такие вещи, которые (как, например, позорная смерть, подвиг в Гефсимании) в глазах иудеев и язычников могли только унижить Его. Конечно, они умолчали бы об этом, если бы захотели нарисовать в Иисусе Христе идеал совершенства. При этом они и себя унижали, чистосердечно признаваясь, что вполне разделяли заблуждения своих современников. Если бы, – допустим сверхъестественное, – и могли апостолы человеческое лицо Иисуса Христа возвысить до Божественного, то неужели не обличили бы их современники, не слышавшие и не видевшие ничего подобного рассказанному евангелистами? А это непременно случилось бы, так как евангелие сначала проповедовалось устно самими же апостолами и частью сотрудниками их. Могла ли и христианская Церковь принять евангельские писания, если бы они не были согласны с этой устной проповедью первых очевидцев? Возьмем во внимание также обстоятельства и способ проповеди собственно апостольской.

Апостолы проповедовали в то самое время, когда только что совершились евангельские события, и часто в тех самых местах, где события эти происходили. Неужели не обличили бы их слушатели, если бы они стали проповедовать что-либо небывалое? Евангелисты, далее, называют по имени города, села, семейства, даже лица в истории некоторых событий. Повествование, например, Иоанна нередко касается и малейших подробностей. Напомним только о правом ухе и имени раба Малха в XVIII гл., 10 ст. его евангелия (Ин. 18:10), что и на Ренана не могло не произвести впечатления правдивости. Этот именно характер правдивости, непосредственности, первоначальной подлинности и достоверности бесспорно и имеют наши евангелия. «Дух очаровательной свежести, – говорит Эвальд, – ощутительное дыхание непосредственной близости Иисуса Христа веет во всех евангелиях». «Как ясно, – говорит он в другом месте, – и как осязательно представляется нам образ Иисуса в евангелиях! Этого не мог выдумать никто из людей. Самые величайшие философы древности не могли начертать нам подобного идеала нравственного совершенства, а эти простые, неученые апостолы могли из обыденной истории создать чудную картину необычайных событий, как утверждает Штраус и его последователи. Мы, напротив, утверждаем, что образ Иисуса Христа в евангелиях может быть только копией с действительного оригинала». Конечно, можно сказать о человеке вообще, что он безгрешен, но как скоро станут действительно рисовать этот образ в его отдельных чертах, при жизненной обстановке, тотчас погрешающий дух человека выступит в таких чертах, который сами обличают свое происхождение. Так случилось с Иисусом Христом Ренана, имевшего пред

собою якобы и первообраз евангелия. Но что вышло из его измышленного идеала? Мечтатель, фантазер, мрачный исполин, далеко не стоящий на высоте нравственного величия... Вот дело рук человеческих! Даже известный скептик Жан-Жак Руссо, несмотря на то, что был противник христианства, как честный человек, должен был высказать признание, что евангелия носят на себе такой поразительный характер несомненной истины, что измысливший их был бы гораздо удивительнее, чем Тот, Кого евангелия описывают.

Как же простые, некнижные апостолы сами собою могли написать евангелия, в которых будто бы человек обыкновенный возведён на недостижимую высоту Божественного величия? На этот вопрос, как и на все предыдущие выставленные нами вопросы нет и не может быть ответа у тех, которые евангельские сказания считают недостоверными, не вполне историчными. Они отрицают достоверность евангельской истории единственно потому, что предубеждены против всего сверхъестественного, чего так много в евангелиях; но если они допускают возможность того, что совершенно необразованные и неученые галилеяне создали своею творческою фантазией недостижимо совершенный идеал нравственного совершенства для всех веков и народов, то они тем самым признают возможность чудесного, вышечеловеческого. Это первое.

Мало того, что апостолам, да и никому из людей, невозможно было создать Божественный, всесовершенный характер Иисуса Христа, – невозможно было создать им и такое высоко идеальное учение, как догматическое, так и нравственное, какое раскрыто в евангелиях. Даже противники христианства, если они захотят быть беспристрастными, не могут не сознаться, что нет религии в мире, которая бы своей силой, глубиной и ясностью могла хоть сколько-нибудь сравниться с христианской религией. Какое чистое и высокое в ней учение о Боге, Его отношении к миру и человеку: о троичности Лиц, о вочеловечении Господа, о искуплении, возрождении, освящении и спасении человека! Как совершенна нравственность, проповедуемая христианством! Подробное изложение догматического и нравственного учения христианства завлекло бы нас слишком далеко. Достаточно сказать о догматическом учении вообще, что только один Бог мог сообщить человеку такое возвышенное учение, а не слабый человеческий разум, создавший немало самых невероятных, уродливых религиозных учений. А о нравственном учении довольно сказать то, что сказал Кант: «Можно согласиться, что если бы евангелие не научило людей всеобщим нравственным законам во всей их чистоте, то человек со своим разумом до

сих пор не дошел бы до них с таким совершенством». К сказанному прибавим еще и то, что в христианской религии, в её вероучении и нравоучении человек может найти для себя ответы на все тревожные, неотвязчивые запросы своего ума и совести.

История мысли человеческой неопровержимо доказала, что в разумной душе человека с грехопадением воцарился не абсолютный мрак: в ней осталось еще живое стремление, неутолимая жажда знать то, что необходимо для сознательной и счастливой жизни, знать тайну бытия человеческого. Ее постоянно тревожили жизненные вопросы: отчего? как? для чего? Отчего я произошёл и какая причина моего существования? Откуда явился и этот мир, который в дивной красоте и целесообразности необъятно раскинулся пред моими глазами? Что такое я в этом мире, какое мое назначение и по отношению к себе и по отношению ко всему окружающему, и что я должен делать для выполнения своего назначения? Все это вопросы, за решением которых много и долго гонялся древний языческий мир, основал для этого много фарисейских школ, но кончил тем, что не только не решил удовлетворительно ни одного из этих вопросов, но, потеряв веру в объективную истину, усомнился даже в собственном существовании. И на все эти вопросы, вопросы души и жизни, мы найдем мудрые ответы в евангелии, найдём все существенно необходимое для разумного, мирного наслаждения дарованной нам жизнью, с сладостной надеждой на вечное блаженство за гробом. В евангелиях мы найдём для себя ясное и полное решение вопроса о значении и назначении нашей жизни, и указание жизненного пути, и укрепление нравственных сил, и отраду в скорбях. В евангелиях пылливый ум человеческий найдёт то, на чём ему должно основаться, чтобы познать истину и научиться отличать ее от лжи, добро от зла и при помощи таких знаний устроить свою жизнь ко благу и блаженству. Таково, веро- и нравоучение христианское, заключенное в евангелии. Действительно, нет и не будет другого учения, которое было бы глубокоумнее, святее, более общеприложимо и соответственно истинным потребностям души человеческой. Понятно поэтому, почему благороднейшие личности всех времен и народов находили в христианстве удовлетворение всех своих разумных потребностей. Понятно также, что и противники христианства отдавали ему в этом отношении справедливость и исповедовали истину нравственного величия христианства во всеуслышание (например, Руссо). Нечего и говорить о том, что простые, некнижные апостолы-иудеи не могли выдумать ни такого возвышенного учения веры, ни такого святого учения нравственности, – поэтому и с этой стороны защитники мнения о

недостоверности евангельских сказаний остаются безответными.

Итак, евангельские сказания не могут составлять идеализации авторов их, это, как видно из всего вышесказанного, совершенно невозможно. Надобно согласиться с тем, что наши евангелия написаны на основании действительных событий с совершенною точностью. При этом на вопрос: могли ли апостолы написать евангелия при помощи естественных средств, мы тоже без колебания можем ответить, что не могли. Апостолы были люди простые, неученые; писали они евангелия спустя долгое время после того, как совершились евангельские события, писали независимо друг от друга, в разных местах, в разное время, с различными, даже частными целями. Вдумываясь внимательно в эти обстоятельства написания евангелий, мы наталкиваемся на многие вопросы, которые неразрешимы при той мысли, что апостолы описали евангельские события, пользуясь лишь естественными средствами, – одни по преданию, другие по личному наблюдению, как очевидцы евангельских событий, – без особой помощи Божественной. В самом деле, как могли апостолы вполне согласно и так удивительно точно охарактеризовать Божественное Лицо Иисуса Христа? А между тем, это факт очевидный и ясный для всякого непредубеждённого читателя и исследователя евангелий. Еще вопрос: как могли апостолы верно и безошибочно изложить высочайшее, Божественное учение Иисуса Христа как догматическое, так и нравственное? В изложении этого учения у евангелистов нет ни одного противоречия, как должно бы случиться это и по указанным обстоятельствам написания евангелий и потому еще, что евангелия писаны разными лицами, из которых каждое могло иначе, по своему, понять евангельское учение. Этого не могли бы сделать евангелисты без особой помощи Божией.

Апостолы при помощи естественных средств не могли так безошибочно и точно написать евангельскую историю. У Иоанна, например, который, нужно сказать, писал свое евангелие позднее прочих евангелистов, находятся рассказы точные и последовательные изо дня в день, а при некоторых событиях указываются даже часы дня. Приведем несколько примеров. «Было около 10-го часа», когда два ученика и сам Иоанн здесь же пришли ко Христу (Ин. 1:39); «около 6-го часа» Христос беседовал с самарянкой (Ин. 4:6); «около 6-го же часа» Пилат накануне праздника сел на судейское кресло, чтобы произнести над Христом приговор (Ин. 19:13–14), имевший следствием искупление мира... Столь же точно, верно, истинно и согласно изображены в евангельской истории и некоторые другие лица и события. Стоит только сравнить, как Лука и Иоанн совершенно независимо друг от друга и вместе с тем совершенно

согласно изображают обеих сестёр Лазаря – тихую, задумчивую Марию и горячую, многозаботливую Марфу. Стоить, далее, обратить внимание на тонкие, живые и одинаковые у всех евангелистов характеристики всех личностей, встречающихся в истории страданий Господа. Еще более: мы не можем надивиться тому обстоятельству, как могли апостолы буквально запомнить и записать слова, изречения и особенно длинные речи и обращения Иисуса Христа к народу, к ученикам и к Богу, – например, длинную и возвышенную молитву Христа Спасителя, которая носит название первосвященнической (Ин. 18), или нагорную Его проповедь (Мф. 5–7), или изумительные Его пророчества о судьбе Иерусалима и кончине мира и проч. Все это решительно невозможно для людей и в частности для евангелистов, из которых двое не были и слушателями Иисуса Христа. Эти соображения достаточно уже говорят в пользу той мысли, что при помощи естественных средств апостолы не могли написать евангелий, хотя им и приходилось писать только, так сказать, копию с действительности. Высказанная нами мысль еще более подтверждается, если мы обратим внимание на самый литературный характер евангельских писаний. Вникая в этот характер, мы замечаем в них простоту и бросающуюся в глаза искренность и простосердечие. Нигде не видно, чтобы авторы желали отличиться фразой, или красотой слова, или научностью, или строгостью порядка хронологического и логического. Мы видим, что апостолы не умалчивают даже о собственных недостатках – о своей непонятливости, о своих взаимных разногласиях, о своих неправильных понятиях касательно царства Мессии, о своем маловерии, о своей иногда неуместной ревности; они говорят о неверии Фомы, об отречении и маловерии Петра, о честолюбивых замыслах, о неуместной ревности Иоанна, о предательстве Иуды и прочее. Человеку, предоставленному самому себе, человеку естественному такая самоотверженная откровенность решительно несвойственна и едва ли для него возможна. Евангелия при этом не подходят ни под какую форму словесных произведений человеческого ума, но сами составляют совершенство особой, неподражаемой формы.

Нельзя не обратить внимания и еще на некоторые особенности евангельских писаний. К этим особенностям нужно прежде всего отнести самый дух евангелий, который слишком наглядно возвышается над маловажными, житейскими предметами, над выражением обыкновенных чувств человеческих, над суетностью и самолюбием авторским. Тон евангельской речи в высшей степени спокойный, чуждый всякой аффектации; в прекрасных и благородных евангельских рассказах все

полно неизъяснимой прелести, дивной простоты и искренней правдивости. Видно, что писатели евангелий не имели в виду снискать одобрение читателей, или возбудить их удивление. О самых возвышенных действиях Иисуса Христа, о самых близких их сердцу событиях евангелисты говорят так просто и безыскусственно, как о явлениях самых обыкновенных. Так, евангелист Иоанн коротко и спокойно выражается о страданиях и смерти Господа: «Тогда убо Пилат поят Иисуса и би Его» (Ин. 19:1) и далее в ст. 18: «Идеже пропяша Его». О смерти Иисуса Христа Иоанн говорит совершенно спокойно: *Иисус рече: «совершишася» и, преклонь главу, предаде дух»* (Ин. 19:30). Так же выражаются и другие евангелисты, напр., Марк (Мк. 15:37): «*И пуць глас велий, издше*». Апостолы, мы видим, не употребляли никаких искусственных средств для того, чтобы более яркими красками изобразить или восхвалить своего Господа и Учителя. Какое, например, величественное, изумительное дело воскрешения Лазаря! А евангелист передает об этом событии так, как будто оно было самое обыкновенное, – без всяких вычурных фраз, без эффектных восклицаний, без громких похвал: «*Лазаре, гряди вон! И изыде умерый, обязан рукама и ногама укроем*» (Ин. 11:43–44).

Стоит теперь только сравнить с подлинными евангелиями – подложные, апокрифы, и мы увидим разницу между историей и басней, между истиной и ложью. В апокрифах, кроме заимствованного из подлинных евангелий, нет ничего похожего на евангелия; в них встречается, например, множество чудес, которые на беспристрастного читателя производят странное впечатление. Так, в одном из апокрифических евангелий рассказывается, что Иисус, будучи 5-летним мальчиком, слепил из глины 12 воробьев в субботу. Когда Иосиф стал упрекать Его в нарушении субботнего покоя, то Иисус ударил в ладоши, и тотчас воробьи сделались живыми и улетели. Довольно этого примера, чтобы видеть, как отразился на содержании апокрифических евангелий погрешающий разум человека.

К особенностям же евангельских писаний, недоступным для человеческих сил, нужно отнести и слог их. Евангельского слога нельзя найти ни в каком веке, кроме первого христианского, и ни у каких писателей, кроме евангелистов. Будучи иудеями, они писали свои евангелия в греческих странах на еврейско-греческом языке; чтобы приспособить этот смешанный, невыработанный язык к выражению новых, высоких идей христианства, они, видимо, боролись с трудностями дела и, однако же, в евангелиях оказалась неподражаемая сила и оригинальность языка: «Так, как могли говорить и писать евангелисты, –

говорит Герике, – никто другой не мог».

Таким образом, сказанным о литературном характере наших евангелий доказывается то, что простые, некнижные апостолы-евангелисты не могли сами создать той литературной формы и того священного стиля евангельского, которые оказываются неподражаемыми.

После всего сказанного остается заключить, что апостолы написали евангелия не иначе, как при содействии Духа Святаго, на что и есть ясные указания в евангелиях и других священных книгах Нового Завета. Не при помощи одних естественных средств писали апостолы свои евангелия: они писали в этих евангелиях, что знали, как знали и, главным образом, как внушал им Дух Святой обильное ниспослание Которого обещал и даровал им их Божественный Учитель.

1891 г.

Христос в христианине⁵

Время, предназначенное в предвечном Совете Божиим для приготовления рода человеческого к принятию Искупителя, истекало. Мир языческий в конечных результатах своей науки дошел уже до полного отрицания самой возможности познать истину и лежал в нравственных развалинах; мир иудейский искажил истинный смысл Божественного Откровения ветхозаветного, застыл в мертвой обрядности. Человечество сознавало всю необходимость нравственного обновления, перерождения и, не имея для того опоры в собственных нравственных силах, ждало Божественной помощи, ждало напряженно и томительно примирения с разгневанным Божиим правосудием. А между тем срок исполнения ветхозаветных пророчеств о Мессии уже близился к концу... И вот, в это исключительное, единственное в истории человечества время небесный вестник Гавриил благовествует Пречистой Деве Марии, благовествует о величайшем таинстве Божественного домостроительства, совершении всех пророчеств и обетований, осуществлении всемирных надежд и желаний, – о рождении от нее Спасителя мира.

Посольство и благовестие воистину великое, и самое рождение, возвещаемое им, есть рождение необыкновенное, от века неслыханное: *«Се Дева во чреве зачнет и родит Сына – Еммануила» (Ис. 7:14)*. *Како будет сие?* Как она зачнет – Безначального, родит – прежде всех веков Рождаемого? Как, наконец, Дева родит, когда она мужа не знает? И слышится в ответ Пречистой Деве: *«Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя»... (Лк. 1:34–35)*. Это – чудо неизреченное, это – тайна величайшая, в которую и ангелы приникнути желают (*1Пет. 1:12*). Посему-то и прибавляет Архангел, ссылаясь на Божественное всемогущество: *«не изнеможет у Бога всяк глагол» (Лк. 1:37)*. И этому чуду, совершившемуся для нас, суждено совершиться некоторым образом и над нами; эта тайна, возвещенная нам, должна повториться и в нас. Так должно: ибо тем путем, которым шел Начальник нашего спасения Иисус, тем путем необходимо идти и нам, спасаемым чрез Него.

Земное наше рождение дает нам и жизнь земную; от плоти рождается плоть, а не более; от человека, в его естественном состоянии, происходят и сыны человеческие, а не сыны Божии. А так как человек в самом основании своего бытия и во всем составе своем поврежден грехом, как печальным наследием от праотца Адама, то, по законам природы, и рожденный от человека рождается во грехе, зачинается в беззаконии.

Поэтому, чтобы перестать быть сыном человеческим, чтобы приобрести иную, небесную жизнь – в Боге и сделаться сыном Божиим, необходимо и рождение свыше (Ин. 3:7) – *не от крови, не от похоти плотския, мужеския, но от Бога* (Ин. 1:13).

Но подобно тому, как рождение плотское предполагает принятие человеком человеческого естества, отображение в рожденном образа родившего, так и духовное рождение от Бога есть приобщение *Божественного естества* (2Пет. 1:4), обновление и напечатление в человеке образа Создавшего его – Бога. Но *существенный образ Божий* (Евр. 1:3; Кол. 1:15) и, следовательно, высочайший образец для всех, желающих родиться свыше, быть сынами Божиими, есть Иисус Христос. Поэтому и духовное наше рождение собственно состоит в том, чтобы Христос вселился в нас или, по словам апостола, *вообразился в нас* (Гал. 4:19) и изобразился во всем нашем бытии, во всех силах и способностях духа. В естественном рождении от Адама мы получаем от него в наследие образ ветхого, земного человека, получаем ту же плоть и кровь, которую он имел, ту же суету ума, испорченность воли, развращенность пожеланий, болезни и немощи тела. Подобно этому, в духовном рождении от Бога в нас изображается новый, небесный человек И. Христос, от Которого мы, хотя не в равной с Ним степени, получаем тот же дух (1Кор. 6:17), который Он имел, тот же образ мыслей, возвышенность чувствований, святость пожеланий. Тайна такого перерождения духовного, образ совершения его – непостижимы для мудрости человеческой, но оно должно случиться со всяким христианином. И оно случалось со всеми теми, кто внимательно следил за своею внутреннею жизнью, – со святыми Божиими. Как мы живо ощущаем естественную нашу жизнь, так они живо ощущали в себе, испытывали собственным внутренним опытом духовную жизнь, это воображение в них Христа. Они жили каждый в своем мертвенном теле, но жили уже не сами, а жил в них Христос; их собственное начало деятельности, всегда у человека естественного греховное, было упразднено, а жила в них и действовала сила Христова.

«Живу не к тому аз – говорить ап. Павел, опытно познавший тайну духовного рождения, – живу не к тому аз, но живет во мне Христос, а еже ныне живу во плоти, верою живу в Сына Божия»... (Гал. 2:20).

И нет ничего удивительного, что это рождение и жизнь духовная невидимы, непостижимы, если то же самое с полною справедливостью должно сказать и про наше естественное рождение, естественную жизнь в их основании. Присутствие и той и другой жизни, и жизни естественной – плотской, и жизни свыше – духовной, становится ясным только по

проявлениям.

Братья-христиане! Воспомявая ныне великое событие Благовещения Богоматери, Св. Церковь от лица всех нас радостно призывает: «Днес спасения нашего главизна»!

Спасения... Но спасение не есть нечто помимо воли нашей усвояемое нам Богом; для получения его требуются от нас усилия воли, выполнение многих условий. Бог не спасет нас без нас... И первое, и самое главное условие нашего спасения есть духовное рождение, рождение свыше. Нам объявлено, что *«аще кто не родится свыше, не может видети Царствия Божия»* (Ин. 3:3); следовательно, если мы не исполним этого требования, то в нынешний день напрасно будем призывать, что днес спасения нашего главизна. Да, нужно родиться духовно. Мы знаем, что духовная наша жизнь в ее основании невидима для нас, непостижима и узнается только по внешним проявлениям. Итак, чтобы узнать, возрождены ли мы, чтобы увериться, обитает ли в нас внутренне Христос, посмотрим на наши дела, на нашу внешнюю жизнь, в которой для имеющих очи видеть достаточно ясно отражается жизнь внутренняя. Христос, Которому должно вообразиться в духовно-возрожденных, принес на землю совершеннейший нравственный закон, которого Сам был первым исполнителем; Он греха не сотворил ни единого; Он праведен есть; Он победил мир; Он не искал славы своея, но славы Пославшего Его: и истинно-возрожденный, сообразуясь Христу, исполняет Его нравственный закон; *рожденный от Бога греха не творит* (1Ин. 3:9), творит же правду, побеждает мир весь со всеми его прелестями, со всеми его ужасами, и все делает единственно для славы Божией. И если мы идем этим славным царским путем, если во всей своей деятельности, во всех поступках, чувствованиях и пожеланиях мы бываем подражателями Христа и, по выражению апостола, ходим так, как *Христос ходил есть* (1Ин. 2:6), – то, значит, мы возрождены духовно, мы – истинные чада Нового Завета, сыны Божии по благодати. Тогда, и только тогда, духовно возрожденные, мы в праве и в нынешний светлый и радостный день устами Церкви с особенным восторгом воскликнут: днес и нашего спасения главизна! Аминь.

Жажда духа⁶

Аще кто жаждет, да грядет ко Мне да пьет (Ин. 7:37).

Прошли века с тех пор, как возглашены были эти великие слова, и история вполне подтвердила всю их непреложность и истинность.

Прошли века, изменились условия жизни, двинулись вперед и наука и искусство, государства падали и возникали, одни народы сменяли другие – и на всем протяжении истории те, кто истинно жаждали, или кто сильно жаждали жаждою духовною, внимая Божественному зову: «*аще кто жаждет, да грядет ко Мне и да пьет*», приходили ко Христу и пили из источника Его.

Христианство преобразовало мир. Апостолы, эти некнижные ученики Христа, уловили в послушание Его царей и царства. Иначе быть не могло. Христианство – единственная религия всеобщая, вечная, не зависящая от условий пространства и времени, равно действенная в Европе, Азии и Америке, ныне, как и тысячи лет назад, влияющая благотворительно на людей всех возрастов и положений. И это оттого, что оно удовлетворяет в высшей степени всем духовным потребностям человека: душа наша, по выражению одного церковного учителя, по природе христианка. Оттого-то христианство победило мир, преобразовало человечество. Оно уменьшило ужасы войны, уничтожило рабство; оно во все отношения людей вложило святое начало любви и тем упорядочило жизнь государств; оно создало общественную благотворительность, которая принесла уже столько прекрасных плодов, отерла столько слез; христианство осватило супружеский союз, осватило семью, возвысило женщину; оно же, как истинный друг науки и просвещения, обогатило и облагодетельствовало ими мир, создало цивилизацию, ибо те народы только и цивилизованы, которые исповедуют эту Божественную религию.

Но не на это я хотел обратить ваше внимание, остановившись на словах Спасителя, слышанных нами в прочитанном ныне Евангелии: «*аще кто жаждет, да грядет ко Мне и да пьет*». Чтобы познать всю благотворительность этого Божественного зова, не нужно спрашивать, что сделала Христова вера для семейства, государства, вообще для человечества: об этом свидетельствует из века в век история. А многие, может быть, и не могут понять этого. Мы спросим об этом только душу нашу, которую Христос, искупивши, обновил, соединил с Собою и Божеством навсегда.

Без Христа мы жили бы в постоянных мучениях и в здешней жизни и

загробной, но единственно чрез Него мы будем жить блаженно во веки. Без Христа чем бы мы были, подавленные тяжестью собственных грехов, живущие на земле, проклятой в делах рук человеческих, уязвляемые терниями, которые растит она по повелению Творца своего. Грех есть причина и источник зла. И пока мы носим этот источник в сердце своем, до тех пор мы должны подвергаться неизбежным последствием зла в этом мире – скорбям и несчастиям. *«Беды во градах, беды в пустынях, беды в реках и море, беды от разбойников, беды от сродников, беды от лжебратии»*, говорит апостол Павел, исчисляя испытанные им бедствия (2Кор. 11:26). Сколько бы ни старались улучшить земную жизнь человека, сколько бы ни обставлял человек себя удобствами, ни улучшал общественные отношения, сколько бы ни холил свое тело, – он не избегнет скорби и страдания, ибо причина их часто не от него зависит. Болезни и немощи тела, обиды и несправедливости ближних, да одна страшная и неотвязная мысль неизбежной смерти способна отравить все, что измыслит человек для своего земного благополучия. И нет конца бедам и скорбям человеческим, потому что нет конца грехам нашим. К кому же обратиться нам со своими печальями, у кого искать утешения в несчастьях и страданиях, если душа жаждет отрады и упокоения от тревог и волнений?

Ты жаждешь? А Спаситель взывает: *«Аще кто жаждет, да грядет ко Мне и да пьет»*. Ты ищешь упокоения? Послушай: *«Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы»* (Мф. 11:28).

Итак, страждет ли дух твой от множества собственных беззаконий, подавлено ли сердце сознанием виновности пред Богом и людьми и нет тебе покоя от неподкупного стража – совести: приди к Иисусу Христу в основанную Им Церковь и, сам всем простив, получи разрешение от грехов чрез смиренного служителя Христа и Его Церкви.

Грозит ли гнев Божий с неба, и Господь, прогневанный грехами нашими, попустит глад, губительство, трус, потоп, огонь, меч, нашествие иноплеменников и междоусобную брань: приди ко Христу, приди, и умиловительной жертвой Тела и Крови Его воспользуйся. Со слезами и покаянием, с сердцем сокрушенным и смиренным пусть вознесется пламенная молитва множества народа при предлежащей на алтаре умиловительной и ходатайственной жертве Сына Божия. И Господь спасет люди Свои и благословит достояние Свое.

А если злоба человеческая, клевета и напасть, вражда и зложелательство обидят, оскорбят тебя, – о, против этого заповедано нам Христом поистине Божественное средство: молитва за врагов и

ненавидящих нас. Ты сомневаешься, может быть, в действенности этого средства? Нет, приди во храм и здесь пред лицом распятого Спасителя, молящегося за своих распинателей, помолись и ты за врагов с миром и всепрощением, и Дух Божий пошлет мир духови твоему, сердце наполнит утешением небесным, которого никто не может отнять у тебя.

А если скорбь у тебя, беда, печаль, несчастье, болезнь, – спеши под материнский кров Св. Церкви. Ей Христос, твой Спаситель, дал право и власть творить моления за людей и Сам обещал исполнение ее молений. Она не только в лице своих служителей помолится за тебя, но подвигнет на молитву с собою весь собор святых Божиих и Саму Царицу Небесную, Пречистую и Пресвятую Матерь Господа Иисуса.

Утомится ли дух твой заботами и попеченьями житейскими и будет, как горлица, искать себе покоя, и возжаждет душа твоя к Богу крепкому и живому, как жаждет елень источников водных, – услышь и внимли Божественному зову: *«Аще кто жаждет»*... Приди к Церкви: она облегчит тяжесть души твоей, богоносными ученьями наставит тебя, как жить в мире, возвестит тебе святой и царский путь спасения. Вступи на него и обретешь покой души своей.

А когда изможденное изнурительными трудами и болезнями самое тело твое будет уже недвижимо на смертном одре, дух готов будет разлучиться с ним и предстать в другой мир пред лице Божие, и ты, объятый смертными страхами, возжаждешь последних утешений веры, – приди ко Христу: и Его служитель словом утешений и обетований евангельских облегчит тебя, таинственным покаянием очистит, молитвою окрылит твою душу и поможет ей благонадежно совершить горный полет от земли к небу. В Пречистых Тайнах придет к тебе и Сам Христос, Бог и Спаситель и тогда, соединившись со Христом, ты скажешь дерзновенно с пророками: *«Аще и пойду посреди сени смертныя, не убоюся зла, яко ты со мною еси»* (Пс. 22:4).

Потом и вздох твой последний излетит, и погребут тебя, и тело твое предастся тлению, и пройдут над могилой века, но до конца времен, доколе не грянут трубы вестников скоро грядущего вечного мира, пока не сверкнет молния пришествия Сына Человеческого, – Св. Церковь в тайне святейшей и умиловительной Евхаристии со всем собором верующих будет умолять Владыку и Господа, да будет Он милостив к созданию Своему...

Аще кто жаждет сего, да грядет ко Христу и да пиет! Аминь

1892 г.

Уроки старого и нового года⁷

Еще один год ушел в вечность, прошел – и не возратить его ничем, никакими силами не возратить к бытию и одной его минуты. И все мы, старые и малые, и много прожившие и только вступившие в жизнь, одним шагом ближе стали к тому неминуемому концу, о котором нужно так часто думать, и так не хочется думать, который называем смертью.

Невеселые мысли на веселый день... И нельзя сказать, чтобы эти мысли как бы насильственно не заставляли нас сосредоточиться на них вниманием, и особенно теперь, в настоящий день Нового года. Ибо многознаменателен и поучителен настоящий праздничный день.

Богомудрый Царепророк Давид даже и в безмолвной смене дней и в немой последовательности ночей услышал некий глагол и некую торжественную проповедь, объявляемую миру на всех языках и наречиях.

«День дню передает речь, и ночь ночи возвещает знание. Нет языка и нет наречья, на которых не слышался бы голос их» (Пс. 18:3–4). Тем более есть проповедь в смене одного года другим. Что дал нам год старь, чем ознаменовался, что особенное внес в нашу жизнь? Старый год дал нам голод... Божиим попусшением, по выражению пророка, «отворилось небо над главою нашею медяным и земля под ногами нашими обратилась в железную; послал на нас Господь ярость и гнев и скорбь»... Целые миллионы наших собратий остались без куска хлеба; во многих местах нашей родины земля, проклятая в делах рук человека, не возвратила земледельцу буквально ничего из посеянного. Новый год застает нас в годину тяжелого народного бедствия. Надрывается сердце всякого русского, надрывается сердце всякого человека при мысли только о том, что приходится испытывать теперь многомиллионному населению несчастных, лишенному часто буквально куска насущного хлеба. Много об этом и говорилось, и писалось. Несчастье действительно велико, бедствие ужасно. И оно касается не одних только тех, кто действительно голодает, оно близко касается и нас, сытых и довольных... Некогда Спасителю сказали, что Пилат смешал кровь галилеян с их жертвами, – и Божественный Учитель даже и в этом бедствии, постигшем только несколько человек, указал нечто общее, относящееся ко всему народу: *«Думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян? Нет, говорю вам: но если не покаетесь, все также погибнете» (Лк. 13:2–3).* То же применить должно и к нам при настоящих обстоятельствах. Признаем в этом бедствии грозное знамение Божьего наказания. Вот наблюдатели над

русскою жизнью последних лет, правильнее – последних десятилетий, все единодушно говорят, что у нас стала падать религия, а это, известно, – вместе и могила нравственности; говорят, что наша наука забыла Бога, наша жизнь Его прогневала; что наше ученье, искусства, все способности наши были направлены к получению одних материальных благ. И вот *«открывается гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеков»*; *«скорбь и теснота на всяку душу человека, творящую злое»* (Рим. 1:18, 2:9).

Господь показал нам, как ненадежны те блага, за которыми мы, как дети за красивыми игрушками, гонялись, в которых полагали и цель и лучшее украшение нашей жизни. Можем воочию убедиться, как легко без помощи Божией очутиться в безвыходном положении, без куска хлеба, хотя все усилия наши во все предшествовавшие годы жизни, все средства науки, – чуть не все в нашей жизни, по-видимому, всецело направлено было к тому, чтобы приобрести побольше этого хлеба. Подобно оному приточному богачу, мы ставили идеалом и частной и общественной жизни только одно: разорить житницы свои и большие создать, собрать туда вся жита своя и благая своя; в своем служении культу мамоны, в своем поклонении пред экономическим благосостоянием народа мы, подобно этому безумцу, смешивая даже душу с чревом, восклицали: душе, почивай, яждь, пей, веселися. «Зачем нам религия, к чему все духовное? Нам нужно то, что существенно, что только и необходимо, словом, едино на потребу: хлеб и питательная пища, а в этом, мол, мы обойдемся и без помощи небес». Так говорили, да и доньше говорят некоторые... безумцы. И вот один только год гнева Божия, одну только весну и лето, только несколько месяцев медяного неба и железной земли, только немного времени гнева и ярости – и что же видим? Что защитит нас и спасет от гнева Божия? Пусть теперь наука повелит облакам небесным пролить дождь на землю, пусть изощренное искусство исцелит неблагоприятный воздух, пусть вся мудрость и сила человеческая, соединившись вместе, произведут вновь изобилие плодов земных, которых Бог лишил, пусть заставит землю послушаться голоса их, хотя бы во имя ее (земли) собственных законов, которые человеческая мудрость, как хвалится она, в таком совершенстве изучила! Увы, мудрость человеческая не раз заявляла во всеуслышание мира, что в открытых ею мастерских руками ученых ее служителей ни в какой ученой лаборатории она не может произвести искусственно даже сотой части жизненного зерна... А что если Бог не престанет в гневе, что если и новый год несет то же, что дал уже старый? Ведь мы-то сами сделаемся ли лучшими в новом году?..

Но довольно о сем. Услышим же, что вещает старый год новому? Чему учит нас? Что делать нам в виду указанных явных знамений гнева Божия? Поучимся у года старого, и не у одного, а у целой совокупности старых годов. Те же наблюдатели над жизнью русского народа, которые указывают нам темные стороны современности, говорят, что русский человек всегда был крепок и несокрушим твердою верою в Бога, надеждою на Его бесконечную благость. Молитва веры склоняла не раз Божию милость к русскому народу, и он перенес все ниспосылаемые ему тяжелые испытания, часто тягчайшие настоящих, от татарского ига до последнего нашествия 20-ти языков, перенес – и не погиб. И теперь, делая все зависящее от нас, чтобы по мере сил облегчать общегосударственную горе, вспомним о Боге, Которого, может быть, мы не раз забывали в суете сует жизни, и на Его милость и помощь возложим больше всего упование. *Господь Иисус вчера и сегодня той же и во веки*, говорит апостол (Евр. 13:8); подобно человеку, Он не бывает ныне милостивым более, а завтра менее.

И если Он исцелял во время земной Своей жизни больных, утешал печальных, чудесно насыщал голодных, то и ныне Он, оставшись неизменным, может сделать то же. Угодна Ему и ныне молитва веры, окрыленная спасительною надеждою, споспешествуемая любовью и делами любви. Преклонит Его на милость наша беспредельная преданность, горячая мольба, совершенное упование. Лишь бы мы, люди Его, достояние Его, были достойны милости. Лишь бы мы, умея различать и рассуждать лицо неба и земли, могли и умели познавать знамения времен и уроки в них Промысла (Мф. 16:3). И прежде всего о том свидетельствуют нам эти знамения времен, что мы должны побольше горнее мудрствовать, а не земная, искать прежде всего Царствия Божия и правды Его, веря, что все остальное приложится нам. Интересы религиозные, духовные, заботы о поднятии в нас уровня нравственного развития, мысли о небе и вечном спасении должны иметь больше места в нашей жизни. А затем и о том свидетельствуют эти знамения времени, что Господь, наказав нас, дал нам и возможность исправиться, заставив нас задуматься над своим нравственным состоянием и увидеть его несовершенство, внушая нам желание исправиться и идти путем добродетели, даст нам и возможность осуществить свое желание и показать его на деле. Голод есть наказание Божие, но вместе и способ испытать нас сытых и довольных, тронемся ли мы видом чужого страдания, двинемся ли на помощь. Не любим словом и языком, но делом и истиною. Если кто скажет, что Бога любит, а ближнего своего не любит,

тот, по свидетельству апостола, – лжец (1Ин. 4:20). Правда, помощь оказывается, в помощи участвовали и участвуем и мы, но и опасность еще не миновала, беда не прошла, испытание Божие не кончилось. Правда, с тех пор, как с высоты Царского престола дан был пример великодушия и готовности помочь страждущим братьям, в беде сущим, все сословия народа нашего выказали готовность подражать высокому примеру, со всех мест нашей родины потекли рекою пожертвования, и здесь и наш край, и наш город, и мы не отставали от других. Но есть опасность, как бы это не было минутным порывом, временным увлечением; есть опасность, как бы это не свелось к формальному исполнению предписания долга, внешним образом понятого. Нравственно добрая деятельность должна войти в наши нравы и привычки, милосердие должно являться не как следствие минутного порыва, а как результат целого направления нашей жизни и деятельности. Нужно, чтобы не благотворить и не милосердовать для нас было невозможностью. Не на иное что, а именно на это указывает Спаситель, когда учит, что в делах милосердия левая рука не должна знать, что делает правая. В средствах воспитания такого направления, в средствах и возможности применения добрых последствий его на деле недостатка не будет, а в настоящее время, при страшном народном бедствии, особенно, а в нашем городе тем более, когда существуют такие благие, истинно христианские учреждения, как бесплатная и дешевая столовая, приют для детей, убежище для бездомных, для беспомощных стариков и т.д. Добрые люди основали их, добрые люди и доселе поддерживают их своими средствами, властью и влиянием, поддержим их и мы, насколько и чем можем. Учреждения эти в настоящем году не ограничивают своей благотворительной деятельности только местными бедняками; всякий, пришедший из мест, постигнутых бедствием неурожая, находит здесь себе приют и необходимое пропитание. Помощь Братству, содержащему эти учреждения, является таким образом не только делом христиански благотворительным, но и патриотическим.

Без всякого прекословия, в старом заключается семя нового; без всякого сомнения, новое должно жить уроками старого, если желает твердого основания и доброго плода своей деятельности и если не руководится философией, свойственной бессловесным: «станем есть и пить, ибо завтра умрем» (1Кор. 15:32).

Пусть же в настоящий день, день Нового года, будут нам особенно памятны уроки старого.

Бессмертие⁸

Вчера мы слышали в одной из паремий за вечерним богослужением: Некогда богомудрый Исаия видел Господа на престоле высоком и превознесенном, окруженного Ангелами славы; видел и ужаснулся. Ныне Симеон праведный видел Того же Господа, под убогими пеленами на своих объятиях лежащего, видел и, в ожидании предлежащего Ему подвига смерти, – возрадовался. Различны чувствования обоих праведников, но дают они согласный и единомудушный урок. И тому и другому надлежало умереть; но Исаия, живший за 700 лет до Христа, хотя и зрел пророческим оком спасение людей, но зрел его еще в отдаленных веках, и самому ему, как и всем ветхозаветным людям, носившим печальное наследие греха и проклятия Адамова, предлежало сойти во ад. Симеон жил на заре Нового Завета; ему суждено было увидеть *спасение* человечества своими очами; он знал, что загробная будущность ему не страшна, он не боялся смерти, ибо вот родился Тот, Кто сказал: «О, смерть! Я твоя смерть; о, ад! Я твой разрушитель». Так, истина бессмертия нашего духа не есть нечто отвлеченное, бесплодное: Симеон доказывает это. Бессмертие наше есть истина жизненная, захватывающая все стороны существования и деятельности человека.

Никто, конечно, не станет отрицать, что полезно, хорошо и даже необходимо приобретать знания и стремиться к нравственному усовершенствованию, но все это понятно и целесообразно только при вере в бессмертие, когда мы знаем, что порывы нашего духа найдут свое развитие в другой жизни, что там мы достигнем истинного ведения, полного знания, удовлетворительного решения тех тревожных запросов нашего сердца, которые здесь, на земле, остаются безответными, когда мы уверены, что пламенное стремление наше к совершенству там, на небе, найдет себе, наконец, полное удовлетворение. А без этой мысли, без мысли о бессмертии, к чему крушиться духом? К чему целую жизнь учиться, стремиться к знанию, если мы видим, что никто из самых ученых, из самых разумных людей пред концом своей жизни не мог сказать, что он обладает знанием, что ему все ясно, все понятно? Положим, человеку присуще стремление к совершенству: но ведь идеал совершенства недостижим уже по тому одному, что он – идеал. К чему же в таком случае стремление к совершенству? Зачем же гоняться за тенью, убивать жизнь на бесплодные искания призрака? Если за смертью – конец всему, если нет бессмертия, то не лучше ли, не последовательнее ли предаться

плотоугождению, подчиниться самым первым своим наклонностям, побуждающим нас прежде всего к удовлетворению своих естественных физических потребностей?

Не правда ли, что хорошо любить ближнего, хорошо быть другом людей? Это голос разума, это голос веры. Но без мысли о бессмертии, к чему все это? Для чего это я должен жертвовать своим благом, уделять часть своего благосостояния, заботиться о своем ближнем? Жизнь проживу с лишениями, а потом помру, и прекратится совершенно мое существование... Не лучше ли хоть эту-то жизнь провести с удовольствием, достигнуть возможного счастья: пей, ешь, веселись, завтра умрешь. И счастье-то выходит скотское, животное; тогда не прогневайся, ближний и брат, если и ты сделаешься пищею людей, любящих есть и пить. Не то при вере в бессмертие; мы знаем, – любовь не умирает, мы перенесем ее в жизнь загробную, мы знаем, что любовь – условие совершенства, что любовь отворит нам двери заключенного рая, приведет нас в общение с Богом, Который есть сама Любовь, значит, доставит нам счастье...

Но еще хорошо, если при отсутствии веры в бессмертие можно, хотя и путем низведения себя до степени животного, устроить себе на земле, допустим, счастье, если будут средства удовлетворить свои потребности. Но для многих ли это возможно? А если нужда, а если лишения, страдания, голод, холод, а если болезнь, огорчения, – эти печальные спутники нашей горькой жизни? Тогда что? Что же другое, кроме самоубийства? Верующему же в бессмертие и среди этого мрака страдания блещет луч надежды на будущую жизнь; эта надежда окрыляет, бодрит его, поддерживает на пути к достижению небесного отечества.

А придет время умереть, и здесь нет у верующего ни ужаса, ни отчаяния. Ужаснулся Исаия при мысли об отходе своем из жизни, но он верил все-таки в пришествие, хотя и не близкое, Христа, Победителя ада. У неверующего же в бессмертие, как бы он ни кончил жизнь, что будет в душе при мысли о близкой смерти? И вообще-то мысль о неизбежности смерти отравит ему и то счастье, которым он пользовался, уподобившись скотам несмысленным; скоты хоть не сознают того, что умрут, он же никакими усилиями воли не вытеснит из сознания этой гнетущей мысли, а в виду близкой смерти глухое отчаяние, бессильная злоба, злоба безвыходная создадут ему уже здесь, на земле, ад, который он унаследует и после смерти.

А человек, истинно верующий в бессмертие, умрет спокойно, предвкушая блаженство рая. Неоткуда явиться ни злобе, ни отчаянию.

Смертный Сын земли знает, что он сделается вечным гражданином неба, что конец земной жизни будет первым шагом жизни загробной, в которую бесстрашно он может вступить, так как, руководствуясь в земной своей жизни мыслью о бессмертии, помня свое высокое назначение, он сообразно с этим располагал и устраивал свое земное поприще, эту предуготовительную ступень к загробному существованию.

Тогда, в смертный свой час, когда бы час этот ни последовал, он со спокойным сердцем обратится к Творцу своему, к Которому стремилась душа его, как жаждущий олень к источникам водным; обратится с теми высокими, превосходными словами Симеона Богоприимца (Лк. 2:29), который вот уже почти два тысячелетия своею мыслью о бессмертии утешают и восхищают чудною отрадою скорбное сердце всякого христианина: *«Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром»*... Аминь.

У гроба доброго отрока⁹

Человек, яко трава; дни его, яко цвет сельный: тако оцветет; яко дух пройдет в нем и не будет, и не познает к тому места своего.

Много раз слышали мы это в церкви при богослужении, не один раз говорили и настоятельно напоминали про эти уроки, преподаваемые вам и в классах, и здесь, в храме, с высоты сего священного места. И вот вам наглядный пример: человек, как трава, его дни, как цветок полевой; придет к нему смерть, как неожиданный в поле ветер, сокроет его могила, и потом не узнать и места его! Да, не одна старость с неизбежными болезнями и страданиями, не одни войны, мор, голод, не потоп один, огонь молнии, или другие какие-либо незначительные обстоятельства несут смерть и могилу: нет, и среди другой обстановки, в молодые годы, в чертогах, среди тихой, беззаботной жизни, и правильной и разумной, и при видимой крепости сил телесных и при других благоприятных условиях может раздаться голос: *«Жених грядет. Выходите на встречу!»* (Мф. 25:6). И блаженны рабы те, которых найдет Господь готовыми; блаженны девы те, разумные, предусмотрительные, которые ожидали Его пришествия!

Вот и этот почивший отрок: жить бы ему да жить, а между тем ничто не удержало его и не избавило от смерти: ни молодой возраст, ни видимая живость, подвижность – признаки здоровья, ни любовь и попечения, которыми он был окружен в семье, ни усилия человеческого искусства. Пришел час печальный и гость неожиданный: и до последних минут жизни даже родители не верили в возможность и необходимость рокового исхода.

Но блаженно шествие его в горнее отечество! И смерть его не один только урок дает нам, не одно напоминание о близости смерти, о возможности для каждого из нас неожиданно переселиться в другой мир. Смерть его учит нас и как нужно готовиться к смерти, как достойно жить и как по христиански умереть.

Почивший был хороший ученик, но еще более он был хороший христианин. Это был религиозный, верующий мальчик. Оттого-то и до болезни, и во время болезни своей он расположил себя так, что смерть является для него ныне радостью о Христе, несет с собою счастливую уверенность в блаженстве вечном, а не страх пред грядущим судом. Как человек, в мире живущий и плоть носящий, он не был, разумеется, совершенно чужд греха; но он внимательно следил за собою, за своим

нравственным состоянием, вспоминал старательно все, что делало душу и сердце его нечистыми пред Богом: за то и исповедовался он так, как редко приходится видеть духовному отцу. Советы, которые давались ему для усовершенствования нравственного, он выполнял не как советы, а как непреложные приказания. Конец венчает дело: последние дни жизни показывают, какова была эта жизнь. Так при закате солнца можно хвалить день, по созревшим плодам можно судить о достоинстве дерева. Да, последние дни жизни этого усопшего отрока назидательны и поучительны. Дни его болезни были непрерывной молитвой к Богу. Он, по слову апостола, желал со Христом быть, и душа его стремилась к Богу, как лань стремится к источникам водным. Он умер с верою и надеждою, умер примиренный со своею совестью, напутствованный покаянием и принятием Таин Христовых. Тяжело родителям хоронить сына, тяжело и нам всем стоять у этого гроба, над этим безвременно покидающим мир отроком. Но мы, зная его добрую кончину, уверены, что он счастлив, он будет там, где дай Бог быть каждому из нас. Помолимся же усердно об упокоении души его, а уроки, вынесенные нами из краткого знакомства с его жизнью и смертью, запомним и постараемся осуществить в своей жизни. Аминь.

1893 г.

Усердие труда¹⁰

Никто, возложивший руку свою на плуг, и озирающийся назад, неблагонадежен для царствия Божия (Лк. 9:62).

Эти слова сказаны Господом Иисусом Христом человеку, изъявившему желание быть последователем Его, но в то же время жалевшему о своих житейских делах и привязанностях, с которыми теперь надлежало расстаться. Эти слова Господа приложимы и ко всякому делу. Особенно применимы они к вам, юноши и дети, в вашем настоящем положении, и к тому делу, на начало которого мы собрались испросить благословение Божие в этом святом храме. Вот и вас привели сюда, и не к кому иному, как к Господу, ибо мудрость, которую вы здесь ищете, истина Христова, исходит от Него, Источника и Подателя мудрости, и возвращается к Нему же. Всякое доброе наставление, нравственное поучение и *всякое даяние благо и всяк дар совершен сходит свыше и от Него же, Отца Светов, в Коем тьмы несть ни единыя* (Иак. 1:17): из Того и Тем и к Тому всяческая! Привели вас сюда и поставили пред лицом Бога живого, чтобы вы, просветив богодарованный ум познаниями, согрев сердце любовью к Богу и ближнему и обучив волю следовать Закону Божию, благому и совершенному, вышли из этого святилища науки, и светом своей жизни светили тем многим, которые, обладая такими же, как ваши, а может быть и большими дарованиями и достоинствами, не имеют счастливого вашего удела, не могут получать того образования, которое дается вам, как дар, без всякой заслуги с вашей стороны, по воле и милости Бога, по любви и заботливости о вас родителей. Вы имеете быть солью земли, светом миру. Поймите же, как велико ваше призвание, как важно приготовляющее к сему призванию дело, к которому мы теперь приступаем. И не уподобляйтесь тому лживому рабу, который закопал врученный ему талант в землю, не сделав из него никакого употребления, – не сгубите данных вам от Бога способностей, не потеряйте великого дара – возможности учиться – праздностью, леностью, шалостями. Учитесь, трудитесь: в этом долг наш, в этом вместе и высокое наслаждение. Взявшись за плуг, не озирайтесь назад: время дорого, время пахоты и сева, весной упущенное, потом ничем не возвратите, ничем не купите. А ваш возраст, время, вами переживаемое, можно действительно сравнить в этом отношении с весной для пахаря: пройдет ваше отрочество и юность, пройдет быстро и незаметно, и при всем желании тогда не вспашешь, не посеешь. С грустью будете после вспоминать об этом времени, будете

жалеть о том, что оно праздну растрачено, но и только: потерянного не найдете, упущенного не возвратите. А это оттого, что работа, предстоящая вам, совсем не такая, как всякая другая работа. Худо построен дом, – его можно перестроить; дурно выполнен заказ, – его можно переделать, а то, что вырабатывается из человека в период его воспитания и обучения, переделывать очень трудно, часто невозможно. Здесь приобретаются познания с удобствами и легкостью, а после их нужно добывать с большими трудами и усилиями; здесь вкореняются привычки, борьба с которыми потом не всякому под силу, здесь складываются такие черты характера, которые потом изменить чрезвычайно трудно: и добродетели, и пороки, здесь приобретенные, остаются часто на всю жизнь. Кто здесь возлюбил лень и праздность, кто не умел уживаться с товарищами, не приобрел навыка повиноваться старшим, а привык к грубости, дерзости, неповиновению, высокомерному пересуживанию своих учителей и воспитателей, тот чаще всего таким остается и в жизни, а жизнь, дети, не то, что школа, всегда покрывающая ваши недостатки любовью, исправляющая их духом кротости и милости: жизнь часто карает жестоко, выскивает сурово и беспощадно.

Еще раз гласом любви взываем к вам: учитесь, трудитесь; сознавайте важность лежащих на вас обязанностей, высоту вашего призвания. Серьезно отнеситесь к своему делу. Воспитание юношества привлекает к себе внимание всех; им с болью сердца заняты ваши родители, о нем заботятся государство и общество, и на ваших глазах в учебных заведениях предпринимается ряд мер, направленных к вашему облегчению. Чтобы дело обучения вашего и воспитания шло успешнее, поставлено было целесообразнее, начальство учебное и высшее, и ваше непосредственное – ваши учителя и воспитатели, – все несут тяжелый труд для вашего преуспеяния умственного и нравственного. Вы ли одни среди этих забот и хлопот будете равнодушны к этому святому делу, которое ближе всего касается вас самих?! Да не будете! Призовем же Божие благословение на наши труды и примемся за них с любовью, со всем усердием и вниманием, примемся бодро и решительно, не боясь, а радуясь труду; тщанием не лениви, духом горяще, Господеви работающе; возложив руку на рало, не будем озираться назад, и тогда Господь, не отринувший некогда детей, приносимых к Нему, и благословивший их, не отвергнет и наши молитвы, благословит наши труды и дарует всем нам увидеть счастливый конец и добрые плоды того дела, начало которому сейчас мы полагаем в Его святом храме, в надежде на Его помощь, в честь и славу Отца и Сына и Духа Святаго. Аминь.

Хороший ученик¹¹

Целует вы Лука, врач возлюбленный (Кол. 4:14).

В настоящей день, посвященный Церковью памяти святого апостола и евангелиста Луки, мы вспоминаем годовщину основания нашей гимназии, 56 лет назад в этот самый день открытой в личном присутствии в Бозе почившего Государя Императора Николая I-го. Так перст Божий указал нам на св. Луку, как на небесного покровителя нашего учебного заведения. К нему, к его жизни и деятельности, и обратимся за назиданием в сегодняшний торжественный праздник. За сведениями о жизни и деятельности апостола естественнее всего обратиться к его священным творениям – к Евангелию и к книге Деяний Апостольских. Но напрасно искали бы мы здесь какого-либо указания св. Луки на себя и на свою жизнь. Апостол был скромн и смирен сердцем; даже в таких случаях, когда, по-видимому, по ходу повествования невозможно обойти молчанием своего присутствия и участия в событии, и тогда св. Лука умеет скрыть свое имя. Но и то, что мы знаем о св. Луке из мимолетных и кратких замечаний о нем его учителя – св. апостола Павла, и из немногих преданий о нем, оставшихся в творениях древних отцов и учителей Церкви, делает жизнь его и деятельность глубоко назидательными. Да, не без причины 56 лет тому назад отдали нас с вами небесному покровительству св. Луки. Он в особенности близок к вам, учащиеся юноши и дети; и его жизнь и нравственные качества имеют полное приложение к вашему теперешнему состоянию. Он, подобно вам, был человеком науки¹²: апостол Павел называет его врачом¹³, предание церковное указывает на него, как на человека, получившего основательное образование в ученом центре своего времени – городе Антиохии¹⁴, как на знатока Иудейского закона, греческой философии, как на языковеда и, наконец, художника¹⁵. Все это можно заметить и из его писаний, которые изобличают в нем высокое знание языка и умение писать с соблюдением принятых между образованными людьми того времени литературных приемов.

Но не из одной науки почерпается истинная мудрость, и не одна наука может сделать человека человеком: без религиозного образования она светит, но не греет, без нравственного развития она делает человека односторонним и приносит вместо пользы вред. Так, когда растение открыто действию солнца, а почва, на которой оно растет, лишена необходимой влаги, то и солнце, обыкновенно благотворное и

необходимое для растения, на этот раз иссушает и убивает его. Подобным образом и душа наша, развив силы ума, но пренебрегши развитием сердца, делается сухой, черствою, себялюбивою. Не из одной науки языческой почерпнул истинную мудрость и св. Лука. Он слушал Господа Иисуса Христа, и семя учения Его пало на добрую почву. Он не был избран в число 12 апостолов, но посылаем был Господом в числе 70¹⁶ других учеников Его. Напрасно мы искали бы в Евангелии смиренного Луки свидетельства о себе, указания на его чувства к Господу Иисусу Христу, но его любвеобильное сердце, его глубокая привязанность к Господу видна из тех слов, которые принадлежат ему в повествовании о явлении Воскресшего Господа двум апостолам на пути в Эммаус в первый день по воскресении Христовом. Древность единогласно признает одним из этих путников самого евангелиста Луку¹⁷, хотя сам он, наименовав другого путника – Клеопу, о себе умалчивает с обычной скромностью. Путникам является Христос, но не узнается ими; Он спрашивает их о предмете их беседы и о причине того горя, что написано у них на лицах. Видно, велика была скорбь апостола, когда он заплаканными глазами, растерзанным сердцем не узнал своего, только что умершего Учителя¹⁸. И какое глубокое горе слышится в его ответе вопрошающему: *«Неужели ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни?... Что было с Иисусом Назарянином, Который был Пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всеми людьми... Как предали Его первосвященники и начальники наши на осуждение смерти и распяли Его. А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля¹⁹»*... На любовь ученика и Господь отвечает любовью, и утешает его чудесным даром ведения писаний и радостью неизглаголанною, когда Он познался ему в преломлении хлеба²⁰.

Но скоро св. Лука, вследствие гонений на христиан в Иерусалиме, отправляется в родной свой город – в Антиохию, и несет ему в благодарность за воспитание самое великое в мире сокровище – веру Христову. Исполненный Духа Святаго, мог и он вместе с другими апостолами выступить на самостоятельный путь благовестия Христова. Но нужное, любвеобильное сердце его указало ему путь жизни другой, менее славный, смиренный и безвестный, но бесконечно высокий и ценный в очах Божиих: он делается учеником и спутником св. апостола Павла²¹, – и какой это был ученик! Он разделял с апостолом языков его тяжелые путешествия, его опасности, его страшное кораблекрушение; он посещал его в тюремных заключениях, сначала в Кесарии, потом в Риме. В то время, когда свирепый Нерон воздвиг гонение на христиан, когда на этих

безвинных страдальцев возведено было обвинение в поджоге Рима, когда христиан зашивали в шкуры зверей и отдавали на растерзание, а других обертывали горючими веществами и, зажигая, устраивали из них живые факелы в увеселительных садах Рима, – в то время, когда началась эта страшная жизнь, которая должна была окрестить кровью новорожденную Церковь Христову, когда язычество упивалось этою кровью сынов Божиих, – в это время великий Павел томился в римской тюрьме²². Христиан искали, чтобы на них обратить месть народа за поджог Рима; во главе обвинителей стоял сам император, которого молва народная обвиняла в поджоге города; один сочувственный взгляд на Павла, разговор с ним, посещение его темницы способны были выдать христианские убеждения и подвергнуть страшной участи быть замученным. В это время все оставили престарелого и больного узника – апостола, сердце которого жаждало утешения и общения с близкими, но не оставил его Лука²³, его преданный Лука, врач возлюбленный²⁴, которому выпало теперь на долю врачевать и душевные тревоги великого апостола. Вот что пишет св. Павел Тимофею, другому своему ближайшему и возлюбленному ученику: *«Я уже приношусь в жертву, и время моего отшествия близко... Приди ко мне скоро. Все оставили меня... Один Лука со мною»*²⁵. Так во всех злключениях и горьких невзгодах великого Павла неизменной отрадой, постоянным утешением, постоянною земною радостью было для него благородное сотоварищество, верная преданность, неизменная любовь ученика – св. Луки. Он же, Лука, сделался жизнеописателем Павла, ни одним словом не обмолвившись о себе; он, наконец, по свидетельству древнего предания, и смертью своею запечатлел в Риме преданность и любовь к своему учителю²⁶. Он усвоил себе его учение в совершенстве, он мыслил его мыслями, говорил его словами, так что его Евангелие долгое время безразлично называли то именем его, то именем Павла²⁷.

Скажите теперь, не образец ли это ученика, которым могут радоваться все учителя всех времен и подражать которому могут наилучшие ученики всяких школ? Примите же себе, дорогие питомцы, св. Луку за образец своих отношений к вашим наставникам и воспитателям и вообще к тому учебному заведению, в котором вы обучаетесь. И прежде всего научитесь, с одной стороны, смирению и скромности в суждении о себе, о своих познаниях, успехах и способностях, с другой – почтению и уважению к воспитывающей вас школе. Знайте, что как сытый не думает о пище, так гордый не думает о своем усовершенствовании, а в деле умственного и нравственного развития тот, кто не идет вперед, неизбежно идет назад. Вы поступили сюда учиться, а не учить: доверьтесь же вашим

руководителям, отдайте им свое сердце, подчиняйтесь требованиям школы, а не обсуждайте их высокомерно. Нет ничего легче, как осуждать и порицать, но как часто в этом сказывается самое глубокое невежество и непонимание! Помните, что учебно-воспитательный строй школы не вчера явился, он опытом оправдан и всецело задуман и рассчитан в целях вашей пользы; помните, что *блажени нищии духом*, т.е. смиренные, что только *алчущие и жаждущие истины насытятся ею*²⁸. При таком отношении к школе все мы будем составлять как бы одну большую семью, дружную, сплоченную, крепкую и оттого успешную в делах. Тогда, само собой, вы будете беречь честь школы, не станете ронять ее в глазах других ни словами, ни действиями. Любовь к школе останется у вас на всю жизнь и, поверьте, принесет вам и теперь и в будущем много пользы и утешения. Те, которые в годы учебы не относились к воспитывающему их учебному заведению с любовью и почтением, сами не знают, какого драгоценного дара они лишаются. Всякая школа, как учреждение живое, имеет свой облик, свои предания, свое особое, как бы таинственное, благотворное воздействие на учащихся: но тайна эта открывается любви и преданности и сокрыта от равнодушия и холодности, и вот причина того, что часто люди *«от нас изыдоша, но не беша от нас»*, у нас учились, но духа заведения себе не усвоили.

Любовь к учебному заведению поможет вам в настоящем усвоить с успехом то, что оно предлагает вам, а в будущем – остаться верными тем заветам, которые оно внушало вам в годы детства и учения. Не мне бы, младшему по возрасту и менее опытному из семьи ваших учителей и воспитателей, определять дух и заветы нашей школы, но они достаточно известны и не составляют тайны: тайна – в усвоении их и приобретении, и тайна эта, повторяю, открыта любви и преданности. Религиозность и трудолюбие – вот что завещает наша школа своим питомцам, вот что считает она необходимым условием успешности дел ваших в настоящем и залогом счастья и спокойствия и успехов в будущем. Сохраните эти заветы, умрите с ними. Как тяжело, до слез тяжело иногда видеть, что юноша уходит от нас полным сил и подает самые лучшие надежды, а чрез несколько времени встречается нам уже знакомым с пороком, равнодушным к святой нашей вере, почти неспособным к труду! Это верный признак, что юноша не имел любви и преданности к школе нашей в годы учений. Иначе он не растерял бы так скоро лучших даров своих, не был бы так слаб при встрече с соблазнами и испытаниями. В любви великая созидаящая и спасающая сила!

Да будет же у вас пред очами живой образ святого апостола и

евангелиста Луки. Он своею кротостью, послушанием, любовью и преданностью стяжал себе любовь своего первого Учителя – Самого Господа Спасителя, и чрез это постиг Его святое учение, которое и оставил нам в своем евангелии; он был возлюбленным учеником и другого своего учителя – святого Павла, и чрез любовь к нему вошел в дух великого апостола. Подобно ему, пусть и у вас все бывает любовью. Тогда и вы, чрез любовь и преданность школе и ее деятелям, усвоите успешно все, что они могут дать вам наилучшего! Аминь.

1894 г.

Значение семьи²⁹

Приветствую вас, возлюбленная чета, с наступившими торжественными и светлейшими минутами вашей жизни. Сказавши друг другу прекрасное слово любви, вы приблизились к алтарю Господню, чтобы радостно повторить это слово пред Церковью, в лице ее служителя, чтобы произнести пред Богом всевидящим священные супружеские обеты взаимной преданности и единения до смерти, чтобы благоговейно испросить в храме Божиим благодатного освящения своему союзу. Да будут благословенны ваши добрые намерения, да утвердится у вас глаголанное слово, как сказано в только что произнесенной церковной молитве.

Вы переживаете теперь минуты чрезвычайной важности. В виду этого, а также исполняя желание своего сердца и заповедь Церкви, я считаю долгом, как совершитель над вами таинства Господня, сказать вам несколько слов в назидание. Я знаю, конечно, что вы, как люди хорошо учившиеся и благовоспитанные, и без меня довольно понимаете, что нужно православным чадам Церкви знать о сущности и нравственном значении совершаемого над вами таинства. Но наш долг не только знать свои обязанности, но и чаще их себе напоминать. Св. ап. Павел часто указывал христианам своего времени на их высокое достоинство, отсюда делал выводы: *ходите достойно звания (Еф. 4:1)*.

В момент, когда вы при благословениях Церкви готовитесь начать новую семью, ставлю и я на ваше размышление вопрос: что такое семья в Церкви Божией и в обществах человеческих? Прислушайтесь к возвышенным и умилительным о вас молитвам Церкви и к чтению слова Божия при вашем венчании, и вы ясно увидите, что есть брак в Церкви Божией. Он есть союз двух разумных существ во образ таинственного союза Христа с Церковью, т.е. должен быть так же крепок и неразрывен, так же чист, духовен и свят; оттого брак есть средство к взаимному нравственному возвышению супругов, и вы действительно услышите в молитвах таинства, что залог и основание вашего семейного счастья есть христианское благочестие, а образцами и примерами вашей супружеской жизни должны быть библейские патриархи и новозаветные угодники Божии (см. молитвы 1 и 3 венчания). Св. Церковь, далее, в молитвах испрашивает вам благословенного рождения чад, к которым естественно переносится теперь в целомудренном смятении ваша мечта. И вот вам еще значение брака в порядке церковном: рождение и воспитание новых

членов Церкви Божией на земле, приготовление их для блаженной вечности на небе, – вот какой ожидает вас великий подвиг пред людьми и великая заслуга пред Богом. Но на детей – воля Божия. Будут ли они или нет, брак всегда есть, – всегда он есть торжество целомудрия, сдерживающее страсти, осуществление, начало и воспитание любви, училище заботливости, терпения, целомудрия, самопожертвования.

Здесь именно, в семейной жизни, полагается самое прочное начало служения благу другого, здесь подавляется эгоизм, – и от любви семейной человек всегда восходил к любви к роду и к целому человечеству. Вне семьи развить эти прекрасные свойства удастся только личностям исключительным, для которых семья – все человечество; но это, по слову Спасителя, дано далеко не всем: *«могий вместити да вместит»* (Мф. 19:12).

Сказанным определяется значение семьи и в обществах человеческих. Ибо верно слово, что благочестие на все полезно, для жизни будущей и настоящей. Семья есть основа общества; из нее произошел род, затем государство. Итак, если корень крепок и здоров, здорово будет и дерево, и наоборот. И опыт действительно говорить, что там, где падала семья, падала вместе с тем и жизнь общественная и государственная. И если теперь замечается шатание жизни, распущенность нравов, преобладание грубых животных инстинктов человеческого эгоизма, то все это зависит от того, что расшатано семейное начало, что высокомерно и презрительно стали относиться к святыне домашнего очага, что стали умалять значение супружеских обязанностей для общества, что на брак приучились смотреть, как на обыкновенную житейскую и финансовую сделку, что из трусливого преувеличения брачных тяжестей, а еще более ради простора и беззаконного приволья чувственной страсти очень многие, совсем не могущие сего вместить, стали вовсе удаляться брака. Вот почему радостно приветствует Церковь всякую новую чету, видя в каждом нарождающемся семействе противодействие распространяющемуся злу распущенности и жалкого себялюбия.

Искренно и от души желаю я и вам с настоящих же священнейших и серьезнейших минут вашей жизни на все последующее время вдохновиться святым идеалом христианского супружества, усвоить себе взгляд на него, как на высокое и святейшее таинство. Только на таком супружестве может корениться истинная семья, от которой ждут обновления лучшие люди, и на которой зиждется благо общественное; всякое другое супружество будет простое, унижающее разумное существо – человека, сожитие (самца и самки), образа для которого должно искать

не в союзе Христа с Церковью, а бесконечно ниже – в царстве животном. Семья ваша, начатая благословением Церкви, пусть укрепляет углубляет нравственный союз свой с нею; вся жизнь ваша должна определиться и сложиться под благотворным влиянием св. Церкви, ее учения и сверхценных заповедей. Пусть при первом взгляде на вашу семью ясно станет для всех, что семья эта – христианская и благочестивая. Да поможет вам Бог, да радуются вам добрые люди и да сменятся венцы ваши брачные на нетленные и неувядающие в невечернем царстве вечной славы и вечного блаженства! Аминь.

Мир душевный³⁰

Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему *с миром* (Лк. 2:29).

Чья душа не пожелала бы иметь у себя то сокровище, которое приобрел блаженный старец Симеон? Кто не пожелал бы себе этого мира, с которым провел Симеон свою долгую жизнь и теперь бестрепетно встречает и самую смерть? *Мир душевный*, мир совести, мир с Богом и людьми, мир с целым миром: вот к чему стремятся все люди, вот чего жаждет утомленное сердце; находим ли этот мир, правильные ли средства употребляем для приобретения его, – это другой вопрос, но что все считают его благом, – это несомненно. Самая война имеет последнюю целью мир. Так смотрит на мир как на высочайшее благо, и христианство. Божественный Основатель его для того и сошел на землю, чтобы принести на нее мир; прощаясь с учениками, Он говорил им: *«мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам»* (Ин. 14:27).

Так смотрит на мир и св. Церковь, продолжательница дела Христова на земле. Прислушайтесь к ее богослужению: начинается оно всегда призывом к миру: миром Господу помолимся; о вышнем мире; мир всем; станем святое возношение в мире приносить; наконец, *с миром и изыдем* из храма Божия.

Такое-то сокровище имел у себя Богоприимец Симеон. Поучимся у него, как приобрести и нам себе мир: путь к этому вожделенному счастью никому из нас не загражден, особенно с пришествием Примириителя. Так, что в Ветхом Завете давалось только избраннейшему из избранных, то в Новом Завете дается каждому сыну Церкви Христовой.

Но возвратимся к Симеону: чем приобрел он себе мир душевный? Мало о нем сказано в Евангелии, но что сказано, то дает нам вполне вразумительный ответ на поставленный вопрос: *«И бе, – говорит св. евангелист – человек во Иерусалиме; ему же имя Симеон; и человек сей праведен и благочестив, чая утех Израилевы, и Дух бе Свят в нем»* (Лк. 2:25). Вот разгадка счастья Симеона. Прибери его праведность, его благочестие, – ты привлечешь к себе и Духа Святаго, а вместе с Ним и мир души. Такой мир, которого нарушить ничто не может.

Что такое праведность? Это такая черта в жизни человека, по которой он свято хранит права других и верно исполняет возложенные на него законом обязанности по отношению к ближним. Праведным называется тот, кто отдает каждому свое, кто исполняет свой долг. Но были и есть

многие, которые обладали такими свойствами и на них полагали всю свою надежду, чтобы сохранить мир с собою и ближними, и, однако, мир этот далек был от них. Это потому, что они смотрели на праведность с точки зрения пользы: полезно быть праведным, ибо и другие исполняют свой долг по отношению к тебе, и вот путем взаимной праведности должен получаться мир и общее счастье. Увы, никогда не получали мира и счастья те, кто любит добро потому только, что оно полезно; на праведность редко отвечали праведностью, и любитель пользы вместо мира чувствовал одно озлобление. Не на том должно основывать добродетель: не на пользе, а на *благочестии*. Веруй в Бога; благоговей пред Ним; люби Его всем сердцем и душой и любовно исполняй Его волю, а любовное исполнение есть наслаждение и дает душе мир и отраду. Воля же Божия требует праведности, но при любовном исполнении ее ты ищешь уже не пользы; оттого, если на твоё добро тебе и отвечают злом, то мира души тебя не лишат, потому что добро творишь ты с другими целями: ты творил его из-за добра, из-за благочестия, из любви к Богу, и добро твоё всегда останется добром, и цель его достигнута даже и в том случае, когда на него отвечают злом. Только та праведность, которая истекает из благочестия и коренится на нем, имеет нравственную цену и может быть названа прочною... Она тогда привлечет к тебе Духа Святаго. А Дух Святой оскудевающее восполнит, немощное укрепит и даст душе такой мир, которого не нарушат никакие земные беды и напасти. Таковы были мученики христианские, которые шли на костры в радости и веселии духа; таков был, например, знаменитый Иоанн Златоустый, который после жизни скорбной, умирая в изгнании, окруженный врагами, предавая дух свой, воскликнул: «Слава Богу за все!» В Ветхом Завете редки были Симеоны, в Новом же Завете, после обильного ниспослания на верующих благодати Святаго Духа, таких счастливых было много; это счастье не отнято и от нас.

Будем праведны, будем благочестивы: тогда возгласы Церкви: «Причастие Святаго Духа со всеми вами, мир всем» не будут для нас пустыми звуками, тогда и мы будем иметь счастье со временем бестрепетно идти в путь отцов наших от этой земной жизни и дерзновенно сказать: *«Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром»*. Аминь.

Подражание святым³¹

«Как звезды с неба освещают землю и светом своим указывают дорогу путникам, так святые своею жизнью освещают нашу жизнь и показывают нам дорогу к небу. Взирая на звезды эти, позаимствуемся от света их». Так рассуждает один из св. отцов Церкви о том значении, какое имеют для нас святые. Празднуя сегодня память св. великомученика и целителя Пантелеимона, постараемся и мы из его жизни извлечь для себя полезные уроки и наставления.

Св. Пантелеимон жил за 1500 лет до нашего времени. В то время и цари, и большая часть народа были по вере язычники, христиан было очень немного. Страшное то было время для христиан. Язычество как бы чувало свою близкую гибель и все усилия употребляло, чтобы сохранить свою жизнь и задушить веру Христову. Христиан жгли, топили, распинали, казнили, зашивали в звериные шкуры и отдавали на съедение собакам, бросали на растерзание зверям, обматывали паклей, напитанной смолой, и живыми зажигали. В такое-то время жил Пантелеимон. Отец его был язычник, мать – христианка. С детства благочестивая мать учила сына вере во Христа, с ним молилась, с ним посещала богослужение. Но когда Пантелеимон был еще отроком, мать его умерла и стал его воспитывать отец, водил его по языческим храмам, приносил жертвы идолам. И стал Пантелеимон отвыкать от веры своей матери и сделался язычником. Видел он гонение христиан. При нем случилось такое страшное событие: христиане в день св. Пасхи молились в храме; в это время, по приказанию царя, на них напали воины, разрушили храм и избили 20 000 человек. «Если бы у меня было тысяча языков и железные уста, – пишет один очевидец этого гонения, – то и тогда я бы не мог пересказать всех ужасов и мучений, которые претерпевали верующие. Железо притуплялось, кровь лужами стояла на земле, заливала и тушила костры. Руки палачей от усталости опускались и не могли продолжать своей убийственной работы». Конечно, не легко было тогда быть христианином. Но Пантелеимон все-таки уверовал во Христа. При виде гонений на христиан, он вспомнил мать. Наставления матери не умерли, слова ее и молитвы не были забыты. Это вам урок, христианские матери. Учите детей своих от младых лет, учите их вере и благочестию, молитесь и посещайте с ними церковь Божию. Придет время, вырастет твой Сын, может случиться, что закрадется в сердце юноши грех, и станет жить он так, как будто ни Бога, ни смерти, ни суда, ни ада не будет. Но если с детства его учила мать

добрю, он не погибнет окончательно. Видели вы, как кроется и тлеет огонь под пеплом; как будто его и нет, но дохнет ветер, и пламя ярко взвывается к небу. Видели вы, как сокрыто зерно под землей; его не видно и как будто оно погибло. Но упадет на него дождь, польет его водою, и зерно даст росток и взойдет оно к солнцу светлому, к Богу – Господу. Так и наставления матери в сердце грешника. Как будто и незаметно их у грешника; но дохнет на него дуновением благодати Божией, придет горе житейское, польет его сердце слезами, как дождем: и вспомнит грешник свое далекое детство, припомнить мать родимую, ее наставления, ее молитвы, и обратится к Богу, и раскается в грехах и сделается добрым сыном Церкви Божией. Так случилось и с Пантелеимоном. Не мог он не видеть, что христиан мучат невинно, и вот, когда он раз поговорил с одним священником – Ермолаем, то, вспомнив наставления матери, скоро же уразумел ложь язычества и истину христианства. В это время он был уже совершенно взрослым. Ранее он много учился и был известен, как самый лучший врач. Когда он сделался христианином, то обратил ко Христу и своего отца, раздал свое имущество и стал всех больных лечить без всякой платы, всем служил, чем мог. Он ходил по домам бедняков, посещал заключенных в тюрьмах. Лечил он и лекарствами и молитвою с именем Иисуса Христа. И дал ему Бог дар чудес. То было время такое, когда нужны были чудеса. Теперь их нет, так как и без чудес возможно и легко быть верующим, а в то время, при страшных гонениях и муках христиан, вера Христова без особой помощи Божией могла погибнуть. Многим больным и немощным помог Пантелеимон силою своей науки, еще больше помог чудесами. Был он очень учен, но учение не отвратило, а, напротив, приблизило его к Богу, и каждое дело, каждое врачевание больного совершал он с именем Божиим на устах, с молитвою в сердце. Пришло, наконец, время и пострадать Пантелеимону, потому что его жизнь и труды не могли укрыться от наблюдений языческого царя-гонителя. И предстал молодой ученый пред грозным властителем бесстрашный и бестрепетный. «Ты кто, какой веры и какими колдовством исцеляешь больных?» – спросили его царь. «Я – христианин, – ответил Пантелеимон, – и не колдовством, а молитвою, силою Божией и именем Христа исцеляю болезни». «Христос – не Бог! – сказал царь, – поклонись нашими богами и получишь от меня все блага, ты будешь моими придворными врачом; а не поклонись – погибнешь лютою смертью». «Я молод и силен, – ответили святой, – и стыдно мне убояться мучений, когда их переносят бестрепетно старцы». Тогда святого повесили на дереве и стали строгать его тело железными когтями, а ребра палить

зажженными свечами. Пантелеимон переносил все молча и терпеливо. Тогда растопили в котле олово и бросили туда его, но олово чудесно застыло, и святой остался жив. Тогда навязали ему на шею камень и бросили в море, но святой благополучно вышел на берег. После этого его бросили к дикими зверям, но звери подходили к нему и ласкались, как домашние. Приказано было приготовить колесо с железными остриями и терзать тело Пантелеимона, но он остался тверд в своей вере. Наконец, когда Господь достаточно показал мучителям силу Свою и этим как бы и их самих призывал ко Христу, тогда пришло время умереть Пантелеимону. Ему отрубили голову, а тело его взяли его ученики и похоронили с честью. И теперь его мощи хранятся в русском Пантелеимоновом монастыре на горе Афонской, часть мощей есть и у нас в России – в Ново-Афонском монастыре св. Симона Канонитского, у нас, на Кавказе, около г. Сухуми.

Таки жил и страдал св. великомученик Пантелеимон. Судите теперь сами, правы ли те, которые говорят, будто бы святым легче жилось и легче можно было спастись, чем нам? Кого из нас так гонят, кого мучают? При св. Пантелеимоне имя христианина было позорным, назвать кого-либо христианином было все равно, что назвать преступником.

Теперь же совсем не то. Если кого мы хотим похвалить в высшей степени, то называем его истинным христианином. Пример св. Пантелеимона учит нас, что нужно любить веру Христову до того, что не жалеть за нее жизни, а любовь наша к вере Христовой должна выразиться не иначе, как исполнением Христовых заповедей. *«Не любим словом, и не языком, – говорит св. апостол, – но делом и истиной» (1Ин. 3:18).* *«Если кто любит Меня, – говорит и Сам Спаситель, – тот заповеди Мои сохранит» (ср. Ин. 14:21).*

Чему еще учит нас св. Пантелеимон? Он был ученым: значит, можно быть ученым и в то же время веровать в Бога и быть Ему угодным; значит, ученье не удаляет человека от Бога, не делает его худшим; невераами бывают только недоучки. Значит, нечего бояться науки, как некоторые делают, особенно из простых людей; напротив, нужно всячески стараться и о себе самом и о своих детях, чтобы как можно лучше познать волю Божию и учение Иисуса Христа. Св. Пантелеимон был *врач*. Как же говорят некоторые, что обращаться к врачам – грех? Особенно это часто слышалось во время последней холеры. И само слово Божие говорит: *«Не презирай врача, но принимай его с честью, потому что Бог создал его» (ср. Сир. 38:1–4).* Только и врачам, и нам не следует возлагать все надежды на одну науку, а по примеру св. Пантелеимона нужно надеяться на милость Божию. Молитва, воздержание, богомыслие, посещение церкви,

служение молебнов и особенно совершение великой Жертвы – Христова Тела и Крови, а также елеосвящение, т.е. соборование, – вот что должно сопровождать наше лечение у врачей. Обращаться должно и к молитвенной помощи св. угодников, особенно таких, которые во время своей земной жизни были врачами и целителями людских болезней. Вот и теперь, братие, в некоторых местах России опять появилась страшная болезнь холера. Будем же молиться Богу о спасении, помолимся сейчас св. Пантелеимону: он при жизни недуги исцелял, прокаженных очищал, больных избавлял от смерти. Пусть и теперь, предстоя престолу Божию, просит он нам милостей Господа, пусть поможет и нашим врачам избавить нас от болезней, пусть испросит нам избавление от смерти.

Сейчас, во время молебного пения, будем молиться св. Пантелеимону, но постараемся подражать и его делам в своей жизни: будем такими же добрыми христианами, милостивыми, сострадательными, кроткими, смиренными, будем любить нашу св. веру и исполнять Христовы заповеди.

Св. великомучениче и целебниче Пантелеимоне, моли Бога о нас!
Аминь.

Великое призвание Русского народа³²

В нынешний день святая Церковь прославляет и убажает Пресвятую Матерь Божию, вспоминая явление чудотворной иконы Ее в городе Казани. Всякий праздник в честь Богоматери несет сердцу отрадную уверенность в том, что на небе есть сильная Ходатаица за род христианский; всякое воспоминание явления иконы Богородицы указывает нам, что из века в век, из рода в род, среди различных православных народов, в различных местах проявляется чудотворная помощь нашей Небесной Заступницы. В числе других стран наша Русь православная имела счастье получить особенно много знаков небесного благоволения Пресвятой Богородицы: в Киеве, Владимире, Москве, Чернигове, у нас здесь, в Моздоке, и самое последнее время в Козельщине имеются чудотворные иконы Богоматери, как явное доказательство того, что благословение Божие видимо почивает на русском народе.

Но особенно много говорит сердцу русского человека настоящий праздник в честь Казанской иконы Божией Матери. Оттого-то праздник этот стал праздником не местным в одном городе Казани, как можно бы ожидать, а праздником всей православной России.

Наша родина, Русь православная, вы знаете, была на первых порах мала, слаба и незначительна. Славянское племя было весьма малочисленно и русские, поселившись на небольшом пространстве земли, окружены были со всех сторон дикою природой, непроходимыми лесами и болотами, многочисленными и сильными враждебными народами. Кто бы мог подумать, что чрез несколько столетий из маленького славянского русского племени возрастет огромное царство? Но Господь судил русскому народу великую и славную будущность. В Божественном Писании, братие, сказано: Бог сотворил от одной крови – от Адама и Евы – весь род человеческий жить по всему лицу земному, но для каждого народа Господь благоволил указать место поселения, время действия и ту или другую задачу, направленную ко благу мира. И вот в деснице Вседержавного Промысла Божия наше русское царство испытало дивную судьбу: оно именно уподобилось тому евангельскому зерну горчичному, которое на вид меньше всех семян, но посеянное – вырастает в огромное дерево, и люди пользуются его тенью, и птицы небесные находят приют в его благодатной листве. Русь – теперь это огромное дерево; много народов нашли приют под высокою рукой русского Белого Царя, многие племена под мудрым отеческим управлением нашего Благочестивого Государя

живут в мире и благодеянии. Как это случилось? Слава и могущество русского народа начались с тех пор, когда наши предки во дни св. князя Владимира приняли православную христианскую веру.

С этих пор русскому народу указана была особенная задача, дано особенное назначение: просвещать светом Христовой веры все окружающие народы, а народов этих было великое множество. Кто знает прошедшие судьбы нашей родины, тому известно, что те места, которые мы теперь считаем русскими, – эти места заселены были народами языческими, не русскими. И Дон, и Волга, и Урал, и далекая Сибирь, и Белое море, и наш Кавказ, – все эти страны раньше не принадлежали нашему царству. Но пришел туда русский православный воин, за веру, царя и отечество не щадил он живота своего, полил кровью и потом неприятельскую землю, завоевал ее; потом пришли сюда русский крестьянин и русский священник; один принес топор и заступ, другой – крест и Евангелие. Они основали села, выстроили церкви и монастыри, разделали пустынные места – и чудо совершилось: финны, пермяки, карелы, лопари, вогулы, – такие народы, имен которых вы, братие, и не слышали, – все эти народы сделались крещеными и православными, породнились с русскими, а теперь спроси его, кто он, то и сам он скажет, что он русский, и ты не отличишь его от русского. Вот что сделали русские: они людям, сидящим во тьме, возвестили свет Христова учения; они людей диких, невежественных, не отличавшихся от зверей, сделали подобными себе, научили их знать Бога истинного, научили их уму-разуму. И мы говорим громко, и мы верим твердо, что все это сделали русские люди по особой воле Божией, по особому благословению небесному. Доказательство этого – в явлении чудотворной Казанской иконы Божией Матери. Вы знаете, что басурмане-татары много зла сделали русской земле. Более 200 лет они владели русскими; затем они имели особые царства, здесь, на Кавказе, и на реке Волге – в Астрахани и Казани. Они стесняли отовсюду русский народ, грабя и нападая на нас, забирали много пленных; мало этого: татары сели как раз на пути к Кавказу, к Сибири, за Волгу, – словом, не пускали русских никуда, не давали нам распространить веру истинную и могущество русского народа. 350 лет тому назад русский царь Иван Васильевич, с благословения духовных пастырей, пошел на грозное царство Казанское и разрушил его: велика была тогда радость русского народа; освобождены были тысячи пленников; укрощен был грозный и исконный враг. Но было ли это дело богоугодное? Кто мог знать это? Тогда Сам Господь открыл волю Свою: скоро по взятии города Казани в куче мусора обретена была икона Божией

Матери, которая являлась трижды маленькой девочке во сне и приказывала ей указать духовным пастырям место иконы. После обретения этого образа начались от него чудеса и знамения великие. Эти чудеса так подействовали на татар, что они во множестве крестились, и сам царь Казанский со всею семьей сделался христианином православным. Так, видим, почивало на наших благочестивых предках Божие благословение и милость Богоматери. И стала Казань русскими городом, и стала Волга русской рекой, а затем и другие страны отдались русскому народу, – и везде воссиял крест Христов, и везде воздается хвала Богу истинному. И до нынешнего дня не кончилось дело русского народа, назначенное ему Богом. И теперь еще есть много племен, не ведущих Бога, и много стран, где нужно утвердить православную веру. И до нынешнего дня с нами Бог и Пречистая Богородица. Что было 40 лет назад на этом самом месте, где стоит теперь ваша станица, красуется этот святой храм и благочестивый народ стоит пред алтарем христианского Бога мира и любви? Что здесь было? Здесь был аул, жили враждебные татары и вместо креста Христова и православного храма стояла мечеть лжепророка. Прошло немного лет – и весь край этот стал чисто-русским. Не явное ли здесь дело милости Божией, не явное ли свидетельство, что с нами Бог?

Вот на какие мысли навел нас нынешний праздник. Но не уйдем отсюда без урока и назидания. То правда, что нам, русским, Богом назначено просвещать другие народы светом Христовой веры, но все ли действительно просвещены? Просвещение совершается не одним словом, но и делом. Докажи магометанину, что твоя вера лучше, докажи не словами, а делами, чтобы ясно было, что христиане и добрее, и честнее, и трудолюбивее магометан, – тогда ясно будет, на чьей стороне правда. Наши благочестивые предки так именно и поступали. Любили они Христа, исполняли Его святое учение, Его Божественные заповеди, любили Церковь Христову, повиновались ее пастырям – и Бог был с ними, и Пресвятая Богородица была их Заступницей. Пресвятая Богородица не может помогать врагам Ее Сына, а всякий, кто не исполняет учения Спасителя, тот – Его враг. Будем же и мы благочестивы, будем любить Церковь, будем чтить Спасителя, – и Пресвятая Матерь Божия будет с нами. Святая Русь сильна своею верою: и пока мы, русские, будем православны, до тех пор ничто для нас не будет страшно: наше господство в покоренных странах есть благодеяние для покоренных, потому что им живется лучше, чем жилось до прихода русских. Везде мы насадили православную веру, и пусть нас ненавидят враги и завистники: *если Бог с нами, то кто против нас?* (Рим. 8:31). Верой Христовой сильна и

незыблема наша держава. Много у нее врагов, но они исчезнут, как воск от огня, как туман и иней от света и тепла солнца. Будем благочестивы, – и святая Русь будет стоять до тех пор, пока не грянет страшная труба небесных вестников скоро грядущего вечного мира, пока не блеснет молния пришествия Сына Человеческого. Будет новое небо и новая земля, куда не войдет ничто нечистое и скверное, но праведники и верующие будут приняты Христом и покрыты будут молитвенным покровом Богородицы. Пресвятая Богородице, спаси нас! Аминь.

Чудеса веры православной³³

Празднуем сегодня память св. равноапостольного русского князя Владимира; вспоминаем вместе с тем и то дело, которое совершил он и за которое прославлен у Бога и у людей, т.е. крещение России в православно-христианскую веру.

Св. Владимир был сначала язычником, как и все наши предки. Его жизнь в язычестве не отличалась ничем хорошим: жил он в свое удовольствие, любил только себя, имел много жен, воевал, пировал, мало заботился о своем царстве. Он был таким, какими были все язычники; иным он быть не мог, так как не знал Бога истинного, не ведал закона евангельского, мало понимал, что хорошо, что худо, и некому было научить его. Такая жизнь мало отличается от звериной, потому что есть, пить, спать и иметь заботу о сохранении своей жизни и о собственных удовольствиях свойственно и скотам неразумным. Человек со светлым умом и с доброю душою не мог оставаться спокойно в язычестве. Душа человека так создана, что ищет веры в Бога Истинного; сердце человека стремится к добру, желает святости, а языческая вера не могла дать такого успокоения. Так прожил Владимир пору юности и мужества, пережил все, чем хочет наполнить человек жизнь, чтобы быть счастливым: ел, пил, веселился, а счастья не нашел, потому что не в этом разумное счастье, а в Боге. И стало приходить Владимиру на ум, что смерть скоро придет, близок час разлуки с землею, а что ждет его дальше? Не может душа человека успокоиться на том, что все кончится с земною жизнью, и верится помимо воли, что будет после смерти тела жизнь вечная духа. Что обещала эта жизнь язычнику-Владимиру? Заслужил ли он счастье в будущей жизни, когда он не знал даже, чем заслужить его? В таком-то расположении мысли Милосердый Бог призвал его к чудному свету Христовой веры. К Владимиру явился из православной Греции священник-монах и ответил на тайные его думы: показал, что ждет его в будущей жизни. Он развернул пред ним картину страшного суда, где изображены были направо ликующие праведники, а налево плачущие грешники. «Хорошо тем, кто по правую сторону», – сказал простодушно Владимир. «Веруй во Христа, – ответил священник, – и ты будешь с ними». И стал говорить ему священник о Боге Едином и Истинном, о Христе Спасителе, о законе Евангельском, стал говорить ему, что все люди равны по духу пред Богом, всех Бог любит, всем хочет спасения, всех зовет в Свое при небесное Царствие, но войдут в него не все, а только те, кто здесь, на

земле, исполнял закон Божий, был полезен своим ближним, кто свой долг выполнял, и если он князь или простолюдин, богатый или бедный и даже последний раб во дворе князя, – все равно, князь, крестьянин, отец, мать, сын, дочь и проч., лишь бы каждый исполнил свою должность по совести, и они не остаются у Бога без награды.

Смутилась и затрепетала душа язычника – князя Владимира. Что сделал он, чтобы получить награду от Бога? Он был князем, много добра мог бы сделать народу, много пользы принести, много слез людских отереть. А он только ел, пил со своими женами, пировал с дружиною, жил в свое удовольствие. С тех пор не знал покоя князь Владимир и задумал сам переменить веру и народ свой вывести из тьмы язычества на путь вечного душевного спасения. Долго рассказывать о том, как Владимир посылал послов узнавать разные веры, как он сам принимал послов от различных народов, которые хотели иметь могущественного князя своим единоверцем. Довольно сказать, что князю Владимиру более всего понравилась вера христианская, православная, – та, которую исповедовала в то время Греция, и которую теперь содержим мы с вами. Крестился князь Владимир, крестилась его семья, крестилось его войско – дружина, крестился русский народ.

Это случилось более 900 лет тому назад. Как не бывало прежнего князя – язычника Владимира! Не слышны пиры, не видно разгула, нет дикого распутства, не забыты нужды народа. С утра до вечера ласковый князь Владимир судит свой народ, защищает правых, помогает вдовам, избавляет от притеснения сирот. Ходит он по тюрьмам, милует преступников кающихся; каждый день целыми возами рассылает с княжеского двора милостыню. Всегда он в совете с духовными пастырями, строит церкви, заводит училища, путешествует по всему лицу земли русской. Так и остался он в народной памяти под именем Владимира, ласкового князя – Красное Солнышко. Вот какую перемену произвела в князе Владимире св. вера Христова. Он сам сказал о себе: «Был я, как зверь, жил я совершенно по-скотски, а теперь познал я Бога истинного».

Что случилось с одним человеком, то случилось и с народом. Русский народ, когда были в язычестве, отличался дикостью, злобою, распутством, обжорством и пьянством. А теперь это – народ, который удивляет всех своими благочестием.

Иностранцы, посещающие Россию, изумляются тому, сколько у нас храмов Божиих, как благочестив и набожен наш народ, как он покорно переносит несчастья, как он предан св. Церкви и благочестивым царям своим. Русский народ называется народом-богоносцем. И правду сказать,

если бы не православная вера, если бы не набожность русского народа, давно бы погиб он от множества врагов. В пору нестроений и неурядиц, в пору нашествия татар, поляков, ливонцев, шведов, французов, – всегда русский народ, сознавая себя единым, никогда не раздроблялся и этим единением служила православная вера. Она же воспитала в нем все добрые качества души. Она же воспитала много великих мужей, которые в годину народного горя не щадили живота своего и во имя Христа, во имя православия жертвовали собою для спасения родины.

Братие! Христиане православные! Хранить нам должно свою веру, как неоцененное сокровище, беречь нам нужно свое православие, как верный и единый залог спасения! Сознавая величие русского народа, данное нам св. верую, не будем закрывать глаза и на свои недостатки. 900 лет прошло с тех пор, как Русь наша сделалась святою Русью, а народ русский стал крещеным, христианским, но у нас еще осталось кое-что от язычества. Что это? – спросите вы. От язычества осталось пьянство, обжорство, распутство и это отвратительное сквернословие, или, как говорят у нас, скверноматерное слово, которым так часто оскверняет свой язык русский человек. Нужно употреблять нам все меры, чтобы избавиться от этих последних остатков язычества.

А затем, так как верой Христовой мы спасаемся, и так как царство наше до сих пор стоит только православием, то нужно содержать святую веру в том виде, в каком мы приняли ее от времени св. кн. Владимира. Небесный Домовладыка засеял плодovitую ниву нашей родимой земли пшеницею чистого православия, но дьявол, всегдашний враг всего доброго, посеял плевелы на ниве и взошли от этого посева: раскольники, хлысты, баптисты, штундисты и другие сектанты, о которых со скорбью теперь часто приходится слышать. Не было их при св. кн. Владимире, и не должно быть теперь. Св. православная вера идет от Христа Спасителя и Его апостолов, а сектанты появились на наших глазах. Поэтому не могут быть они истинными христианами, так как учение их сообщил не Бог, а человек. Господь Иисус Христос, отправляясь на крестную смерть, молил Небесного Отца, чтобы все Его последователи-христиане были едино: способствуют ли сектанты этому единению верующих, – сами судите; не только не способствуют, а, напротив, разъединяют христиан, отвлекая их от православной Церкви. Значит, они – враги Божии. Мы же, ученики Христовы, от лица св. князя Владимира принявшие православие, будем крепко любить и хранить свою св. веру, будем послушны св. Церкви. Не смущайтесь тем, что находятся враги Церкви – сектанты. Сам Господь Иисус Христос имел ведь врагов и Сам Он предсказал, что будут ереси и

лжепророки. Но Господь Иисус Христос – един, едина истина, едина Церковь: кто в Церкви, тот спасен будет, а кто вне Церкви – осужден будет.

Но придет время, здесь ли, на земле, или там, на небе, – не все ли равно, – когда верующие в Господа Иисуса Христа все будут в союзе и единении. Ибо Сам Он сказал: *«И ины овцы имам, яже не суть от двора сего, и тыя Ми подобает привести и глас Мой услышат: и будет едино стадо и един Пастырь»* (Ин. 10:16).

Молитвами св. князя Владимира да пребудем и мы в этом св. избранном стаде, под пастырством Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

Причина болезней³⁴

В евангельском чтении нынешнего воскресного дня св. Церковь предложила нашему вниманию повествование об исцелении Спасителем нашим одного расслабленного. Господь, по обычаю Своему, проповедовал. Народу собралось так много, что подойти близко, особенно принести больного, не владеющего ногами, не было никакой возможности. Но горячая вера, пламенное усердие, сердечное желание всегда превозмогут препятствия. Несшие больного раскрыли крышу того дома, в котором был Спаситель, и сквозь разобранный потолок спустили расслабленного к ногам Спасителя. Господь не отверг веры и усердия. "*Чадо, – сказал Он расслабленному, – отпущаются тебе грехи твои*" (Мф. 9:2). А когда присутствовавшие здесь враги Иисуса Христа стали упрекать Его за то, что Он простил грехи и тем взял на себя дело, которое прилично только Богу, то Спаситель доказал им, что Он-то и есть истинный Бог и что прощение грехов равносильно исцелению от болезни. Потом Он сказал расслабленному: «*Возьми твою постель и иди в дом твой*». И больной, не владевший прежде ногами, пошёл, прославляя Бога, и весь народ славил Иисуса, как Господа-Чудотворца.

В этом священном повествовании обратите, братие, ваше внимание на то, какими словами Спаситель исцелил больного. Не сказал Он ему сразу: возьми твою постель, не сказал ему прямо об исцелении от болезни, а объявил ему о прощении грехов: «*Чадо, отпущаются тебе грехи твои*». Нет сомнения, Господь хотел этими словами вразумить расслабленного, а св. евангелие, повествующее об этом, и св. Церковь, предлагающая нам сегодня рассказ об этом событии, хотят вразумить нас с вами. Чему же поучают эти слова? Об этом сегодня и будем беседовать.

Известно, братие, что на свете ничего не бывает без причины. И болезни, которым подвергаются люди, не появляются так, ни с того, ни с сего, а имеют также свою причину. Чтобы устранить, например, пожар, надобно устранить причину пожара и затушить огонь. Чтобы прервать болезнь, надобно устранить причину болезни. Врачи и знатоки лечения так и делают: они главное усилие направляют на то, чтобы уничтожить причину, корень болезни. Это вполне понятно. Но вот странное явление! Сколько ни стараются наши врачи, сколько ни употребляют они лекарств, а болезни все-таки свирепствуют в роде человеческого. В наше время искусство лечить особенно стоит высоко, и много есть врачей действительно знающих, таких, что действительно могут принести пользу

больному. Чего только ни придумал, чего ни изобрел ум человеческий! Больницы теперь и в городах, и в селах, аптеки наполнены лекарствами. Что же, меньше болеют люди, чем прежде? Едва ли. Напротив, как бы в насмешку над всеми усилиями людей, с каждым годом стали появляться такие болезни, о которых прежде люди и не слыхали. Отчего все это? Очевидно, оттого, что не уничтожается главная, коренная причина всех болезней. Обыкновенно причину болезней полагают во влиянии дурной погоды, нехорошей пищи, плохой одежды, неудобного жилища и стараются действовать на эти причины. А между тем, люди продолжают болеть, и никто, при соблюдении всех предписаний врачебной науки, не остается жить на земле вечно; все умирают. Положим, у бедного человека пища недостаточная, грубая, от которой легко заболеть; у него и жилище, и одежда так плохи, что едва защищают от действия дурной погоды; он и трудится слишком много, и бедняку, действительно, не трудно заболеть. Но почему же богатые-то люди, у которых и жилье удобное, и пища вкусная и питательная, и труд не изнурительный, а часто совсем никакого труда нет, – почему они, при всех жизненных Удобствах, подвергаются болезням и, ведь, правду сказать, болеют чаще и сильнее, чем бедные люди? Отчего многие святые люди, которые жили в пустынях и пещерах, скудно питались, плохо, а то и совсем не одевались, имели самое неудобное жилье, проводили весь век в трудах и в гонениях, отчего они часто жили по 100 и более лет и мало болели? Ясно опять, что дурная погода, пища, одежда, хотя действительно и служат причиной болезней, но причиной не главной, не коренной, второстепенной. Какая же причина главная? Эту главную причину указал Сам Спаситель при исцелении расслабленного: «отпускаются тебе грехи», сказал Он больному, и этим ясно показал, что главною причиною болезней служат грехи, что избавиться от грехов, значит, уничтожить болезнь, вырвать ее с корнем; это и показал Господь на примере расслабленного.

И если бы спросили, что нужно больше всего помнить христианину, чего опасаться, то ответ один: помни, что грех погубит твою душу и твое тело, и поэтому бегай греха, борись со злом; в этом задача жизни, в этом единственное средство спасения. Было время, люди в раю не заботились о пище, одежде и жилище, были они безгрешны, – не знали тогда и болезней. Но только что сделан был первый грех, понадобилась пища, одежда, явились и болезни, и все несчастья людей идут с тех пор, как они сделали первый грех. Все же первые потомки Адама и Евы жили очень долго, по 900 и более лет, и мало болели. Но чем дальше шло время, чем больше грешили они, тем больше и сильнее проявлялись среди них

болезни, тем больше и больше сокращалась человеческая жизнь. Могут спросить: отчего же дети безгрешные и люди Божии, святые также болеют и умирают? Оттого, что нет на земле совершенной святости, оттого, что со времени греха Адама все мы в беззаконии зачинаемся и в грехах рождаемся. И ребенок невинный, как он ни мал, уже в детстве, еще ничего не понимая, обнаруживает уже злобу, упрямство, мстительность, неповиновение; и святые Божии люди имели грехи юности. Спросят и еще: отчего же часто явные грешники – пьяницы, обидчики, блудодеи пользуются здоровьем? Друг мой! Не смущайся и не обманывайся этим. Бог, по милости Своей, долго щадит грешника, долго даёт ему средство и возможность покаяться: но когда мера долготерпения переполнится, не видел ли ты, как пьяница умирал без покаяния на улице, как вор был убит на месте преступления, а часто оставлен без погребения, как блудодей нежданно свалился, как зависть и ненависть сгоняют краску с лица, лишают сна и покоя? *Смерть грешников люта*, – говорить слово Божие (Пс.33:22). Вот что делает грех. Он все отравляет, к чему бы ни прикоснулся. Думалось Еве, что через грех будет она подобной Богу, согрешила – и лишилась навеки счастья. Думалось блудному сыну в притче евангельской, что, отделившись от доброго отца и начав жить блудно, получит он счастье, – а кончил тем, что питался пищей свиней и то не вволю. А теперь с нами что делает тот же грех? Естественно человеку и необходимо есть; придет грех – и еду обращает в обжорство; естественно человеку питье, иногда для подкрепления сил и питье вина; придет грех – и естественное дело обращает в пьянство; естественно, видя доброе у соседа, и себе стремится к тому же; придет грех – и это невинное соревнование обращает в грубую зависть, в низкую ненависть. Так все, к чему прикоснется грех, все он оскверняет, все загрязняет, загрязняет даже, по-видимому, доброе дело. Иной богач строит церкви, делает пожертвования в пользу бедных, открывает училища: кажется, совсем хорошее дело, а на деле – пришёл грех и заставил этого благотворителя искать чести и славы за свои благодеяния, требовать награды и орденов. И стало доброе дело худым, и вместо пользы душевной принесло вред. Что же, приносит ли грех в этих случаях удовольствие? Но кто же не знает, как тяжело делается обжоре после еды, как скверно на душе у пьяницы после отрезвления, как тяжело на сердце у завистника, у скупца и честолюбца? А муки совести у грешников? Не хотел ли тысячу раз богач, разбогатевший нечестно, воровством и обманом, кровью и потом других, не хотел ли он лишиться всего, что он имеет, лишь бы возвратить себе покой духа? А смерть, а суд, ад и вечные мучения, – это не отравляет ли жизнь грешнику?

Так, братие, грех только издали заманчив, только обещает удовольствия, а на самом деле лишает нас навеки счастья. Это красивая змея, к которой если подойдешь близко, то будешь смертельно укушен. Только добрая, благочестивая жизнь дает человеку счастье.

Будем же, братие, стараться избегать греха, как главной и коренной причины наших болезней, всех наших зол, бед и несчастий. Мы спим, и вокруг нас темная ночь греховная. Внимайте же слову апостола: *«Бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, укрепляйтесь»* (1Кор. 16:13), или как ныне читали: *«Будьте тщанием не ленивы, духом горяще, Господеви работающе»* (Рим. 12:11). Час уже нам от сна восстать: ночь уже прошла, а день приблизился. Отложим дела тёмные и облечемся во оружие света. Аминь.

Храм – жилище Господа³⁵

Древнее церковное предание повествует, что после Вознесения Господа нашего Иисуса Христа на небо пред смертью Богородицы св. апостол евангелист Лука, обладавший искусством живописи, изобразил икону Богоматери с Предвечным Младенцем. Св. Богородица, увидевши эту икону, дала обещание пребывать с нею Своею милостью до конца века. Эта-то икона, написанная св. Лукой, или, по крайней мере, точный и очень древний список с нее, и есть та икона, которой сегодня празднуем мы, т.е. Смоленская икона Божией Матери. Драгоценный этот образ хранился в Греции и передан нам в Россию в благословение св. кн. Владимиру, когда он крестился и крестил русскую землю. Вместе с тем эта икона послужила благословением от православной Греции ко всей православной России. И действительно, скоро сказалась над Россией помощь Богородицы. После князя Владимира за грехи наши наше отечество было завоевано татарами. Св. икона Богоматери в это время находилась в городе Смоленске у тамошнего князя. Народ выстроил этой иконе богатый храм и усердно чтит ее. Татары осадили город Смоленск внезапно; в городе не было ни одного воина. Народ был в ужасе, с часу на час ожидал вторжения свирепых врагов, остановить которых не было решительно никакой возможности. Но Пресв. Богородица защитила Свой храм. Она явилась одному благочестивому гражданину г. Смоленска – Меркурию и открыла ему, что Она упростила Своего Сына оставить Ей Ее дом, т.е. храм. После этого Она повелела Меркурию одеться в светлые одежды и идти в стан неприятеля. Он пошёл. Враги ночью увидели бесстрашного воина и с ним какую-то светлую женщину. Страх напал на них, и они бежали. Город был спасён, сохранен был храм Богородицы, оставлена и сохраняется до нашего времени Ее честная икона.

Вот, братие, как любит Пресвятая Богородица храмы христианские. Как же нужно любить их нам с вами! Храм Божий – это селение Господа на земле. Храм Божий – это самое святое, самое высокое место на земле. Как отрадно чувствует себя здесь душа христианина, когда приходит сюда с искренней молитвой! Здесь живёт постоянная радость, здесь утешается всякая печаль. Св. царь и пророк Давид ничего так не хотел, как быть в храме Божиим как можно чаще. *«Коль возлюбленна селения Твои Господи Сил, – восклицает он, – желала бы скончаться душа моя во дворе Господнем. Один день в доме Божиим для меня лучше, чем тысячи дней среди грешников. Я радуюсь, когда мне скажут: пойдём в дом Господень»*

(Пс. 83:2–3, 11, 121:1). Так любил св. пророк храм Божий. Наши благочестивые предки также любили св. храм. Пойдите по всей русской земле, посмотрите: ни один народ не построил столько храмов, как русский народ. Ни один народ не изукрасил так своих храмов, ни один народ не жертвует столько на нужды храмов, как русский народ. Братие-христиане православные! Любите и вы ваш св. храм. Здесь ведь все, что нужно для христианина. Здесь вы после рождения крестились, здесь же и по смерти вашей будут напутствовать вас последней молитвой. Здесь слышите учение Христово, писание апостолов; здесь раздается проповедь Богом поставленных пастырей и учителей. Здесь же совершается и богослужение, наше высокое, трогательное и прекрасное богослужение православное, которое не знают как восхвалить даже иноверцы и иностранцы. Только нужно быть внимательным в храме. Входите в него благоговейно, стойте со вниманием, слушайте, что поют, что читают, что проповедуют. И каких благ только не испрашивается здесь! Молимся о живых, молимся об умерших, просим прощения грехов, покаяния при смерти, христианской кончины, царства небесного. Кто привык к церкви, тому бывать в ней составляет величайшую сладость, тому быть в храме – то же, что быть на небе. Так и поется в песне церковной: «В храме стояще славы, на небеси стояти мним». Вот и сегодня, хотя уже подряд несколько дней совершается богослужение, вы собрались сюда помолиться. Хорошо вы сделали! Да будет за это над вами Божие благословение и покров Божией Матери! Любите храм Божий. Но смотрите: храм для вас тогда будет полезен, если вы будете стоять в нем так, как следует. Слепой не видит, хотя светит солнце, мертвый не двинется, хотя его принесут в теплую комнату: так и холодный, невнимательный, рассеянный посетитель храма не почувствует в сердце своем сладостной благодати Божией, не получит от храма пользы душевной. Напротив, он только согрешит тяжко пред Богом, если и в храме не оставит того, чем занят был на улице.

Будем ходить в храм и будем стоять здесь с духом горящим и горé имея сердца. Аминь.

Храм³⁶

Дева днесь предстоит в церкви и с ликами святых за ны невидимо молится Богу.

В чудную область благочестивой древности переносит нас воспоминаемое ныне событие. Видится благолепный Влахернский храм Богородицы во всей красе ночного богослужения, видится торжественный собор священнослужителей во главе со св. патриархом Тарасием, видится многочисленный народ, горячо молящийся об избавлении от врагов, и с ним благочестивый царь Лев Мудрый. Видится и слышится наше возвышенное православное богослужение; идет продолжительное, буквально всеобщее моление, но бодры духом богомольцы, усердна молитва, и эта молитва окрылила дух, открыла очи веры, отверзла и самое небо... К концу уже всеобщего бдения, в 4 часу утра, преп. Андрей с учеником своим Епифанием видят на воздухе Пресвятую Богородицу с ликами св. ангелов, пророков и апостолов, молящуюся за род христианский пред Сыном Ее и Богом.

Перенеситесь отсюда мыслью к вашему настоящему положению. И вы теперь в храме; то же видится и слышится богослужение, но простерт ли и ныне над молитвенниками покров Богоматери, в общении ли пребывают с нами лики святых? Веруем твердо и исповедуем открыто, что это так. Христос Иисус вчера и днесь Той же и во веки, говорит апостол, и Церковь Его пребудет вечно, и слово Его мимо не идет: «идеже два или три собраны во имя Мое, там и Я посреде их» (Евр. 13:8; Мф. 18:30). Истина эта особенно близка к сердцу ныне, ныне же особенно ясно проповедуется и св. Церковью: Дева Днесь, поется в богослужении нынешнего дня, т.е. Дева и сегодня предстоит в церкви и с ликами святых за нас невидимо молится Богу. Мы не видим этого телесными очами, но несомненно веруем. Были и во Влахерском храме многие богомольцы, но не удостоились чудного видения: был здесь царь, за свои познания прозванный мудрым, был патриарх, причтенный Церковью к лику святых, но увидел Богородицу только убогий слуга вельможи, наш единоплеменник славянин Андрей Юродивый. Такого видения достигают только избранные.

Но если Дева и ныне, и сейчас, и всегда предстоит с нами в храме, то какую же святыню, какое же сокровище неоценимое, какое место высокое представляет храм! Знали это в Ветхом Завете, когда Любовь Божественная еще не так открыта была людям. С каким восторгом, с какой

пламенной любовью желал водвориться во храме св. царе-пророк Давид! Окруженный бедствиями, ожидающий каждую минуту, что вот восстанет на него брань, ополчится непримиримый враг, оклеветанный врагами, преследуемый злобными гонителями (Пс. 26:2, 3, 10, 12), огорченный потерей всего милого сердцу и изменой близких и друзей-о чем молит он Господа, чего желает прежде всего душа его? *«Едино просил от Господа, то взышу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати ми храм снятый Его!»* (Пс. 26:4).

В Новом Завете Бог открыл Себя людям, насколько они могут вместить Его; поэтому и храм новозаветный есть новое и действенное открытие Божества. Тем более он должен привлекать к себе верующих. Здесь Бог, Утешитель скорбящих, здесь общение святых, отшедших и не забывающих братию, странствующую по земле; здесь веяние неба, здесь дыхание страны вечной. Нужно ли тебе вразумление, тяготит ли сомнение, мир ли наводит на тебя мрак свой: молись здесь пред Светом, просвещающим всякого человека, молитва озарит твою мысль, рассеет образы лукавого мира. Здесь же, в храме Милосердия, для совести твоей дается елей милости и врачевание веры в таинстве покаяния, здесь же ты, вечно жаждущий общения с Высочайшим, самым делом соединишься с Ним во св. причащении.

А ты стоишь здесь с развеванными мыслями и с блуждающими взорами; а тыходишь сюда, как в обыкновенный дом, вызывая грозное обличие апостола: *«Или домов не имате? Или о церкви Божией нерадите?»* (1Кор. 11:16). Неблагодарный! Церковь ведь о тебе молится, о твоих близких живых и умерших, о твоём спасении, о твоём счастье, – а ты, раб ленивый и злой, сам не хочешь внять ее голосу! Церковь окружила тебя здесь образами, возбуждающими в душе все возвышенное и святое, она одела свое богослужение в благолепную ризу песней и молитв, в красоту обрядов и священнодействий, – а ты стоишь холодный и невнимательный, священных песней не слушаешь, обрядов не выполняешь?! *«Друзе, како вшед еси семо, не имый одеяния брачна?»* Вот какой голос можешь ты услышать, и затем: *«изгнание вон, ввержение во тьму кромешную»* (Мф. 22:12–13). А ведь стоит только вдуматься в то, что ты видишь и слышишь здесь, – и само собой так и потянет тебя долу, в поклоне до праха земного, и невольно осенишь себя образом креста! Позвольте теперь сделать вам, юные наши богомольцы, пастырское вразумление и... укор: вы, дети, сказать правду, мало креститесь, мало кланяетесь, следовательно, и мало молитесь. Даже в храм входя, не все из вас перекрестятся и поклонятся. Если храму вы не оказываете уважения, –

что другое на свете вы станете уважать?

Братие и дети! В храме стояще славы, на небеси стояти мним. Вот как Церковь определяет наши отношения к храму. Будем же, подобно Давиду, стремиться сюда духом, будем входить сюда и стоять здесь как бы пред лицом Всевидящего Бога, в общении Богоматери, св. ангелов и св. человеков. Горé имеем сердца! Аминь.

Почитание Богоматери³⁷

Нынешний праздник установлен св. Церковью Российской в благодарность Пресв. Богородице за избавление Ею царственного града Москвы и всего нашего отечества от нашествия врагов и окончательной гибели в тяжкую годину горя народного, известную в истории под именем «смутного времени». Это было в начале XVII века. Наступившее после пресечения царственного рода Рюриковичей междуцарствие, неизбежное в таких случаях расстройство гражданского порядка, происки врагов внешних и внутренних, – все это довело Россию до такого плачевного положения, что не было почти никакой надежды на спасение. К довершению государственного бедствия, самое сердце России – Москва находилась в руках врагов. В это тяжелое время нашлись среди русских людей достойные граждане, которые употребили все усилия, чтобы спасти отечество от гибели. С берегов Волги потянулись к Москве ратники ополчения, готовые положить душу свою за благо родины. Но не на свою – человеческую силу, не на ратное искусство уповали воины: всю свою надежду возлагали они на помощь небесную, на силу молитв, на заступничество пред Богом Пресвятой Богородицы, икона Которой – и именно чудотворная икона Казанская – сопутствовала ополчению. И надежда не посрамила: когда войско стояло под стенами Московского кремля, ставшего теперь из твердыни города защитой для врагов его, преподобный Сергей, молитвенник за землю русскую, явился во сне томившемуся в плену у врагов святителю Арсению и объявил, что Господь, по молитвам Богородицы, в следующий же день низложит врагов. Предсказание сбылось: действительно, на другой день, 22 октября 1613 года, к неописанной радости русских людей, кремль был взят, враг изгнан, Россия была спасена. Благодарные предки наши установили ежегодно праздновать этот незабвенный день, посвятив его в честь Пресвятой Богородицы.

Вот история нынешнего праздника. Не трудно вывести отсюда для себя урок и назидание. Будем прежде всего помнить, что Пресвятая Богородица есть наша «Заступница Усердная», как величает Ее св. Церковь. Иначе и быть не может: какую Она была в земной своей жизни – милосердой, любвеобильной, такую осталась, конечно, и по смерти. И слово Божие говорит, что любовь не имеет конца, николиже отпадает; прекратятся откровения и пророчества, уничтожится дар языков, и самый мир кончится, а любовь переживет века и самое время (см. [1Кор. 13:8](#) и д.).

Та, Которая послужила величайшей тайне спасения людей через любовь Божию, Та, Которая подвинулась на ходатайство за бедных хозяев брачного пира в Кане Галилейской, когда у них было такое сравнительно малое горе – недостача вина, – неужели Она, Сама испытавшая в земной своей жизни величайшей скорби, оставит людей в скорбях и нуждах без помощи и покровительства? И Божественный Сын Ее, так любивший Ее на земле и на кресте в предсмертных муках заботившийся об устройении Ее земного благополучия, неужели не будет внимать молению Матери там, на небе? Нет, по учению непогрешимой учительницы нашей – Церкви, много может моление матернее по благосердию Владыки! Недавно еще праздновали мы день блаженного Успения Богородицы и тогда вспоминали, как Она, явившись сонму апостолов Христовых, Сама изрекла утешительное для всех людей и всех времен обетование, что не оставит мира и по успении своем. Недавно мы торжествовали и другой праздник – Покрова Божией Матери, и тогда видели и самое исполнение Ее обетования. А нынешнее празднество не убеждает ли нас в том, что не только отдельные лица, но и целые царства пользуются милостями и заступлением Богоматери? В этом отношении особенно счастливо наше отечество, Русь православная. Нынешний праздник – ведь всероссийский праздник, потому что вся Россия в тяжелую годину своей жизни признала Ее, Богородицу, свою спасительницу. А посмотрите по лицу всей земли русской: сколько есть чудотворных икон Ее, – знамения ее милости, всероссийскою Церковью чтимых, сколько есть икон местно чтимых в каждой отдельной области, почти в каждом отдельном городе! И то обстоятельство, что в редком, редком доме на Руси не найдется иконы Богоматери, не свидетельствует ли о том, что русский православный человек опытом познал, из бесчисленных благодеяний Богоматери познал, какую великую Заступницу рода христианского имеет он в Пречистой Деве? Оттого-то, когда русское воинство ополчалось на врага и шло на смертный бой за веру православную, за Царя и отечество, оно всегда имело при себе в залог побед Пречистый лик Царицы Небесной, Оттого-то, когда в какой-либо области наступало общественное бедствие, вроде повальной болезни, как было недавно и у нас, в нашем городе, везде, по собственному начинанию православного населения, поднимались иконы Богородицы, обносились вокруг городов и сел; народ успокаивался, и самая болезнь прекращала или ослабляла свое губительное действие.

Из всего сказанного не следует ли с очевидностью, что мы должны чтить Пресвятую Деву, обращаться к Ней со своими мольбами и нуждами? Наш город посвящением главного храма своего в честь Богоматери как бы

поручен Ее особенному небесному покровительству. Когда 100 лет тому назад на месте, где теперь мирно живет наш город, бывшим в то время передовым боевым пунктом против врагов России и христианства, населены были русские православные люди, с целью преграждать путь хищникам и не давать им возможности нападать на русские пограничные селения, то новые поселенцы принесли с собою неоцененную святыню, много раз спасавшую русское воинство от врагов, – образ Казанской Божией Матери. Ей вверяли они свою жизнь, на Нее одну надеялись, Ее защите и покровительству доверяли они безопасность своих жилищ, сохранность семейств, целостность своего достояния, когда, вызываемые обязанностями службы и долгом воинского звания, уходили на борьбу со врагом. Ее же пресвятому имени посвящен и сей св. храм, построенный уже в то время, когда незначительное воинское поселение разрослось уже до величины города, и, несомненно, создателями храма руководила та же благочестивая мысль, – мысль о покрове Богоматери над нашим городом. Таким образом, для нас, ставропольцев, нынешний праздник имеет особое значение. Предками нашими, целым рядом поколений, ранее нас здесь живших, мы отданы под особое покровительство Божией Матери. Мы – дети Ее, удел Ее. Будем помнить это, будем обращаться к Ней с нашими молитвами. Но не забудем и того, что не одно внешнее поклонение честной Ея иконе, – возжжение свечей, пение пред ней молебнов в домах и храмах, обнесение ее вокруг города по улицам по площадям, – не одна словесная молитва к ней, Заступнице рода христианского, не одно посвящение имени Ее главного храма в города служит условием для получения Ее милости и благоволения. *«Сыне, даждь Ми твое сердце»*, – требует Господь (Притч. 23:26). Матерь Господа Иисуса Христа не может покровительствовать врагам Сына Ее; следовательно, для получения Ее благоволения прежде всего нужна вера в Спасителя нашего, любовь к Нему. Матери Господа нашего Иисуса Христа не могут быть близки те, кто не исполняет Божественных заповедей Сына Ее; следовательно, нужна жизнь по вере, любовь к Богу деятельная, которая, как известно, выражается главным образом в любви к ближнему – к человеку, созданию Божию. Посему и произнесен грозный приговор апостолом: *«Если кто скажет, что Бога любит, а ближнего своего ненавидит, тот лжет»* (1Ин. 4:20). Пресвятая Дева Мария не может считать близким Себе по духу и того, кто не выражает своей любви и почитания к Ней подражанием Ее боголюбезным добродетелям: Ее вере в Бога, надежде и любви к Нему, Ее необыкновенному терпению, смирению, кротости, милосердию, трудолюбию, любви к молитве, к чтению и слушанию слова Божия. Вот в

чем выражается истинное Ее почитание, вот над кем милостиво простерт Ее покров, или, по выражению песни церковной, «источает нам нескудные милости Пречистая Богородица, предваряет на помощь и избавляет от всяких бед и зол благодетельные и богобоящиеся рабы своя» (конд. праздн.). Итак, чти икону Богородицы, поклоняйся, лобызай ее, торжествуй светло дни праздников ее: это Ей угодно, это душеспасительно, заповедано св. Церковью, завещано нашими благочестивыми и боголюбивыми предками, но в то же время угождай Ей и жизнью своею, которую располагай по заповедям Ее Сына, почитай Ее исправлением души и сердца, а в случае падения, возможного для человека, искренним покаянием пред Богом и чистосердечным намерением исправиться. А без этого, без богобоязненности, без преуспевания в добродетелях, не может быть и речи о духовной к Ней близости; тщетны будут наши мольбы, напрасны надежды и самое празднество сегодняшнее наше, самое посвящение этого святого храма в честь Богородицы будет только укором для нас, будет свидетельствовать только о том, как далеки наши дела, наша жизнь, наше нравственное состояние от звания христианского. Не услышим ли мы тогда грозных слов Господа, обращенных некогда к народу еврейскому через пророка: «Праздников ваших и жертв ваших ненавидит душа моя»? (Ис. 1:14). И не сбудется ли тогда над нами слово нашего Спасителя: «Не всяк, глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в царство небесное»? (Мф. 7:21).

Памятованием указанных уроков и почтим нынешнее празднество в честь Богоматери.

Привет прощальный³⁸

Последней раз я молился сегодня с вами, братья и дети, в этом св. храме, в той семейной обстановке, в которой мы сходились сюда каждый праздник более четырёх лет сряду. Четыре года – время само по себе небольшое. Но эти годы и в вашей и в моей жизни падают на то время, которое остается навсегда памятным: для вас это было время беззаботного детства, светлого отрочества, расцветающей юности; для меня это были первые годы мужества, почти первые шаги общественной деятельности, – время, вероятно, самой напряженной деятельности. В эти памятные для меня и для вас годы вступили мы с вами в общение веры и молитвы, к которому присоединилось общение науки, – и все это должно было возрасти в прекрасное общение любви. Не знаю, как вы, – хотя и могу судить по тем слезам, с которыми вы слушаете меня, – но я сроднился с вами, милые дети, сроднился с этим храмом и братьями его. Вот почему в настоящие минуты сердце мое полно скорби, слезы застилают мне очи, вся душа моя трепещет во мне. Вот почему, прощаясь с вами, я не знаю, что сказать вам, какой вам оставить прощальный завет: так переполнено все существо мое, так подавлен я множеством мыслей и чувств. Но голос любви и долга заставляет меня остановиться на чем-либо одном, и я уверен, что сказанное при таких исключительных обстоятельствах западет вам глубоко в душу. Я помню, каким вниманием подарили вы мое первое здесь учительное слово. К нему невольно переношусь я мыслью. Четыре года назад, в воскресный день, когда Церковью положено читать евангельское повествование об исцелении Гагаринского бесноватого, я в первый раз говорил вам с этого святого места. Теперь последним наставлением пусть будет то, которое было первым. Тогда я обратил внимание ваше на то, как гадаряне, испуганные потерей своих свиней, просили Учителя и Божественного Чудотворца уйти из пределов их; так свиньи были поставлены ими выше великого и спасительного учителя. Вот вам вековечный образ того, к чему приводит увлечение миром и тем, что в мире. Не говоря ни слова, Иисус немедленно удалился от неблагодарных и злых и погрязших в свои расчеты и страсти. Так, выбора нет: или оставайся со свиньями, в состоянии скотоподобия, или будь со Христом, слушай Его учение, им живи, ему следуй. Нет общения у света и тьмы. Развивайте же в себе от юных лет стремление ко всему доброму и прекрасному, верую и добродетелью восходите ко Христу, чтобы не очутиться в состоянии гадарян. Пользуйтесь драгоценным временем

детства и юности, когда любви ко Христу не заглушают еще заботы о пропитании, которое дается вам по дару трудами других. Памятуйте слова апостола, который вы не раз здесь слышали: *духа не угашайте, вышних ищите; горняя мудрствуйте, а не земная; елика суть истина, елика честна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, только то, что добродетель и достойно похвалы, – сие помышляйте* (1Сол. 5:12; Кол. 1:3, 3:1–2, Флп. 4:8). *Будьте тщатем не лениви, духом горяще, Господеви работающе* (Рим. 12:11). Помните, что вера Христова есть единственная отрада жизни: не заменит ее ничто на свете; помните, что Церковь Христова есть единственный путеводный светоч жизни: для кого он погаснет, тот останется во тьме и неудержимо повлечется к гибели. Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец; кто не имеет веры, кто не стремится духом к Богу, кто жизнь свою не располагает по завету Христову, кто все интересы, и заботы, и помыслы свои держит вдали от Бога и Его закона, – тот не человек, тот называется человеком только по недоразумению, его место – в числе скотов гадаринских. И не только тот, кто творить зло, но и тот, кто, не вредя существенно никому, однако, не делает и добра, хотя имеет к тому все средства, и тот погибнет. Таков богач, о котором вы слышали сегодня в евангелии. Кто не творит добра, тот уже сторонник зла, кто остановился на пути нравственного восхождения, тот неизбежно пошел назад. Верно слово Господа: *Кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает* (Мф. 12:30). Итак, горé имея сердца, непрестанно стремитесь к почести вышнего звания во Христе Иисусе, имея пред собою один идеал, одну задачу: да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован. Вот вам последнее наставление.

А теперь простите. В эту минуту я помню только то доброе, светлое и чистое, что я видел здесь за 4 года службы. Незабвен буди этот святой храм и в нем таинственный престол благодати, которому я предстоял недостойный. Незабвенны будут те святые минуты, когда ваших душ касался ангел молитвы, и я видел вас здесь поверженными пред алтарем в сердечном умилении. Буду вспоминать, как вы говели, как многие со слезами исповедовались, какими умиленными подходили вы ко святой чаше. Памятны будут мне минуты внимания, которым вы отвечали на мое проповеданное слово, когда я сам чувствовал, что оно дошло до сердца. Отрадою наполнялось все существо мое, когда, посещая пансион, иногда в поздний после полуночный час, я видел пред иконою, в сумраке лампы, склоненных в молитве детей. От всей души призывал я тогда на вас благословение Неба...

Да, я видел детские молитвенные слезы – и вижу теперь ваши слезы разлуки; я слышал детские молитвенные вздохи – и слышу теперь вздохи при мысли о расставании.

Довольно! Живы христианские души, сильна вера, есть любовь, возрастет на этой ниве благочестие! Выше счастья для меня нет, как сознавать это...

Теперь я отхожу на новую ниву. Но неужели мы теперь будем друг другу чужими? Нет, не могут быть чужими те, которые соединились в общении молитвы к Богу мира и любви. В этом мире и любви нуждается уходящий. Мира и любви я прошу у вас. То правда, что на служении здесь я положил и приложил всю энергию молодости, всю горячность верующего и ревнующего сердца... Но в этом самом кроется источник и моих недостатков, источник страстности, которая должна быть чужда великому и вечному делу, к которому я был приставлен как рядовой работник. Простите же отходящему от вас пастырю, если я кого обидел чем-либо, если кому чего не воздал по лености и косности, особенно же, если кого соблазнил небрежностью, дурным делом или легкомысленным словом. Простите и помолитесь обо мне грешном.

Бог же мира, возведый от мертвых Пастыря овцам Великого кровию завета вечного Господа нашего Иисуса Христа да совершит вы во всяком деле блазе! Мир вам и Божие благословение! Аминь.

Благодарный привет³⁹

Уходящему на новую ниву пастырю вы даете мне образ Пастыреначальника. Поклонившись Ему, яко Господу, земно кланяюсь и вам, добрые люди, благодарю за привет, за любовь и ласку. Вижу в этом пожелание мне успела на новой ниве, которая и вам не чужая, как служащая тому же делу, ведомая к той же цели, не чужая потому, что некогда сойдется полосой с этою оставляемой нивой, когда, по слову Господа, весь мир будет одним возделанным полем: а село, сказано, есть мир; когда раздастся глас трубы вестника скоро грядущего вечного мира и блеснет молния пришествия Сына Человеческого. Буду хранить этот св. образ с благоговением, как залог неумирающего общения со всеми вами, как память о людях, которых я любил и которые по своей доброте дарили меня любовью.

Спасибо, спасибо вам сердечное. Господь Щедродавец, обещавший не оставить без награды и чаши холодной воды, поданной ученику Его, да воздаст вам милостью и благословением!

К новой юной пастве⁴⁰

«Слушай вас, Меня слушает, и отменяйся вас, Меня отменяется».

Эти слова, которыми начинается нынешнее евангельское чтение, сказаны были Господом Иисусом Христом к Его апостолам при отправлении их на проповедь. Дело Христово, дело спасения людей не должно было прекратиться с отшествием Спасителя на небо; продолжение его, как видите, было вручено св. апостолам. Это же дело не должно было окончиться со смертью и апостолов, ибо то, чему они служили и что созидали, т.е. Церковь Христова, по мысли и обетованию Основателя, должна была пребывать вечно: «созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ей» (Мф. 16:18). Дело спасения человечества по смерти апостолов передано было их преемникам, пастырям и учителям Церкви, совершается оно теперь и будет совершаться до скончания века. И к ним, к преемникам апостолов, во всей полноте относится Божественное слово: «Слушай вас, Мене слушает, и отменяйся вас, Мене отменяется» (Лк. 10:16).

Меньший в братии моей, предстою пред вами и я, – страшно выговорить, – и я в числе преемников апостолов. Страшно выговорить: потому что это, с одной стороны, указывает на высоту служения, к которому я призван, с другой стороны, невольно наводит на мысль об ответственности, напоминает изречение Господа: «Кому много дано, с того много и взыщется» (Лк. 12:48). А в данном случае, по отношению к себе, могу сказать одно, что бремя великое вверено ладье малой: кто я, чтобы мне принять на себя жребий и служение апостолов? Не имею я ни их сил, ни духовных дарований, ни их пламенной ревности, ни их чистоты и непорочности. Более того: я во всем уступаю прежнему вашему пастырю, ранее меня занимавшему это священное место проповеди. Таким образом, при первом знакомстве с вами, как бы рекомендуя себя вам, могу сказать о себе только словами апостола: «Нечем мне похвалиться, только немощами моими» (2Кор. 12:5, 9). Не могу я вам дать никаких особых обещаний, не могу внушить никаких особых надежд. Вот почему моя первая просьба к вам, братие и дети, – это просьба о любви и снисхождении к моим недостаткам, к моему неумению. Как бы они ни были велики, все же я буду возвещать истину ту самую, которую принес на землю Спаситель, проповедали миру св. апостолы. Истина же не умалется, не изменяется, не теряет своей цены и не перестаёт быть истиной, хотя будет возвещаться и неискусным проповедником. Кто

истину любить только из-за формы, в которую она облечена, тот плохой ее последователь и плохой ценитель. Она выше формы. Так дорогой камень отличается и ценится любителем независимо от того, в какой он оправе.

Прошу же вас, братие, принимайте и мое неискusstное слово, проповедуемое во имя Христа и согласно с Его учением, принимайте, как сказано: *«Слушай вас, Мене слушает»* (Лк. 10:16); умоляю вас, не переносите моих недостатков на то дело, которому я служу, на истину, которую я буду возвещать вам; мои же немощи покройте любовью, которой еще и еще прошу у вас. Мы с вами уже теперь не чужие, потому что вступили сегодня в общение веры и молитвы; присоединим сюда общение науки, и пусть все это возрастет в прекрасное общение любви. Так было на прежнем месте моего служения.

Сейчас мы будем молиться о здравии Государя Императора, ныне вступающего в брак со Своею Высоконареченною Невестой, о здравии Матери Его, Государыни Императрицы Марии Федоровны, ныне празднующей день Своего рождения. Таким образом, воспоминания нынешнего дня указывают нам еще одно связующее нас воедино начало: в принадлежности и служении общему единому отечеству, в любви и преданности единому Царю и Его царствующему Дому. Как собратья в Церкви, как сограждане в государстве, как соработники в служении одному делу просвещения, возлюбим друг друга, и тогда в этой взаимной любви и единомыслии мы успешнее всего благоустроим свое спасение вечное и самую жизнь земную. Как ваш пастырь и молитвенник, в это первое мое священнослужение от всей души молю вам милостей Щедродателя Бога, у Которого *Одного всякое даяние благо, и всяк дар совершен* (Иак. 1:17). Благословение Господне на вас, Того благодатию, человеколюбием и щедротами всегда, ныне и присно, и вовеки веков. Аминь.

1895 г.

Христианство жизненное⁴¹

За много до нашего времени, больше чем за 900 лет, в русской земле царствовал князь Владимир, ныне воспоминаемый Церковью, как святой просветитель русских людей, названный равноапостольным. Князь Владимир долго не веровал во единого истинного Бога, во Христа Спасителя, а признавал и почитал богов многих. Такая религия, признающая многих богов, называется язычеством. В то время, как вера Христова сообщена людям Богом небесным, язычество выдуманно самими людьми, а так как человек может ошибаться, человек стремится только к тому, что ему нравится, что ему выгодно, то и языческая религия была ошибочна и всецело служила только телу: язычники много веселились, при служении богам допускались у них и пьянство, и обжорство, язычество допускало распутство и многоженство, не только не запрещало, но советовало дикие кровавые расправы, мстительность и жестокость. Хорошим и достойным похвалы, по мнению язычников, был тот, кто никому не дастся в обиду, кто, напротив, всем другим покажет свою силу, кто умел весело, хорошо, всласть пожить, повеселиться. Вы видите, что заботы о душе, заботы о вечном спасении, заботы о чужом горе, о других людях у язычников не было. В язычестве хорошо жилось только знатным, сильным и богатым, а таких всегда немного. Наконец, в язычестве не было и мысли о том, – а что же будет после смерти? Будет ли то же веселье, не будет ли, напротив, горя и мучения, и чем заслужить нужно вечное спасенье, чем умиловить Бога, избавиться мук вечных? Многие язычники задавались этими вопросами, но кто может их решить, кто на них может ответить? Один Господь может разъяснить это и, действительно, разъясняет во св. евангелии, в учении Христовом, но этого-то учения язычники и не знали.

Князь Владимир обладал светлым умом. Как язычник, жил и он разгульно, любил пьяные пиры и дикие забавы, имел множество жен, часто со своей дружиной нападал на соседей, убивал сотни и тысячи людей, уводил в плен отцов и матерей, избивал беззащитных младенцев. Но ничто не удовлетворяло души князя, не находил он в этом разгуле счастья, а время шло, приближало его к смерти и все чаще и чаще задумывался князь над своею жизнью, над своею бедною душой, над своим будущим после смерти. Не раз, конечно, с тоской и печалью он спрашивал своих богов, призывал идольских жрецов. Но боги не давали ответа потому, что были ложны и немые, а идольские жрецы удивлялись,

что князь богатый и сильный может быть печальным, и советовали князю заглушить тоску опять в вине, в плясках, в пирах и боевых набегах. Тогда князь стал искать ответа в других религиях, но ни одна его не успокаивала, ни одна ему не понравилась. Раз явился к нему священник-монах православный и познакомил князя с истинной верой, а после беседы показал ему картину страшного суда, где по правую сторону изображены были ликующие праведники, радостно идущие к вечному блаженству, по левую сторону – плачущие грешники, идущие в муку вечную. Князь сказал с грустью: «Хорошо тем, кто по правую сторону»; священник ответил: «Веруй и крестись, и ты будешь с ними». С тех пор князь стал готовиться к крещению. Господь поразил его слепотой и исцелил после крещения, чтобы сильнее уверить в истине Христовой. И действительно. Владимир отдался вере Христовой всецело. Слово Божие, которое он теперь узнал, ясно говорило ему, что князья должны быть отцами для своих подданных, и он, узнав счастье веры истинной, пожелал дать это счастье и своему царству. Так он крестил наших предков, крестил русскую землю и, таким образом, сделал то, что делали некогда апостолы, за что и назван просветителем России, равноапостольным. Св. Церковь прославляет его многими песнями. Она сравнивает его с апостолом Павлом и всех призывает величать его равноапостольным. По словам церковной песни, Господь отнял у него в купели крещения слепоту телесную, вместе и духовную.

Совершенно изменился князь Владимир после крещения: из буйного и гневного стал кротким и тихим, из жестокого и кровожадного обратился в милостивого и смиренного. Кончились пиры, прекратилось пьянство и распутство, перестал он жить для себя и стал заботиться о других – о своих близких, о своих подданных, стал щедрым на милостыню нищим, на жертвы храмам, стал богомольным и трудолюбивым. Он сам говорил о себе: «Был я прежде как скот, жил я хуже всякого зверя, пока не узнал Бога истинного». Так повлияла вера Христова на Владимира.

Князь просветил верой Христовой и землю русскую, наше отечество этою верою росло и крепло; ею и строилась наша земля, соединилась в едино из множества отдельных княжеств, побеждала врагов и сделалась теперь могущественным в мире государством. И теперь русский человек, когда говорит с любовью о своем отечестве, называет его святою православною Русью, и теперь, когда мы хотим похвалить кого, то выше похвалы не находим как сказать: «Он истинный православный христианин».

Так погибло на Руси язычество и воцарилась вера Христова, вера

православная.

Мы видели, каков был князь Владимир язычником и каким стал после принятия христианства. Теперь с тех пор прошло 900 лет. Русь стала православно-христианской. Пало и уничтожилось язычество и сияет христианство. Что же, нет ли в нас до сих пор чего-либо языческого, совершенные ли мы христиане?

К сожалению, если рассмотреть наши дела, наши мысли, наши желания и чувства, то едва ли мы по чистой совести можем назвать себя вполне последователями Христовыми.

Язычник живет для тела, христианин должен жить для духа; язычник живет для земли и временной жизни, христианин живет для неба и вечной жизни. Нам сказано: *дух есть, иже животворит, плоть же не пользует ничтоже* (Ин. 6:63); нам заповедано: *вышних ищите, горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. 3:1–2); нам каждую обедню твердят: всякое ныне житейское отложим попечение, горé имеем сердца, т.е. к Богу; нам апостол говорит: *во всем, братие мои, только то, что истинно, что честно, что пречисто, что достойно похвалы и что может быть названо добродетелью – о сем помышляйте* (Флп. 4:8).

А мы? Мало ли у нас сквернословия, мало ли обжорства, пьянства, распутства, мало ли гордости, скупости, жадности, мало ли обмана для приобретения денег и других земных сокровищ? И неужели все это мы готовим для неба? Неужели все это свойственно христианину? И выходит поэтому, что по имени мы христиане, а на деле у нас много еще языческого. Дальше: язычник живет для себя, и только для себя. Христианин, напротив, помнит и о Боге и о своих ближних. Нам сказано: *возлюби ближнего, как самого себя*, не своих только выгод ищите, но и о близких помышляйте (Мф. 22:39). О родных апостолом заповедано: кто о близких, особенно же о родных, не заботится, тот веры отвергся и хуже язычника, и даже о врагах нам поведано (1Тим. 5:8): *любите врагов своих, благотворите ненавидящим вас, если голоден враг твой – накорми его, если жаждет – напой его* (Мф. 5:44; Рим. 12:20). А о старших, о начальниках, о пастырях духовных нам что заповедано? Заповедано повиноваться им, слушать их учение, заповедано не доверять собственному разуму, а веровать так, как учит Церковь Христова устами своих служителей. А о всех вообще сказано: *воздадите всем должная...*

А мы? Мало ли у нас ссор, вражды, зависти, ненависти, мало ли осуждения, упорства, неповиновения? Куда же нам любить врагов, когда мы дома с близкими жить не умеем, – муж с женой, дети с родителями, пасомые с пастырями. И опять мы приходим к печальному выводу, что мы

по сути язычники и только по имени христиане.

Братие возлюбленные! Что пользы от дерева, когда на нем нет ни плодов, ни даже листьев? Какое удобство от реки, когда в ней нет ни капли воды? Точно также, что пользы от того, что мы крещены и называемся христианами, а дел и мыслей, чувств христианских не имеем? Один из св. отцов говорить: если в источнике нет воды, то не должно и называть его источником; так, если у христианина нет добрых дел, то напрасно и звать его христианином. Спаситель сказал, что *всякое дерево, не приносящее плода, отсекают и бросают в огонь* (Мф. 3:10 и др.). Побоймся этого грозного определения. Постараемся быть христианами не по имени только, но и самым делом. Братие, говорит апостол, вы были некогда тьмою в язычестве, ныне же свет о Господе – в христианстве; ходите же, как дети света, а не тьмы, как служители добра, а не зла, как дети Бога, а не диавола. Ныне же отложите все прежнее языческое: гордость, гнев, злобу, блуд, чревоугодие, срамословие от уст ваших. Наши предки были язычниками и в язычестве имели много пороков, но они не знали закона Божия и в этом могли иметь оправдание; мы же знаем, что добро, что зло, и если не творим добро, то потому только, что не хотим. Но, поступая так, мы собираем себе гнев на день гнева, по слову апостола; ибо непреложно грозное прещение Спасителя: *«раб, не знавший воли господина и не сотворивший, будет бит мало, а раб, знавший волю господина и не сотворивший, будет бит много»* (Лк. 12:47–48). Аминь.

Труд учителя⁴²

Поминая молитвой усопшего брата нашего, осмеливаюсь посвятить памяти его несколько посильных слов, осмеливаюсь быть выразителем чувств, несомненно, волнующих каждого из членов собравшейся здесь нашей учительской семьи.

В лице усопшего поминаем мы, братья-сослуживцы, жизнь, преждевременно угасшую вследствие общего всем нам тяжкого труда обучения и воспитания подрастающего поколения. Тем более близка нам память об усопшем, тем более усердна должна быть молитва наша о нем, что жизнь его есть в некоторой степени жизнь наша, и судьба его – кто знает – может быть, есть судьба наша... Я не знал близко покойного, застав его в таком положении, когда роковая болезнь уже наложила на него крепкую руку и как бы совершенно отделила его от мира живых. При таком положении нельзя было судить об его нравственном облике. Обыкновенно черты этого облика вдруг просветляются и вырисовываются ярко в предсмертные минуты, в последнем исповедании пред духовником. Так было с другим покойным сотоварищем нашим, которого мы недавно лишились, но по отношению к поминаемому ныне и этого способа познать его не было дано мне. Однако, несомненно высказанная мною мысль, что здоровье свое покойный потерял на учительском труде, который отразился на нем мучительной горловой чахоткой и свел его в раннюю могилу. Будь он на другом поприще службы, его от природы крепкое здоровье, конечно, надолго сохранило бы его для многочисленной, ныне сиротеющей семьи и значительно отдалило бы от него смертный исход... Вот она надорванная жизнь учителя, вот горькая участь работника в области мысли и дум глубоких для блага возрастающего поколения, жизнь труженика, не имевшего времени оглянуться на здоровье свое и на судьбу своей семьи! Так может думать каждый из нас...

Но да не смущается, братие, сердце наше о себе и о смертном шествии поминаемого сослуживца. Жизнь человеческая ценна не с количественной стороны, а с качественной. Слово Божие, в котором человек всегда в тяжелые минуты искал и ищет разрешения вопросов жизни и смерти, говорит нам, что можно прожить в мале, но исполнить лета долга (Прем. 4:13), что сединою для людей служить мудрость, которая не в числе лет полагается (Прем. 4:8). Что же более подходит к этому мерилу жизни человеческой, как не высокое звание учителя?

Учитель, – говорит один проповедник (протоирей Полотебнов), –

обогащая умы и сердца бесценным сокровищем знаний и чувств высоких, которых не ведают сыны века сего, воистину есть, по слову евангелия, сын света (Ин. 12:36). Поэтому, несомненно, руководители мыслей и чувств подрастающего поколения и в немногие годы своей быстро угасающей жизни живут истинною и светлую жизнью разумно-нравственного существа, живут полнее и, в качественном отношении, как бы дольше хлопотливых и низменных сынов века сего (Лк. 16:6). Не могу не привести здесь замечательных слов знаменитого вселенского учителя Иоанна Златоустого, – слов, которые так возбуждают энергию нас, учащих, и так утешают в нашей воистину трудовой жизни высокою оценкой наших трудов. Вот эти слова: «Если я хранить буду что-либо в душе, не сообщая другим, то у меня духовное богатство сократится, а если я сделаю многих участниками и общниками всего, что знаю сам, то духовное богатство у меня увеличится... Как хлеб, если он остается в житницах, портится, а если сеется на нивах, то умножается и снова обновляется; так и слово духовное: если будет посеяно в души слушающих, как бы на плодоносную ниву, то сделается многократно большим сокровищем и для принимающих и для владеющих им... Так источник, если из него постоянно черпают воду, более и более очищается, и делается обильнейшими, а если бывает закрыт, то иссыкает». (Бесед. 10 прот. аном.) Эти слова о высоком значении тружеников науки и школы пусть ободрят нас, пусть рассеют тяжёлые думы, пусть вместе с тем послужат залогом и основанием светлых упований наших об усопшем брате. *«Блажен муж, – говорит библейский мудрец, – блажен муж, иже обрете мудрость и поведаяй в уши слушающих; в руце Божию благое шествие мужа сего»* (Сир. 25:12, 10)... *Сеющий в плоть, по слову апостола, от плоти пожнет тление...* Но не таково сияние учителя, не таково было и сияние почившего. Зато *сеющий в дух, по тому же слову апостола, от духа пожнет жизнь вечную* (Гал. 6:8). За это сеяние в дух, за тяжесть учительского подвига, за трудовую жизнь, за преждевременную смерть да простит Милосердый Владыка живых и умерших почившему брату нашему грехи вольные и невольные и да упокоит его в блаженстве обещанной вечной жизни!

«Знаем, что когда земной наш дом, сия хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2Кор. 5:1). Аминь.

1896 г.

«Хороший человек»⁴³

Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мне, братие и друзи, сродницы и знаемии.

Такие слова влагает святая Церковь в уста умершего, с такую просьбою она обращается к нам от его имени. Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мне, братие и друзи, сродницы и знаемии мои!....

Не заставляй нас плакать по себе, возлюбленный брат наш Михаил Александрович! Не напоминай об этом скорбном и единственном праве, которое дано в удел немощи человеческой: скорбеть и тужить при виде смерти! Не проси о себе слез. И без твоего напоминания все, стоявшие около тебя близко, все, не только знаемые тобою, но и не знаемые, а только знающие о тебе по рассказам других, без сомнения, поболеят и поскорбят о разлуке с тобою. Вот и теперь при гробе твоём не видим мы сродников, к которым, между прочим, обращается приведенная церковная песнь; не видим тех, кто со смертью близкого человека теряет отца или кормильца и вообще лицо, с существованием которого неразрывно связаны насущные житейские интересы. Ты был одинок, – а посмотри, какое вокруг тебя множество! Что же внушило скорбь этому молитвенному собранию, которое отнеслось к тебе с такой теплою любовью, с таким искренним сожалением, какие можно встречать только в сродниках? Кого потеряли в тебе эти братия и друзи твои, все знаемые тобою и не знаемые. Общий голос указал, кого все потеряли в тебе: лишились не отца и кормителя, о котором плачут близкие по плоти, и не того, с чьим существованием связаны какие-либо житейские выгоды и интересы, а потеряли в тебе все – *хорошего человека*. Это, повторяю, общий голос о тебе. Твой начальник при первом известии о твоей последней смертельной болезни со скорбным предчувствием близкого исхода твоего из земли живых так именно выразился о тебе: «Хороший человек»! Твои сослуживцы и подчиненные, при первом взгляде на мертвенное тело твое, устами одного сказали о тебе: «Лишились мы хорошего человека»! Твои знакомые и при жизни твоей и после смерти также говорили о тебе: «Хороший человек»! И я, смиренный служитель Церкви, свидетель твоей предсмертной беседы с Господом, которую ты вел с Ним через мое недостойнство, могу засвидетельствовать здесь о тебе: хороший ты человек.

В чем же, братии мои, собравшиеся здесь во имя скорби и молитвы, в

чем тайна той всеобщей любви, которую внушал к себе покойный и которая так наглядно и трогательно выразилась вокруг его гроба? Не ошибусь, и думаю, что буду выразителем общего мнения, если скажу, что тайна эта заключается в чистом и возвышенном идеализме ныне покойного Михаила Александровича. Да, это был действительно глубокий идеалист, беззаветно, до полного самозабвения отдавшийся идеалам в науке и искусстве, и в жизни, и в деле воспитания юношества, и во всяком деле, за которое брался. Науке отдал он всю жизнь, для науки ездил в чужие края, оставил удобства жизни и выгоды службы, науке отдал он свое здоровье; ею он жил, ее любил всеми силами души, потому и говорил о ней со всяким чуть ли не при первой с ним встрече. Свидетели этого – все здесь присутствующие; немymi свидетелями этого служат и многочисленные научные труды покойного, частью оконченные, а больше не оконченные... Увы, он умер не в ослаблении мысли и деятельности, не уставший от труда и подвига своего, не изживший своего ума и энергии, а в полном напряжении работы над своим любимым делом; умер, как Моисей, не вошедши в землю обетованную, не докончив своего дела, не увидевши той высокой кафедры, о которой мечтал и к которой так много готовился⁴⁴. И в этом отношении повторилась с ним история многих идеалистов... Но что из того? От этого, конечно, пострадала его любимая наука, но вся личность его рисуется во всем обаянии светлой и чистой любви к науке, во всей привлекательной прелести идеализма.

Идеалистом был покойный и в деле обучения и воспитания юношества; преданный ему всецело, не тяготился он никакими трудами, не отвращался от той элементарной, слишком простой науки начальной школы, которая при его широких познаниях могла быть скучною, а при слабом здоровье – тяжелою и утомительною. Эта черта яснее всего свидетельствует о действительной ценности научных познаний покойного и об искренности его любви к науке, в какой бы форме она ни являлась: только незрелость и мнимая ученость могут с высокомерием относиться к элементарной науке и считать занятия ею для себя унижительными. В своей преданности начальной науке, при широких научных познаниях, он напоминает многих великих людей нашего века, с успехом действовавших в области высшей науки и литературы в то же время до самозабвения предававшихся начальной школе⁴⁵. Идеалистом он был и в отношениях своих ко всем окружающим: верил в добро, верил в людей, глубоко и сердечно к ним привязывался, отзывался на их скорби и радости и словом и делом. Не говорим об его частной жизни: в этом отношении его называли ребенком; здесь он проявил такую нестяжательность, такое

неуменье устроиться практически, такое неумение воспользоваться всеми предоставленными законными выгодами и преимуществами, к какому способны только люди, живущие одними идеалами и ничего другого, кроме них, не знающие.

Что теперь сказать об его отношении к высшему идеалу – религиозно-нравственному? Могла ли эта чистая душа быть чуждою этого идеала? Могло ли пройти мимо его сердце, возлюбившее добро так сильно? Нет, и нет! Душа – по природе христианка, и чем она выше и чище, чем более свободна от суеты, чем более живет и проникается интересами духовными, тем она ближе ко Христу. Конечно: *несть человек, иже поживет и не согрешит!* (Ср. Иов. 14:4–5; 1Ин. 1:8). И особенно в такие времена, как наше, кроме личных грехов, сколько приходится людям известных положений принимать в себя, так сказать, общих грехов эпохи, среды, воспитания, нравственных недугов и от прежних поколений, и от живой современности, и от нарождающихся вновь веяний и направлений. И были, несомненно, грехи мысли, грехи слова... Но, Боже наш, *кто чист пред Тобою? Ибо несть человека, иже поживет и не согрешит...* В указанной области покойный, как человек, искренний и прямой, чуждался всего искусственного, лицемерного, испорченного, иногда, может быть, и увлекался в некоторые крайности... Но ведомо Господу, и ведомо отцу духовному, каким ярким пламенем вспыхнула вера перед смертью в этом теперь уже не бьющемся сердце. С каким умилением совершил он предсмертную молитву и исповедал грехи свои, с каким чувством приступил он к чаше Господней, – и долго после этого чувствовал он необыкновенный подъем духовных сил, говорил, что люди – ему братья, что небеса ему отверзлись... И чуть ли не в тот момент, когда в водах крещенских погружен был крест нашего Искупителя в воспоминание действительно отверзшихся некогда небес над Сыном Божиим и Сыном Человеческим, – его чистая душа воспарила к небу и вечности⁴⁶. *Блажени мертвии, умирающии о Господи: ей, глаголет Дух, – починут от дел своих!* (Апок. 14:13.)

Но нам, еще не почившим от дел, покойный оставил в своей жизни назидательные уроки, и особенно вам, учащиеся юноши и дети, которые собрались сюда в таком необычном множестве. К вам я могу обратиться со словами св. апостола: *поминайте наставленников ваших... и взирая на кончину жизни их, подражайте вере их* (Евр. 13:7). Подражайте вере этого усопшего: его вере живой и деятельной, – вере в Бога, вере в добро, в науку, в людей, вере во все прекрасное. Чистый и возвышенный идеализм покойного особенно сроднен и привлекателен для молодости: будьте же в

жизни такими добрыми, любящими и чистыми, простыми, честными и трудовыми людьми, каким был покойный ваш Михаил Александрович.

А нам, всем собравшимся, что сказать в заключение слова и в утешение? И после краткого изображения духовного облика почившего, если я спрошу вас, братие: имеем ли мы в жизни и делах его залог высших и светлых надежд и отрадных чаяний загробного блаженства для почившего, то уверен, что ответ будет только один – утвердительный. Блажен же путь твой, возлюбленный брат наш и мой Сын духовный! Иди в благодатном мире и покое туда, куда призвал тебя твой Господь! Искал ты здесь правды и добра: ныне вступаешь в общение с Безусловною Правдою и с Добром Бесконечным. В стране незаходимого солнца, в обители невечереющего света найдешь ты и продолжение и осуществление тех идеалов, которые здесь сливаются с вечностью! А мы не забудем твоего обаятельного образа и с любовью помянем тебя высшим проявлением любви – молитвой о тебе. Лучезарным светом твоих идеалов правды и добра и тихим светом любви твоей и нашей да будет ныне освещен и легок для тебя путь к небу и вечности, к твоему и нашему Господу! *Любовь, говорит апостол, никогда не умирает (1Кор. 13:8).* Аминь.

Памяти Царя-Миротворца⁴⁷

Когда два года назад, по воле Божией, в мире почил от царственных трудов Благочестивейший Государь Император Александра III, ныне поминаемый, – Его Первенец Сын, принимая царскую власть, так говорил о смерти отца в Своем первом манифесте к подданным; «Горя Нашего не выразить словами, но его поймет каждое русское сердце, и Мы верим, что не будет места в обширном государстве Нашем, где бы не пролились горячая слезы по Государю, безвременно отошедшему в вечность... И не в России только, а далеко за ее пределами никогда не перестанут чтить память Царя, олицетворявшего в себе непоколебимую правду и мир»...

В эти протекшие два года мы могли убедиться, как до конца исполнилась уверенность нашего молодого Государя. Царь явился свидетелем невиданного зрелища: умер Государь обширного царства, Им возвеличенного и благоустроенного, но такого царства, к которому многие питали и питают чувство зависти, – а между тем не было на земле образованного народа, который не выразил бы искренней и трогательной скорби о почившем. О Нем и доселе говорят и пишут, обращаются к Его жизни и деятельности, рассматривают черты Его нравственного образа, – и все больше и больше проникаются к Нему чувствами благоговейной почтительности и справедливого удивления. «Как в картине великого художника, чем более всматриваешься в нее, тем более открываешь в ней новые стороны красоты и чарующей прелести: так в дивно-прекрасном образе нашего незабвенного Государя много лет и много умов и сердец будут открывать все новые и новые поучения». Вот почему и мы говорили о Нем здесь с вами вчера⁴⁸, говорили не раз с этого священного места и прежде во дни поминовения покойного Государя: и все же Его образ стоит пред нами в неувядаемой красе и открывает по-прежнему неиссякаемый источник назидания.

В чем же, братие и дети, в чем разгадка этой всеобщей любви и почтения к покойному Царю? Указывают на Его государственные заслуги: на возвеличение внешней силы России и притом без войны и кровопролития, путем мудрой, но прямодушной и правдивой политики; указывают на необыкновенный рост внутреннего благоустройства России после страшных событий цареубийства, когда царство наше стояло, как будто бы, на краю гибели и накануне разложения. Все это так, и эти незабвенные для России заслуги покойного Царя блестяще обнаружались и подтвердились в эти два года нашей славы, нашей силы, наших успехов

на Востоке и Западе, в эти два года, когда Русь широко пользовалась плодами трудов и мудрой дальновидности усопшего Царя. Но если бы в этом одном заключалась причина необыкновенной славы Александра III, то нам непонятны были бы чувства всеобщего и благоговейного почтения к Нему даже со стороны врагов России. Почивший Государь был велик в другом отношении: Он представляется всем, как человек редкой нравственной чистоты, Царь-Праведник, что в наш век, так неудержимо преданный себялюбию и чувственности, да к тому же на высоте престола, является для многих каким-то чудом. И это чудо совершилось у нас на Руси.

Но здесь-то, при частнейшем рассмотрении нравственного образа почившего Царя, каждый в меру восприимлемости и личных наклонностей находит и отмечает в нем различные и разнородные стороны: указывают на Его прямоту, и указывают на Его мягкость; указывают на Его бережливость и – щедрость; на Его миролюбие – и готовность самоотверженно защищать отечество; на Его любовь и строгую справедливость; на доброту и твердость воли; на Его снисходительность и строгое требование от каждого исполнения долга, на Его добродушие и серьезность и т.д. Очевидно, была какая-то основная нравственная почва, на которой твердо стоял покойный Государь, и эта почва сообщила Ему удивительное чувство меры и уравновешенность духа, вследствие чего Он, находясь по своему званию в самых разнообразных положениях и отношениях к Себе и ближним, ни в чем не переходил границ в худую сторону и вырос пред лицом мира в высоко-нравственный и удивительно-цельный образ Царя-Праведника.

Нам отрадно в настоящие минуты пред молитвою о почившем Царе, нам отрадно указать, что этою основою всех деяний и нравственной высоты почившего была Его глубокая религиозность, что не осталось неприметным и для взора иностранцев, из которых один, близко знавший Государя, так говорил о Нем: «Религиозность – это основной фонд души Императора»⁴⁹. Да, Он был христианин, и истинный, искренний христианин, и в этом одном слове разгадка величавого и обаятельного образа незабвенного нашего Царя-Миротворца, Царя-Праведника.

Как христианин, в чувстве веры и преданности Промыслу, не пал Он духом в годину цареубийства, посреди всеобщего шатания умов, смятения сердец, посреди ужаса народного; как христианин, верил Он в Свое призвание Царя-Самодержца, верил в Россию, в ее силы и назначение, в Свое, Богом врученное Ему дело; как христианин, покорно взял Он на Себя бремя царственного долга и понес его безропотно и твердо до

могилы, и трудился до изнеможения, отказывая Себе в необходимом отдыхе и днем и ночью. Здесь же, в Его христианских чувствах, объяснение того, что Его прямота, правдивость и искренность не переходили в резкость, грубость и жестокость; Его бережливость не была скупостью, что доказал Он щедрыми пособием народу во время голода и холеры; Его миролюбие не было постыдною трусливою уступчивостью; кротость и смирение Его не переходили в боязливую приниженность, в любви Его не было слащавости, безразличной к добру и злу, и в снисходительности не было попустительства на зло; с другой стороны, твердость и настойчивость Его не были неразумным и себялюбивым упорством, строгость не была жестокостью, требовательность не была проявлением личного каприза, в патриотизме Его не было фанатической ненависти к другим народами, и в самой религиозности не было ханжества, – и так во всем. И болезнь Свою, и смерть принял Он, как христианин: с умилением и слезами читали мы, что Он, уже сломленный тяжелыми недугом, прикованный к одру болезни, среди мучительных бессонных ночей, среди тягостных дней не оставлял царственных трудов, – и Россия, одна Россия составляла предмет его предсмертных забот и мыслей; после трудов Он молился, после молитвы снова трудился, и никто не слышал от Него ни жалобы, ни ропота.

Как удивительна, как величава, прекрасна и торжественна Его кончина! Пришел последний день жизни, изможденное трудом и болезнью тело уже оказалось неспособно к труду, неспособно быть орудием светлого духа... «Сегодня умру, – говорит Государь Своей Супруге: – будь покойна, Я же совершенно спокоен». Еще несколько часов, – и, действительно, жизнь погасла в теле, и верующая душа среди молитв в надежде жизни вечной почил в Боге. Так умирают только люди, крепкие своею чистою совестью и горячею верой в Бога и в бессмертие души. Так умирают только христиане. Не потому ли и любовь к почившему Царю, и при жизни Его и по смерти, все выражали не иначе, как молитвою: молились в России и вне ее, молились христиане без различия исповеданий, молились евреи, мусульмане... Все чувствовали, что иной образ чествования Царя как-то не соответствует Его нравственными свойствами.

О достойном христианине, о преданном сыне Церкви отраднo молиться тому, кто сам имеет трогательное упование на жизнь бесконечную, трогательную веру в общение живых и умерших. К такой молитве прозываемся сейчас мы с вами, братие и дети.

Верим, что Ты, наш многолюбимый Царь, живешь с нами духом;

верим, что сбудется над Тобою все обещанное христианам: Ты был кроток, – а сказано: *блаженны кроткие*; Ты милостив был, – а таким обещано, что они помилованы будут; общий голос всего света нарек Тебя Миротворцем, – а сказано: *блаженны миротворцы, ибо они сынами Божьими назовутся*. Да будет же благословен твой покой, боголюбивая душа! У престола призвавшего Тебя Бога вместе с прежде почившими святыми властителями земли русской стань и Ты в дерзновении молитвы за Русь, за нас, за Твоего Царственного Сына!

Братие и дети! Да будет в сердцах наших вечная память усопшему Царю и в молитвах за Него и в подражании Его высоким достоинствам человека-христианина, оставившего нам пример глубокой веры, благословение мира и завет доброй жизни. Аминь.

1897 г.

Посещение храма⁵⁰

В прочитанном сегодня евангелии мы слышали о чудесном насыщении Иисусом Христом 5000 человек пятью хлебами и двумя рыбами. Как человек, Спаситель наш нуждался во время земной жизни в отдыхе, и вот, после долгих и тяжких трудов проповеди народу, Он с учениками садится в лодку и по озеру Генисаретскому отплывает на противоположный берег, в пустынное место; здесь Он хотел отдохнуть от трудов, здесь хотел Он всецело отдаться молитве к Отцу Своему небесному. Но великое множество народа всем сердцем желало слышать Его учение; и вот, когда Иисус Христос с учениками плыл по озеру, народ из городов и селений бежал по берегу пешком, так что, когда Спаситель сошел с лодки, то увидел пред Собою множество слушателей. Сжалился над ними Милосердый Господь и, несмотря на Свою усталость, стал учить, и учил до вечера, и целый день до вечера народ провел в пустынном месте, вдали от городов и селений, забыв о пище и о всех житейских нуждах.

Тогда-то, при виде голодного народа, Господь Иисус Христос взял 5 хлебов и две рыбы – единственная пища, какая здесь нашлась, воззрел на небо с молитвой, благословил и велел раздавать людям, *и ядоша вси и насытишася*, т.е. все ели и были сыты.

Видим и ныне пред собою народ, и сами сейчас все вместе составляем народ – и народ христианкий. Видим и ныне Христа Спасителя, проповедующего Свое Божественное учение, ибо имеем и слышим Его обещание: *«Я с вами до скончания века»* (Мф. 28:20). Где же, спросите, видим? Видим в том месте, о котором Сам Господь сказал: *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я с ними»* (Мф. 18:20), т.е. видим Его в св. храме. Да, здесь, в храме, Сам Христос невидимо присутствует: здесь Ему молимся, Его имя призываем; здесь для наших телесных очей Он написан на св. иконах, изображается в службе священником; здесь в чтении евангелия и апостольских посланий слышим учение Иисуса Христа; здесь в церковных песнях и молитвах научаемся, как в Него веровать, как Ему молиться, как Ему угождать, как по заповедям Его жить; здесь, наконец, пастыри и учителя – Богом поставленные священники – поучают всех, кто хочет учиться, поучают всех языком по возможности понятным, поучают нас, рассказывают о жизни Иисуса Христа, об Его детстве, об Его учении, преподают нам святыя таинства, Его именем прощают грехи, а в таинстве причащения и соединяют нас со Христом так наглядно, так живо, так

тесно, что дают нам и в нас самое Тело Христово и самую Кровь Его.

Поистине, здесь Христос к нам близок, здесь Христос с нами. И верующая душа, пришедшая сюда с благоговением, с молитвой, с усердием, живо почувствует Христа здесь, в храме, увидит Его невидимого, найдет Его незримого, ощутит Его в глубине своего духа, увидит, услышит Его в храме любящим сердцем. Вот пронеслось дыхание молитвы, вот вздох сокрушения сердечного вырвался из груди богомольцев, вот святая слеза умиления блеснула в очах: то Христос с нами, то слышите Его тихое шествие, внятен тихий шелест Его Божественных риз, то Его голос слышится: «Мир вам! Се Я здесь с вами»!

Да, поистине здесь, в храме, Христос. Что же, храм наш – место тайное, сокрытое? Его нужно искать с усилием, за него платить нужно? Нет, по завету Милосердного Спасителя, Церковь Христова радуется народу, идущему в храм Божий; открыт для всех путь в Божий дом, все в нем стоят равно от мала до велика, знатному и бедному, богатому и убогому – здесь, в храме, одно место. И зовут в дом Божий, громко и долго, долго и громко взывает благовест церковный, ясно и убедительно призывают пастыри Церкви: идите, братие, в храм Божий, оставьте житейские заботы, шесть дней делай и сотвори в них все дела твои, а день седьмой посвяти Богу на молитву. Идите в храм: здесь Сам Христос Спаситель. И Он Сам зовет: «Приидите ко Мне все труждающиеся»... «Где двое или трое... там Я с ними».

О, если бы и ныне наш народ был похож на тот народ времени Спасителя, – на тот, который, оставив дома и домашние заботы, бежал ко Христу и куда же? Не в обширный и прекрасный храм, а в дикую и неприютную жаркую пустыню; не на 2–3 часа церковной службы, как теперь, а на целый день, до вечера, и в зное, голоде, среди неудобств всякого рода искал и находил Иисуса! Не забудьте при этом, что народ галилейский жил в большой бедности, в такой бедности, по сравнению с которой вы, братие, можете назваться богачами. Значит, убогому народу галилейскому тем меньше было возможности пожертвовать трудовым днем для слушания слова Божия, потому что один голодный день вел за собою и завтрашний такой же голодный. Так что же значит, что ныне среди вас замечается такая холодность к храму Божию? Что значит, что среди многих тысяч населения станицы храм Божий пуст, – пуст в будни, пуст и в праздники? Не говорите: теперь рабочее время, теперь некогда. Не лгите пред Богом! Еще не было случая, чтобы кто-либо стал бедным оттого, что слишком часто посещал храм Божий; напротив, многие не посещающие храм разорялись от своей греховной и дурной жизни...

Господь дает нам 6 дней работать, а если и 7-й мы отдаем той же работе, то мы его крадем у Бога; Господь дает нам 6 дней для заботы о теле, а если и 7-й мы делаем то же, то мы его крадем у души. Но ведь тело – временно, душа – вечна. А ведь не о хлебе одном жив будет человек, но о всяком слове Божиим; и Спаситель нам говорит: *«Старайтесь не о пище телесной, а о пище пребывающей в жизнь вечную»* (Ин. 6:27), – а эта пища преподается нам в храмах Божиих.

Братие! Тысячу лет наша Россия была бедна, но не забывала Бога, не оставляла Христовой Церкви; по лицу нашей родной земли, как свечи пред Богом, горят и сияют почти 50 000 храмов Божиих. В храме русский человек находил отраду и утешение, в храме молился и учился – и Господь был с ним, избавлял его от врагов, и царство наше стало велико и могуче, и царство наше земное сливалось с царством Божиим, небесным, с Церковью Христовой, в которой просияло из русских людей столько величайших угодников. И вот ныне видим, что мы, по-видимому, богатеем; чем? плотью, земным богатством, но беднеем духом, забывая Бога и душевное спасение.

Смотрите же, как бы не сбылось над нами грозное слово: отыметса у вас царство и дастся народу, творящему плоды его.

Будем крепко держаться веры, будем крепко держаться храма! Пусть звон церковный, сзывающий в храм на молитву, будет воистину отрадным благовестом для души нашей, желанным призывом в дом нашего Отца небесного.

В старые времена гонений на христиан одну женщину спросили: ты куда идешь? На общественную молитву, ответила женщина. Но разве ты не знаешь, – ведь царь распорядился сегодня окружить место молитвы солдатами и всех молящихся перерезать. Вернись домой!

Женщина постояла, подумала, подумала и – пошла-таки на богослужение. Там ее действительно убили. Так любили древние христиане богослужение общественное. Нас здесь не режут, нас не убивают: пусть же никто и ничто не отвлекает нас от церкви, ибо, отвлекаясь и удаляясь от церкви, мы уходим и удаляемся от Христа Спасителя и от Его вечного и блаженного царства: без Христа – жизнь пуста. А земное довольство при нашем усердии к вере и благочестию и само придет, по слову Божию:

«Ищите прежде всего царствия Божия и правды его, а все прочее приложится вам» (Мф. 6:33). Аминь.

Труд земледельца⁵¹

Даже донныне мы терпим голод и жажду, нуждаемся в одежде, терпим побои и скитаемся и трудимся, работая своими руками (1Кор. 4:11).

Эти слова взяты из сегодняшнего апостольского чтения. Кто же так о себе говорит? Кто этот несчастный, у которого нет одежды, нет достаточной пищи, кто это скитается и трудится, работая своими руками? Это пишет о себе св. апостол Павел. Сын знатных родителей, с детства пользовался он правами римского гражданина, которые были гораздо выше теперешних прав дворянина. В доме родителя ап. Павел получил основательное образование в своем родном городе, а затем для довершения образования отправился в Иерусалим. Здесь он достиг высокой учености и ему, еще молодому человеку, готовилось, без сомнения, важное место и знатная должность; в это время он принял христианство, призванный к тому явлением Самого И. Христа. Отдавшись всем сердцем учению Иисуса Христа, апостол Павел стал ревностным проповедником евангелия, и, можно сказать, он потрудился, больше всех апостолов. Он обошел весь тогдашний мир, исходил пешком тысячи верст, и вот, в это-то время он терпел и голод, и жажду, и побои, и скитался, и не имел где главу преклонить, а для пропитания своего он трудился, работал своими руками, т.е. занимался ремеслом, черною работой: он из шерсти приготавливал и продавал палатки, которые очень нужны в тамошних странах. На эти-то слова апостола Павла я прошу вас, братия, обратить ваше внимание. Мы трудимся, говорит он, – мы трудимся, делая своими руками. Вам эти слова близки, очень близки; вам эти слова дороги должны быть и милы, вы ведь тоже трудитесь, делая своими руками, вы заняты так называемой черною работой пахоты и косьбы и различных ремесленных занятий. Вам поэтому эти слова апостола должны быть и утешительными, и назидательными. Тяжел, не весел часто труд ваш; невысокое место в обществе каждый из вас занимает; горек бывает ваш пот, утомительна работа.

И вот нередко слышатся среди вас жалобы: горькая наша доля! Как нам и быть-то хорошими людьми! Часто слышится злая зависть: добро, хорошо тем, кто занят чистой работой! Добро священнику, добро учителю, добро офицеру, чиновнику! Им хорошо, а нам и бедно, и тесно, и горько, и нудно, и трудно. Братие мои, утешьтесь словами апостола: *«Мы труждаемся, делая своими руками»*. Апостол Павел не стыдился заниматься ремеслом, делая палатки; Сам Иисус Христос был плотником; Его первые ученики были бедные рыболовы. А потом стали они тем, чем

ныне бывают священники, т.е. служителями и проповедниками евангелия. Думаете ли, что их труд в апостольстве был легок, что их жизнь была покойна, что им жилось очень сладко? нет, братие, нет. Каждый труд тяжел, если его исполнять добросовестно, и каждый труд свят и велик, и почетен. Почетен и свят и ваш труд пахаря, земледельца, работника и ремесленника. Почетный, говорю, и святой, и важный, и ценный ваш труд в глазах каждого разумного человека.

Жизнь человеческая – что хороший дом. Фундамент ведь в земле, в грязи, в сырости, он не высок, он не красив на вид, а кто же разумный скажет, что без него можно обойтись? Кто унизит его потому только, что он в грязи и сырости? Выньте фундамент, – весь дом рухнет. То же в жизни людей – ваш черный труд. Он почетный, он святой, если совершается честно и добросовестно, он и важный, и ценный, хотя на вид не славный, не знатный. Что заповедал Бог первому человеку – Адаму, когда ввел его в рай? Он велел ему возделывать землю. И действительно, в этой работе человек учится добру, учится всему хорошему. Земледельцу случается во всем полагаться на Бога, ожидать Его помощи, просить у Него дождя и ведра, земледелец приучается к терпению, выжиданию, к смирению и покорности воле Господа. Долго и томительно ждет он, пока взойдет зерно, пока вырастет; благодарит за урожай, смиренно переносит невзгоды: засуху, неурожай. Земледелец приучается к взаимной во всем поддержке и помощи, к постоянному и упорному труду, а такие ведь люди – свет миру, Богу угодны, людям приятны; ими-то и свет держится. Как же грустно видеть, что многие, и очень многие, из людей, вам подобных, желают поскорее отделаться от этого почетного труда, особенно те, кто немного поучился в школе! Кончил школу мальчик, научился писать, читать, и уже опротивели ему и родимый дом, и родные труды, и плуг, и работа. Идет он в сидельцы, в писцы, в лавки, в города, на посылки, бьется, оторвавшись от дома, как рыба, ушедшая из воды, и как часто погибает! А всему виною его убеждение, что он – ученый человек, что ему стыдно заниматься чернорабочим трудом. Такому полезно поучиться у ап. Павла, который долго и много учился, был ученым человеком и, однако, не стыдился работать своими руками.

Братие мои! Почетен и свят ваш труд. Братие мои! Не место красит человека, а человек место. Там, в небесных селениях, куда мы все придем на страшный суд, там Господь не будет спрашивать нас, кто какое место занимает, какой чин имеет, какое жалованье получал. Там спросят нас только о том, верил ли ты в Бога и жил ли по Божьей воле, был ли честен, был ли трудолюбив, трезв, помогал ли ближним, исполнял ли

евангельский закон, почитал ли старших, не обижал ли малых и слабых. А таким можно быть везде, для этого не нужно идти в далекие края, не нужно идти в уединенные пустыни.

Спасался в пустыне великий подвижник преподобный Макарий; целые дни проводил он в молитве, постился, молился, и было ему откровение от Бога через ангела: Макарий, ты много потрудился, а все же не достиг совершенств трех женщин. Иди к ним, поучись. Ангел повел великого подвижника, и думалось ему дорогой, что эти три женщины, вероятно, еще больше его подвизались в посте и молитве в уединенной пустыне. Но вот ангел привел его в большое село и указал на трех простых женщин и сказал: поучись у них, они выше тебя. Удивился Макарий и стал просить этих женщин: кто вы такие, чем занимаетесь? Расскажите мне, чем вы Богу угодили, что особенного сделали? Женщины отвечали: мы – жены трех братьев, невестки, живем все вместе ладно и дружно; родители наши стары, мы им помогаем; свекор и свекровь нередко строги – мы их почитаем, им угождаем; мужья подчас строги – мы их любим; у каждой из нас есть дети, все хозяйство лежит на нас, дела у нас так много, и мы работаем целый день, не покладая рук, только и помолимся, что утром да вечером, да за обедом, да в праздник в церковь ходим. Только, всего мы и делаем, а особенного – ничего. Куда уж нам быть угодными Богу!

Удивился Макарий и возблагодарил Бога, что и в мире, среди суеты и земных забот, можно Богу угодить, да еще лучше, чем в пустыне. И если бы вы, братие, знали жизнь святых, то увидели бы, что среди святых есть плотники, угольщики, каменщики, земледельцы, как равно есть и ученые монахи, подвижники, врачи, священники.

Да будет же ваш труд и свят, и высок, и честен. Да будет Божие благословение на всякую работу вашу, и да не будет у вас ни жалоб, ни ропота, а побольше веры в Бога и побольше, побольше желания жить не для веселия, жить не для разгула, жить не для себя только, жить не так, как хочется, а как долг, закон и совесть говорит: живи не так, как хочется, а как Бог велит. Аминь.

1898 г

Величие человека⁵²

Светлый нынешний праздник в честь Св. Духа, сошедшего на учеников Христовых и вечно почивающего во св. Церкви, составляет достойное и радостное заключение целого ряда великих торжеств церковных в честь и славу воскресшего из мертвых и вознесшегося от земли на небо Христа Господа.

Это благословенный плод страданий, смерти и воскресения воплотившегося для спасения рода человеческого Сына Божия. Это венец дела искупления человечества и соединения его с Божеством. Итак, человеческая наша природа, созданная Богом, искупленная и в искуплении воссозданная Сыном и, наконец, освященная зиждительным и животворящим Духом, как бы вновь получает бытие – лучшее и совершеннейшее – и вместе с тем возводится на всю доступную для нее высоту чести и славы. И сколько бы мы ни придумывали других оснований, чтобы на них утвердить мысль о человеческом достоинстве, мы никогда не в состоянии будем поставить ее выше того положения, в которое природа наша приведена в христианстве: здесь она воспринята Сыном Божиим в единство лица (ипостаси) Богочеловека, вознесена с Ним в Его *пречистой плоти*⁵³ на небо и спасажена (Еф. 2:6) одесную Отца и, наконец, *приобщена Духу Святому* (Евр. 6:4). Величие поистине неизмеримое!

Мысль о высоком достоинстве человека есть основная мысль Откровения, основная мысль нашей святой веры. Уже первая страница Библии делает ее ясною и непререкаемою рассказом о сотворении человека *по образу и подобию Бога* (Быт. 1:26–27) и о даровании ему власти над природою и над всем живущим. (Быт. 2:19–20, ср. 1:28). В этой мысли – объяснение горести и глубины падения человека; в ней – объяснение первоевангелия, о Спасителе; в ней – объяснение всей дальнейшей истории человечества. Проникнутый убеждением в высоком достоинстве человека, взывал царепророк Давид в псалме: *Господи, Господь наш, как чудно имя Твое по всей земле! Когда взираю я на небеса, дело рук Твоих, на луну и звезды, которые Ты поставил, – то что такое человек, что Ты помнишь его, и Сын человеческий, что Ты посещаешь его! Немногим Ты умалил его пред ангелами, славою и честью венчал его, и поставил его владыкою над делами рук Твоих: все положил под ноги его* (Пс. 8:2, 4–7). Проникнутый тою же мыслью, и премудрый Соломон говорит: *великая вещь человек* (Прем. 20:30). Если же в Ветхом Завете

подавленный грехом, чувствующий отвержение от Бога, только ожидающий искупления человек так ясно сознавал свое высокое достоинство в ряду творений, то что же сказать о Завете Новом, который ныне запечатлен печатью Духа Святого, – что сказать о Завете Новом, где грех уже снят, где *нас ради человек и нашего ради спасения* сошел на землю и воплотился Сам Бог, где человечество соделалось сыном Бога (Ин. 1:12, ср. Рим. 8:14; Гал. 3:26; Евр. 12:7 и др.) и в лице Искупителя само как бы обожилось, так что апостол, обращаясь к христианам, прямо говорит им, что они – *причастники звания небесного* (Евр. 3:1; ср. Кол. 1:12) и даже – *причастники Божественного естества* (2Пет. 1:4).

Наконец, в полноте даров Св. Духа дается завершение и венец человеческому достоинству; отныне жизнь человечества процвела и украсилась особенною силою, высшею и благодатною, и воистину началась для него благоухающая духовная весна, что зазеленела от могучей внутренней, живительной силы христианства и украсилась цветами веры и любви, подобно этой, всюду видимой ныне, весенней зеленой траве, зеленым деревьям и весенним благоухающим цветам.

Без сомнения, мысль о достоинстве и величии человека очень распространена и развита среди людей. Она льстит человеческому самолюбию, она приятна нашему сознанию... Но беда, когда человек рассматривает ее только с точки зрения прав, а не со стороны налагаемых ею обязанностей; беда, когда это самое величие совершенно неправильно или односторонне понимается. И прежде всего, – бывает величие только кажущееся, мнимое, а не действительное и вовсе не достойное своего имени, – это величие только внешнее. Будет ли оно состоять в большом богатстве и сокровищах, или в знатности рода и происхождении; будет ли оно в славе и почете, в высоком месте, в высоком положении в обществе: оно является ничего не стоящим с высшей и нравственной точки зрения, если не опирается на другое величие, на величие внутреннее, которое драгоценно само по себе, как драгоценен чистый и прекрасный алмаз, независимо от той или другой оправы.

В чем полагаем мы это величие внутреннее? Мы так привыкли слышать на этот вопрос затверженный ответ: конечно, в человеческом разуме... И действительно, бывают умы талантливые и гениальные, одаренные необыкновенною силою и остротою мысли, обладающее самыми богатыми и разнообразными сведениями, – умы, которые пролагают новые пути в науке, делают в ней открытия, распространяют ее пределы. Смотря на редкого счастливец, обладателя таких достоинств, мы говорим в восхищении: великий мыслитель, великий ученый, великий ум,

великий человек! Новое время, как принято называть его в научной истории, начавшееся с успехов человеческого разума, выразившихся в целом ряде открытий и изобретений (XVI – XIX вв.), отличается характерною чертою благоговейного, чуть не богоподобного поклонения этому величию ума человеческого. Часто дарования ума ставятся единственным мериллом достоинства человека, и ради этих дарований все прочее ему прощается, и название: «умный человек», по общепринятому смыслу и какому-то тайному общему соглашению, считается лучшею и незаменимою похвалою. И, без сомнения, никогда еще это величие ума не достигало такой высокой степени, какой достигло оно теперь. Чего этот ум не измерил и не исследовал? Чего не исчислил, не узнал, чего не придумал, чего он не покорил? При его помощи и изобретательности человек невредимо опускается на дно морское, поднимается на воздух, сокращает огромные пространства, повелевает стихиями и силою мысли дает направление громадным и мировым силам, заставляя их служить своей пользе. Это уже сделано, а какие успехи ума ожидают нас в будущем – этого мы и представить не можем, как наши предки 200 лет назад не могли представить себе приобретений науки настоящего времени. Итак, можем ли мы отрицать это умственное величие человека? Нет, мы охотно признаем его и готовы преклониться пред ним: в этих обширных, изумительных познаниях, в этой необычайной мощи и власти ума человеческого мы видим отражение высочайшего Ума, всезнающего, бесконечно-премудрого и над всем владычествующего.

Но, отдавая должное человеческому разуму, не станем приписывать ему сверхдальнего. Не в нем одном исключительно, и даже главным образом не в нем истинное величие и достоинство человека. Нужно ли говорить, что при всех успехах ума чувство бессилия является постоянным спутником его деятельности, что с каждым завоеванием в области познанного и познаваемого шире и шире открывается область непознанного и навсегда непостижимого – и «человек с своими знаниями стоит пред неизмеримым величием мира, как жалкий нищий с своею жалкою котомкою». Таков голос современных и лучших мудрецов⁵⁴. Наука собрала подавляющую массу фактов и наблюдений, но что там за всем тем, что видимо, что выше чувств и опыта, что лежит в самой основе явлений мира, – это осталось для нее книгою, за семью печатями запечатленною, и разгадать тайну сущего, объяснить тайну мира, человека и Бога никто не в силах... И замечательно, в наш именно век необычайных успехов ума все громче и громче, чаще и чаще в разных концах образованной Европы, со стороны людей самых различных направлений и

притом общепризнанных, в качестве представителей и даже великанов мысли и науки, раздаются скорбные возгласы о крушении науки, которая, говорит, не исполнила своих обещаний, обманула возлагавшиеся на нее надежды, не дала человеку счастья и покоя⁵⁵. В наше именно время можно встретить явление, когда человек, насыщенный всею мудростью века, не знает, куда ему приклониться, и готов в отчаянии повторять знаменитое изречение: «Главо, главо! разуму упившись куда ся приклониши»!

Это потому, что в погоне за одними приобретениями ума, в одностороннем и рабском поклонении ему, как идолу, забывалось и забывается другое величие человека – величие нравственное. Оно не так блестяще, не так ярко, не так бьет в глаза, как величие ума. Но без него ум светит, да не греет, делает человека односторонним, а нередко приносит и прямой вред. Так, когда растение открыто действию лучей солнца, а почва, на которой оно растет, лишена необходимой влаги, то и солнце, обыкновенно необходимое, и благотворное для растения, на этот раз иссушает и убивает его. Подобным же образом и душа наша, развив силы ума, но оставив в пренебрежении нравственное развитие и жизнь сердца, делается сухою, жесткою, себялюбивою, в тягость себе, да не на радость и другим. Когда мы проживем столько, что будет нам что и кого вспомнить, то, поверьте, из прошлого будут вспоминаться не люди великих умственных дарований, не люди огромных знаний; нет, с отрадою и теплым чувством любви и благодарности память удержит и вызовет из прожитого образы тех, что много верили и много любили, тех, что отличались преданностью делу, верностью долгу, любовью, нежностью и заботливостью, терпением, кротостью, великодушием, бескорыстием, самоотвержением, самопожертвованием, – это образы наших милых отцов и добрых матерей, нежно любящих братьев и сестер, заботливых родных, сердечных, преданных и бескорыстных друзей... Это величие нравственное неизмеримо и по широте влияния. Для будущих поколений оно становится образцом для подражания. Нельзя подражать таланту или уму, но подражать добрым свойствам верующего и искреннего христианина для всех возможно⁵⁶. Таким образом, и для нравственного величия человека, как и для умственного, открыто безграничное поле деятельности и постоянного, непрерывного развития, но оно выше его тем, что не есть удел только некоторых избранных счастливых, одаренных особыми талантами и способностями, а равно доступно для всех людей, сосредоточиваясь в нравственной способности человека и в его свободной воле. К этому величию, которое по всей справедливости можно назвать общечеловеческим, призваны во Христе Иисусе все мы, без всякого

различия и без исключения. Для этого величия вознесшийся Господь Иисус открыл нам вход на небо, куда Сам восшел первый Предтечею человечества; для этого же величия, в помощь нашей естественной немощи, как печальному наследию греха, дарованы нам благодатные силы Святого Духа, – эти *Божественные силы, яже к животу и благочестию* (2Пет. 1:3), а *плоды духа – это*, по слову апостола: *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5:22); ими человек, наконец, *устраивается в жилище Божье Духом* (Еф. 2:22).

Прибавлять ли к сказанному нравственное наставление? Но оно всякому очевидно. Если до такой степени, до такого величия возвысилась наша природа и такую возвышенную имеет задачу жизни, то ясно, – мы должны уважать свою природу и вести себя сообразно с ее достоинством, украшаясь благословенными плодами Духа Святого, указанными св. апостолом. Если так велико наше звание, то само собою понятен урок апостольский: *умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны* (Еф. 4:1).

Прибавлять ли применение сказанного и к Высокой Виновнице нынешнего церковно-гражданского торжества, к Благочестивейшей Государыне Императрице Александре Федоровне, день рождения Которой мы ныне празднуем? Но довольно бросить беглый взгляд на дела Ее царственного милосердия – на учреждение домов трудолюбия, на постоянную отзывчивость ко всяким добрым начинаниям благотворительности, чтобы видеть, что в Своем лице Она совмещает царственное внешнее и внутреннее христианское величие. Тем усерднее да будет молитва о Ней со стороны сынов святой Церкви и нашего великого отечества. Аминь.

Усердие труда⁵⁷

В настоящие минуты, пред началом трудов учебного года, хочется мне напомнить вам, дети, замечательный и глубоко поучительный случай, рассказанный в св. Евангелии. Однажды, когда Иисус Христос был в пути, подошел к Нему некто и изъявил желание последовать за Ним и быть в числе постоянных учеников Его. *«Я пойду за Тобою, Господи, – сказал он, – но прежде позволь мне проститься с домашними моими»*. По-видимому, просьба была и невинна, и естественна. Но звание ученика Христова, его занятие, его будущее призвание и служение требовали полного и всецелого отрешения от всего земного – житейского. И Иисус ответил вопрошающему полными глубокого смысла, вечно памятными словами: *«Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для царствия Божия»* (Лк. 9:61–62).

Эти слова Христовы можно назвать законом для всякого дела, основным и руководящим началом жизни и деятельности для всякого работника. Кто хочет истинно служить делу, кто хочет видеть успех своей работы, тот должен отдаться ей всецело и безраздельно, должен быть чужд всякого колебания и раздвоения. Да, никто, возложивший руку на плуг и озирающийся назад и по сторонам, не благонадежен для царствия Божия.

Эти же слова Христовы применимы и к вам, учащиеся дети, в вашем настоящем положении, и к тому делу учения и воспитания, на начало которого мы собрались сюда испросить и призвать Божие благословенье.

Вот и вы пришли сюда не к кому иному, а ко Христу Господу, как Его ученики и последователи. Оттого и молимся мы словами церковной молитвы: *«Как посреди учеников Твоих пришел Ты, Спаситель, мир подавая им, приди к нам и спаси нас»*⁵⁸. Пришли вы ко Христу, потому что мудрость, которой вы здесь ищете, истинная мудрость, исходит от Него, Источника и Подателя мудрости (Иак. 1:5; Прем. 7:15; Дан. 2:20; Кол. 2:3), потому что истинное просвещение, которого вы жаждете, как и всякое даяние благое и всякий дар совершенный, сходит свыше (Иак. 1:17), от Бога, вечного Света, Света, в коем тьмы несть ни единыя (Ин. 1:5). Иначе, свет, иже в вас, будет тьмою (Лк. 11:35; Мф. 6:23); иначе все усилия ваши будут бесплодны. *Из Того, и Тем, и к Тому всяческая!* (Рим. 11:36.) Как ученики Христовы, должны вы здесь возрасти в полного и совершенного человека, во всестороннем развитии и гармонии душевных сил, и как ученики Христовы, просветив свой богодарованный разум нужными познаниями, согрев сердце любовью к Богу и ближним и ко

всему доброму и прекрасному, обучив волю на самом деле следовать этому доброму и прекрасному, – вы должны потом выйти из этого святилища науки и светом своего образования, светом своей жизни (Мф. 5:16) светить многим и многим... Это те многие, которые, обладая такими же, как ваши, а может быть, и большими дарованиями и достоинствами, не имеют счастливого вашего удела, не могут получить того образования, что дается вам здесь, как дар, без всякой заслуги с вашей стороны, единственно по воле и милости Бога, по любви и заботливости о вас родителей. Поистине, должны вы быть светом мира, солью земли (Мф. 5:14).

Поймите же, дети, в настоящие торжественные минуты, поймите и сознайте, как велико ваше призвание и как важно приготавливающее к этому призванию дело учения, к которому мы сейчас приступаем. Не будьте подобны тому ленивому и лукавому рабу, который закопал врученный ему талант в землю и не сделал из него никакого употребления. Не сгубите и вы данных вам от Бога способностей праздностью и шалостями, не потеряйте великого дара – возможности учиться. Взявшись за плуг, не озирайтесь по сторонам: время дорого; время пахоты и посева, весною упущенное, потом ничем не возвратите, никакую цену не купите.

А ваш возраст, время, вами переживаемое, действительно, относительно учения можно сравнить с весною для пахаря: пройдет ваше отрочество, промелькнет прекрасная юность, минет быстро и неприметно эта весна вашей жизни, – и тогда при всем желании уж не вспашешь, не посеешь, дурно сделанного легко не исправишь. Теперь в школе будете приобретать познания с удобством и легкостью, а после их нужно добывать с большими трудами и усилиями; теперь у вас вкореняются привычки, борьба с которыми потом редко кому под силу; теперь у вас складываются черты характера, который потом изменить чрезвычайно трудно. Мудро и метко слово одного из святых русских церковных учителей:⁵⁹ «Отрок подобен доске в руках художника: что на ней нарисуют – доброе или худое, святое или грешное, ангела или демона, – то и останется». Итак, кто теперь возлюбит праздность, кто с детства не приобретет умение трудиться, сдерживать себя, повиноваться долгу, пока еще малому и нетрудному, – долгу ученика, кто не приобретет в школе уважения к старшим и к людям, тот чаще всего таким остается и в жизни... Но помните, дети, что жизнь не то, что школа, которая всегда покрывает ваши недостатки любовью и снисходительностью, исправляет их духом кротости и милости: жизнь часто карает жестоко, взыскивает сурово и беспощадно...

Учитесь же, дети, и трудитесь: в этом ваш долг, в этом вместе, по высочайшему нравственному закону, пусть будет для вас и высокое наслаждение! Ваше воспитание привлекает к себе внимание всех: им с болью сердца, с жертвами и лишениями заняты ваши родители, о нем заботятся государство и общество, и на ваших глазах в учебных заведениях начальство учебное и высшее, и ваше непосредственное, ваши учителя и воспитатели, – все несут тяжелый труд, предпринимая ряд мер, направленных к тому, чтобы дело вашего учения и воспитания для вас было по возможности легко, чтобы шло оно успешно, поставлено было правильно и целесообразно. Вы ли одни среди всех этих забот и напряженных стараний будете равнодушны к тому святому делу, которое ближе всего и прежде всего касается вас самих? Дайте нам радость уверенности, что этого не будет.

Призовем же Божие всемогущее благословение на наши труды и примемся за них и любовно, и охотно, и с усердием; примемся бодро и решительно, не боясь, а радуясь труду, по слову апостола, *тщанием не лениви, духом горяще, Господеви работающе* (Рим. 12:11); возложив руку на рабочий плуг на ниве образования, не станем озираться назад! И тогда Господь примет нас в число учеников Своих; Он, не отринувший некогда детей, приведенных к Нему, и благословивший их (Мк. 10:16), не отвергнет наших молитв, благословит наши труды и даст всем нам увидеть счастливый конец и добрые плоды того дела, начало которому мы сейчас полагаем в Его святом храме, окрыляясь молитвою, в надежде на Его помощь. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Поминай Господа Иисуса⁶⁰

Св. апостол Павел незадолго до своей смерти из римской темницы, как последнее завещание, писал своему возлюбленному ученику и сотруднику Тимофею: *Поминай Господа Иисуса (2Тим. 2:8)*. И св. Церковь, верная наставлению апостольскому, во все минувшие века неизменно заботилась о том, чтобы везде и во всем и как можно чаще напоминать верующим о лице и деле Спасителя нашего. Для того избрала она особые времена, учредила особые богослужения, составила множество молитв и песнопений, установила особые священные обряды, чтобы проповедь о Христе распятом была и в слове, и в деле, действуя и на ум, и на сердце, и на внешние чувства христианина. Прислушайтесь к православному богослужению, – и вас поразит обилие молитв, в которых воспоминаются крест и страдания нашего Спасителя; обратите внимание на наши священные обряды, – и вы везде увидите знамение креста; посмотрите сейчас в храме вокруг себя и пред собою, – и везде и на иконах, и на священных одеждах, и на священной утвари, почти на каждом предмете церковного употребления вы увидите изображение креста, как напоминание о Распятом на нем, как наглядное осуществление апостольской заповеди: поминай Господа Иисуса.

Такой смысл имеет и вынос св. креста из алтаря с престола на средину храма в нынешний праздник для всеобщего пред ним поклонения.

Вот он пред нами и сейчас, этот св. крест, и на нем изображен Иисус, наш Искупитель, истерзанный, окровавленный, замученный до смерти, после невыразимых страданий духа и тела.

И если долг служителя Воплощенного Бога-Слова призывает меня к слову в настоящие минуты, то не станем искать другого предмета для собеседования, не будем отрываться мыслью от нашего дорогого Учителя. По завещанию апостола, будем и мы помянуть Господа Иисуса, будем помышлять об Его страданиях: в этом такой глубокий источник нравственного научения, нравственного подъема и обновления, что человечество уже 19 веков черпает и до конца веков будет черпать из него силы и для веры, и для жизни. И это понятно: потому что «Крест», по словам церковных песней, «Крест – премудрости книга»; потому что в Кресте, так сказать, образно заключено все христианство... Ибо зачем Иисус восшел на крест?

Восшел Он на крест по несказанной любви Своей к нам, чтобы загладить пред Божественным правосудием наши бесчисленные грехи,

чтобы вынести на Себе Одном те страдания, который по закону правды надлежало претерпеть каждому из нас и всем людям вместе. И опыт истории, и голос минувших поколений, и Слово Божие, в согласии с нашим собственным внутренним сознанием, свидетельствуют ясно, что грех тяготел над человеком, удалил его от Бога, отравил его жизнь, принес тысячи несчастий и нестроений, лишил мира и спокойствия и сделал неспособным исполнить и осуществить присущий ему нравственный закон собственными силами. Этот грех, печальное наследие падшего прародителя его потомкам, был умножен без конца бесчисленными произвольными грехами людей. За пять тысяч лет до Христа много усилий предпринималось людьми, чтобы избавиться от греха, чтобы улучшить жизнь, подняться нравственно, чтобы достигнуть на земле счастья, т.е. возвратить себе собственными силами потерянный рай, память о котором, как свидетельствуют история и народные сказания, никогда не умирала в человечестве. Но до конца исполнилось непреложное слово Писания: *несть радоватися нечестивому* – (Ср. Рим. 2:9.) Вопль безотрадного отчаяния раздаётся по всему миру пред пришествием Христа на землю: человечество изверилось в свои силы, отчаялось в средствах спасения и устами своих выдающихся мудрецов заявило: «Лучшее счастье – никогда не родиться, лучший исход из жизни – это самоубийство» (Плиний, Сенека).

Жизнь людей представляла тот виденный некогда пророком таинственный свиток, на котором вписано было только: *рыдание, жалость и горе...* (Иез. 2:10). Мир был объят процессом совершенного нравственного разложения, за которым стояла гибель конечная. Религиозный историк древнего Рима, почти современник Христа, озираясь с тоской на окружающую жизнь, не видит и луча надежды на лучшее будущее и с горечью, от которой сжимается всякое сердце, заявляет: «Боги хотят не счастья нашего, а гибели» (слова Тацита).

Так в отчаянии говорит человек, но не то соделал Бог. Милосердие Божие желало спасения людей, но правосудие требовало наказания за грех. Мы ведь и сами, по требованию присущего нам нравственного закона, этого гласа Божия и отображения святости Творца, нашего Первообраза, и от всего сердца жалеем преступника, подлежащего наказанию, и в то же время смущаемся, если видим преступление и порок торжествующими и безнаказанными. Но правда человеческая изменяет себе, а правда Божия непреложна; человек действует в таких случаях то в ущерб милости, то в ущерб справедливости, а премудрость Творца нашла средство примирить и соединить то и другое. По образному выражению

Писания, здесь *милость и истина* Господа *встретились, правда и мир облобызались* (Пс. 84:11). Сын Божий, соделавшись сыном человеческим, принял на Себя тяжкую вину всего человеческого рода, и претерпев за них ужасные страсти, смерть и гроб, этою чрезвычайно, изумительною жертвою дал полное удовлетворение Божию правосудию, а милость Творца приняла, как искупление, эти муки Сына Божия и вменила их всему человечеству. Совершилось таинство Божественного всемогущества, которое в состоянии было сочетать бесконечно расстоящие между собою естества Божеское и человеческое в единство лица Богочеловека, но все венчало и над всем торжествовало таинство Божественной любви и бесконечной благодати: *так возлюбил Бог мир, что Сына Своего Единородного отдал, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3:16).

И вот, – смотрите на этот крест! – вот пред нами Искупитель наш на кресте, на самой вершине Своего подвига. Правда, путь, приведший Его на Голгофу, начался с Вифлеемских яслей, с момента воплощения, и вся жизнь Его была – крест, была единым, всецелым подвигом искупления. Но что было в последнюю ночь, что выстрадано в последний день, то поистине приводит в изумление и ужас. Не было казни, карающей человеческий грех и порок, которой бы Он, Безгрешный и Святой, не понес на Себе. Грех производит прежде всего страдания внутренние. И Искупитель наш претерпел это страшное мучение совести, когда вдруг на чистую и безгрешную душу Его пали всем своим страшным бременем все грехи всех людей, точно Сам Он в них был виновен. Кто войдет в дух Богочеловека? Кто измерит и постигнет глубину и тяжесть Его душевных мук, необычайных, невыразимых, единственных мук Искупителя, когда, преклонив колена, в страшном одиночестве Гефсимании, в сумраке ночи, оставленный учениками, Он молился Богу и Отцу Своему?!

Не страх грядущей скоро смерти, не мучительность предстоящей казни: иное таинственное бремя подавляло душу Страдальца, – бремя грехов всего человеческого рода от начала до кончины мира, бремя грехов во всем их отталкивающем безобразии, во всем нравственном ужасе для Безгрешного, как страшная тягота, как все муки ада, терзают Его совесть. Вот почему, когда Он испивал эту чашу Гефсиманскую, *была прискорбна душа Его до смерти* (Мф. 26:38), и небесное спокойствие, что царило прежде во всем существе Иисуса, вдруг покинуло Его. Вот почему среди ужасов томления душевного искал Он, но не находил ободряющего общества близких людей – учеников... Один пред лицом разгневанного неба и грешной земли падает Он, подобно величайшему грешнику, падает

на Лицо Свое (Мф. 26:39), как бы не смея взглянуть на небо, и скорбит, и плачет, и тоскует мятущимся духом, – и падают капли пота Его, как капли крови... (Лк. 22:44.)

От этих мук и ужасов Гефсимании, после предательского поцелуя приближенного ученика, переходит Он к заушениям и оплеваниям, к терновому венцу и бичеванию, к оскорблениям, которые градом сыплются на Невинного, к незаконному и бесстыдному суду и, наконец, к этой медленной и позорной и несказанно мучительной смерти на кресте. И когда висит Он, прибитый гвоздями, истерзанный и окровавленный, среди насмешек и глумлений, весь – язва и страдание, весь – воплощение наказанного греха, Он должен был почувствовать силу закона, что грех удаляет от Бога. И Он, действительно, почувствовал это несказанное по мучительности отдаление Божества, – Он, Который, как Сын Человеческий, жил в Боге, в Его непрестанном и живом общении. Это было уже самое существо мук. Тогда-то на кресте, в час тяжчайших мук, среди страшных, уже предсмертных борений со страданиями тела и духа, наш Искупитель и Первосвященник воззвал: *Боже Мой, Боже Мой! Почто... почто Ты Меня оставил* (Мф. 27:46.)

И Отец тот вопль услышал. И почувствовал Страдание, что исполнена до конца Божия правда, а Божественною благостью принята Его умиловительная жертва. И вот, когда мрак смерти застилал уже Ему налившиеся кровью очи, когда холод могилы охватывал Его истерзанное тело, – тогда со креста послышалось величайшее слово, когда-либо сказанное на земле, – слово, давшее новую жизнь миру и человечеству: *«Совершилось!»* Грехи наши очищены, вина снята... Все истины, необходимый для веры и жизни, преподаны в слове и делом осуществлены и представлены в жизни Богочеловека. Вот, Его Отец стал и нашим Отцом; среди людей устроено царство Бога, среди земли – царство неба, и как носительница царства Божия на веки вечные основана святая Церковь, в которой обещанный Дух Святой невидимо восполняет человеческую немощь верующего высшею помощью. Воистину все совершилось! И тогда Богочеловек с словами: *«Отче, в руки Твои предаю дух Мой»* (Лк. 23:46), *«преклони главу, предаде дух»* (Ин. 19:30).

Братия и дети! У Креста Христова прими каждый не наш, а апостольский урок:

Поминай Господа Иисуса! Аминь.

Христианское равенство⁶¹

В порядке воскресных литургийных евангельских чтений сегодня св. Церковь предложила вашему вниманию притчу Спасителя о талантах. По содержанию этой притчи, глубоко поучительной и жизненной, и будем мы беседовать в течение ближайших наших молитвенных собраний⁶². Начало притчи чрезвычайно просто, а между тем оно наводит нас на глубочайшие вопросы жизни. Рече Господь притчу сию: *Царствие небесное подобно человеку, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им свое имение. И одному дал он пять талантов, другому – два, иному – один, каждому по силе его, и тотчас отправился (Мф. 25:14–15).*

Прежде всего, в приведенных сейчас мною словах притчи, в самом начале ее, мы встречаемся с самым жизненным вопросом, который всегда, можно сказать, приковывал к себе всеобщее внимание, а именно: откуда происходит, что означает и к чему обязывает неравное распределение всего вообще у людей, всех дарований, внутренних и внешних, духовных и телесных, которые в притче образно называются талантами? Известно, что древний, дохристианский мир смотрел на это чрезвычайно грубо: там личность человека не ценилась сама по себе, а зависела от внешнего положения; кто силен, кто знатен, кто богат, кто на жизненном пире захватил так или иначе видное место, – тот только и человек. Остальные – рабы, подчиненные, бедняки – это как бы жалкие полулюди... Величайшие философы древности не признавали за рабами и чужеземцами человеческого достоинства, считали их чем-то вроде низшей породы существ, их тяжелое положение признавали и правильным, и не подлежащим никакому улучшению⁶³. Люди обездоленные часто были игрушкой в руках знатных и господ, и самая жизнь их зависела от каприза владык и ценилась очень низко. Знаменитый Катон велел перебить некоторых своих рабов за то только, что они были дряхлы. Траян, один из лучших римских императоров, отдал десять тысяч рабов для потехи зрителей в амфитеатре, где они, сражаясь, убивали друг друга, и эта резня продолжалась более ста дней⁶⁴. Время от времени, как грозное предзнаменование, со стороны этих обездоленных предпринимались попытки улучшить свое положение путем возмущений и кровопролитий. Тогда господствующие классы справлялись с возникающими общественными осложнениями мерами варварских насилий и жестокостей и посредством угнетений и притеснений добивались того, чтобы по возможности подавить в противившихся всякое сознание человеческой

личности.

Известно, что после возмущения рабов в Риме они распинались на крестах целыми тысячами. И если бы разрешение указанного вопроса отдать на произвол одних естественных, чисто-человеческих соображений, то он всегда оставался бы вечным поводом к самым серьезным и опасным столкновениям между людьми и сопровождался бы в жизни все более и более ужасающими последствиями. Прав был бы тот, кто всех сильнее; жизнь человечества обратилась бы в войну всех против всех, в царство животных, а не разумных существ.

Разрешение вопроса дано Спасителем, и дано не путем внешних мер, не путем государственного законодательства или реформ общественной жизни, а указано в точке зрения нравственно-религиозной. И прежде всего – в рассматриваемой притче ясно указано, что Господь, а не иной кто, раздает неодинаковые таланты. Но, заметьте, в притче не сказано, что господин меньше любит тех рабов, которым дает меньше; не сказано, что он руководствуется одним капризом, а, напротив, каждому дает он по силе его; не сказано, что эта неравномерность продолжится за пределы времени, назначенного на испытание, т.е. за пределы настоящей жизни. На эти обстоятельства нужно обратить внимание, и тогда сглаживается все жестокое, все недоуменное в неравномерном распределении талантов. Христианство, в противоположность языческому строю древнего мира, объявило и признало ценность отдельной личности, без отношения к внешнему, занимаемому ею в жизни положению. Поэтому, действительно, христианство объявило всех людей равными, но это равенство есть равенство высшее, духовное, религиозно-нравственное. В царстве Бога *нет эллина и иудея, нет раба и свободного, нет мужеского пола и женского* (Гал. 3:28; Кол. 3:11); все дети одного Отца небесного, все равно искуплены кровию Христа, все призваны к одному спасению. Таким образом, все человечество образует одну семью, все люди становятся братьями: рабы перестают быть существами низшей породы; женщина, угнетенная в древнем мире, становится членом религиозного общества – Церкви, в полноте человеческих прав; иудеи перестают быть избранным народом и должны покончить с национальным самомнением и национальной исключительностью, и гордый мудростью грек должен признать презренного прежде варвара своим братом. Но все это есть равенство пред Богом, не уничтожающее, по воле того же Бога, неравномерности в данных талантах. То верно, что человечество стало единой семьей Отца Небесного: но ведь именно в семье замечается естественность различия возрастов, положений и обязанностей. Но при

этом различии в правильной семейной жизни как трогательно и прекрасно сами собою слагаются все необходимые взаимные отношения! В семье – отец и мать, братья и сестры, дети различных возрастов, старец и ребенок, – во всем, оказывается, здесь неравенство, а между тем отношения складываются правильно и ведут к соединению, к миру, любви и согласию, ко взаимному спокойствию и счастью, а не к разделению, не ко взаимной вражде и ненависти. Так, по плану Творца, при неравенстве данных талантов должно быть и в великой семье человечества. Неравенство талантов есть среда и условие для проявления самопожертвования, великодушия, бескорыстной работы, возвышенной любви, кротости, милосердия – со стороны богато одаренных; здесь же вместе с тем и среда для проявления терпения, смирения, покорности, преданности долгу, трудолюбия – со стороны других, менее одаренных. А так как жизнь людей представляет бесконечное разнообразие положений, и каждый богато одаренный по сравнению с другим, высшим, может быть назван менее одаренным, и наоборот, то какая здесь вследствие этого получается живая и многосторонняя школа добродетелей!

В общем же, в такой только среде и при условии разности в талантах возможно выполнение этого золотого правила христианства: *друг друга, тяготы носите, и тако исполните закон Христов (Гал. 6:2)*. В такой только среде может расцвести пышным цветом и дать богатейшие плоды то новое семя жизни, которое принес Христос на землю, которому имя – любовь. Так неравенство, по словам одного проповедника (Берсье), служит общественными узами между людьми, заставляет их опираться друг на друга, дает средство и возможность бесконечного развития начала любви, а следовательно, нравственного совершенствования, а следовательно, истинного, разумного и высокого счастья. Посмотрите вокруг себя: не то же ли видите и в природе? Наблюдайте: полнейшего равенства нет нигде, потому что полнейшее равенство было бы безобразием. «Вы можете собрать тысячи листьев с одного дерева, сравнить их между собою: и вы не найдете из них двух, которые были бы совершенно тождественны и которые имели бы хоть одинаковые разветвления главных нервов» (Берсье). Неравенство дает возможность бесконечного числа ступеней развития, а где развитие, там и совершенствование, там и жизнь; если бы остановилось это развитие, если бы было все равным, то это было бы равносильно всеобщему застою и смерти. Так в области внешней природы, так в области и человеческого духа. И чем выше вы поднимаетесь в бесконечном царстве природы, тем более усиливается разнообразие, обуславливая собою красоту и гармонию этого дивного мира. Какая

разница между звездами и планетами, и какая в то же время чудная гармония и несказанная красота неба! На земле завершается это разнообразие в венце творения – в человеке, для его же блага и счастья, но продолжается и потом в царстве бесплотных духов, в самом мире ангельском.

Братья и дети! Все мы, здесь предстоящие, также имеем различные таланты, различные возрасты, общественные положения, жизненные блага, различные права, различные обязанности. Это таланты, врученные нам от Бога, каждому по силе его. Будем же работать на свои таланты, будем исполнять каждый свой долг, мал ли он или велик, в терпении, в труде и настойчивости, во взаимной любви и помощи, без ропота и озлобления на судьбу, без зависти к тем, кому, как нам кажется, дано больше, чем нам, талантов. Не велик и не блестящ и ваш долг, учащиеся дети, и в этом невеликом какое разнообразие способностей и дарований, условий благоприятных и неблагоприятных! Но кто не научится исполнять теперь малого долга, кто не поднимет этого бремени малого, тому как потом вручить великое? Кто не сумеет теперь работать на два таланта и пустить их в оборот, как управится с пятью?

Блажен же человек, который принял ярем свой от юности своя! (Плч. 3:27.) Ей, услышит он от Божественного Раздаятеля талантов похвалу, которая, по изображению притчи, по окончании времени испытания, т.е. земной жизни, совершенно уравнила имеющих и пять, и три, и два таланта (Мф. 25:21). Похвала эта гласит: «Добрый раб, благий и верный! В малом ты был варен над многим тебя поставлю. Вниди в радость Господа твоего». Аминь.

По намеченному нами плану, в нынешнее воскресенье будем продолжать беседу и размышление по содержанию притчи Спасителя о талантах. Продолжим словами евангелия приточный рассказ с момента раздаяния талантов и отшествия господина. *«Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов. Точно так же и получивший два таланта приобрел другие два»* (Мф. 25:16–17).

Итак, после ухода господина мы видим рабов его за работой. Смотрите же, поучаясь, какая высокая похвала труду и человеческой деятельности заключается в этой притче.

Люди молодые! Вам, вступающим в жизнь, вам, носителям надежд ближайшего будущего, вам особенно должно быть близко и памятно это учение евангелия о труде человеческом. Осмотритесь вокруг себя, прислушайтесь, как благозвучно, без перерыва звучит весь гимн творения. *«Солнце неустанно изо дня в день ходит по небу; не замедляет пускать ростки маленькое семечко; реки текут безостановочно, бьют ручьи, благословенные дождят облака»*... *«Посмотри, как плещут волны морские: ударились одна о берег, вот уже катится, искрясь и пенясь, другая, поднимается за нею третья, напрасно ждешь, чтобы у ног твоих спокойно улеглась последняя»⁶⁶*, – это образ труда людского. А над всем этим – хочешь найти труду вечный первообраз и высшее освящение? Вслушайся в слова Христа: *«Отец Мой доселе делает, и Я делаю»* (Ин. 5:17). Хочешь ли посоветоваться по этому вопросу со Священным Писанием, с этим рудником вечных истин? Оно тебе скажет словами мудрецов боговдохновенных: *«от юности твоей нагибай, нагибай твою выю»* (Сир. 7:25), *«склони твои плечи под работу»* (Вар. 2:21). Устами великого Моисея оно дает заповедь: *«все твои шесть дней работай и делай в них всякия дела твои»* (Исх. 20:9), и устами премудрого Соломона выразительно наставляет: *«в утро твоей жизни семя твое сей, но и в вечер жизни не давай отдыха руке твоей»* (Еккл. 2:6); *«человек так же рожден для работы, как птицы для летания»*, замечает Иов. 27–28. Сравните с этим учение языческой мудрости, которая считала достойным внимания только труд философствования, да управления тысячами рабов и множеством варваров, а всякую другую работу клеймила позором. Так именно смотрели Платон и Аристотель, эти кумиры древности; с ними соглашался Цицерон, учитель многих, который вместе с другим римским поэтом мог бы повторить эти жесткие слова: «ненавижу я этот

простонародный сброд и к себе не подпускаю его близко» (Horat., od. 3, 1, 1).

Плотничество Иисуса, рыбацьи занятия апостолов, ремесло делания палаток у Св. Павла (Деян. 18:3), простые труды домашнего хозяйства у Пресвятой Девы – все это говорит нам о совершенно ином духе учения христианства. И когда плотник Иисус вышел потом на дело учительства, – кто мог сравняться в труде с Ним, Который всю жизнь до последнего вздоха посвятил учению и благотворению? Неутомимо деятелен был Он в Своем исключительном и святом призвании, проповедуя истину, расточая благодеяния и чудеса, отыскивая погибшие души, измученные и смятенные сердца. Из евангелия знаем, что ученики не раз просили Его дать себе покой. Но часто бывало, что догорал вечер, потухала заря и спускалась ночь на землю, люди оканчивали свои земные дела и упокоевались от трудов своих, а для Него не было покоя. Приносятся к Нему больные, стучатся в двери Его сердца несчастные, души, жаждущие света и правды, и жизни, просят Его учения, сердца сокрушенные ищут у Него мира, отрады и покоя. А когда оканчивал Он эти дневные дела любви, тогда удалялся Он в уединение пустыни и здесь в безмолвии молитвы праздновал свой покой – «Свою тихую священную субботу». Здесь размышлял Он над разрешением Своей великой задачи, здесь в эти тихие часы готовил Он работу нарождающегося дня, который, загораясь утренней зарею, опять приносил Ему труд, и труд, не смягченный, не вознагражденный признанием, часто вместо любви и благодарности вызывавший злобу, зависть и преследования. При конце Своих дней, как Сын Человеческий, мог Он с полным правом сказать: *«Отче! дело, которое Ты поручили Мне исполнить, Я совершили»* (Ин. 17:4). От Учителя переходите к учениками. Кто может сравняться в трудах с апостолами? Пешком, в нищете, среди гонений и преследований обойти весь мир, тонуть в морях, страдать в пустынях, подвергаться позору бичеваний, побиению камнями, умирать на крестах и в темницах, и все из-за дела благовестия, не переставать учить и учиться: это ли не труд, не подвиги жизни?⁶⁷

Но ведь и мы с вами – ученики Того же Учителя, и нам небесный Домохозяин вручил каждому талант по силе его, а вместе с талантом требует и труда. Он не терпит праздных: каждому дает Он особое поручение, и нет в Его царстве никого, кто был бы свободен от дела. «Дает Всевышний поручение и в раннее утро жизни дитяти и отроку, призывается к деятельности юноша, в жаркий полдень жизни Господь приглашает на работу и мужа, и в вечер жизни зовет к ней старца»⁶⁸. Но

что видим? В другой евангельской притче о рабочих в винограднике видим: сколько раз в различные часы дня ни выходил Домохозяин, т.е. на какой бы возраст человеческой жизни ни обращал Он внимание, каждый раз находил несколько рабочих праздными (Мф. 20:3,6). И сколько этих праздных! (Ср. 1Тим. 5:13; Тит. 1:12). Тысячи людей не приносят жизнью своей и грошовой пользы человечеству, а между тем везде при жатве многой недостает делателей, а между тем человечество от глубоких ран тела и духа истекает кровью, а между тем во тьме сидящие просят света, голодные ищут хлеба, несчастные нуждаются в поддержке... Но что я говорю о таких делах; каждое, самое малое, самое простое, обыкновенное и не мудрое дело нуждается в честных и разумных рабочих. Здесь ли не найдется каждому работы? Не найдется только тому, кто не хочет дела и бежит от него. Не великого, не блестящего, не картинного и не громкого искать нужно дела, а брать то, какое лежит около, в какое поставил Бог, давши одному пять талантов, т.е. дело видное и большое, другому два таланта – дело малое. И если многое, друзья, приятно в этой жизни, то всего приятнее именно прелесть дела, прелесть созидания, которое, без сомнения, представляет собою существенную часть в нас образа и подобия Бога, вечно делающего и вечно созидющего (Ин. 5:17)... И если что, братие мои, если что помнится из прошлого, то не дни веселья и безделья, а дни и месяцы, и годы разумного и любимого труда, благословенной работы. И если есть какие преимущества людей в этой вселенной, то величайшее из этих преимуществ есть способность удваивать таланты, полученные от Бога, по примеру евангельских рабов разбираемой притчи, – то, что называется потребностью и способностью разумно-нравственного прогресса, недоступного животному миру. Да, только человек увеличивает и умножает то, что он получил от Бога, только он с одним талантом приобретает два и с пятью – десять. Никто не может указать ему и гадательного предела развития, определить границы его деятельности; он создан для усовершенствования, для высшего и беспредельного призвания, которое ему назначает евангелие этими великими и бессмертными словами: *«Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный»* (Мф. 5:48).

Приложите же в труд и труд все ваши способности и все ваши силы – таланты, Богом данные, вы, которые слушаете сейчас меня, вы, молодые люди, которые находитесь в поре широких надежд, обширных планов, имея пред собою открытым весь жизненный путь! Неужели вы хотели бы очутиться среди бесполезных созданий, среди злых и лукавых рабов, закопавших таланты в землю, среди тех, которые ничего не прибавили к

сокровищу веры и любви, к подвигам труда бескорыстного и благотворного в семье, в школе, в общественной жизни, среди меньших братьев? Откройте ваши сердца всецело духу евангелия, и вы полюбите труд и работу – пока в вашем учении. Помните, что, по слову нашей народной мудрости, «без труда нет добра» и еще: «у кого праздная молодость, у того же и беспутная старость»... Помните, что жизнь не есть мертвый счет известного количества дней; не то, что называется, «день и ночь – сутки прочь»; жизнь – не механически спаянная цепь известного количества действий и событий: жизнь есть подвиг дела и труда, жизнь – приумножение данного таланта, жизнь есть правое употребление всех сил. И если жизнь человечества имеет конечной целью обратиться в царство Божие, то, по слову евангелия, и *«царство Божие силою берется, и употребляющее усилие получают его»* (Мф. 11:12).

Но, братья мои, есть труд и «труд»... Можно в нем быть царем, и можно сделаться рабом; может он быть благословением, и может стать проклятием. Об этом – до следующей беседы. Аминь.

Труд христианский⁶⁹

Если вы вслушались в предложенное сегодня нашему вниманию апостольское чтение в начале литургии и в конце ее⁷⁰, если вошли в связь изложенных там мыслей, то вам сам собою станет понятным ответ на тот вопрос, на котором мы остановились в прошлую воскресную нашу беседу. Мы говорили тогда о труде по образу рабов евангельской притчи о талантах и закончили речь указанием на то, что труд – труду рознь, что труд может быть благословением и может стать проклятием, может возвышать человека, осмысливать его жизнь и деятельность, сделать его царем, и может обратить его в раба.

И вот вам ответ на возможные недоуменные вопросы и руководство в словах апостола: *«Сеющий скудно, скудно и пожнет, а сеющий щедро, щедро и пожнет. Каждый уделяй по расположению сердца не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотно дающего любит Бог»* (2Кор. 9). С этим поставьте в связь другое, слышанное вами сегодня, наставление апостола: *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, – я медь звенящая... Если имею дар пророчества и знаю все тайны (следовательно, обладаю всеми познаниями), а любви не имею, – я ничто»*. И далее в апостольских словах вы слышали вдохновенную похвалу любви, все превосходящей, все созидающей, и конец слова: *«Любовь никогда не перестанет»* (1Кор. 13)...

Итак, свобода и одушевление любви – вот что дает нашему труду высший смысл, вот что обращает его из безразличной с нравственной точки зрения необходимости в высокую добродетель и, таким образом, явлению естественному придает возвышенное значение – нравственное. Вот почему и простой труд ремесленника, тяжелый, для иных кажущийся бессмысленным, механический труд всякого другого работника может доставить удовольствие, может быть нравственным, высоким, почетным, воспитывающим дух, если совершается из послушания Богу, во имя любви к Нему и человечеству. Не знает ропота истинный отец-христианин среди изнурительных трудов, самых простых, что называется, черных, если он работает из любви к семье, ради ее блага и счастья. Представления о покое домашних, о детской улыбке, что ожидает его дома, о детской радости, которую вместе с заработком принесет он в свою семью, делают его терпеливым и усердным, бодрым и сильным, как бы не знающим усталости.

Знает ли эту усталость и многолюбящая мать, ухаживающая за малыши

детьми, в мелочных трудах семейной жизни, в стряпне и уборке, – в этих занятиях, так часто низко ценимых и незаслуженно порицаемых? Знает ли усталая мать, просиживающая ночи у постели больного ребенка до полного изнурения сил, совершая труды, предполагаемые уходом за больным, тоже с внешней стороны не блестящее? Любовь дает всякому труду ее высший смысл, любовь делает подвиги ее материнства легкими; ничем вы иногда так ее не оскорбите и не опечалите, как предложением передать свой тяжкий труд, свои обязанности в другие, наемные руки... Здесь уместно слово народной нашей мудрости: «охота пуще неволи». И наоборот: труд, по существу возвышенный и идейный, – труд молитвы и богослужения, труд воспитания детей, труд школьного учительства или учения, – может казаться и, действительно, для иных кажется и тягостным, и страдальческим, насильственным, рабским, чуть не проклятым, если совершается без любви и одушевления. Припомните, что рассказывает Библия о первых людях в раю: *«Взял Господь Бог человека, которого создал, и ввел его в рай сладости возделыват его и хранить»...* (Быт. 2:15.) Значит, сладость заботливого труда давала высокое удовольствие человеку, печать Божьего благословения, печать чистой и безгрешной радости лежала на труде его. Но когда он согрешил, когда любовь к Богу уступила в нем гордости и себялюбию, – иная печать легла на труд его, – печать Божьего осуждения на труд подневольный и принудительный на земле, переставшей быть послушною человеку.

Итак, хотите ли вы, мои юные слушатели, хотите ли, чтобы и ваш настоящий труд, труд учения и воспитания, возвышал вас, развивал нравственно и был бы разумным и достойным человека? Хотите ли, чтобы ваш труд доставлял вам высокие духовные наслаждения? Пусть он будет охотным, свободным и любовным. Пусть внешние распоряжения и требования школы, внешняя дисциплина и строй ее совпадают с вашими внутренними расположениями, воззрениями и желаниями, – тогда сам собою труд ваш будет охотным; пусть учение будет основано на любви к истине, на уважении к умственному и нравственному достоинству человека, как образа Божия, на сознании возвышенности и благодетельности научных занятий для жизни родины и человечества, а не на личных себялюбивых соображениях, – и тогда труд ваш будет одушевленным и любовным. Не рисуйте себе предстоящей жизни сплошным веселым праздником и нескончаемым рядом удовольствий, доступ к которым открывают права, приобретаемые ученьем. Вырастайте в сознании обязанностей, а не прав: права сами собою явятся. Если же приучитесь теперь смотреть на ученье, как на тяжелое, но необходимое,

едва терпимое ярмо, которое при первой возможности сбросится вон, тотчас же после того, как пред вами откроется поприще свободной жизни, то вы и в будущем не найдете себе осмысленного и радующего труда. Но смотрите: бывает, что долго, долго человек отдается какому-нибудь труду внешне, бездушно, из-за общественного положения, из-за житейских прав и материальных средств, не внося в работу ни духа, ни сердца. Но придет когда-либо время, душа как бы проснется, опостылет ей этот труд бессмысленный, животный и принижающий, захочется дела живого, любимого, захочет душа уйти в такое дело вся безраздельно, без остатка, – и на запрос этого насущного хлеба она получит камень, потому что жизнь прошла, силы растрочены, умения не нажито, мужества начать жить по-новому не хватает. Так и получают так называемые «лишние люди», с так называемой «убылью души», или с пустыми местами взамен души и сердца, – явление, отмеченное во всех литературах, а в нашей русской, кажется, особенно... Но начало этому явлению полагается еще в годы молодости, когда не создают себе разумной работы, любимой и свободной, и следовательно, не дают смысла самому своему существованию. Справедливо замечает один ученый педагог-христианин: «Кто при работе нисколько не увлекается самым делом, тот не сделает ничего путного, да и самое дело не удовлетворит его стремления к деятельности, не заполнит душевной пустоты»... И наоборот, «труд свободный, излюбленный, задушевный есть единственно доступное человеку на земле и единственно достойное его счастье. Наслаждения и страдания – цветы и терния жизни, но не самая жизнь, жизнь же есть процесс деятельности свободной и прогрессивной, вытекающей из самой души, – дело, выполнение которого значит для нас более самой жизни; жизнь есть дело, без которого она теряет свою цену, так что в этом отношении опыт личный и научный блистательно подтверждает глубокие евангельские слова: что ища сберечь жизнь, мы губим ее, а тратя жизнь для дела, мы находим самую жизнь»⁷¹.

К таким выводам приходит добрый и светлый разум. Не то же ли говорит нам и евангелие? И оно требует, чтобы человек, возложив руку на плуг труда, не озирался назад и по сторонам (Лк. 11:62); и оно заповедует: «Царство Божие силою берется, и употребляющие усилия получают его» (Мф. 11:12); евангелие указывает и самый чистый, и сильный, и возвышенный источник воодушевления в труде жизни – источник религиозно-нравственный. Мы разумеем здесь заповедь Бога, пример Иисуса Христа и святых Его, весь заповеданный евангелием строй нашей жизни, как непрерывной обязанности развиваться нравственно чрез посредство деятельной любви к ближнему, следовательно, чрез

постоянный труд и труд. Только при таких условиях – при религиозно-нравственной основе труда – нам обещаны и Божественное благословенье и успех дела. Таков именно смысл и сегодня читанного за литургией евангелия. Без Христа сети рыбаков оставались пусты. «*Наставник, – говорят они, – всю ночь мы трудились, и ничего не поймали*». Но пришел Спаситель, в сладость проповедал им Слово Божье, благословил дело их: и мрежи рыбаков исполнились ловитвы (Лк. 5:1–2). Аминь.

Лукавство лениости⁷²

От рабов трудящихся и их доброго примера, в порядке содержания притчи о талантах, переходим теперь к рабу, который в евангелии назван ленивым, лукавым и негодным. Вот что говорится о нем в притче: Получивший один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего... Когда же возвратился господин, раб этот оказал ему: *«Господин, я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал. И убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле: вот тебе твое!»* (Мф. 25:18, 24–25.)

Рассмотрим этот мрачный образ ленивого раба: не найдем ли в нем свойств, вечно живущих в человечестве, не найдем ли их и в наших воззрениях, в жизни и деятельности? Прежде всего остановлю ваше внимание на одной подробности. Не кажется ли вам несколько странным и, по-видимому, несвойственным всему духу евангелия то обстоятельство, что в притче худшим, неблагодарным и ленивым представлен именно тот, кто получил меньше всех? Иисус Христос ведь так любил всех бедных и обездоленных и, наоборот, так часто и грозно обличал богатых и сильных (Лк. 6:21–24): здесь же Он как бы говорит в несвойственном Ему духе похвалы многоимущим. Не следовало ли ожидать, что Спаситель выставит неверным, ленивым и бессовестно расточающим полученное богатство того именно раба, который получил пять талантов, данную же ему безграничную похвалу отнесет к представителю бедных, которому, как награду за труд и верность, передаст таланты многоимущего? Словом, не лучше ли было бы совершенно изменить притчу? Отчего же Спаситель поступил иначе? Оттого, что Он говорит правду всем одинаково; оттого, что дух возмущения и озлобленной зависти, свойственной малоимущим так же противен Богу, как и дух презрения и гордости у многоимущих. Пред нами в притче один из таких именно малоимущих... Но обратите внимание: ведь он все же получил, и получил в сущности не мало, потому что талант – это и по современному счету, тем более по тогдашнему, сумма серебра довольно большая. Но раб смотрит не на то, сколько ему дано, а сколько получили другие: озлобленная зависть слепить ему очи, и он ведет себя с такою вызывающею грубостью и возмутительною дерзостью, как будто бы он не получил совсем ничего, как будто бы у него взяли ему принадлежащее. Иначе нельзя понять, почему господин кажется ему несправедливым и жестоким, жнущим, где не сеял (Мф. 25:25)... А ведь посев был, и посев, как мы видели, не малый.

Не узнаем ли здесь себя мы, имеющие один талант? Когда пред нами лежит жизнь, требующая нашего труда и подвига, когда несовершенства и бедствия ближних, их нужды и лишения взывают к нам о помощи, когда требуется от нас вообще какая-либо забота и труд, какая-либо жертва самоотречения: не сваливаем ли мы ответственность на других, у кого, по нашему мнению, пять талантов, а сами не остаемся ли в стороне – в лености, себялюбии и равнодушии, прикрываясь тем ложно-смирненным мнением о себе, о своих силах и дарованиях, под которым лукаво кроется горькая зависть и тайное озлобление против получивших больше? Не узнаем ли здесь себя мы, которым вечно кажется, что поприще жизни, отведенное нам, слишком мало, что место других имущих, влиятельных, сильных, стоящих у власти, по праву принадлежит нам, и что мы, без сомнения, совершили бы на этом месте гораздо больше полезного и доброго? Но как часто люди, осуждающие тех, которые стоят выше их, наверное, меньше всего были бы способны заменить их! Один из выдающихся проповедников христианских, много лет внимательно наблюдавший жизнь и людей, ссылаясь на свой опыт, уверяет нас, что весьма и весьма часто завистливый бедняк, если разбогатеет, то делается самым мелочным, черствым и гордым богачом; что честолюбцы, тяготящиеся подчинением, достигнув заветного возвышения, становятся самыми взыскательными, бессердечными и несправедливыми носителями власти, – и те, которые падают пред искушениями своего посредственного положения, окончательно ослепляются положением высшим (Берсье). «Единому Богу известны, – продолжает тот же писатель, – наши тайные и гордые мечты о себе, наша зависть к другим, обладающим большим. Если бы все наши стремления могли заговорить, какие бы печальные и неожиданные признания мы бы услышали, но если бы всем этим стремлениям дано было осуществиться, то какое ужасное зрелище мы бы увидели! Знаете ли вы в истории что-нибудь более печальное, чем управление человека, неспособного распоряжаться властью? Что гибельнее положения какого-либо легкомысленного мота, который вдруг сделался обладателем большого богатства?» «Нет ничего несчастнее, как получение чего-либо свыше сил»... И наоборот, сколько великого в мире создано терпеливыми усилиями людей, неведомых, по-видимому, не блестящих, по-видимому, получивших только один талант! «Ведь простые воины одерживали победы»... Много ли талантов имела та евангельская вдова, которая удостоилась величайшей похвалы Иисуса? Сколькими талантами, с внешней стороны, обладали апостолы, о жизни которых вы сейчас слышали из читанного отдела Слова Божия – про

темницы, биения, скитания, опасности, раны, поругания⁷³... Сколько видимых талантов было у св. Павла, когда писал он смелые и вечно знаменательные слова: «*Нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделали позорищем для мира, для ангелов и человеков. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, вы же крепки; вы в славе, а мы в бесчестии; даже доныне терпим голод и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками... Мы, как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне*» (1Кор. 4:9–18). Но «*нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем*» (2Кор. 6:10). А сколько было талантов у первых христиан, когда, лишённые всего, чем люди гордятся и наслаждаются, – всего, что люди приобретают как великое и ценное, они «смотрели на пышное величие древнего мира с твердым убеждением, что весь этот блеск земного величия померкнет пред крестом их Учителя»? (Берсье). И сколько их, этих христиан неведомых, незнатных, которые кровью, трудами, твердыми правилами жизни христианской, непоколебимым стоянием в вере и молитве, в правде, любви и честности, исполнением долга в семье, обществе, в войске, в судах способствовали возвеличению христианства, привлекали к нему уважение со стороны неверных, содействовали блестящей эпохе Церкви, ее силе, ее влиянию, ее победе над темным царством греха и неведения языческого – и все это среди тысячи препятствий, из которых гонения и преследования, это крещение кровью новорожденной Церкви Христовой, было препятствием меньшим. Где их имена? Где они, безвестные труженики, неведомые проповедники, которые в первые два века христианства буквально исполнили завет своего Учителя и Господа идти во весь мир и проповедовать евангелие всей твари? (Мк. 16:15). Где эти труженики, которые после каких-либо двух-трех сменившихся поколений после Христа уже могли сказать язычникам эти выразительные слова: «Мы существуем, так сказать, только со вчерашнего дня, а между тем наполняем собою все: ваши города, острова, замки, пригороды, советы, лагеря... двор, секст и форум, вам оставляем одни капища!»⁷⁴. От всех этих безвестных деятелей осталось величественное здание Церкви, великие, неисчислимы плоды веры, неизмеримые благодеяния христианства, но рядовые работники эти каждый в своем деле, без сомнения, считали себя людьми немногих талантов, а с нашей обычной, мирской точки зрения внешнего блеска и вовсе их не имели.

Будем же и мы, рядовые и как бы чернорабочие в великом деле

службы и труда Богу и человечеству, каждый с одним талантом приумножать его и работать без зависти к тем, что получили больше, в той христианской уверенности, что Бог, Раздаятель талантов, указал нам такое именно место в жизни, хотя и невидное, на котором мы можем оказаться наиболее полезными. Пусть мы, рядовые работники, получившие каждый один талант, носим только камень, глину и песок: из наших совокупных усилий в руках великого Зодчего мира слагается стройное, гармоническое и величественное здание человечества, та «скиния Бога с человеками» (Апок. 21 гл.), где Он является их Отцом, а они – Его детьми, то царство Божие, царство правды, мира, и любви, и радости, что должно основаться в нас и среди нас и заполнить всю землю. Путь к этому один: взять данный талант, каков бы он ни был, и, не зарывая в землю, приумножать его разумным и благословенным трудом долга, трудом от утра и до вечера жизни, когда Господин потребует отчета и скажет утомленному работнику: *«Добрый раб, благой и верный! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю: войди в радость Господа твоего!»* (Мф. 25:21.) Но ожидая и желая этого приговора всем сердцем, не забудем, что приготовлены и иные устрашающие приговоры: *«много званых, а мало избранных»* (Лк. 14:24), и еще: *«будут первые последними, а последние первыми»* (Мф. 19:30), а над всем этим: *«кому много дано, с того много и взыщется»* (Лк. 12:48). Аминь.

Отрицательная нравственность⁷⁵

Сегодня опять я обращаю внимание ваше на раба, зарывшего талант в землю и осужденного в евангелии. Не напрашивается ли у вас сам собою, невольно, вопрос: что дурного сделал этот раб и за что осужден? Растратил ли он талант свой? – Нет. Обратил ли его в средство и орудия зла? – Тоже нет. Утаил ли, присвоил ли себе? – Напротив, он возвратил его в целости господину. За что же осужден? Правда, он не удвоил таланта, подобно своим сотоварищам, но, по справедливости, в таком случае его нужно было только лишить награды, – за что же еще и наказание?

И многие ли среди нас с вами могут по чистой совести похвалиться тем, что не растратили, не потеряли совсем своего таланта, не употребили душевных и телесных даров во зло, не обратили их в средство личного наслаждения? Многие ли из нас могут сказать с полным правом: «Господи! Какие дары Ты мне дал, такие я возвращаю Тебе все по счету: ни одного утерянного»? И если так, то опять настойчиво требует разрешения не только недоуменный, но уже страшный для нас вопрос: за что же, за что осужден и наказан евангельский раб? Здесь мы подходим к одному из главных и существенных оснований христианской нравственности, к ее коренному различию от всякой другой, так называемой естественной: в христианском учении ясно и настойчиво проводится одна мысль, что для нравственного человека мало не совершить греха, но нужно служить и добродетели; мало не убить, не украсть, не обидеть, но нужно любить, благотворить, помочь, утешить, защитити; мало не делать зла, но нужно делать и добро, для него жить, для него усиленно работать, подвизаться, – одним словом, мало нравственности отрицательной, безличной, бездеятельной, а требуется нравственность положительная, одушевленная, исполненная сил и деятельности. Раб, получивший один талант, не растратил, не присвоил его, но этого было мало для исполнения долга: нужно было трудом и усилиями его умножить, обратить по крайней мере в два. Но он не трудился, – оттого он раб *ленивый*; он не умножил таланта и ложно ссылаясь на жестокость господина, – оттого *лукавый*; он грубо и дерзко возвратил талант, без тени сознания что поступил не право, – оттого он *злой*; он ничего не сделал, и оттого он – раб *неключимый*, негодный. Его жизнь, и деятельность в лучшем случае и по самой снисходительной оценке была жизнью безвредного животного, но не разумного существа. «Царство Божие силою берется» (Мф. 11:12); «кому много дано, с того

много и взыщется» (Лк. 12:48)... Поэтому от человека с теми или другими талантами и средствами мало требовать, чтобы он только не сделал дурного; от него справедливо требуют и положительного добра, и притом, в нравственной оценке его деятельности, смотрят на то, что он мог сделать, и что действительно сделал.

Сколько, однако, людей живут и довольствуются этою отрицательною нравственностью лукавого раба! Как часто и мы, желая похвалить других, и тем выдавая себя, ничего не можем привести иного для похвалы, кроме указаний на то, что они *не* убили, *не* украли, *не* обидели! Сколько и из нас на вопрос, обращенный к себе самим: «Каковы мы в нравственном отношении?» – могут указать только на те же мнимые отрицательные добродетели... Не ясно ли, что мы еще не вышли из нравственности естественной и не доросли до нового Божественного Завета, до нравоучения евангелия, где мало этих постоянных наших «не», где призываются и ублажаются люди положительных, а не отрицательных добродетелей: смиренные и кроткие, алчущие и жаждущие правды, милостивые, чистые сердцем и миротворцы (Мф. 5 гл.). Частное проявление этих положительных качеств и призыв к ним вы слышали и сейчас в апостольском чтении⁷⁶.

Поистине, жалко то время, тот народ, та среда, где умерли горячие стремления к одушевленному положительному подвигу, где пробавляются этою низкопробною отрицательною нравственностью, и поле жизни занимают люди дряблые духом, безличные, люди без огня и одушевления, без убеждений, без горячих стремлений и порывов, – те, которых так часто по недоразумению и по неразумию называют часто «хорошими» людьми, что в сущности значит: слабые, бесцветные и безличные люди, живущие жизнью безвредного животного и так похожие на евангельского лукавого и ленивого раба.

Вас, юные слушатели, Церковь и школа готовят, конечно, не к отрицательным добродетелям. Прививая к вам любовь и навык к знанию и труду; внушая вам мысль о необходимости жить и действовать не во имя плотских и себялюбивых похотей, но во имя долга и любви к Богу и ближним; воспитывая вас в сознании обязанностей, а не прав, – Церковь и школа хотят видеть в вас в будущем деятелей разумных, честных, любящих, энергичных. Эти свойства можно проявить во всяком положении и на каком угодно месте, как бы оно мало ни было, хотя бы оно равнялось не одному даже таланту, а только незначительной части его... Будьте же теперь, хотя в узком кругу вашей школьной жизни и несложных обязанностей, будьте носителями добродетели положительной, а не

отрицательной. Мало не лениться, не нарушать правил доброго поведения, не быть замеченным в предосудительных проступках, не быть безнравственным: нужно гореть любовью к труду, одушевлением к Богу, детскою и горячею преданностью Церкви; нужно искать труда и дела, и находить его, и мало не нарушить долга, а нужно его исполнить: *тщанием не лениви, духом горяще, Господеви работающе (Рим. 12:11), елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще как похвала, сия помышляйте (Флп. 4:8)*. Если же нет этой горячности дела, этих одушевленных порываний к подвигу и работе, то печальная, бесцветная будет ваша молодость, недостойная и звания молодости. В откровении св. тайнозрителя Иоанна Богослова говорится о таком состоянии с особою выразительностью от лица Божия: «Знаю я дела твои: ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но так как ты тепл, а не горяч и не холоден, то изbleвати тя от уст моих имам» (Апок. 3:15–16), т.е. ты мне противен, как тепловатая вода, возбуждающая рвоту. И это понятно: кто не работает деятельно для добра, тот уже сторонник зла; кто остановился на пути нравственного восхождения, тот неизбежно пошел назад. И сбываются слова притчи: «всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимущего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25:29). Аминь.

Ответственность за труд⁷⁷

По долгом времени приходит господин рабов тех и требует у них отчета (Мф. 25:19).

В то время, как господин отсутствовал, рабы всецело были предоставлены себе в своей деятельности. Им была дана полная свобода поступать согласно своим желаниям и наклонностям. Но если под господином в притче понимается Бог, то что же значит и как понимать нужно Его отсутствие?

Да, слушатели, к своей деятельности на земле и мы, рабы, получившие таланты, также предоставлены себе на полную свободу; мы, по словам апостола, *ходим верою, а не видением* (2Кор. 5:7), не видим Бога так, как видим все прочее, и потому и нам может казаться, что Он как бы отсутствует. Он не обращается среди нас непосредственно; между Ним и нами как бы находятся законы природы, проявляющиеся в пространстве и времени. С неумолимою силою и с неизменным постоянством из года в год, из века в век пред открытыми и наблюдающими очами сменяющихся людских поколений действуют эти законы; душу верующую и вдумчивую они поражают своею дивною гармонией; для нее бытие этих законов и действия осмысленны и полны значения; за ними ей представляется и чувствуется невидимый и премудрый, вечный и вездесущий, всем управляющий Законодатель. Наоборот, для души мелкой, для взора близорукого «эти законы сами становятся Богом»⁷⁸, дальше их она ничего не видит, выше их ничего не признает. Здесь тяжелое испытание для верующих. Бог как бы остается безмолвным и отсутствующим: нарушен ли Его нравственный закон, оскорбляют ли Его величие безумным богохульством, торжествует ли грешник, благоденствует нечестивец: гром не убивает грешника, земля под ним не разверзается, по-прежнему приветливо сияет над ним солнце и даже счастье ему в жизни часто улыбается... Молчит оскорбленная высшая правда, безмолвствует и как бы отсутствует Бог... Зло, по-видимому, тогда торжествует над добром, смеется над правдою, смеется над теми, что живут во имя высших нравственных идеалов, и представляет их жалкими глупцами, гоняющимися за ветром в поле. И вот безумная дерзость в кажущейся безнаказанности почерпает силу, овладевает нечестивцем, и снова, как некогда во дни Илии, раздается древний вызов верующим: «Что же делает ваш Бог?» Да, тяжелое это испытание для верующих. И даже великая душа Давида, того Давида, который в глубочайшей религиозности говорил:

«Предзрех Господа предо мною выну» (я видел Господа пред собою всегда), и его душа смущалась, терялась и тосковала при виде безнаказанного глумления нечестивых: «Были мне слезы хлебом день и ночь, когда говорили мне на всяк день: где есть Бог твой?» (Пс. 15:8 и Пс. 41:4). Да, тяжело это испытание; но без труда нет добра, без подвига нет заслуги, без борьбы малоценна и самая добродетель и нет победного венца. Здесь-то и нужно поставить у сердца и разума с непоколебимою верою слова притчи: *по долгом времени приходит господин рабов тех и требует у них отчета* (Мф. 25:19)... Да, будет, будет отчет, как бы ни отдалялось его время, – будет отчет и будет торжество правды, ибо «*нового неба и новой земли по обетованию Божию ожидаем, где живет вечная правда*» (2Пет. 3:13). С замечательною силою и убежденностью говорит об этом евангелие Господа Иисуса. В век самый мрачный и смутный, когда величайшие злодеи восседали на престолах, когда Тиверии, Калигулы, Клавдии и Нероны, эти нравственные чудовища, судили миру, как бы в насмешку над всякою правдою, когда ужасающие преступления совершались открыто и оставались безнаказанными; когда безбожие и нечестие в лице Нерона в порфире сидело на троне и судило добродетель в лице стоящего в оковах и лохмотьях апостола Павла: в этот век насилий, издевательств и жестокости раздается спокойное и твердое слово евангелия и его проповедников – апостолов о том, что каждый человек отдает отчет в своих поступках, мыслях и словах, что нет ничего тайного, что не открылось бы (Мф. 10:26), что правда восторжествует везде и всюду: в мировом порядке, в судьбе всякого отдельного человека и над каждой человеческой совестью. Сколько помнит себя человек в истории сознательной своей жизни, он всегда неизменно, неудержимо, помимо воли стремился к нравственному совершенству в общении с Богом, не раз на этом пути падал, горько оплакивал падение, опять вставал и опять стремился к тому же, верил в добро, верил в высшую правду, которая никогда не погибнет: по словам псалма, она «*с неба сойдет*», «*из земли возникнет*» (Пс. 84:12), она, и по слову русской народной мудрости, «светлее солнца».

Что же, неужели в эти 70 веков своей жизни человечество гонялось за ветром к поле? Неужели оно представляется сборищем людей, которые в общепризнанных лучших представителях своих являются какими-то непонятными сумасшедшими, жалкими безумцами, потому, что напряженно ищут того, чего нет на самом деле, и гонятся за созданными в воображении призраками – за правдой и идеалами? Неужели в то время, как зверь, и птица, и самое малое насекомое, повинуюсь врожденным

инстинктам и стремлениям, не ошибаются, не обманываются в достижении цели и сохранности жизни, переплывая реки, улетаая в теплые края, зарываясь в землю, ища сродной стихии, – неужели один только человек среди всех живых существ мира является самым жалким сыном творения, обманываясь в своих духовных прирожденных инстинктах, т.е. в стремлениях своих к Бесконечному, к нравственности и совершенству. Но это противоречило бы и единству плана всего мироздания; это противоречило бы наблюдаемой непреложности всякого закона природы. При взгляде на эту природу невежда или полуученый может видеть в ней беспорядок и случайности. Но взор изощренный, наблюдательный и просвещенный верой и наукой, везде открывает стройность и порядок, правильность, гармонию и целесообразность, везде замечает причины, следствия и цели и под кажущимся бессвязным и пестрым беспорядком, под этою множественностью вещей и явлений находит удивительное единство. Неужели же только в нравственном мире все идет иначе? Неужели только здесь нет связи, единства и порядка? Неужели только физические законы непреложны и получают ежеминутное подтверждение, а законы нравственные, законы правды и святости брошены на произвол судьбы и могут быть нарушены безнаказанно? Для чего же они и существуют тогда? Для чего даны они Законодателем? Никто не станет легкомысленно пренебрегать физическими законами – не есть и других не кормить, забавляться и шутить взрывчатыми веществами, стрелять для потехи в себя и прохожих, отвечая смехом и полным недоверием на все предостережения, что он может повредить жизни своей или чужой. Это потому, что физические законы большей частью дают непосредственно и немедленно чувствовать себя. Но неужели тот же Законодатель позволит безнаказанно преступать еще более важные и высшие законы порядка нравственного? Бывает, что мы в своей жизни по собственной ли воле, или по нужде, ради порока и легкомыслия, или во имя высокого самопожертвования нарушаем законы правильного питания, физического роста и развития; часто на первых порах мы не замечаем особого вреда, живем беспечно, обманываясь первыми ощущениями: но придет время, с неумолимой строгостью заговорят нарушенные законы, и чем дольше и систематичнее мы их нарушали, тем труднее бороться с неизбежными и роковыми последствиями, и после бессилия и немощей преждевременная смерть тела торжествует победу физических законов, как бы отомстивших за свое нарушение. То же или нечто подобное случится, по единству плана творения, и с законами нравственными. По долгом времени, которое дается существу разумно-свободному в полное распоряжение добровольно

избрать себе тот или другой путь жизни; по долгом времени, которое дается на труд, на исправление и покаяние; по долгом времени придет Господин рабов и потребует у них отчета... Отчет... Страшен всякий, даже малый отчет на земле, где можно многое скрыть, многому придать привлекательную маску, благовидные цели и побуждения; но и на земле в несовершенном земном суде часто маску срывают, и правда торжествует. Но есть правосудие высшее: оно неукоснительно в мире, оно во власти Того, Кто читает в мыслях и сердцах, видит все, самое сокровенное, как говорит евангелие: *«нет ничего тайного, что не открылось бы»* (Мф. 10:26). Отчет пред этим правосудием поистине страшен!

Так и природа, и здравый разум наш согласно говорит нам о неизбежности этого отчета. Нужно ли приводить учение Священного Писания? Оно не оставляет в этом никакого сомнения и говорит о будущем отчете с величайшей ясностью и определенностью. Основные мысли учения Священного Писания об этом вы слышали сегодня в прочитанных словах послания апостола Павла к Коринфянам⁷⁹: *«всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое»* (2Кор. 5:10). *«Ибо не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением, но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию»* (2Пет. 3:9). Мы же знаем, что когда земной наш дом, эта хижина (тело) разрушится, мы имеем от Бога уготованное жилище на небесах, дом нерукотворный и вечный (2Кор. 5:1 и д.). Но теперь, в земном доме и в этой хижине тела, мы еще ходим верою, а не видением (2Кор. 5:7). Аминь.

Характер христианской нравственности⁸⁰

В прошлый раз, беседуя здесь, мы остановились перед некоторыми вопросами, на которые навело нас размышление о будущем неизбежном отчете нашем Богу. Рассмотрим их сегодня, чтобы слово наше имело надлежащее освещение и полноту и чтобы оно заняло и надлежащее место в нравственном поведении нашем. Припомним один из указанных вопросов. Почему, в самом деле, законы физические дают себя чувствовать непосредственно, нарушение их почти всегда более или менее скоро и заметно наказывается и невольно заставляет признать их силу и необходимость, а более важные и ценные законы духовно-нравственного мира обходятся и нарушаются иногда дерзко, вызывающе, и при этом часто без всякого видимого возмездия на земле? Если уж есть и должно быть, по закону правды, воздаяние, то оно, кажется, более всего должно бы проявляться в случаях нарушения не мертвых законов природы, а живых, святых и возвышенных законов правды, милости, любви и справедливости. Что же ответить на этот древний вызов: «Что делает ваш Бог?» Что ответить на это испытание веры верующих.

Для разрешения вопроса нужно обратить внимание на то, что нравственное тогда только бывает ценно, тогда только достойно названия нравственного, когда оно совершается сознательно и свободно, без внешнего принуждения. Никому в голову не придет восхвалять и награждать человека за то, что он ест, пьет или дышит; странно было бы возвеличить кого-либо за то, что он имеет две руки или одну голову. Здесь нет свободы – нет и заслуги. Точно также мало заслуги было бы и в исполнении нравственного закона, если бы каждый случай нарушения его немедленно приносил бы казнь и наказание. Правда, нравственный закон тогда невозможно было бы нарушить, как невозможно прекратить дыхание, но исполнение его было бы принудительное, как принудительно человек рождается с двумя руками, и в таком случае не было бы и заслуги со стороны человека. Мало этого. При отсутствии выбора и свободы не могло бы быть нравственного развития, следовательно, не могло бы быть и счастья, к которому Бог назначил человека при творении и которое также не может быть без свободы и сознания. Наконец, при таких условиях сам человек из личности сделался бы вещью, неодушевленным предметом природы. С замечательною ясностью и выразительностью говорит об этом слово Божие, – и можно сказать, что этот вопрос есть краеугольный камень нравственности, разгадка всей истории и грешного, и спасенного

человека. Моисей, изложив нравственный закон пред лицом Израиля, говорит ему от имени Бога: *се дах пред лицом твоим жизнь и смерть, благо и зло, благословение и клятву; избери жизнь, чтобы жить тебе и потомству твоему* (Втор. 30:15–19). То же от лица Божия чрез много веков повторял и пророк Иеремия: *«сия глаголет Господь: се аз даю пред вами путь жизни, и путь смерти»* (Иер. 21:8). И ветхозаветный мудрец среди множества наставлений своих поучает: *Бог изначала сотворил человека и в руках его оставил свободу и желания его. Если хочешь, соблюдай заповеди... Я предложил тебе огонь и воду, на что хочешь, туда и протяни руку твою* (Сир. 15:14–16).

Таким образом, истина эта ясна и бесспорна с точки зрения Откровения. Но из нее в свою очередь исходят некоторые возражения и недоумения. Если в деле нравственности так безусловно важны сознание и свобода, то зачем же, говорят, и учение о возмездии, хотя бы в будущем? Ожидание награды и наказания лишает нравственность бескорыстия, следовательно, унижает ее, делает ее принудительной и малоценной. Жить и трудиться для добра, исполнять нравственный закон, избегать зла и быть честным, добрым и хорошим человеком, и все это только потому, что за это наградят, а в противном случае накажут, – какая это, говорят, низменная нравственность в христианстве!

Братие и дети! Это – неправильное обвинение христиан и христианства. От лица Христовой Церкви и мы вам говорим, и еще с большим ударением, со всею силою убеждения и настойчивости: нравственность из-за наград или из-за страха наказания недостойна истинно развитого в нравственном отношении человека; и мы вам говорили и будем говорить: любите добро из-за добра, ищите святости из-за нее самой! И мы вас уверяем, что наша святая вера совершенно чужда той мысли, чтобы будущий отчет и возмездие ставить движущим побуждением или, как выражаются, исключительным мотивом нравственной деятельности христианина. В христианстве *«любовь есть совокупность всех совершенств»* (Кол. 3:14). Я приведу вам слова апостола, изображающие такое величие любви его, которое во всяком случае никак нельзя считать вызванным мыслью и желанием будущего возмездия. Вот что с клятвой пишет апостол Павел о своих единоплеменниках-евреях: *«Истину говорю во Христе, не лгу; свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа (и, значит, на век погибнуть) за братьев моих, родных моих по плоти, т.е. израильтян...»* (Рим. 9:1–4). А вот вам слова

великого Иоанна Златоустого, свидетельствующие, как понимала этот вопрос древняя Церковь: «Видишь ли душу твердую, ум высокий, дух непоколебимый, который восхищается не венцами, но утешается подвигами; радуется не наградам, но восторгается и самыми трудами; веселится не от воздаяния, но хвалится борьбой; *прежде награды самые подвиги приносят ему величайшую радость*"⁸¹. Те же мысли встречаем у других св. отцов Церкви. Св. Макарий Великий говорит: «Истинно любящие Бога не царствия ради небесного избрали работать Ему, но яко Бога Того Единого и Творца своего возлюбивше и верующе, положенный от самого естества непременный закон сей исполняют». Слова св. Григория Богослова: «Истинно любомудрые и боголюбивые любят общение с добром ради самого добра, а не ради почестей, уготованных здесь и за гробом, потому что это будет уже вторая степень правильной жизни, а третья – избегать зла по страху наказания».

Трудно после этих слов толковать христианское учение о будущем возмездии в смысле унижительном для нравственности. Странная судьба христианства в возражениях его врагов! Древле противники христианства при первом появлении его в мировой истории серьезно упрекали его учение в мрачности, безрадостности, даже в человеконенавистничестве. Язычники говорили христианам: «Мы почитаем богов с весельем, пирами, песнями и играми, а вы избегаете радостей, проклинаете удовольствия»⁸². А нынешние враги христианства предъявляют против него совершенно противоположное обвинение в том, что оно будто бы только и живет ожиданием радостей и удовольствий в будущем возмездии. Уж из одной полной противоположности обвинений становится ясным, что оба обвинения взаимно друг друга уничтожают, что здесь кроется недоразумение, что мысль о будущем возмездии и отчете несколько не вредит безусловной чистоте христианского нравоучения; так как не составляет движущего, основного побуждения к нравственной деятельности. Тех, кто смущается учением о возмездии с этой стороны, нужно только спросить: Спаситель привлекал ли к Себе последователей обещанием наград, или, напротив, больше указывал им на трудности пути евангельского самоотвержения и евангельского подвига любви? Ответов не может быть двух для того, кто хоть сколько-нибудь знаком с проповедью Господа Иисуса. Далее, евангельское описание будущей жизни так прикровенно и неясно, что решительно не дает пищи человеческому эгоизму. Это не магометов рай... Между тем, полное умолчание о возмездии вредило бы евангельскому нравоучению, так как, что ни говори, общечеловеческое сознание требует единства праведности

и счастья, греха и бедствия; свидетели тому – и каждый из нас в своем собственном сознании, и многие выдающиеся мыслители древнего и нового мира, отметившие эту черту человеческого духа с особой выразительностью⁸³.

Но возмездие, повторяем, не побуждение к нравственной деятельности, это сама действительность. Неужели мы с вами не совершаем убийства потому только, что за убийство осудят, накажут, сошлют? Тем не менее закон, осуждающий убийство, существует во всяком государстве и нисколько не унижает праведной деятельности нравственно-развитых людей. Для некоторых, однако, – для людей нравственно неразвитых, этот закон служит сдерживающим началом жизни, и в этом смысле полезен. Так и будущее возмездие в системе христианского нравоучения до некоторой степени нужно и как побуждение для несовершенных христиан, для которых непонятны и недоступны побуждения высшие, а в более совершенных оно заменяется любовью ко Христу и ближним, любовью ко всему доброму и прекрасному. Смеем думать, что и рабы умножили таланты господина по любви к нему, а не из боязни наказания; в объяснение своей деятельности они бы не сказали ему: знали мы, что ты жестокий человек... и проч. Эта любовь и есть основное правило христианской нравственности, и она совершенно не мирится с эгоизмом. Возьмите еще сравнение, близкое к вашему положению. Истинные служители науки неужели преданы ей только из-за тех выгод, которые она им доставляет? Но тогда невозможны были бы наблюдаемые нами многочисленные случаи бескорыстной любви к науке, самопожертвования ради ее интересов и даже мученичества за научные убеждения. Только в возрасте, когда еще не раскрыты все стороны душевные силы, и в людях, умственно мало развитых, научные занятия вызываются внешне, как бы принудительно – соображениями будущей пользы, или страхом наказания, унижения, потери той или другой выгоды и т. под. Но для людей умственно развитых, получивших и изощривших вкус в духовных наслаждениях познания, блаженство и побуждение к занятиям лежат в самой науке. И в области нравственной будущее блаженство, в точном смысле слова, никоим образом не может быть названо платой за добродетель: оно дается ведь не по юридическому договору с Богом, а по Его милости; оно, далее, соединено с нравственностью не внешне, а внутренне; блаженство, – я подчеркиваю эту мысль, – блаженство неразрывно с нравственностью, однородно с нею, оно составляет только ее увенчание и завершение. Истинная нравственность и есть блаженство, и истинное блаженство

немыслимо без нравственности.

Этой мыслью мы и заканчиваем ряд наших бесед по содержанию притчи Господа о талантах. Пред нами прошли живые образы Господина, раздателя талантов, рабов трудящихся, раба ленивого и, наконец, Господина, требующего отчета и дающего возмездие. Глубоко жизненная и поучительная притча эта навела нас на многие размышления относительно начала, направления, общего характера и основного побуждения нашей нравственной деятельности. Дай Бог, чтобы приточное слово Спасителя не осталось без влияния на вас, мои юные возлюбленные слушатели! Дай Бог, чтобы исполнилось сказанное апостолом: *«Все, что написано, нам в наставление написано»* (Рим. 11:4). Аминь.

Служение отечеству⁸⁴

Долг всякого верноподданного в государстве, долг всякого члена великой семьи, называемой отечеством, возлагает на нас обязанность способствовать всеми силами благу и процветанию родины. Но среди собрания учащих, которые находятся в возрасте несовершеннолетнем, и большинство которых и в будущем предназначаются не к служебной государственной деятельности, а к тихой жизни семьи, естественно возникает вопрос: могут ли и они быть полезны отечеству чем-либо другим, кроме любви к нему и молитвы за него, могут ли они способствовать его силе, его славе, крепости и благополучию? Близорукому и неглубокому взору, действительно, нередко кажется, что непризванный к должности, связанной со службой внешним интересам государства, не стоящий так или иначе вблизи государственного управления не может иметь никакого влияния на судьбы родины. Так часто говорит естественный человеческий разум, но не тому учит слово Божие. Обращаясь к судьбам царств и народов, слово Божие ставит их в зависимость не от внешних только условий, не от умелых правителей, не от искусных их помощников, не от внешней силы воинства или материального богатства. Оно говорит: праведность возвышает народ, а упадают племена чрез грехи (Притч. 16:34).

Изумительно могуч этот закон правды, чем более углубляемся в тайны прошедших судеб народных, чем более сами живем на свете и вдумываемся в окружающую жизнь, тем более убеждаемся в этой истине Божественного Откровения, тем более убеждаемся, что праведность делает слабые народы сильными, а грех и нечестие могущественных обращают в ничтожество. В Священном Писании открыт нам день падения одного из величайших царств древности. С детства знакома нам эта поразительная картина. Пир идет в царском дворце: в упоении могущества, славы и богатства, окруженный вельможами, среди всех видов ликующего порока и бесстыдства беспечно веселится царь Вавилона, того Вавилона, который за могущество и силу прозван был молотом всея земли. Вино льется рекой из драгоценных сосудов; пьяные уста глаголят непотребное, – и вот дошло и до кощунства над Господом-Иеговою. И вдруг вышли персты незримой десницы человеческой и писали на извести стены таинственные слова: «мене, текел, перес», которые, по объяснению пророка, означали: исчислил, взвесил, разделил... И в ту же ночь царь Вавилонский был убит, и царство его бесповоротно рухнуло (Дан. 5 гл.).

Милостью Божией, в тысячелетнем тяжком строении и подвиге, многими трудами, слезами и молитвами возросла и расширилась до необъятных пределов наша родная земля. Но не горделивое, не надменное и задорное сознание силы должно внушать нам это величие родины, а смиренную благодарность Богу-Мироправителю, и трепетное, опасливое чувство пред грозным определением слова Божия: праведность возвышает народ, а унижают племена грехи. Невольно проникает в душу страх пред возможностью на себе испытать непреложный суд Господа, возвещенный некогда любимому и избранному народу: *отнимется у вас царство и дастся народу, творящему плоды его!.. (Мф. 21:43).*

Итак, и вы, дети, и всякий член семьи отечественной, – все мы призваны и можем способствовать благу родины, ее силе и крепости на самом верном пути – на пути праведности и благочестия. Пусть будет крепка вера, пусть будет сильно стремление исполнить закон евангелия, провести его во все отношения жизни: и будут дружные семьи, честные граждане, самоотверженные слуги государству на всех поприщах жизни, и будет Божие благословение над родиной нашей, успех во всех ее делах.

В день восшествия на престол Государя Императора, когда особенно должны мы помнить о наших обязанностях к Царю и отечеству, поставьте близко у сердца и сознания эту мысль о неизмеримо великом значении благочестия народа в его государственной жизни. Призывая Божию милость на Царя, вознося молитвы за его правительство, молитвы о благе и счастье отечества, будем помнить, что плод и успех молитвы во многом зависит от нас самих, от нашей веры и жизни, от нашей праведности, от исполнения нами закона Христова. Так везде и во всем верно слово св. евангелия: *ищите прежде всего царства Божия и правды Его, и в царстве земном все прочее само приложится вам (Мф. 6:33).* Аминь.

Сегодня святая Церковь наша празднует в честь Казанской иконы Богоматери. Но почему праздник, по-видимому и по названию местный, праздник известного города, становится торжеством общецерковным, всероссийским, почему в нем участвуют и жители здешней местности, отдаленные от Казани огромным расстоянием? Нетрудно найти ответ в словах св. апостола: *вы тело Христово, а порознь – члены. Посему страдает ли один член, – страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены* (Кор. 12:27, 26). Поэтому, и как граждане общего великого нашего отечества, и как члены одного и того же церковного тела, мы, естественно, должны радоваться всему, что Господь посылает благодетельного для нашей святой Церкви и для нашей родины.

Но в истории явления Казанского образа Богоматери и в дальнейших чудесных действиях проявляемой чрез него силы Божией на благо нашего отечества есть нечто другое, близкое сердцу всякого сына России, особенно близкое к нашему положению здесь, как граждан и верных слуг нашего отечества, на этой далекой его окраине.

Когда наши предки, на заре своей государственной жизни, просвещены были верой Христовой, Запад Европы давно был христианским. В это же время страны православного Востока, и в том числе искони православная Грузия, находились уже в тяжелой борьбе с надвигающимся мраком изуверного мусульманства, и таким образом более и более теряли возможность просвещать другие, окружающие их племена и народы, сидящие во тьме неведения истины. В этот поздний час истории Господь возжигает новый светильник веры Христовой в далеком и юном русском княжестве, среди народа молодого и даровитого, полного сил и энергии. Промысел Божий, призывая нас, русских славян средней Европы, в лоно Церкви Христовой, тем самым указывал нам великую задачу – нести полученное сокровище чистой и истинной веры к малоизвестному востоку и северу Европы и в неведомые, таинственные в то время страны сопредельной Азии, бороться с мраком язычества и распространяющегося мусульманства, просвещать дикие племена и приобщить их к участию в царстве Божиим и в жизни образованного человечества. Поистине, это была великая, мировая задача, данная святой Руси, и наши предки уразумели ее и стали осуществлять непосредственно со времен святого князя Владимира. Уже при нем христианство начинает быстро распространяться среди племен теперешней средней и северной

России.

Но вот, когда от берегов Днепра и Ильменя христианство проникло уже до крайних пределов севера и востока Европы; когда русской Церкви оставалось шагнуть с проповедью евангелия в глубины Азии, – в это время, в XIII веке, Россию постигает великое бедствие, которое сковало русскую жизнь и замедлило на время великое и просветительное дело России. Этим бедствием было монгольское иго, – великий мировой мученический подвиг русского народа; предстояло св. Руси этим подвигом многолетнего страдания задержать вторжение варваров в Европу и сохранить чрез это для мира сокровища христианской европейской цивилизации. Многих трудов стоило пережить и свергнуть это тяжкое иго, чтобы снова приступить беспрепятственно к исполнению исторического мирового дела, указанного Руси Провидением.

Но вот, наконец, более чем чрез 200 лет после нашествия монголов исполняется заветное желание наших князей, святителей и всего народа русского: татарская орда, не раз разбиваемая русским воинством, отодвинулась от пределов наших, ослабела, распалась... и Русь сделалась свободной. И тотчас же началось движение наше к Востоку с крестом и евангелием. На пути, как преграда этому движению, лежало некогда страшное и могущественное татарское Казанское царство. С 1-го на 2-е октября 1552 года, после праздника Покрова Пресвятой Богородицы, во время службы Божественной, при возглашении слов евангелия: *«и будет едино стадо и един Пастырь»*, пала некогда грозная Казань, русскому народу открылся путь в Азию. Было ли угодно Господу это поступательное движение наше на Восток и это ниспровержение царства неверного? Был ли народ русский в этом деле орудием миродержавного Промысла? Исполнял ли он при этом свыше указанную ему задачу? Как бы в ответ на эти возможные недоуменные мысли, кроме вышеуказанных обстоятельств самого завоевания Казани, свыше дается новое знамение: Господь являет в Казани чудесно образ Богоматери, этот образ, данный свободной теперь России, который, таким образом, служит знаком небесного благословения русскому народу в его историческом просветительном шествии к Востоку, в глубь Азии. Не раз потом эта чудесная икона Богоматери приносила и проявляла нам милость Божию в години бед народных, и недаром сделалась чтимой святыней всероссийской. В нынешний день, 22 октября, воспоминается собственно не явление образа Богоматери, а чудесная помощь чрез Казанскую икону Ее царству русскому, новое освобождение его от врагов, новое сохранение его целости и самостоятельности и, следовательно, новое подтверждение

его исторического призвания.

Была тяжелая пора, поистине «смутное время» на Руси, когда пресекся в ней царственный род Рюрика, когда поляки, овладев большею половиною нашего отечества, вторглись в самое сердце России, – заняли Москву и засели в ней. Уже корона России предлагалась польскому королевичу Владиславу, но отец его, Сигизмунд, фанатический слуга римского папы, захотел соединить Россию с Польшей, не скрывая намерений ввести в ней католичество. Чистоте веры русского народа, следовательно, основным устоям его национального и религиозного быта и его историческому призванию грозила страшная опасность. «Мати Божия! спаси землю русскую!» – такой клич вырвался из сердец лучших сынов нашего народа. И Матерь Божия услышала их молитвы. В Казанской иконе Своей пришла Она к полоненной Москве во главе русского воинства; пред Нею изливали тогда мольбы свои доблестные Минин и Пожарский, на Ее благодатную помощь надеялись в виду необыкновенной трудности взять силою ратною тот город, который из твердыни России теперь обратился в крепкий оплот его врагов. А войско русское, нужно сказать, было и нестройно, и необучено, и немногочисленно, и к тому же не совсем согласно между собой. Но вот находящемуся в плену у поляков епископу Арсению ночью во сне является преподобный Сергей, молитвенник за землю родную святорусскую, и объявляет, что Господь, по ходатайству Богоматери, на следующей же день низложит врагов. Предсказание сбылось: на другой день, 22 октября 1613 года, кремль Московский был взят, враг изгнан, Россия стала свободной и скоро общенародным голосом избрала себе новый царственный род Романовых. С тех пор Казанская икона Богоматери сделалась семейной святыней этого благословенного царского рода и вместе с тем и всего народа русского. Еще раз в тяжелое время русской истории, во время французского погрома, эта чудотворная икона явилась в рядах русского воинства. Так сделалась она святыней не местной, Казанской, а всероссийской, общечтимой: и поныне она чаще всего видится в старинных православных домах, как священное наследие и благословение предков, передаваясь из рода в род.

Нам, здесь живущим и несущим знамя христианского просвещения на окраине России, в виду сопредельных, недавно еще страшных для России стран неверных, в виду многих и среди нас живущих, коснеющих во тьме мусульманского зловерия или иноверия, нам, православным христианам, всем, без различия национальностей, Казанская икона Богоматери вдвойне близка и знаменательна: она напоминает нам о том, что мы здесь являемся

наследниками завещанного историей просветительного шествия православной Церкви на Восток, что мы здесь исполняем давнее дело нашей родины, – и это дело может быть прочным только на основе чистой веры христианской, которую святая Русь с радостью нашла и здесь, в Закавказье, сохраненной и неповрежденной в многострадальной Грузии, уделе Божией Матери. Как две родные сестры, соединились теперь общностью дела и общностью единого отечества и слились воедино эти Церкви Божии – российская и грузинская, имея на челе лучшее украшение: печать пережитых страданий и подвигов за чистоту веры, печать многовековых понесенных трудов для просвещения чад своих и чужих... Пусть же под знаменем православия, при небесном заступничестве и благословении Богородицы, яко Ревнительницы славы Сына Своего, пусть будет совершаться здесь служение наше во всех видах и на всех поприщах – и в деле Церкви, и в распространении науки, и в службе государству, обществу, внутреннему благоустроению края.

И кто знает? – может быть и скоро придет время, как пришло оно для других областей нашей родины, когда исполнится сладостное предречение Господа Иисуса, звучавшее некогда утешением и ободрением героям Казани: *«И ины овцы имам, яже не суть от двора сего, и тыя Ми подобает привести, и глас Мой услышать: и будет едино стадо и един Пастырь»* (Ин. 10:16). Что из того, если нам не дожидаться этого дня: но он будет, будет, он засияет непременно!..

Мати Божия Спасай землю русскую, облегчи ей труд свыше данного призвания! Будь нам залогом этой веры в чудотворном образе Твоем, который некогда явился в благословение тем, кто так же и в то же, как и мы, верили и уповали, и вера их не обманула. Буди сие, буди!.. Аминь.

Христианство как свет миру⁸⁶

Явился еси днесь вселенной и свет Твой, Господи, знаменася на нас, в разум поющих: пришел еси, явился еси, Свет неприступный! (Кондак праздн.).

И светит доньне миру этот свет Христов, как солнце, иногда невидное за облаками, тем не менее лучезарное, теплое, живительное! И будет светить миру этот свет Христов, пока не наступят времена нового неба и новой земли, где будет жить и сиять одна вечная правда (2Пет. 3:13)! И потому-то и велик и радостен нынешний день Богоявления, что он напоминает нам *просвещение*⁸⁷ мира и человечества этим светом Христовым, – напоминает нам Иисуса Христа, в Своем крещении полагающего начало открытому Своему служению в качестве Учителя и Искупителя заблуждающегося человечества. И если когда, то именно сегодня само собой приходит на память наставление св. апостола: *припоминайте себе то время, когда вы были без Христа* (Еф. 2:11–12). Вспомнивши, увидим, что такое был мир до Христа, чем он стал с Его пришествием, и каким был бы без Христа. Правда, говорить об этом подробно и всесторонне – недостало бы времени и слушать; правда, здесь уместно заключительное слово наших евангелий: *«ни самому миру вместити пишемых книг»* (Ин. 21:25): но если мы возьмем только одну какую-либо сторону жизни, то и этого достаточно будет нам в поучение в настоящий праздник.

Неизмеримо влияние христианства в области собственно просвещения разума человеческого в тех вековечных вопросах о Боге, мире и человеке, – в вопросах, для которых всегда открыт наш дух и о которых самые лучше мудрецы вне христианства только гадали, составляя себе самые смутные понятия. Но если от этой возвышенной и неизмеримой области мы спустимся в область более доступную и видную, к отношениям и складу жизни общественной, то и здесь увидим величайшую победу, победившую мир, святую веру нашу (1Ин. 5:4), – увидим величайшие благодеяния христианства.

Можно сказать, христианство внесло обновление в мир и спасло его от окончательной гибели и разложения одним кратким словом: *«Бог – любви есть»* (1Ин. 4:16). И до Христа знали о нравственности, говорили о великодушии, о правде, о любви, но воистину только у Христа эта заповедь о любви является заповедью *новой*, утвержденною на сущности внутренней жизни Самого Божества и на примере воплощённого Бога-

Искупителя. Никогда еще нравственные начала не были утверждены так прочно и никогда не получают они основания более твердого и устойчивого. Из этой новой заповеди о любви, новой не по имени, а по существу, по внутренней своей санкции, по исходному началу, основанию и завершению, – из этой заповеди любви, исходящей от Бога-Любви, выросла и новая жизнь для человечества. Уже оно было на краю гибели, уже оно задыхалось в атмосфере неверия, сомнения, эгоизма и ужасающей безнравственности, уже утопало оно в крови и слезах бесчисленных миллионов рабов, угнетённых и забитых народов, гибло в безграничной и непроходимой пропасти, лежащей во взаимных отношениях отдельных лиц, сословий, племен, народов и государств – и вот все было соединено и спаяно небесным началом любви, небесным учреждением для земли – учреждением вселенской Церкви, этого града и царства Божия, этой носительницы и хранительницы нового завета Бога с человечеством. Христианство открыло этим путь к мирным отношениям народов; христианство постепенным смягчением сердец смягчило, потом уничтожило рабство, эту позорную язву, разъедающую весь организм древнего мира; христианство собственно впервые создало семью в истинном смысле этого слова, создало своим высоким учением о святости семейного союза, который должен быть ближайшим образом царства Божия на земле, первым питомником чад Божиих (Еф. 6:4), и который поэтому должен утверждаться не на основе грубости, чувственности, принуждения и страха, а на началах взаимной любви и преданности; этим возвышено было значение женщины, которая из прихоти мужа, из рабыни, равной другим рабыням – женам, зависящей в своем положении от каприза своего господина, сделалась членом семьи, матерью, в высшем и лучшем значении слова, и даже более – вдохновителем духовной, нравственно-религиозной жизни семейства. Вместе с этим возвысилось значение детей, как благословения в брачном союзе, этих будущих носителей царства Божия, членов великого тела – Церкви Христовой, следовательно, продолжателей того великого нравственного процесса, нравственного оздоровления и возвышения человечества, которому начало положил Глава Церкви – Христос. И какая бодрящая вера в добро, вера в людей, вера в светлые судьбы мира принесена Христом на место мрачного отчаяния и сомнения языческого, какое возвышенное представление о цене человеческой природы, какая светлая любовь к жизни дана на место презрения к ней, доходящего до сознательного холодного самоубийства, возводимого в язычестве на степень добродетели!

В дальнейшем влиянии своем на жизнь человечества христианство,

как религия Бога любви, спустилось туда, где всего более проявлялась жестокость древнего государства и общества, – к разным несчастливцам, сделавшимся такими от природы, по собственной воле, или от стечения неблагоприятных внешних обстоятельств, к людям голодным, нагим, бесприютным, убогим, калекам, страдающим в заключении и ссылке. На них древний мир смотрел с равнодушием и нескрываемым презрением, как на людей, прогневавших Бога, заклеянных печатью проклятия и отвержения, страдавших от слепого неумолимого рока, борьба с которыми никому не под силу. Самое сострадание к ним для гордого римлянина и благородного философа казалось непростительной слабостью души. Если в христианстве блаженни нищии духом, кроткие, плачущие, милостивые, ибо их есть царство небесное (Мф. 5:1–11), – то в язычестве было: блаженни сильные, богатые, храбрые и знатные, ибо они, победив и подавив слабых, получают царство земное... Христианство явилось пред человечеством с особым усиленным и настойчивым ходатайством за всех несчастных; оно научило видеть в них детей Божиих, равно со всеми призываемых ко Христу и часто нравственно высших, чем сильные мира; среди них христианство видело Самого Христа, выросшего в бедности и неизвестности, невинно осужденного на самую позорную казнь; им, следуя завету Спасителя, христианство по преимуществу усвоило название меньших братьев и милость к ним отнесло к Самому Христу (Мф. 25:40). И вот, во имя любви христианской, стали воздвигаться в мире благотворительные и просветительные учреждения, богадельни, больницы, странноприимницы, братства и союзы, притоны и школы; свет и теплота любви христианской стали проникать в самые дома заключения преступников, на места их наказания и ссылок, смягчая законы, изменяя взгляды на преступность, давая всем право защиты, отменяя жестокие казни и пытки; под влиянием христианства стали, наконец, возможны примеры сотен и тысяч таких подвижников, которые во имя ближних отказались от личных радостей жизни и начали с того, что роздали все имущество бедным (Мк. 10:21), с того, что древний мир назвал бы или глупостью, или сумасшествием.

И донныне продолжается этот незримый процесс постепенного изменения и смягчения в человечестве понятий, нравов, взаимных отношений, самых законов и учреждений государственных. Не нужно поэтому смущаться видом человеческого невежества, безнравственности и себялюбия. Правда, нет и теперь ни одного народа, ни одного общества, в котором бы во всей полноте и жизненности осуществилось великое начало любви христианской; правда, и доселе среди христианских народов

повторяются такие явления и поддерживаются такие отношения, которые напоминают собою жестокость и зверство древнего мира. Но евангелие Свое Христос Спаситель сравнивает с закваской в тесте (Мф. 13:33): путем медленным, но неуклонным и постоянным оно пройдет в тело человечества, пока не поднимет его все. И это случится, осуществится: ручательством служит то, что уже сделано христианством. Христианство еще не завершило своей миссии в мире, не прошло до конца своего исторического пути, и его назначение состоит в том, чтобы внутренне очищать и возвышать жизнь человечества до тех пор, пока будет оставаться на земле человечество. Но, смотря на то, что было до Христа и что случилось после Него, смотря на этот величайший мирный переворот в человечестве, как не исполниться глубокой веры и любви к Спасителю, как не окрылиться светлою надеждою на Его окончательное торжество над злом, как не воспеть с ангелами их приветствие в час Его явления в мир: *«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!»* (Лк. 2:14.)

Братие, носящие имя Христово, крещенные в образ Крестившегося ради нас Спасителя! Слышите ли вы голос Небесного Отца в прославление Сына: *«Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение»* (Мф. 3:17; Мк. 1:11) Слышите ли вы заветное Отца последователям Его воплощенного Сына: *«Того послушайте»?* (Мф. 17:5) Что благовестит и что внушает нам этот глас Божий, в слух народов возгремевший над водами многими? Он возвещает, что нет и не может быть на земле лучшего учителя, кроме возлюбленного Сына Божия Иисуса Христа, что *нет иного имени под небом, данного человекам, нет иного имени, которым бы надлежало нам спастись* (Деян. 4:12); что Он, только Он есть наш *путь и истина, и жизнь* (Ин. 14:6). Пусть же всеосвещающий и животворящий свет Христов будет нашим руководителем на пути просвещения, взаимных отношений, общественного строя и собственной жизни каждого.

Станем твердо на сторону Христа и Его дела, станем в числе Его сторонников, соратников и споспешников в великом царстве Его на земле – в Церкви Христовой, в великом деле возрождения нас самих и всего человечества. Здесь наше просвещение, здесь спасение мира, здесь вся сила наша для правильного выполнения жизненных задач, для уразумения и достижения высших целей жизни. *Я свет миру* (Ин. 8:12), сказал Христос; *Я путь, истина и жизнь. Кто следует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни* (Ин. 14:6, 8:12). Аминь.

Человек некий имел два сына. И рече юнейший отцу своему: отче, даждь ми достойную часть имения (Лк. 15:11–12).

Это начальные слова притчи евангельской о блудном сыне, которую вы сегодня слышали за литургией. Велико и, можно сказать, необъятно по широте применения значение этой притчи. В ней живая, писаная история каждого отдельного грешника, весь ход его падения и восстания: в ней такая же история целых отдельных народов и всего дохристианского человечества, грехом удалившегося от Бога – Отца своего в страну далекую, на жизнь веселую, но греховную, потом дошедшего до последних пределов унижения и страдания и, наконец, пришедшего в себя и возвратившегося к любвеобильному отцу своему. И каждый отдельный момент притчи наводит на глубокие размышления, дает жизненные уроки. Возьмите себе отсюда поучение и вы, учащиеся, применительно к своему положению. Не подумайте, что эта притча не может относиться к вам, что между вами и евангельским блудным сыном нет и не может быть ничего общего. В крайнем случае его печальная история может служить для вас если не обличением зла, уже существующего, то во всяком случае предупреждением зла возможного.

Несчастный грешник, блудный Сын притчи, подобно вам, был юнейший. И сей-то юнейший, вместо того, чтобы как можно теснее войти в союз семьи и в отце своем, в его любви и опытности, находить опору и руководство жизни, сей юнейший рече отцу своему: даждь ми достойную – следующую мне – часть имения, как будто и на самом деле часть его была в том, что нажито трудами отца и отцу всецело принадлежало. Не говорим о кровном оскорблении отца, который, судя по дальнейшим обстоятельствам притчи, был человеком добрым и ласковым; не говорим о наглости, требующей, как права, того, что дается только по милости. Остановимся на вопросе: почему это с требованием раздела имущества выступает именно сын юнейший? По-видимому, и по всей справедливости, старшему сыну естественно было просить у отца раздела имения, для приобретения и сохранения которого он, конечно, немало успел поработать; по-видимому, старшему сыну, при зрелом возрасте, при житейской опытности, естественнее было желать и искать самостоятельности и отделения от отца. Не так случилось, и не так случается. Чаще всего видим, что о полной воле мечтают, всякой и самой благодетельной зависимостью тяготятся большей частью не люди зрелые и

опытные, а именно юнейшие. Во имя чего раздаются их жалобы, во имя чего они готовы отойти и, действительно, часто отходят в страну далече? Во имя свободы. И воистину, свобода – это великий дар Божий, благороднейшее свойство благороднейших людей; но нередко та же свобода, ложно понятая и ложно направленная, обращается в губительного идола, требующего человеческих жертв... И смотрите, поучаясь: вот вам в образе приточного сына юнейшего наглядный и разительный пример того, к чему приводит светлая сила свободы, обратившаяся в тьму, как бы в исполнение слова Христова: если свет, что в тебе, становится тьмою, то какая же тьма!.. (Мф. 6:23; Лк. 11:35). Блудный сын, начавший с того, что тяготился зависимостью от любящего отца, восставал против власти его во имя свободы и своего достоинства, кончил тем, что прежде всего сделался рабом своих страстей, предавшись жизни разгульной и порочной, а потом обратился и буквально в настоящего раба – свинопаса, спустился, наконец, до состояния скотоподобия, со свиньями живя и со свиньями питаясь (Лк. 15:15–16). Итак, где же свобода и где человеческое достоинство?

Не так ли и мы во взаимных отношениях и на всех поприщах жизни, порываясь к свободе, ищем произвола, тяготимся требованиями закона, предписаниями долга, повиновением воле и руководству власти, готовые восстать против всего по образу блудного сына? Это правда, что человек при самом сотворении своем получил из рук Творца свободу, как венец, украшение и особое достоинство среди прочих тварей земных; и то правда, что свобода во всей обширной области применяется – свобода совести, свобода мыслей и чувства, свобода народная, государственная – составляла предмет горячих желаний и возвышенных стремлений лучших и благороднейших деятелей человечества. Но и то верно, что нередко эту свободу понимают так, как понимал ее блудный сын, делая из нее, по словам апостола, *прикровение злобы* (1Пет. 2:16); и то верно, что свободу, это высокое отличие человека от животного, обращают как раз наоборот – в средство приравнять его к животному. Забывают, что этот дар слишком высок, и поэтому требует особой осторожности в пользовании: чем с большей высоты упадешь, тем сильнее расшибешься... По словам одного глубокого духовного мыслителя, «от свободы один неверный шаг – и уже пропасть»⁸⁹ греха и рабства. Свобода не в отсутствии закона, не в отрешении от всяких обязанностей: свобода в свойствах тех побуждений, по которым закон и обязанности выполняются. Можно исполнять их по страху наказания, по силе принуждения в той или другой форме – и тогда человек остается рабом; но можно исполнять их по любви, по убеждению, из глубокого и искреннего желания достигнуть нравственного

совершенства, – и тогда свобода только возвышается исполнением закона. Слово Божие нередко говорит нам об этом. «Если я добровольно делаю, имею награду» (1Кор. 9:17), заявляет апостол. Он же поучает: «если можешь быть свободным, больше поработи себя» (1Кор. 7:21); «повинуйтесь, не как человекоугодники, но как рабы Христовы, от души, и как свободные» (1Пет. 2:16). «Все мне позволено», – говорит апостол, – все мне позволено: это – свидетельство о полной и безусловной свободе человека; «но не все на пользу, но не все назидает, но пусть мною ничто не обладает» (1Кор. 6:12, 10:23): это предупреждение от излишества и крайностей свободы. «Будучи свободен от всего, я сам себя всему поработил» (1Кор. 9:19) – вот замечательные слова, разрешающие вопрос о том, как сохранить свободу при исполнении закона.

Учащиеся дети, юные и юнейшие! Не помнятся ли и вам из вашей жизни и неразумные сетования на строгость требования долга, и недовольство правилами учебной жизни, определяющими ваше поведение, и, наконец, не припоминаются ли вздыхания о мнимой свободе, которая представляется там, за стенами школы, в открывающейся после нее жизни с заманчивым отсутствием всяких стеснений, обязанностей, повиновения? Да, и мы повторяем вам слова Писания: «к свободе призваны вы, братие» (Гал. 5:13), но повторяем с прибавлением слов того же Писания: «берегитесь, однако, чтобы эта свобода не обратилась в прикрытие злобы» (1Пет. 2:16) и не обратила бы вас в рабство «греху» (Рим. 6:17) и «тлению» (2Пет. 2:19 и еще: Рим. 6:16, 19). «Призванный о Господе раб свободник Господень есть»... (1Кор. 7:22.) Ибо тот истинно свободен, кто во всякое время может господствовать над своими желаниями и склонностями, кто может повелевать самим собою, кто может и умеет своей, грехом испорченной плотской и страстной природе чрез самоотречение и последование закону Христову указать путь к небу и совершенству. А если нет этого, то внешне свободный становится в духовном отношении рабом, и сбывается во всей силе над нами слово Священного Писания: «Кто творит грех, тот раб греху» (Ин. 8:34) и еще: «Кто кем побежден, тот тому и раб» (2Пет. 2:19). Таким образом, при отсутствии нравственной свободы всякая другая свобода есть только путь к гибели. Учитесь же быть свободными в истинном смысле, в смысле свободы от грехов и страстей; учитесь владеть собой, свободно подчиняя себя легкому пока и немногосложному долгу. Слышанная нами сегодня история блудного сына – в первой половине своей печальная, во второй – светла и радостна. Но помните, не все подобные истории кончаются так же благополучно. Будем же осторожны! Не станем бросаться на призрак

свободы и в деле свободы истинной станем руководствоваться не прихотями и произволом, не обольстительными внушениями разнузданности и своеволия, не соблазнительными учениями мира, а непогрешимым словом нашей святой веры. А она говорит нам словами апостола: «где Дух Господень, там и свобода» (2Кор. 3:17); она говорит нам словами Самого Иисуса Христа: «если пребудете в словах Моих, воистину учениками Моими будете и познаете истину, – и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:31–32). Аминь.

Благо личное и общее⁹⁰

Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; яко видеста очи мои спасение Твое!.. (Лк. 2:29–32).

Торжествующею песней возвышенной духовной радости сретает сегодня старец Симеон Богомладенца Иисуса. Он радуется, а, между тем, явление Спасителя для него означало только одну весть, – весть о скорой могиле. Но не даром старец Симеон в евангелии назван праведным и благочестивым и чающим – ожидающим Утехи не своей, а Израилевой (Лк. 2:25) и мировой; не даром о нем замечено: «Дух бе Свят на нем». Чуждый личной жизни, забывает он о близкой смерти, о своей собственной судьбе, и на пороге могилы радуется общечеловеческой, мировой радостью. Он держит на руках, в своих старческих объятиях Спасителя мира; духовным взором прозревая чрез мглу грядущих веков, видит он в Богомладенце славу родного Израиля, видит впереди, что на людях, сидящих в тьме и сени смертной язычества, воссияет свет великий, сияние которого будет простираться во все концы земли (Мф. 4:16; ср. Ис. 9:1–2). И это наполняет сердце престарелого праведника тихой отрадой и радостью, дает ему силу спокойно смотреть в открытую пред ним могилу.

Слово Божие говорит, что все, написанное в нем, в наше научение преднаписано (Рим. 15:4). И образ старца Симеона, как он выступает пред нами в евангелии, должен быть близок духу христианина; образ этот, действительно, гораздо жизненнее по своей поучительности, чем сколько может показаться с первого взгляда. Не может и не должен человек жить одной только личной жизнью, – вот чему учит нас праведный Симеон своей песней в честь и славу Спасителя. Не может человек жить только личной жизнью как потому, что в природе его глубоко напечатлены стремления любви к себе подобным, так и потому, что неизбежный конец жизни не может не представляться даже самому беспечному из нас и невольно ставить вопрос о цели и смысле всякой личной радости. И вот, когда человек начинает ближе и глубже всматриваться в окружающую жизнь, когда он, в виду грядущей неизбежно смерти, желает определить и уяснить себе смысл своей жизни, тогда ему становится близкой и понятной радость Симеона. Да, знать, что родился и пришел Спаситель для людей, знать, что благо родному народу и человечеству уже даровано явлением Богочеловека – это может дать силы и для труда жизни, и для подвига смерти. Нельзя основывать жизнь на одном себялюбии. Конечно, любовь к себе естественна и забота о собственном благе неизбежна. Но

если эта забота питается за счет любви к ближним, то она нарушает единство, связь и порядок мира нравственного, в котором, как и в видимой природе, все тесно связано между собой, все влияет и действует одно на другое, и потому все может быть или взаимно полезно, или взаимно вредно. Поэтому себялюбие только вначале и издали, и притом людям неглубоким и поверхностным, может казаться источником блага; на самом деле, оно противоречит назначению нашему и неизбежно поселяет в душе тоску, недовольство, тревогу и смуту. Тысячи миролюбцев и тысячи себялюбцев пытались устроить рай на земле, и не было между ними ни одного, кого бы такое счастье не обмануло. Кто знаком с жизнью из собственных наблюдений, или из опыта других, или из правдивых изображений лучших писателей, описывавших быт людей, тот может без труда найти и указать много подтверждений этой истине. А пред нами и живые евангельские образы – наглядные тому примеры: корыстный мытарь, вроде Закхея, собрав огромное имущество, не нашел в нем покоя для духа и выступил с заявлением: *«се, пол имения моего, Господи, дам нищим и, если кого чем обидел, возвращу четверцею»* (Лк. 19:8); женщины, служившие веселью и пороку, падали к ногам Спасителя и кончали жизнь в беспримерных подвигах любви к ближним (Лк. 6:37–50); разбойники каялись и спасались (Лк. 23:40–43); блудные дети возвращались в отчий дом на разумный и честный труд (Лк. 15:11–32). И все они в этом отрешении от личной жизни и себялюбия находили отраду, покой и счастье. А богатый юноша (Мф. 19:16–24), корыстный Иуда (Деян. 1:16–20; Мф. 24:5), жестокий богач (Лк. 17:23), ленивый раб (Мф. 25:24–29), неправедный должник (Мф. 18:34) – те до конца шли путем себялюбия и гибли в тоске и отчаянии. Так, верно слово: не найдет прочного счастья тот, кто стремится к нему, не обращая внимания на брата своего, кто смотрит на ближнего, как на орудие для достижения личного, узко понимаемого блага, как на ступеньку для собственного своего возвышения. Незаметно вред, принесенный другому, вернется к нам и отразится на нас самих. Апостол Павел образно представляет это путем меткого сравнения общества человеческого с единым телом (1Кор. 12). *«Тело, – говорит он, – не из одного члена, а из многих. А если все тело – глаз, то где слух? а если все – слух, то где обоняние? Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее»* – и потому требуют особой заботы. *«Но Бог соразмерил тело, чтобы не было в нем разделения, но чтобы все члены согласно заботились друг о друге. Посему страдает ли один член, – с ним страдают все члены;*

славится ли один член, – с ним радуются все члены». «И вы, – заключает апостол, – и вы – тело Христово, а порознь – члены».

Благо же тому, кто не праздным зрителем пройдет по шумно несущейся жизни, но будет носить в душе своей и осуществлять твердую мысль содействовать общему благу. Благо тому, кто не остался глух к Божественному призыву на борьбу за святое дело счастья людского, общечеловеческого, и жил, и трудился с любовью в поте лица из всех сил в надежде, что не он, так другие, братья и потомки, наслаются плодами трудов его, и восхвалят вечного Бога любви и истины. Ему, по слову апостола, *жить – Христос, а умереть – приобретение (Флп. 1:21)*. Такой будет подобен Симеону; он пройдет со смыслом жизнь, бестрепетно взглянет в лицо смерти, утешенный подобно Симеону: ведь и он видел Спасителя и носил Его, если не на руках своих, то в объятиях сердца. Во вратах смерти, на пороге вечности спросит он свое сердце, и оно ему скажет, что Спаситель дал ему мир, отраду и радость жизни; посмотрит он на окружающее, на весь мир, и здесь увидит, что тот же Спаситель был светом и счастьем человечества в прошлом и остается залогом того же света и счастья в будущем. И сама собою у него, утешенного, выльется Симеонова примирительная песнь счастья – прощальная песнь жизни земной и приветствие жизни вечной: *«Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром»*. Аминь.

Величие человека⁹¹

Светлый нынешний праздник в честь Св. Духа, сошедшего на учеников Христовых и вечно почивающего во св. Церкви, составляет достойное и радостное заключение целого ряда великих торжеств церковных в честь и славу воскресшего из мертвых и вознесшегося от земли на небо Христа Господа.

Это благословенный плод страданий, смерти и воскресения воплотившегося для спасения рода человеческого Сына Божия. Это венец дела искупления человечества и соединения его с Божеством. Итак, человеческая наша природа, созданная Богом, искупленная и в искуплении воссозданная Сыном и, наконец, освященная зиждительным и животворящим Духом, как бы вновь получает бытие – лучшее и совершеннейшее, и, вместе с тем, возводится на всю доступную для нее высоту чести и славы. И сколько бы мы ни придумывали других оснований, чтобы на них утвердить мысль о человеческом достоинстве, мы никогда не в состоянии будем поставить ее выше того положения, в которое природа наша приведена в христианстве: здесь она воспринята Сыном Божиим в единство Лица (ипостаси) Богочеловека, вознесена с Ним в Его пречистой плоти⁹² на небо и спасажена (Еф. 2:6) одесную Отца и, наконец, приобщена Духу Святому (Евр. 6:4). Величие поистине неизмеримое!

Мысль о высоком достоинстве человека есть основная мысль Откровения, основная мысль нашей святой веры. Уже первая страница Библии делает ее ясною и непререкаемою рассказом о сотворении человека по образу и подобно Бога (Быт. 1:26–27) и о даровании ему власти над природою и над всем живущим (Быт. 2:19–20, 1:28). В этой мысли – объяснение горести и глубины падения человека; в ней объяснение первоевангелия о Спасителе; в ней – объяснение всей дальнейшей истории человечества. Проникнутый убеждением в высоком достоинстве человека, взывал царь-пророк Давид в псалме: *Господи, Господь наш, как чудно имя Твое по всей земле! Когда взираю я на небеса, дело рук Твоих, на луну и звезды, которые Ты поставил, – то что такое человек, что Ты помнишь его, и Сын человеческий, что Ты посещаешь его! Немногим Ты умалил его пред ангелами, славою и честью венчал его и поставил его владыкою над делами рук Твоих, все положил под ноги его (Пс. 8:2, 4–7).* Проникнутый тою же мыслью, и премудрый Соломон говорит: *великая вещь человек! (Прем. 20:30.)*

Если же в Ветхом Завете, подавленный грехом, чувствующий отвержение от Бога, только ожидающий искупления, человек так ясно сознавал свое высокое достоинство в ряду творений, то что же сказать о Завете Новом, где грех уже снят, где нас ради человек и нашего ради спасения сошел на землю и воплотился Сам Бог, где человечество сделалось сыном Бога (Ин. 1:12; Рим. 8:14; Гал. 2:26; Евр. 12:7), и в лице Искупителя само как бы обожилось, так что апостол, обращаясь к христианам, прямо говорит им, что они – причастники завета небесного (Евр. 3:1; Кол. 1:12) и даже – причастники Божественного естества (2Пет. 1:4).

Наконец, в полноте даров Св. Духа дается завершение и венец человеческому достоинству; отныне жизнь человечества процвела и украсилась особенною силою, высшею и благодатною, и воистину началась для него благоухающая духовная весна, что зазеленела от могучей, внутренней живительной силы христианства и украсилась цветами веры и любви, подобно этой, всюду видимой ныне, весенней зеленой траве, зеленым деревьям и весенним благоухающим цветам.

Без сомнения, мысль о достоинстве и величии человека очень распространена и развита среди людей. Она льстит человеческому самолюбию, она приятна нашему сознанию... Но беда, когда человек рассматривает ее только с точки зрения прав, а не со стороны налагаемых ею обязанностей; беда, когда это самое величие совершенно неправильно или односторонне понимается. И, прежде всего, бывает величие только кажущееся, мнимое, а не действительное, и вовсе недостойное своего имени, – это величие только внешнее. Будет ли оно состоять в большом богатстве и сокровищах, или в знатности рода и происхождения; будет ли оно в славе и почете, в высоком месте, в высоком положении в обществе: оно является ничего не стоящим с высшей и нравственной точки зрения, если не опирается на другое величие, на величие внутреннее, которое драгоценно само по себе, как драгоценен чистый и прекрасный алмаз, независимо от той или другой оправы.

В чем полагаем мы это величие внутреннее? Мы так привыкли слышать на этот вопрос затверженный ответ: конечно, в человеческом разуме... И действительно, бывают умы талантливые и гениальные, одаренные необыкновенной силой и остротой мысли, обладающие самыми разнообразными и богатыми сведениями, – умы, которые пролагают новые пути в науке, делают в ней открытия, распространяют ее пределы. Смотря на редкого счастливого обладателя таких достоинств, мы говорим в восхищении: великий мыслитель, великий ученый, великий ум, великий

человек! Новое время, как принято называть его в научной истории, начавшееся с успехов человеческого разума, выразившихся в целом ряде открытий и изобретений (XVI-XIX вв.), отличается характерной чертой благоговейного, чуть не богоподобного поклонения этому величию ума человеческого. Часто дарования ума ставятся единственным мерилom достоинства человека, и ради этих дарований все прочее ему прощается, и название: «умный человек», по общепринятому смыслу и какому-то тайному общему соглашению, считается лучшей и незаменимой похвалой. И, без сомнения, никогда еще это величие ума не достигало такой высокой степени, какой достигло оно теперь. Чего этот ум не измерил и не исследовал? Чего не исчислил, не узнал, чего не придумал, чего не покорил? При его помощи и изобретательности человек невинно опускается на дно морское, поднимается на воздух, сокращает огромные пространства, повелевает стихиями и силою мысли дает направление громадным и мировым силам, заставляя их служить своей пользе. Это уже сделано, а какие успехи ума ожидают нас в будущем, этого мы и представить не можем, как наши предки 200 лет назад не могли представить себе приобретений науки нашего времени. Итак, можем ли мы отрицать это умственное величие человека? Нет, мы охотно признаем его и готовы преклониться пред ним: в этих обширных, изумительных познаниях, в этой необычайной мощи и власти ума человеческого мы видим отражение высочайшего Ума, всезнающего, бесконечно премудрого и над всем владычествующего.

Но отдавая должное человеческому разуму, не станем приписывать ему сверхдолжного. Не в нем одном исключительно, и даже главным образом не в нем истинное величие и достоинство человека. Нужно ли говорить, что при всех успехах ума, чувство бессилия является постоянными спутником его деятельности, что, с каждым завоеванием в области познанного и познаваемого, шире и шире открывается область непознанного и навсегда непостижимого – и «человек со своими знаниями стоит пред неизмеримым величием мира, как жалкий нищий со своей жалкой котомкой». Таков голос современных и лучших мудрецов⁹³. Наука собрала подавляющую массу фактов и наблюдений, но что там за всем тем, что видимо, что выше чувств и опыта, что лежит в самой основе явлений мира, это осталось для нее книгой, семью печатями запечатленной, и разгадать тайны сущего, объяснить тайну мира, человека и Бога никто не в силах... И замечательно, в наш именно век необычайных успехов ума все громче и громче, чаще и чаще в разных концах образованной Европы, со стороны людей самых различных направлений и

притом общепризнанных в качестве представителей и даже великанов мысли и науки, раздаются скорбные возгласы о «крушении науки», которая, говорят, не исполнила своих обещаний, обманула возлагавшиеся на нее надежды, не дала человеку счастья и покоя⁹⁴. В наше именно время можно встретить явление, когда человек, насыщенный всей мудростью века, не знает, куда ему приклониться и готов в отчаянии повторять знаменитое изречение: «главо, главо, разуму упившись, куда ся приклониши»?!

Это потому, что в погоне за одними приобретениями ума, в одностороннем и рабском поклонении ему, как идолу, забывалось и забывается другое величие человека – величие нравственное. Оно не так блестяще, не так ярко, не так бьет в глаза, как величие ума. Но без него ум светит, да не греет, делает человека односторонним, а нередко приносит и прямой вред. Так, когда растение открыто действию лучей солнца, и почва, на которой оно растет, лишена необходимой влаги, то и солнце, обыкновенно необходимое и благотворное для растения, на этот раз иссушает и убивает его. Подобным же образом и душа наша, развив силы ума, но оставив в пренебрежении нравственное развитие и жизнь сердца, делается сухой, жестокой, себялюбивой, в тягость себе, да не на радость и другим. Когда мы проживем столько, что будет нам что и кого вспомнить, то, поверьте, из прошлого будут вспоминаться не люди великих умственных дарований, не люди огромных знаний; нет, с отрадой и теплым чувством любви и благодарности память удержит и вызовет из прожитого образы тех, что много верили и много любили, тех, что отличались преданностью делу, верностью долгу, любовью, нежностью и заботливостью, терпением, кротостью, великодушием, бескорыстием, самоотвержением, самопожертвованием, – это образы наших милых отцов и добрых матерей, нежно любящих братьев и сестер, заботливых родных, сердечных, преданных, бескорыстных друзей... Это величие нравственное неизмеримо и по широте влияния. Для будущих поколений оно становится образцом для подражания. Нельзя подражать таланту или уму, но подражать добрым свойствам верующего и искреннего христианина для всех возможно⁹⁵. Таким образом, и для нравственного величия человека, как и для умственного, открыто безграничное поле деятельности и постоянного, непрерывного развития, но оно выше его тем, что не есть удел только некоторых избранных счастливых, одаренных особыми талантами и способностями, а равно доступно для всех людей, сосредоточиваясь в нравственной способности человека и в его свободной воле. К этому величию, которое по всей справедливости можно назвать

общечеловеческим, призваны во Христе Иисусе все мы, без всякого различия и без исключения. Для этого величия вознесшийся Господь Иисус открыл нам вход на небо, куда Сам восшел первый Предтечею человечества; для этого же величия, в помощь нашей естественной немощи, как печальному наследию греха, дарованы нам благодатные силы Святого Духа, – эти *Божественные силы, яже к животу и благочестию* (2Пет. 1:3), а *плоды духа* это, по слову апостола: *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5:22); ими человек, наконец, устрояется в жилище Божие Духом (Еф. 2:22).

Прибавлять ли к сказанному нравственное наставление? Но оно всякому очевидно. Если до такой степени, до такого величия возвысилась наша природа, и такую возвышенную имеет задачу жизнь, то, ясно, мы должны уважать свою природу и вести себя сообразно с ее достоинством, украшаясь благословенными плодами Духа Святого, указанными св. апостолом. Если так велико наше звание, то само собою понятен урок апостольский: *умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны* (Еф. 6:1).

При ваших знаниях, учащиеся дети, при ваших ежедневных школьных интересах легко вам придать развитию одного ума исключительное значение и им одним измерять величие человека. Не станем же принимать части за целое и будем помнить, что истинно велик тот, кто знает не только пути земли, но и дорогу к небу, кто не только многознающ и умен, но вместе с тем и благочестив и истинный христианин по вере и жизни. Об этом величии пишет апостол Петр современным ему женщинам, слова его можно отнести ко всякой женщине-христианке, а еще шире – ко всякому христианину: *не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одеждах, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом* (1Пет. 3:3–4). Аминь.

Общecerковное пение⁹⁶

Святой апостол Павел в одном из своих посланий христианам своего времени пишет: *«Исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами, славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу»* (Еф. 5:18–19). Такой же совет не раз встречается и в других апостольских посланиях. (См. Иак. 5:13; Кол. 3:16; Рим. 15:9. Ср. Апок. 5:9, 15:3, 19:5). Не удивляйтесь тому, что и мы начинаем сегодня поучение вам этими словами апостола о духовном пении. Когда сейчас за литургией слушал я ваше общее пение, мне представлялось живо, как прекрасно исполнялась полная глубокого смысла молитва Церкви к Господу: *«И даждь нам едиными усты и единым сердцем славить и воспевати имя Твое»*. А вместе с тем пред духовным взором проносятся трогательные картины из священного прошлого. Вот пред нами священный поэт и сладкий певец Израиля царепророк Давид. С каким воодушевлением взывает он: *Славьте Господа, пойте Ему во псалтири; пойте Ему стройно с восклицанием!* (Пс. 32:2–3.) *Радостно пойте Богу, твердыне нашей; восклицайте Богу Иакова* (Пс. 80:2). *Благо есть славить Господа, и петь имени Твоему, Всевышний, возвещать утром милость Твою и истину в ночи* (Пс. 91:2–1). *Пойте Богу., пойте имени Его, ибо это сладостно* (Пс. 134:3). *Хвалите Господа, ибо благо петь Богу нашему* (Пс. 146:1). О себе же самом Давид говорит: *«Воспою Господу в жизни моей, буду петь Богу моему, пока существую»* (Пс. 145:1–2 и Пс. 103:33–34). И действительно, всю свою жизнь, всю богато одаренную душу свою принес он в жертву живую, чистую, благоугодную Богу (Рим. 12:1), – и только Богу Единому и чистым небесам всю жизнь звучала дивная арфа и возвышенная песнь царственного пророка Израилева. Давид не считал низким для своего царского достоинства с увлечением заниматься устройством и обучением хора певцов, многочисленного по составу⁹⁷, и дал совершенную организацию ветхозаветному церковно-богослужебному пению (ср. 1Цар. 26 гл.).

Перенеситесь ко временам Нового Завета. Пред нами наш Спаситель в последний день Своей жизни, после тайной вечери, идет в Гефсиманский сад на мировой подвиг страдания и молитвы. Что же Он делает с учениками Своими? *«И воспевше изыдоша в гору Елеонскую»* (Мк. 14:26), говорить св. евангелист. В этом пении искала исхода молитва Господа Иисуса, искало покоя и уравновешенности духа Его человечество пред лицом грядущей смерти. Вот пред нами еще картина. Апостолы-

проповедники заключены в темницу, забиты в колоды... Глухая полночь... Но что это мы слышим? Мрачные своды темницы оглашаются звуками христианских молитв и песнопений: апостолы поют, – и тюрьма обращается в храм, место скорби делается местом утешения, и, внемля певцам, задумывается страж темничный, внимательно слушают узники-преступники; слово проповеди льется в сердца и приносит евангелию богатую жатву: в ту же ночь страж темничный принимает крещение со всеми домашними своими (Деян. 16:25–34). И, конечно, опытом дознал великий апостол всю благотворность молитвенного пения, когда дает ученикам своим такое наставление: *«Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростию»*, а затем: *«Научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, в благодати воспевая в сердцах ваших Господу»* (Кол. 3:16). Мы знаем, что первенствующие христиане слушались апостола, и их молитвенные собрания сопровождалось всегда общим пением, несмотря на то, что оно легко выдавало их врагам-язычникам. Неисчислимы были последствия этого доброго обычая для религиозного воспитания и воодушевления верующих, для подъема молитвенного духа и для той священной красоты, в которую Церковь любит облекать свое богослужение. Неблагоприятные исторические обстоятельства последующих времен сделали то, что обычай общецерковного пения постепенно исчез почти повсеместно в церквях Востока; главная причина заключалась в том, что под влиянием несчастий и бедствий государственных, вследствие нашествия врагов, разрушавших города и селения, а в них – храмы и школы, стало падать среди христиан просвещение. Но в богослужебных книгах наших с удивительным постоянством, наперекор самой действительности, как воспоминание о прошлом и как живая укоризна настоящему, неизменно пишется: иерей глаголет, людие, – а не одни певцы избранные, – людие отвечают; иерей глаголет, например, *горé имеем сердца, народ же (лик – народ)⁹⁸ отвечает: имамы ко Господу*. Сохраняется доньше в литургии и известная вам молитва, которая ясно свидетельствует о древнем общенародном пении в церкви: *«и даждь нам едиными усты и единым сердцем славити и воспевати пречестное и великолепное имя Твое»*... И слышится в этих словах как бы мольба Церкви к верующим облечь ее вновь, как в былые дни древности, в красоту несказанную, в красоту всенародной молитвы едиными усты и единым сердцем...

После всего сказанного нужно ли еще доказывать вам всю высоту и великую важность общецерковного пения? Но об этом говорит сама душа человеческая, которой сродна и люба эта всенародная молитва, возносимая

всенародным голосом, которая, по выражению апостола, исполняет нас духом (Еф. 5:18), делает нас непосредственными участниками «литургии», этого, по буквальному переводу, общего дела, делает сладким, увлекательным, неутомительным время богослужения. Да и самая причина, по которой прекратилось общее пение в церквах Востока, – отсутствие просвещения не имеет значения для вас, получающих образование и просвещение в стенах школы.

Итак, с полным правом, от имени Церкви, как ваш пастырь духовный, от имени всех добрых и благомыслящих людей приветствуем ваше доброе начинание, пока еще робкое, неуверенное, и желаем ему процветания, успеха и долговечности. Пожелаем вам, чтобы усердие ваше не ослабевало; пожелаем, чтобы молитва Церкви *о труждающихся и поющих*⁹⁹ низвела вам радость духа, благословение и утешение труда! Св. Давид всех приглашает: *«Пойте Богу нашему, пойте; пойте царице нашему, пойте; пойте все разумно»*¹⁰⁰, назидая себя и других! В христианском богослужении все обязаны участвовать в меру сил и дарований: и чтением, и пением, и трудом, и молитвой, и жертвой, чтобы были мы в храме, как одна семья, дружная, сплоченная, любовная. Но назидать себя и других пением можно только тогда, когда мы будем выполнять до конца совет псалмопевца: *пойте Богу разумно (Пс. 46:7)*. Вникайте же в смысл церковных песней, доводите их до сознания и сердца, молитесь ими, обращайтесь их в свое душевное достояние. Тогда, действительно, будет исполнено наставление апостола: *«Научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословиями и песнями духовными, в благодати воспевая в сердцах ваших Господу» (Кол. 3:16)*.

Благословение Господне на вас Того благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков! Аминь

Светлый юбилей¹⁰¹

Братие и дети! В нынешний день, посвященный Церковью в честь Св. Архистратига Божия Михаила, празднует свое тезоименитство Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Николаевич. Вместе с тем, по воле Государя Императора, к нынешнему же дню приурочено торжественное празднование пятидесятилетия службы Августейшего Именинника Царю и отечеству. Пятьдесят лет жизни – не малое время; пятьдесят лет службы – это уже явление редкое, а пятьдесят лет служения Великого Князя на высших должностях государственных, при непосредственном и самом близком участии в самых выдающихся событиях жизни отечества, – это целая эпоха, целый отдел истории, это жизнь, далеко не бесследная для родины. И действительно, при самом беглом обзоре служения Великого Князя мы видим, что Он пережил, как непосредственный участник и деятель, минуты, самые важные в истории России: мы видим Его и в числе подвижников вечно-памятной Крымской войны, под самыми стенами многострадального Севастополя, и в эпоху великих реформ Императора Александра II, и в усмирении Кавказа, и в управлении им, и во главе войск в минувшую русско-турецкую войну, и, наконец, в последние 16 лет – во главе высшего правительственного учреждения России – Государственного Совета, в качестве направителя всей законодательной работы и внутренней жизни нашего отечества, в качестве ближайшего советника Государя и ближайшего исполнителя царских предначертаний. Уже этот путь службы и жизни невольно привлекает всеобщее внимание к маститому царственному Юбилею, старейшему по возрасту среди членов Царствующего Дома.

Но Великий Князь Михаил Николаевич к нам близок особенно; Он близок нам и как жителям Кавказа, и как учащим и учащимся в нашей гимназии.

В высоком звании Наместника Кавказского края Он явился здесь в пору расцвета своего мужества и в момент чрезвычайной исторической важности. Еще не замолкли тогда военные громы в горах Кавказа, – и Великому Князю Наместнику первым делом пришлось закончить торжеством русского оружия вековую борьбу с непокорными горцами Кавказа. Вслед за этим началась упорная, долгая, хотя и не столь приметная, работа проведения в жизнь новоприсоединенного края начал просвещения и истинной гражданственности. В крае, только что завоеванном, разномысленном и разноплеменном, среди населения, не

воспитанного в правилах порядка и законности, нередко привыкшего уже издавна жить грабежами и насилием, среди населения воинственного, еще недавно враждебного России, – работа управления, выпавшая на долю Великого Князя, была чрезвычайно трудная, требовавшая необыкновенной вдумчивости, осторожности, редкого спокойствия и редкой государственной мудрости. Нужно было полагать общее начала жизни края, нужно было во всяком новом начинании ответственность пред будущим, – а дела было подавляюще много, и дело было сложное, как сложна и разнообразна сама жизнь. Нужно было твердо и верной дорогой вести край к мирному слиянию с Россией, под скипетром которой богато одаренному природой Кавказу, истерзанному вековыми смутами и раздорами, суждено найти себе мир, спокойствие, обеспечение труда и всестороннего развития. Великому Князю подсказало эту дорогу доброе и любящее сердце.

Он сумел и при таких чрезвычайных обстоятельствах в жизни Кавказа избежать всего жесткого, резкого, озлобляющего, сумел приобрести всеобщую любовь и уважение в населении края и тем связать его самыми лучшими узами с великим общим русским отечеством. Прошло 16 лет с того времени, как Великий Князь оставил Кавказ, – но когда, ласковый и приветливый, появился Он здесь полтора месяца назад среди жителей Тифлиса, мы все были свидетелями, что этих шестнадцати лет как бы не бывало: так живы созданные им сердечные связи, так глубока оставленная им по себе добрая память, так незабвенны в благодарных и любящих сердцах годы Его управления Кавказом.

Нужно ли говорить, с какими чувствами ждали Его здесь, в нашей гимназии, и под какими светлыми впечатлениями остались мы все после Его пребывания среди нас? Гимназия наша обязана своим существованием заботам Великого Князя и Его незабвенной Супруги, ныне усопшей Великой Княгини Ольги Федоровны. И в свое последнее посещение Тифлиса Великий Князь опять ясно выказал свою близость и расположение к основанной Им некогда женской гимназии. Он с радостью увидел и засвидетельствовал количественный и качественный рост нашего учебного заведения, вспоминал, как открывали его когда-то в малом и тесном здании; с грустью Он заметил, что нынешнее цветущее состояние гимназии доставило бы искреннюю радость Его усопшей Супруге. Все Он здесь внимательно посмотрел, все узнал, все припомнил, обо всеми с любовью расспросил и дорогими для нас словами уверил, что и доньше ему близка наша гимназия. С трогательным вниманием отнесся Он к тем начальствующим и учащим, которые служили при гимназии в годы Его

наместничества, обласкал вновь поступивших работников нашей школы, – и для всех нашел Он и доброе пожелание, и ласковую улыбку, и приветливое слово.

Незабвенно останется время Его пребывания среди учениц, когда несколько тревожное, естественно заботливое настроение, в ожидании Высокого Гостя, вдруг сменилось светлой радостью, непринужденным детским весельем, лишь только взглянули в детские глаза ласковые очи Великого Князя, лишь только явилось пред ними дышащее приветом и добротой лицо Его. Сердце сердцу весть подало, и в Высоком Госте, в маститом представителе Царствующего Дома, в убеленном сединами Председателе Государственного Совета детские сердца сразу и безошибочно почувствовали отечески-нежную, добрую душу, – и не было конца изъявлениям детской радости, любви и восторга! Какой то был светлый день! Какие светлые воспоминания! Как радостны были тогда здесь все от мала до велика, и как долго после отъезда Великого Князя не хотелось уходить из этих стен, где веяло духом ласки и приветия дорогого Гостя, где, как светлое виденье, оставался неизгладимым Его образ и как бы чувствовалось обаяние Его посещения...

Ныне, в день Его радости, когда со всех концов России по почину Верховного Вождя ее, Государя Императора, понесутся Августейшему Имениннику и Юбиляру горячие приветствия и благожелания, – соединим и мы свои сердца в молитве с общими изъявлениями Ему чувств любви, благодарности и сердечной преданности.

Господь, от Которого устроятся стопы мужу, да приложит Ему дни на дни, и лета на лета, и да сохранит Его до последних пределов жизни человеческой в здравии, мире и радости, и в подвиге бодрого, умудренного долгим опытом труда на пользу нашему дорогому отечеству! Аминь.

«Повинуйтесь всякому человеческому начальству Господа ради... Как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии» (1Пет. 2:13, 16).

Во дни церковно-гражданских праздников, когда молитвенно освящается союз подданных с Царем и правительством, когда Церковь напоминает и начальникам, и подвластным об их обязанностях, без сомнения, уместно приведенное наставление апостола, уместно слово о повиновении. Но уместны ли мысль о повиновении и вместе мысль о свободе, стоящие у апостола рядом, одна подле другой? Не станем скрывать, что так называемые анархические стремления, в прежнее время прямо и явно становившиеся во враждебное отношение к христианству, в наши дни, в системах некоторых мыслителей, нередко популярных, стараются прикрыться именем евангелия. Не нужно доказывать, что, по размерам опасности для государств и народов, взрывы и злодеяния заграничных анархистов – это только игрушки сравнительно с указанными стремлениями перевести теорию безначалия на почву религии и тем открыть ему доступ в народные массы. Только тот, кто не умеет мыслить последовательно и доводить до конца положения мысли, – только тот может не понимать, к чему ведут эти отрицания во имя евангелия, – отрицания государства, власти, суда, присяги, службы, всякой политической и общественной организации, Церкви, труда, науки, искусства и проч. Давно с изумительным проникновением в глубь назревающих событий и с необыкновенной силой слова отметил это древний пророк: *«И будут людие аки жрец, и раб аки господин, и раба аки госпожа, будет купуяй яко продаяй, и взаим емляй аки заимодавец, и должный аки ему же есть должен»*... И сейчас же пророк указывает конец такого порядка, точнее – беспорядка жизни: *«тлением истлеет земля, и расхищением расхищена будет земля»*, рассыплется и опустошится вселенная, и расточатся живущие на ней: *«уста бо Господня глаголаша сия»* (Ис. 24:1–3). Таков конец человеческих учений, желающих устроить жизнь на началах ложно понятой и односторонней свободы, которая исключает всякий долг, покорность и повиновение. Замечательно учение христианства об этом предмете; замечательно именно тем, что оно не только допускает, как уступку, но непременно требует, как бы коренного условия, требует совмещения и свободы, и повиновения. Таким образом, повиновение христианское есть повиновение особенное, запечатленное,

как все в христианстве, характером свободы, неразлучной с сознанием, следовательно характером нравственным. Всякое ли повиновение имеет эту нравственную цену? Вникнем в глубокий смысл этого учения христианского и поставим его ближе у сердца и сознания.

Окиньте взором всю совокупность бытия, и вы увидите, как повсюду в этой широкой и безграничной области, от величайших светил, подчиненных с изумительной точностью закону движения и закону мирового тяготения, и до мельчайших, незримых, предполагаемых атомов, до последней пылинки и капли воды, – все устроено числом, мерою и весом, все повинуетя установленным законам бытия, которые в своем действии обращают мир в стройный и прекрасный космос, в отличии от беспорядочного хаоса. Какое везде удивительное повиновение! Вот здесь необыкновенно точно, ясно, последовательно и непреложно, но вместе с тем – и этого не нужно забывать – все здесь и не свободно, принудительно, бессознательно; все совершается механически и однообразно. Нет, не здесь образ христианского, нравственного повиновения! Здесь только непреложное по силе убедительности средство увериться в том, как необходимо вообще повиновение и как без него чрез один момент весь мир обратился бы в беспорядочное смешение и ничтожество.

Перейдем в область человеческих отношений – и здесь мы увидим, как то же повиновение, постепенно поднимаясь от механического и животного до человеческого и христианского, заключается великими и святыми словами: *«да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли»*... Начиная от первоосновы человеческого общежития – семьи и оканчивая последним словом его, сколько бы ни разнообразились формы общественной жизни, всегда и везде и неизменно повиновение было и будет основным условием порядка, спокойствия и счастья людей. Повторяем только, что оно и в человеческих обществах, и в отдельных лицах постепенно и понемногу очищается и возвышается под воздействием христианства.

Есть повиновение из-за выгоды: за него хорошо платить деньгами ли, положением ли в обществе и государстве, платою ли тщеславия или самолюбия, – это все равно; во всяком случае, это повиновение корыстолюбца. Если апостол говорит, что нужно повиноваться Господа ради, то здесь (т.е. в повиновении из-за выгоды) повиновение только себя ради. Есть в нем, конечно, сознание, но нет свободы и любви. Нет, и не здесь нам учиться христианскому повиновению! Царство Божие не для корыстолюбцев, и даже то повиновение, которое, оставив земное, водится ожиданием наград небесных и рассматривает их, как исключительный

мотив для своей деятельности, и это повиновение не чуждо упрека в корыстности и, следовательно, в нравственной малоценности. Без всякого сомнения, с христианской покорностью связана награда, но она служит только следствием Божественной милости и правды, а не побуждением к деятельности, по крайней мере, не высшим, не совершеннейшим: для повиновения высший и достойнейший мотив есть любовь, и небо есть удел любящих. Так св. апостол Павел повиновался долгу своему; он же указывал и вечные радости того нерукотворенного и вечного дома, который унаследуем мы по разрушении хижины тела (2Кор. 5:1). Но любви его не удерживает даже лишение этих вечных радостей: *«великая для него печаль и непрестанное мучение сердцу его; он желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев своих, родных ему по плоти, т.е. за израильтян»*, лишь бы видеть их уверовавшими и спасенными (Рим. 9:2–4). Пусть после этих слов кто-нибудь скажет, что покорность христианина долгу есть покорность себялюбца!

Есть другое повиновение – повиновение раба. Раб долга – как многих восхищало это слово! Слепое и безусловное повиновение – как многие ставят это в особую заслугу подчиненным и в образец для своей или чужой деятельности! Римская государственность и философия стоиков завещали миру этот идеал повиновения, как единственно верный. Кажется, будто оно выше животного повиновения корыстолюбца. Но нет ли и в нем унижающего человеческий дух элемента животности? Ведь раб есть слугитель страха, управляемый бичом приставника. Но если, братие мои, небо назначено для сердец любящих, то нужно помнить великое слово апостола: *«Страх нет в любви, но совершенная любовь вон изгоняет всякий страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся не совершен в любви»* (1Ин. 4:18). Не Христос ли был Господом и учителем Своих учеников? Но вот в последнюю беседу с ними, когда они получают полномочия служить Его делу и продолжать это дело на земле, Он Сам называет их друзьями Своими и при этом добавляет: *«Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его»* (Ин. 15:15). Слова нет: слепое повиновение легче, чем сознательное и любовное, как не требующее ни усилий, ни размышлений; слова нет: часто, и очень часто, это повиновение производило чудеса и служило значительным средством успеха в добре.

Но кому видно, что это же неповиновение может быть обращено с таким же успехом и в орудие зла? Кому не видно, что если бы Господь нуждался в рабах долга, слепых и работающих не любовью, а страхом, то разве Он не мог бы явить Сына Своего в подавляющем величии силы и

власти, разве не мог бы Он дать Ему более двенадцати легионов ангелов (Мф. 26:53), которые бы огненными мечами внушили страх людям, принудительно обратив их в рабов долга? Не мог ли Он оградить исполнение воли Своей страшными наказаниями, немедленно следующими за грехом, и таким образом создать в людях неизменное Себе повиновение? Но тогда бы человек был скорее вещью, а не свободной личностью; тогда бы и в повиновении его было столько же нравственного элемента и столько же нравственной заслуги, сколько есть их в движении планет и в росте дерева...

Но Бог, создав нас разумными, и свободными, и любящими, желает от нас и повиновения, которое было бы прокинуто не теми свойствами выгоды и страха, которые общи у нас с животными, а теми истинно-человеческими свойствами свободы, любви и разума, которые являются в нас постоянными и существенными, отличающими нас от мира бессловесного и неразумного... В творении человека с душою разумной и свободной Бог увенчал Свое творение. Мир вещественный повиновался Ему по неизбежному закону; по закону, родственному этой неизбежности, повиновался Ему и мир животный. Тогда, как венец творения, из руки Создателя исходит человек, исходит существо, которое, по плану Творца, свободно и сознательно должно отвечать на Его любовь и свободно и сознательно исполнять Его волю. Величие христианина в том и состоит, что он отвечает этому намерению Творца своего. И здесь, о, братие мои, первообраз высшего и нравственного повиновения; *«как свободные, – говорит апостол, – не как употреблявшие свободу в прикрытие зла»!*.. (1Пет. 5:16). Здесь повинуются *«не токмо за гнев, но и за совесть»* (Рим. 13:5), здесь *«не в глазах только служат, как человекоугодники, но в простоте сердца делают все от души, как для Господа, а не для человеков»* (Кол. 3:22–23). И что главнее всего, и что выше всего, в этом повиновении неизменно и непременно сохраняется в полной силе великое изречение апостола: *«к свободе призваны вы, братие»* (Гал. 5:13). Так и Богочеловек, будучи не только свободным, но и Владыкой неба и земли, *«волей смирил себя, послушив был даже до смерти»* (Флп. 2:8); в час тягчайшей муки, когда Он душу свою полагал, имея, по Его собственным словам, *«полную власть и свободу положить ю и паки прияти ю»* (Ин. 10:17–18), в час душевного борения до кровавого пота Он говорит Отцу Своему: *не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22:42, 44).

Только такое повиновение, сохраняя личность и нравственную цену человека, не унижая его, дает обществу и государству таких слуг, которые исполняют долг и безвестный, и не картинный, и не кричащий, которые

перенесут и страдание, и мучение, и притом «не пред очима точно работающе, но от души» (Еф. 6:5–6), «*перед владыками не токмо благими и кроткими, но и строптивыми*» (1Пет. 2:18); они исполняют долг не ради выгоды, не ради чести и не из страха: не только тогда, когда нарушение долга несет за собою кару, но и тогда, когда оно может пройти незаметно и безнаказанно. А сколько нужно таких тружеников! Сколько их и теперь, разбросанных в неприметных уголках земли, в невидной обстановке неведомых, неприметных, которые, однако, своим повиновением долгу хранят благо и счастье отечества! Мир вам, братья! Хвала и покой совести и Божие благословение – труду и подвигу награда!.. Так мы нередко пьем воду из реки, забывая об ее источниках...

Жизнь часто сравнивают с войной, не в смысле животной борьбы за существование, резкости которой должны более сглаживаться и таять в христианской культуре, а в смысле борьбы добра и зла, света и тьмы, правды и неправды. Христианская воинствующая на земле Церковь ведет эту борьбу; не свободно от нее и христианское государство. На войне требуются дисциплина неумолимая и повиновение самое строгое, – кто против этого спорит? Но вот в жарком и решительном сражении, в то время, как одни воины занимают передние ряды, славные мужеством и отвагой, видимо отвоевывая победу чудесами храбрости, ценою жертв и усилий, – другие воины стоят на одном месте: стоят в течение долгих, томительных и страшных часов; стоят недвижимые, с оружием в руках в то время, как убийственный огонь неприятеля, поедающие ядра его пушек уносят из их рядов одного за другим; стоят, сторя желанием двинуться в бой, но, верные приказу, остаются на месте, понимая значение своего поста, и иногда даже не смеют отвечать на неприятельские выстрелы. Кончилась битва, и объявлена блестящая победа. Первые идут, увенчанные славой, богатыми трофеями, и далеко разносятся их имена, как имена героев, и воистину, по заслугам. А вторые... которые не менее, если не более, влияли на исход битвы? Не прославятся их имена, не огласятся их подвиги, и неведомы останутся погибшие герои, а между тем для такого-то именно молчаливого подвига на войне избираются самые опытные, самые дисциплинированные воины. Только разумное, добровольное и любовное повиновение может дать таких воинов: в числе их и в великой жизненной войне, и в службе отечеству так или иначе, с той или другой стороны приходится быть каждому из нас. Пусть же будет и наше повиновение нравственно-христианским, а не животной-себялюбивым и рабским! Пусть печатью разума, любви и свободы будет закреплено наше служение Царю и отечеству! И пусть на нашей родной земле и семья, и школа, и жизнь

общественная воспитают побольше таких слуг Царю и отечеству, которые бы повиновались долгу звания, как христиане, а не как человекоугодники, как свободные и любящие сыны, а не как трусливые рабы! Царство земное в этом случае подобно царству небесному: и оно открыто только для свободно-разумных и любовью работающих сердец. Аминь.

Священные книги Нового Завета, рассказывающие об основании и первоначальном устройстве христианской Церкви во времена апостолов, передают нам не мало случаев самой возвышенной благотворительности, самого трогательного милосердия. По словам книги Деяний Апостольских, *у множества верующих была душа едина и сердце едино, и не было среди них никого нуждающегося* (Деян. 4:32, 34). И вполне понятно, что в эту весну христианской жизни семена Христова учения о любви и милосердии росли особенно быстро и заметно, и сказывалось с особенной силой слово Спасителя, указывающее характеристические свойства Его последователей: *«По тому узнают вас, что вы Мои ученики, если будете шмать любовь между собою»* (Ин. 13:35).

Но и тогда, при естественном и вполне понятном воодушевлении, свойственном новообращенным, при строго и исключительно религиозном характере первоначального христианского общества, чуждого всяких забот государственного бытия, при несложности и патриархальности экономических отношений, особенно в Палестине, – и тогда, оказывается, на первых же порах дело христианской благотворительности, с необходимостью вытекающее из общего духа христианства, потребовало упорядочения, правильной организации. Из той же книги Деяний Апостольских узнаем, что когда умножилось число верующих в Иерусалиме, тотчас же появились некоторые недоразумения при раздаче пособий бедным. Тогда апостолы предложили верующим избрать из среды своей семь благочестивых мужей; на избранных, после молитвы возложили руки, призывая всесильную помощь Духа Святого, и поручили им заботиться о содержании христианских вдов и сирот (Деян. 6:1–6). Этим избранным лицам первенствующие христиане передавали свои посильные жертвы на дело благотворения. Когда, затем, христианство вышло из пределов Палестины и, как восходящее солнце, быстро озарило и согрело живительными лучами своими мир языческий, то и здесь оно прежде всего вызвало к жизни и к проявлению в деятельности чувства любви и милосердия к бедным и несчастным. И опять мы видим то же стремление дать делу благотворительности порядок и правильность, в соответствии с тогдашними условиями быта. Великий апостол язычников св. Павел и сам нередко бывал сборщиком и раздателем пособий на нужды голодных и других несчастных (в Антиохии, Галатии, Македонии, Коринфе) и ученикам, ближайшим сотрудникам своим, поручал

производить эти сборы, и даже оставил нам описание самого способа благотворения, существовавшего в его время (Деян. 11; 1Кор. 16; 2Кор. 8 и др.).

Таким образом, достопочтенное собрание, то дело, ради которого мы сюда собрались и на которое испрашиваем теперь молитвою всемогущее благословение Божие, есть дело, по существу и направлению всецело соответствующее лучшим заветам христианства и в той или другой форме непрерывно от дней Христа и апостолов существовавшее в жизни христианских народов. Нельзя не прибавить, что дело благотворения, в виде создания домов трудолюбия, в настоящее время непосредственно и видимо требуется жизнью. Со времени первых веков христианства экономические условия жизни и отношения людские слишком изменились и в них появилось много таких темных сторон, которых не знало древнее общество и борьба с которыми для всех, кому дорого благо и счастье человечества и родины, должна представляться тем обязательнее, чем она труднее... Если язвою древнего общественного строя служило рабство, то и новое общество стоит перед другою язвою, которая едва ли менее опасна, чем рабство, и которая нередко только не имеет имени рабства, совпадая с ним по внутренней сущности. Новый строй жизни слишком резко отделил богатство от бедности и чрез господство капитала создал такие условия жизни, при которых бедность разрастается все шире и шире и ей приходится слишком трудно отстаивать себе ежедневный кусок насущного хлеба. Пред современным обществом и государством вырос грозный призрак так называемого пауперизма...

Вам, достопочтенные слушатели, как людям хорошо образованным и научно ознакомленным с современным строем жизни в ее основах и, так сказать, в движущих нервах, без сомнения, все это известно лучше, чем мне. Небезызвестно и то, как недобрые элементы общества пользуются происходящими из указанных явлений жизни затруднениями; как люди, которым терять нечего, усвоив себе злорадное правило: «чем хуже, тем лучше», уже мечтают о потрясении обществ и государств; как, действительно, в истории Запада не раз уже появлялись подобные попытки, и как в наши дни они особенно обостряются и на наших глазах вырастают в грозные страшилища будущего, в виде усиливающегося социализма... Правда, на помощь увеличивающейся бедности нескучно шла частная и общественная благотворительность. Но справедливость требует сказать, что бедность сама по себе – не порок, однако, она нередко выходит из порока, а иногда и ведет к пороку... При таких условиях самая благотворительность без правильной и разумной организации нередко

обращается в поощрение тунеядства, профессионального нищенства, способствуя развращению тех, кому помогают. Разрешение вопроса о средствах борьбы со злом, таким образом, еще более затрудняется. Между тем, все это вопросы настолько серьезные, настолько важные для жизни общественной, что способствовать разрешению их в положительном и нравственно-добром смысле является уже обязанностью всякого гражданина, всякого сына родины, всякого, кто желает блага человечеству. Все добрые, положительные элементы общества и государства должны сплотиться в этом деле в дружном участии. Нет сомнения, поэтому, что открывающее свои действия в нашем городе новое благотворительное общество, имеющее целью устройство дома трудолюбия, этого лучшего способа соединить дело христианской благотворительности с делом воспитания бедного люда в смысле приучения его к труду, вызовет симпатии и получит деятельную помощь от всех благомыслящих и добрых людей. *«Иже сотворит и научит, сей велий наречется в царствии небесном»* (Мф. 5:19). И хорошо, что этот первый шаг своей деятельности общество начинает молитвою и ставит себя под покров христианства. Одного внешнего законодательства, одной внешней деятельности государственной для достижения полного успеха в этом деле слишком недостаточно. Опыт прошлого говорит, что древний мир со всеми своими нравственными и житейскими недугами нашел обновление и исцеление в христианстве; под влиянием его изменились нравы, смягчились сердца, изменились взгляды, исправились и упорядочились людские отношения, – и самое рабство, эта язва, главным образом, разъедавшая человечество и создававшая невозможные общественно-экономические условия, – рабство, которого не могли исправить в его последствиях никакие законы, пало постепенно и незаметно, без резких переломов, без крови и потрясений, под влиянием духа христианства, как тают постепенно снег и иней от дыхания теплого весеннего ветерка, под лучами весеннего солнца.

И теперь дело нравственного воссоздания и воспитания отдельных лиц и целых обществ путем проведения в них христианских начал жизни, без сомнения, спасет человечество от многих современных язв его государственной и общественной жизни, и снова, и снова исполнятся, как без конца исполнялись в прошлом, великие слова Христовы, слова, которые так хотелось бы видеть написанными над будущим тифлисским домом трудолюбия: *«Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас»* (Мф. 11:28).

Да благословит же Господь свыше всех вас, почтенные учредители и первые работники нового доброго и святого дела, да благословит вас

дружным согласием, единомыслием, усердием и радостью полного успеха! Да будет и у вас, как во времена апостолов, – при множестве душа едина и сердце едино, а плодом деятельности – возможное сокращение нуждающихся. Жатва многа: пусть же еще и еще выйдут и примкнут к вам новые и новые деятели на жатву, *«тщанием не лениви, духом горяще, Господеви работающе»* (Рим. 12:11). И да будет со всеми вами милость Божия, любовь и сочувствие и помощь Всех добрых людей. Аминь.

Благотворительность и труд¹⁰⁴

В прочитанном сейчас евангельском сказании (Ин. 5:1–4) изображается Господь наш Иисус Христос во дни Своей земной жизни в трудах устроения чудесами милосердия царства Божия на земле. Мы видим Его в благотворительном учреждении древнего Иерусалима, – при так называемой «овчей купальне», – по-еврейски – «Вифезда», что значит «дом милосердия». Здесь, по сказанию евангелиста, лежало множество несчастных – «больных, слепых, хромым, иссохших, ожидающих движения воды. Ангел бо Господень на всяко лето схождаше в купель и возмущаше воду», – и милосердие Божие в «доме милосердия» человеческого подавало исцеление болящему, погрузившемуся в это время в священные воды...

Почти две тысячи лет минуло с тех пор, но царство Божие, устроенное Христом, не умалилось на земле, а растет и ширится с каждым днем. Церковь Господа Иисуса, – это царство Божие, это Вифезда, воистину «дом милосердия» небесного и земного, Божеского и человеческого, – явилась пред людьми с особенной, с усиленной проповедью, с усиленным и настойчивым ходатайством о любви ко всем несчастными. И уже не единожды только «на всяко лето», не «по временам» только, как во дни древности, а всегда и непрерывно ангел милосердия, дух любви и сострадания действует на земле среди истинных сынов царства Божия.

И сегодня с радостью видим, как совершается чудо благодати Божией и человеческой; видим, как царство Божие празднует сегодня свой праздник, обогащаясь новым учреждением, в котором действует дух христианской любви и милосердия. Дело, к которому приступает сегодня почтенное общество по устроению дома трудолюбия в г. Тифлисе, есть дело новое, и притом – дело чрезвычайной важности. Этого могут не сознавать только те, для кого явления жизни проходят незамеченными, не осмысленными, вне связи с причинами и нарождающимися последствиями. Правда, духи любви и милосердия никогда не умирали среди христиан; никогда не оскудевала ими и наша Русь, древняя и современная. По словам одного ученого историка, «древнерусское общество, под руководством Церкви, в продолжение веков прилежно училось понимать и исполнять вторую из двух основных заповедей, в которых заключаются весь закон и пророки, – заповедь о любви к ближнему»¹⁰⁵. Но в страдную пору строения государственного, при неустройстве общественном, при подавляющей массе правительственных забот, само собою случилось, что первым требованием любви к ближнему признавали не общественную, а личную,

непосредственную благотворительность, милостыню, подаваемую из рук в руки. С течением времени, с устройством государственным, общество и правительство, проникнутые духом христианства, не могли не считать в числе своих обязанностей помощь несчастным, которые сделались такими по своей ли вине, или под влиянием неблагоприятных сложившихся случайных обстоятельств. Вместе с тем больше и больше выяснялось, что частная благотворительность, разрозненная, неупорядоченная, страдает многими недостатками. «Обыкновенно она оказывает случайную и мимолетную помощь, и часто не настоящей нужде. Она легко доступна злоупотреблению: вызываемая одним из самых глубоких и самых нерасчетливых чувств, какие только есть в нравственном запасе человеческого сердца, она не может следить за своими собственными следствиями. Она чиста в своем источнике, но легко поддается порче в своем течении. Здесь она против воли благотворителей и может разойтись с требованиями общественного блага и порядка» (там же). Здесь она вместо пользы может приносить вред, потворствуя лености и праздности, питая тунеядство и своего рода ремесло нищенства (так называемого профессионального). Здесь личная милостыня становится часто прямо нерасчетливой и неблагоразумной, потому что, попадая в руки недостойному лентяю, минует действительного бедняка, и, таким образом, развращая первого, оставляет без помощи второго. Если же и действительно она достается кому следует, то, во всяком случае, доставляет помощь случайную, временную, мало надежную, а предоставляемая без труда и заслуги со стороны нуждающегося, она для людей со слабой волей является большим соблазном к тому, чтобы вступить на путь попрошайничества и легкого, неразборчивого на средства существования. И действительно, с каждым годом, особенно в людных центрах, в больших городах, нарождаются легионы праздных тунеядцев, обманщиков, попрошаек, то льстивых, то дерзких, увеличивая собой элементы общества бесполезные, опасные, служащие школой порока, пьянства, преступления. Явился, как это ни странно, особый, новый вид благотворительности: борьба с дурными последствиями самой благотворительности, неправильно поставленной и направленной. Усилия общества и правительства шли рука об руку с заботами Церкви, и уже с конца XVI века рядом с частной выступает на Руси и общественная благотворительность, видоизменяясь в формах, смотря по обстоятельствам. Со времени Императора Петра Великого мысль о «домах работных» более и более занимает русское общество¹⁰⁶; мысль эта возродилась вновь при Императрице Екатерине II, но только в нашем

столетии, при Императоре Николае I, явилась более или менее прочная и успешная попытка осуществить ее в действительности¹⁰⁷. В нынешнее благополучное царствование Государя Императора Николая Александровича дело устройства домов трудолюбия получило, наконец, твердое и надежное основание¹⁰⁸, единство управления, порядка и действий по всей России под высоким покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны¹⁰⁹. Августейшее имя Ее – с одной стороны, и с другой – имя чтимого во всей России пастыря о. Иоанна Кронштадтского, устроившего один из первых и лучших, прочно поставленный дом трудолюбия, служат нам ручательством того, что в новом направлении общественной благотворительности не будет подавлено чисто-религиозное, нравственно-христианское начало, искони присущее милосердию нашего народа. Благотворительность ни в каком случае не может быть поставлена вне всякого влияния Церкви, не может быть лишена религиозного характера, – иначе она будет лишена и нравственного значения¹¹⁰. Только при таком направлении учреждение домов трудолюбия восстановит истинное христианское значение милостыни, источник которой – теплое сострадательное чувство, а цель – уничтожение нужды, нищеты и страдания; только при таком направлении новое дело обратится в орудие нравственного воспитания и благотворителей, и нуждающихся. Замечательно в этом отношении воззрение древнего богооткровенного законодательства, которое также стремилось соединить вместе и труд и благотворение: *«Когда будете жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего, и оставшегося от жатвы твоей не подбирай; и виноградника твоего не обирай до чиста, и попадавших ягод в винограднике не подбирай; оставь это бедному и пришельцу»* (Лев. 19:9–10). Так неимущий получал милостыню, но взять ее должен был собственным трудом и усилиями. Взгляд этот глубоко был усвоен Ветхим Заветом. *«Каждому человеку, – говорит премудрый Соломон, – назначен труд по мере его»* (Еккл. 6:7); *«человек рождается на труд, как птица на летание»*, сказано в книге Иова 5:7. Христианство, восполнившее и завершившее древний богооткровенный закон, начинает новую эпоху в истории труда, в корне изменив отношение к нему. До христианства знали только подневольный труд раба и считали его презренным, несовместимым с достоинством человека. Известный римский поэт только повторяет убеждение своих современников, когда говорит: *«Ненавижу я этот простонародный (чернорабочий) сброд и держусь от него как можно дальше»*... (Ног. Од. 3, 1, 1.) Это было одной из главных причин, погубивших древний мир.

Христианство высоко поставило всякий честный труд, освятило его, объявило условием нравственного совершенствования, признало добродетелью, благословило и труд, и труженика и этим обновило и преобразило жизнь человечества. Сам Иисус Христос жил трудами плотника; апостолы трудились, по их собственным словам, «*делая своими руками*» (1Кор. 4:12), «*занимались трудом и работой день и ночь*» (2Сол. 3:8, 10–11; ср. 1Сол. 4:10–12), и один из них оставил нам вечно-памятную заповедь: «*Когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот не ешь*» (2Сол. 3:10. См. Еп. Феофан. – Толк. Пос., к Кор. I–IV, 12). Вот учение христианское, которое должно быть положено в основу дела устройства домов трудолюбия. Ныне, вы знаете, как и в дни апостолов, являются превратные воззрения на труд; разумею воззрения новых крайних экономических теорий, недалекие от древнего издохшего язычества, чуждые религиозно-нравственного начала и даже прямо враждебные ему, рассматривающие труд не как условие нравственного совершенствования, – что видим в приведенных словах апостола, – не как нравственную обязанность разумного существа, но как особого рода право, принудительно требуемое у общества с дальнейшими и крайними выводами, приводящими в конце к тому же древнему подавлению личной свободы, хотя и во имя свободы, и к полному разложению общества, хотя и во имя общества¹¹¹...

Начиная дело молитвой и благословением Церкви, устроители дома трудолюбия тем самым исповедуют свою веру в слово Божественного писания: «*аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии*» (Пс. 126:1). Да будет же над этим создаемым домом, над домом трудолюбия, благословение Господа! Любовь христианская вызвала его к существованию и устроила его; любовь же не может не видеть, что устроено далеко не все, положено только начало. Пусть растет и ширится, и крепнет, и благоустраивается святое дело любви! Пусть в общем труде при доме трудолюбия истинно по-христиански соединятся и труждающиеся во имя любви к ближнему благотворители – устроители его, и труждающиеся работники-бедняки, которые здесь найдут честный заработок и спасение от тунеядства и нищенства, – и всем им, по словам молитвы церковной, *да благословит Господь их входы и исходы, деяния, дела, словеса и помышления*. Аминь.

(Чит. еванг. Мф. 18:1–7, 10–14, 19–20).

Во святом евангелии рассказывается: однажды ученики Иисуса Христа приступили к Нему и спросили: *«Кто больше в царстве небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди их, и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в царство небесное. И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает»* (Мф. 18:1–5).

Что прибавить к этим священными словам? И как, вдумываясь в эти слова Христовы, от всей души не приветствовать «Общество попечения о детях» с расширением его благотворительной деятельности в пользу детей, с успехом и осуществлением давно задуманного дела! (См. Отчет Правления Общества 1898 г., стр. 21–23). Без всякого сомнения, достойны полного сочувствия заботы о физическом воспитании детей, которые Общество поставило себе главной задачей. Но устройство этого дома призрения детей бедных и бесприютных и предполагаемая организация защиты детей, находящихся в исключительно тяжелых условиях, заслуживают преимущественного сочувствия и особого внимания, как высокое проявление истинно-христианской благотворительности. Здесь мы видим, как в заботах Общества о детях вполне сказался закон: любовь изобретательна на добрые дела! Действие этого закона впервые было объявлено и во всей широте применено в христианстве. Священное евангелие Господа Иисуса, эта драгоценнейшая книга, это сокровище всего святейшего, этот неисчерпаемый родник вечных истин, на каждом листе своем имеет начертанные огненными буквами божественные слова: любовь, благодать, милосердие. Но среди бесчисленных проявлений любви Спасителя нашего ко всем несчастным одни беззащитные создания удостоились Его особого попечения, – и это были дети. С любовью возлагал Он на них руки и, обнимая, благословлял их (Мк. 10:16); строго запретил учениками Своими, когда они не допускали детей к Нему (Лк. 18:16); милостивый и благодатный всегда и ко всеми, Он грозно предостерегал от соблазна детской души (Мф. 18:6); наконец, поставил дитя пред Собою, дал Он эту вечную и выразительную заповедь: *«кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает»*.

Не ясно ли для нашего Общества, кто является в нем первыми и святейшими представителем «попечения о детях»? Но слово Господа Иисуса указывает нам еще на других – высоких, непременных и

неизменных членов и покровителей нашего Общества в светлом сонме ангелов Божиих: *«Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих, ибо говорю вам, что ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного»* (Мф. 18:10).

В этих трогательных проявлениях любви Иисуса Христа к детям не предносилось ли Ему и Его собственное светлое детство на лоне Пречистой Матери, в патриархальной обстановке прекрасной Галилеи и тихого Назарета, а вместе с тем не предносилось ли Ему и тяжелое воспоминание о днях первого Своего гонимого младенчества, которое началось в убогих яслях Вифлеема и омрачилось зверским убиением детей рукою свирепого Ирода? Не предносились ли и Его слушателям-евреям воспоминания о том, как некогда в Египте в тяжкую годину жизни их отцов было приказано убивать всякого новорожденного, потом бросать в реку, и как сам вождь и законодатель их Моисей спасен был для народа и для великого будущего «вынутый из воды» милосердой волей царской дочери? Не представляются ли и вам, братья, исторические воспоминания о том, как эта беспощадная жестокость к детям была в духе и нравах древнего мира: как в непрерывных войнах истребляли младенцев, разбивая их о камни (Пс. 136:9), как в жертву гнусным идолам приносимые дети сжигались живыми, как в мировоззрении образованнейших народов допускалось и в мысли и в жизни убивать хилых детей, которые не обещали в будущем сделаться сильными воинами? (См. Всеобщ. история Виноградова. Древний мир. Стр. 11, 33, 91.)

И каким благоговением, какой благодарностью должны мы проникнуться к светлomu и чистому учению Христа, принявшего под Свое покровительство беззащитное детство!

Дети, детство... Чье сердце не трепетало при этих словах, священных для всякого, напоминающих нам что-то далекое, безвозвратно минувшее, но прекрасное, светлое, дорогое и радостное?! Кто из нас, взрослых, в этих ободряющих и властных воспоминаниях детства не черпал сил для обновления и подъема жизни, для освежения душевного, для веры в добро и в людей? Кто в час ли тихой скорби, или в минуту особого задушевного настроения умиленной радости среди своих детей или в кругу близких и милых не испытывал неодолимой потребности перенестись мысленно ко временам незабвенных детских лет: льется тогда без конца тихое слово, и просветляется душа, смягчается сердце, спадает с него кора жесткости и все, навеянное суетой, суетолокой и условностями жизни; тогда в воспоминаниях, в самозабвении горим мы вновь детскими чувствами, – и

думается, и чувствуется, и верится непосредственно, как во дни былые... Какой поэт не остановился пред своим детством в душевном умилении? Какая литература не посвятила детству самых чистых, возвышенных и вдохновенных страниц?! Кто и сам, смотря в детские чистые и невинные глазки, или лаская головку дитяти, не чувствовал, как и в него переходит и переливается что-то чистое и светлое? О, как часто, как часто хочется быть ребенком в царстве Божием пред Отцом Небесным и прильнуть к Нему без расхолаживающей рассудочности и в детских чистых восторгах слышать в душе своей Его таинственное, незримое шествие, и шелест риз Христовых, и трепетанье крыл ангельских: священная, незабвенная поэзия детства, исполнение слов Евангелия: *«Истинно говорю вам, если не обратитесь, и не будете, как дети, не войдете в царство небесное»!* (Мф. 18:3.)

Братие мои! В этих светлых образах веры, любви, окружающего родственного участия, домашней ласки, теплоты и приветия – лучшая и ничем незаменимая воспитательная среда для ребенка, лучшие залогов будущего развития в человеке всего доброго, мягкого, любовного. Но если так властны над нами детские воспоминания, то как же тяжело и безотраднo положение тех, у кого собственно нет и не было детства! Кто-то сказал: «О, мое детство! посмотришь в тебя, – засмеешься радостно; еще посмотришь, – и от стыда и горя закроешь лицо руками»... И действительно, как тяжело должно быть тому, у кого вместе с представлением о минувших днях отрочества возникают картины нищеты и бесприютности, голода и одиночества, побоев и жестокости, порока чужого и собственного... Не здесь ли начало озлобления, и жестокости сердца, и угрюмого недоверия? Не здесь ли, в печальной обстановке детства, в прошлой истории человечества находят объяснение многие дурные характеры, вроде нашего Грозного? не здесь ли и ныне лежат корнями истории многих преступлений, омрачающих нашу общественную жизнь? Что скрывать: бедность, голод; недостатки, конечно, – не порок, но часто они ведут к пороку, служат школой порока и чисто-животного отношения ко всему окружающему...

Поклон же вам до земли, устроители этого дома, в котором вы даете детям – детство, это лучшее их достояние, незаменимое, неоценимое! И полной мерой да будет вам благословение от Того, Кто сказал всем ученикам Своим и последователям: *«кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает»*. Он здесь, благословляющий, благостный Покровитель детей; Он здесь, Он с нами, по Его слову: *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди их»* (Мф. 18:20). Аминь.

1899 г.

На пороге XX века¹¹³

Силы обновления жизни

Если внешний наш человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется (2Кор. 4:16).

Этими словами св. апостол Павел указывает сущность нравственной жизни христианина, как человека возрожденного. Но если всегда полезно и благовременно размышлять нам о нашем непрерывном, повседневном обновлении, то, без сомнения, сегодня, в день Нового года, все обращает нашу мысль к этому предмету.

Христианство явилось завершением пламенных ожиданий возрождения и обновления, в которых нуждался древний мир, объятый процессом нравственного разложения. Но причины, вызвавшие это разложение и заставлявшие ждать обновленной жизни, не умерли в злой греховной воле человека, и в истории христианского мира время от времени мы замечаем периоды упадка духа, отчаяния, сомнения и слабости, – периоды, когда нравственные начала как бы теряют силу в жизни человечества и лучшие его представители начинают с тоской озираться вокруг, ища средств вдохнуть в людей упавшую бодрость, поднять принизившееся нравственное состояние общества.

Едва ли мы ошибемся, если назовем именно наше время ждущим этого обновления. На пороге XX-го столетия наш отходящий в историю век стоит со многими вопросами, со многими язвами, требующими разрешения и врачевания. Не в наше ли время учащенные самоубийства показывают общее недовольство жизнью? Не наше ли время характеризуется особым разливом преступлений, иногда каких-то диких и совершенно необъяснимых, падением основ жизни семейной, общественной, государственной? Не в наше ли время раздалась эта проповедь философии смерти, – это апатичное равнодушие к деятельности, это учение о «неделании», о «непротивлении злу», отрицающее и брак, и общество, и государство, и науку, и искусство, свидетельствующее тем самым о глубоком отчаянии, к которому пришел современный человек? И вместе с тем не в наше ли время наблюдаются эти отчаянные поиски за смыслом жизни, свидетельствующие о том, что старые позитивные и материалистические воззрения принесли их последователям тяжелые разочарования и не дали человеку ни радости, ни покоя?

Между тем и доньше, в поисках за средствами исцеления общепризнанной язвы, фанатики веры во всеисцеляющую силу научного

знания и государственно-общественных реформ обращают взоры человечества туда, где оно не раз уже потерпело крушение. Не христианство, конечно, и не нашу православную Церковь винить в отрицательном отношении и к науке, и к улучшениям общественной жизни¹¹⁴; это засвидетельствовано такими исследователями, которых менее всего можно упрекнуть в пристрастном преувеличении заслуг христианства и православия¹¹⁵. Ведь не вопреки, а благодаря христианству, христианская Европа – в то же время и цивилизованная Европа. Но при всем уважении к культуре и образованию нельзя ожидать и требовать от них того, чего они дать не в состоянии; нельзя думать, что люди и мир могут сделаться лучшими только и исключительно чрез знание.

Знание спасет от глупости, хотя и здесь на всякого мудреца довольно простоты: но не может оно спасти от безнравственности. Кто из нас не испытывал моментов искушения ко злу, когда страсть пользуется правом сильного? Разве это были моменты только неведения? Нет, здесь было при знании какое-то бессилие, – та греховность, о которой учит Священное Писание, возводя нас ко времени первого грехопадения; то зло, неистребимо живущее в нас, о котором говорили древние философы и которое новый мыслитель Кант так выразительно называет злом радикальным; это зло, по его мнению, неисцелимо человеческими средствами, оно требует не частичного улучшения или преобразования, а «целостного переворота в нас, который можно сравнить только с нашим творением». Да, и при совершенном знании человек часто «не в силах бороться в исполинской битве долга», потому что одно знание не может сделать слабые силы крепкими, нездоровые – здоровыми. По словам ап. Павла, *«желание добра есть во мне, но чтобы сделать его, того не нахожу; не понимаю, что делаю: по внутреннему человеку нахожу удовольствие в Законе Божию, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих»* (Рим. 7). И вот горький житейский опыт разве не свидетельствует, что, находясь в среде образованных людей, деятели, которым вверена судьба обществ и государств, не находят себе надежных сотрудников и горько жалуются: «нет людей». И разве редко люди пользуются изошренностью своего ума и обширными сведениями для совершения или сокрытия преступления? Несомненно, что знание необходимо, но также несомненно, что, кроме знания, требуется и сила, через которую знание могло становиться деятельным.

Эту силу и думают найти в государственно-общественных преобразованиях, думают, что они, взятые сами по себе, независимо от другого какого-либо начала, независимо, между прочим, и от какой бы то ни было религии, способны дать верную основу внутреннего благоденствия царств и народов. Было время, и теперь оно для многих еще не кончилось, когда глубоко верили, именно верили, в то, что в смене одних реформ на другие, более плодотворные и жизненные, в широком развитии и правильной постановке законодательства и устройства общественной жизни можно почерпнуть силу обновления и возрождения. Светлые картины рисовались воображению: улучшаются законы, предусматриваются взаимные отношения, под влиянием законов и реформ воспитываются люди, хорошее законодательство, в конце концов, поставит человека в невозможность совершить преступление... и жизнь человечества потечет ровно и спокойно. Правда, в воззрениях на характер предполагаемых преобразований расходились до противоположности: одни требовали усиления власти, другие мечтали о широкой общественной инициативе, иные всего ждут от введения «правового порядка», общения имуществ; находятся и такие, которые словом и делом хотели бы насильственно и во что бы ни стало уничтожить теперешний строй жизни и на его место создать другой, а лучше сказать, никакого, т.е. анархию. Тем не менее, при всем разнообразии стремлений и предполагаемых мер, остается вера в то, что стоит только дать тот или другой желанный строй жизни человечества, и оно исцелится от своих язв.

Так говорят и мечтают восторженные теоретики, но совершенно обратному учит опыт жизни истории... Увы, летописи мира громко проповедают ту истину, что в то время, как все отрасли человеческой деятельности, в том числе законодательство и правление, достигали сравнительно высокого развития, в то же время и зло, живущее в природе человека, развивалось со свойственной ему силою и обнаруживалось разложением нравов, потрясая и сокрушая самые внутренние основания общественного благоденствия и счастья, – все, что было создано в течении веков напряженной деятельностью целого ряда поколений. Без сомнения, под влиянием долговременного воздействия законов и общественного строя, силою привычки и внедренного обычая удерживалось добро, но тою же силою привычки удерживалось и зло, также делаясь «второй природой» и обращая в органы служения себе и ум, и волю человека. Оттого и случалось не раз, что эпохи высшего научного и государственного развития народов совпадали с эпохой высшего развращения их нравов и часто служили началом падения государств. А

ведь, по-видимому, должно было случиться как раз наоборот. Не станем говорить о древних царствах Востока – еврейском, ассирийском, вавилонском, персидском. Но вот два-три примера: Спарта, Афины и греческая республики после расцвета сил стали клониться к упадку, – а у них ли не испробованы были все способы управления? Между тем, известно свидетельство ученого грека, который говорит, что в его время не было среди его соотечественников человека, которому бы можно было доверить хоть два обола при всех клятвах и расписках (Полибий). Царство Александра Великого, идеал, как называют, всего блистательного, могущественного, ученого, было вместе с тем совмещением всего безумно-роскошного, сладострастного и едва пережило себя. Блистательный век Людовика XIV, век всего изящного, утонченного, век расцвета поэзии и философии, был вместе с тем временем самого глубокого и сильного развращения и предварил собою ужасы революции. Говорить ли о древнем Риме, который служит образцом законодательства и пережил разнообразные виды управления? Говорить ли о подкупах, подлогах, измене, шпионстве, общественной лжи, о разврате и преступлениях, которые существуют и ныне на Западе при всех порядках, при всем господстве «великих идей», «великих реформ» и проч.?

Нет, никакое законодательство внешнее, если оно не опирается на законодательство внутреннее, нравственное, если оно не освящено высшим Божественным авторитетом, никогда не приведет человека к счастью, не упорядочит его жизни, не даст ему веры в будущее торжество добра над злом, – а без этой веры жизнь человека и жалка, и бессмысленна. Есть отношения, есть стороны жизни, где внешнее законодательство бессильно. Поступки человека – плод его мысли, его сердечного настроения; нужно получить доступ в эту сокровенную область, чтоб из нее, как из исходного пункта, управлять внешними деяниями. Но эта область закрыта для внешнего закона: он не внушит любви, уважения, повиновения по совести, а не по страху; под статьи закона нельзя подвести нечистой мысли грязного желания, завистливого намерения и корня зла – себялюбия. Внешнему закону всегда суждено будет иметь дело только с внешними же обнаружениями деятельности человека. Только нравственно-религиозное, Божественное законодательство властно войти в дух, в сердце, властно сказать повелительное: не пожелай, не помысли; только оно, вместо того, чтобы сразу пересозидать общество и человечество, пересозидает сначала каждое отдельное сердце, каждого отдельного человека, и тем безошибочно может улучшить и общество.

Человек в своих нравственных силах внутренне поврежден грехом, этим «радикальным злом», как называет его философия; избавиться от такого зла не может сам человек, потому что и в науке, и в законодательстве не уйдет он от себя, не уйдет от греховности, своего всегдашнего спутника... Нужна сила Божественная, чрезвычайная, нужно возрождение греховного духа и омовение его в очистительных водах благодати, – а все это дает и даст христианство. Нашими собственными силами мы не можем сделаться чистыми сердцем. Нам нужно стоять на совершенно независимой от греховности почве, вне нашего естественного я. Да позволено будет здесь в церковном слове привести слова не церковного человека; Архимед сказал: «Дайте мне опорный пункт вне земли, и я поверну всю землю». Вот этого-то опорного пункта, этого рычага для того, чтобы повернуть, изменить, возродить себя, человек, поврежденный грехом, не находит в себе, но он находит его в чистой и могучей религии Христа, искупившего людей и даровавшего им чрез веру силы высшие, благодатные, все потребные *силы, яже к животу и благочестию* (2Пет. 1:3). По словам поэта, «Божество вы в вашу воспримите волю, и оно сойдет к вам с мирового трона» (Шиллер). В христианстве почерпнуло силы обновления и возрождения древнее человечество: в христианстве оно найдет их и теперь; этих сил его не изжить и не исчерпать. Оно ведь и теперь то же, чем было при первом своем появлении в мире: *Христос Иисус вчера и днесь той же и во веки* (Евр. 13:8); *Я с вами*, – сказал Христос, – *во все дни до скончания века* (Мф. 28:20). В христианстве и теперь тот же свет, тот же дух, та же жизнь. Своим небесным светом оно и науке поможет в ее исследованиях и предохранит ее от опрометчивых выводов; своим духом оно согреет и одушевит государственное и общественное законодательство и даст ему величайшее достоинство авторитетности и силу внутренней обязательности; своею жизнью оно обновит нашу жизнь земную, осветит и облаженствует загробную.

И нам кажется, и нам верится, что грядущий XX-й век будет веком врачевания старых ран, исправления старых ошибок и обращением к Богу, ко Христу и к Церкви. Ведь «душа по природе – христианка», сказал древний церковный учитель (Тертуллиан), и рано или поздно она к нему обратится! Слишком уж много боролся новый Прометей против Божества, и слишком много накопилось у него на душе и горечи, и разочарования: исцеление будет в самой болезни, которая надежнее всего научит искать высшей помощи и принять ее. И только в этой помощи, указываемой в христианстве, усталая мысль и истомленная жизнь человечества найдет

возрождение, только при ней мы, по слову апостола, *в обновлении жизни ходити начнем* (Рим. 6:4) и среди несовершенств мира будем почерпать силы жизни и утешения в том отрадном веровании, что, по неложному обещанию христианства, мы увидим в грядущем новое небо и новую землю, где будет жить одна только вечная правда!.. Аминь.

Святое детство¹¹⁶

Сегодня, дети, ваш праздник, и вас ожидает школьное торжество и веселье, а какое – мне не нужно говорить: что вы сами о нем знаете, об этом свидетельствуют ваши радостные лица, ваши радостные взоры. Не напрасно эти рождественские праздники посвящаются детскому веселью и радости; не напрасно по всей земле, во всем христианском мире Рождество Христово есть особо чтимый детьми праздник. Всем припоминается в эти дни, что Господь Иисус, пришедший на землю спасти людей, был маленькими ребенком, возлежал на груди у Пресвятой и Пречистой Матери. Бедностью было окружено детство нашего Спасителя: вы знаете, что родился Он в холодную зимнюю ночь в уединенной пещере, куда в ненастную погоду пастухи загоняли свой скот; вместо колыбельки теплой и мягкой положен Он был в ясли, повит был убогими пеленами и первое приветствие получил от бедных пастухов, а потом – и это вам известно из школьных ваших уроков – Его преследовал и хотел убить свирепый царь Ирод, и Богомладенец Иисус должен был бежать от него с Матерью и старцем Иосифом, должен был скрываться с ними на чужбине, в Египте. И вот, при таких воспоминаниях добрые сердца христианские на празднике Рождества Христова обращаются ко всем детям, особенно к детям бедным, сиротам, голодным, бесприютным, и во имя бедного некогда и гонимого, бесприютного Божественного Младенца Иисуса хотят этим доставить детям радость: устраивают елки, дарят им все нужное и не так нужное, но детям приятное – игрушки и сладости. Все это свидетельствует о том, что вас любят, дети, о вас заботятся, хотят доставить вам все полезное, необходимое и даже приятное. Счастливый возраст ваш любил и Господь Иисус. Евангелие говорит нам, что Он возлагал на детей руки и, обнимая, благословлял их; строго Он запретил ученикам, когда они не допускали детей к Нему; строго предупреждал, чтобы никто не соблазнил на зло детскую душу. Этого мало: для взрослых Он поставил детей в пример для подражания. Однажды ученики спросили Его: кто больше в царстве небесном? Иисус же, поставив пред ними дитя, сказал: *«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в царствие небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в царствии небесном»* (Мф.18:3–4). Что же доброго в вашем возрасте, дети? Что вам нужно делать, как себя вести, чтобы в вашем детстве оставалось то, что угодно и любезно Богу, мило и приятно людям и полезно вам самим? Самое лучшее

для этого – обратиться к детству Иисуса Христа. Ведь ради Его младенчества, как мы уже сказали, сколько любви оказывается вашему возрасту! Тем более будет приятно ваше детство, если в нем мы найдем что-либо похожее на детство Иисуса Христа. Немногое мы знаем о детских и отроческих годах Его, но что знаем, то, действительно, для вас поучительно. Когда было Ему 12 лет от роду, благочестивые родители взяли Его с собою во храм Господень, а тогда храм этот был только один на всей земле и находился в Иерусалиме. Там отрок Иисус был с другими богомольцами; там увидел Он красоту дома Божия; там испытал Он сладость общественной молитвы; там испытал и узнал, как радостно, как отрадно для чистой души быть во храме и чувствовать присутствие Божие. Когда же родители Его возвращались домой, отрок Иисус стремился детской душой снова в храм Господень, возвратился с дороги, оставался в храме целых три дня, молился, слушал бывших там учителей и спрашивал их и отвечал им так, что привел всех их в изумление. Пречистая Матерь Его и старец Иосиф, наконец, после долгих поисков нашли Его среди учителей, и когда упрекнули Его за то, что Он причинил им беспокойство, то получили краткий ответ: *«Или вы не знали, что мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему»*... Потом, сказано в евангелии, Он пошел с ними и пришел в Назарет и был в повиновении у них (Лк. 2).

Милые дети! хотите ли вы, чтобы в вас, кроме отроческих лет, и многое другое было похоже на отрочество Иисуса? Учитесь у Него, подражайте Ему. И прежде всего любите и вы храм Божий и общественную в нем молитву, как любил Иисус Христос. Теперь ведь не в Иерусалиме только, как во дни древности, но везде и всегда можно найти храм Божий; он открыт для вас и здесь, в этом молитвенном доме. Приходите же сюда почаще: Бог вашего детства будет Богом -Хранителем вашей юности, мужества и старости, а по смерти – Покровом, радостью и счастьем нескончаемой вечности.

Христос во дни отрочества был среди учителей, спрашивал и отвечал им... Учитесь и вы, дети; спрашивайте учителей и наставников ваших о пути спасения, будьте в вашей школе добрыми и усердными учениками. Помните, что только под покровом Господа Иисуса школа есть великое благо, а без Него она так же может вести ко злу, как и к добру. Пусть же школа даст вам не только знания, полезные в жизни для приобретения хлеба, одежды и жилища телу, но и те знания, которые нужны для угождения Господу и спасения души.

Иисус Христос, будучи Господом неба и земли, повиновался Своим родным. Вот вам и еще урок из детства Иисуса Христа. Повинуйтесь и вы

вашим родителям дома, учителям в школе, старшим и начальникам в жизни. Без повиновения жизнь людей не будет иметь ни порядка, ни строя, ни общей пользы: это будет беспорядочная жизнь бессловесных животных, а не жизнь разумных людей. Через родителей и старших изрекается вам воля Божия, и чрез повиновение им вы будете расти так, как возрастал Отрок Иисус, как о том сказано в евангелии: преуспевал в премудрости и возрасте, в любви у Бога и людей.

Вот вам уроки из детства Господа Иисуса Христа. Вы же, здесь присутствующие взрослые, не осудите меня за то, что я, оставив вас, занялся исключительно детьми и им предложил всю трапезу слова. Впрочем, и вам найдется от трапезы этой крупица, но крупица драгоценная: *если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в царство небесное...* Аминь.

Вера и знание¹¹⁷

«Да не будет, будто Бог ненавидит в нас то, что Сам Он отличил нас от прочих тварей при творении! Да не будет, говорю я, чтобы мы для самой веры не пользовались разумом или не занимались исследованием, так как мы не могли бы даже и верить, если бы не обладали разумными душами. Дело разума в том, чтобы он воспринимал и усвоял свет Разума.

Блаж. Августин.

Бог христианский, по словам церковных песней, почивает на разумных престолах¹¹⁸ и называется Богом разумов¹¹⁹; требуя от христианина, чтоб он возлюбил Его *всем сердцем и умом* (Мк. 12:30), Господь и Сам, как говорит апостол, дал людям *свет и разум* (1Ин. 5:20) и во Христе открыл людям *все сокровища премудрости и разума* (Кол. 2:3). Самое нравственное перерождение человека под влиянием христианства не касается одного только сердца его, но захватывает все стороны его душевной деятельности, и в том числе умственную; оттого апостол наставляет христиан: *обновляйтесь обновлением ума вашего* (Рим. 12:2); *не будьте дети умом, на злое будьте младенцы, а по уму – совершенны бывайте* (1Кор. 14:20); *облекитесь в нового человека, обновляемого в разум* (Кол. 3:10). О себе великий апостол, учитель веры по преимуществу, говорит, однако, что он желает помолиться и воспеть Богу и умом (1Кор. 14:15), и что он умом своим работает закону Божию (Рим. 7:25). Наконец, вопреки довольно распространенному ныне одностороннему воззрению на Иисуса Христа, как только и исключительно на нравственного Преобразователя жизни человеческой, мы должны указать, что Божественный Основатель святой религии нашей пред самой смертью Своей такими словами Сам определяет задачу Своего служения: *«Сия есть жизнь вечная, да знают Тебя, Единого Истинного Бога, и посланного Тобой Иисуса Христа»* (Ин. 17:3).

Конечно, отсюда далеко до рассудочного усвоения христианства и, без сомнения, такое усвоение христианства исключительно умом, в смысле религиозного развития, далеко недостаточно и даже вредно. Но только что приведенные мной нарочито довольно многочисленные ссылки на книгу завета христианского ясно показывают нам, что вместе с тем и искание знаний ума, научная любознательность не могут стоять в противоречии с христианством. Скажем и более того: не избыток разума, а как раз наоборот, его недостаток является врагом христианства. Только при этом недостатке, по слову Писания, называющие себя мудрыми могут

оказаться, и оказываются на самом деле, безумными (Рим. 1:22), и только при этом недостатке разум, мало мысливший, но много возгордившийся, вместо того, чтобы прильнуть к живительному Источнику всякой Премудрости, начинает «взиматься на разум» Божий (2Кор. 10:5) и приносить неисчислимый вред человечеству.

Но это уже злоупотребление, которое никогда и никому не должно давать права отрицать то, чем злоупотребляют...

Открывая молитвой и словом христианского поучения публичные лекции для взрослых по предметам среднеобразовательного учебного курса, мы видим, поэтому, в самом возникновении этих лекций общественное явление, радостное, достойное сочувствия и содействия. Мы не скрываем, что дело устройства и постановки курсов – дело трудное; мы не обманываемся первыми видимыми успехами: мы знаем, что благородных и бескорыстных работников по учреждению и организации этого дела, вместе с радостями успеха, может быть, ожидают и терния разочарований; но при всем том мы видим в этих первых и быстрых успехах факт чрезвычайно знаменательный.

Что собрало сюда всех вас, людей самых различных возрастов, званий и общественных положений? Благородная и уже, действительно, бескорыстная жажда познания. Вам не обещаны дипломы, не рисуются вдали привлекательно какие-либо выгодные в житейском смысле права; большинство из этих сотен, записавшихся на лекции, – люди небогатые, занятые какой-либо своей обязательной работой, и отдадут для добровольных и нелегких учебных занятий большую часть своего отдыха, которым трудовой человек, естественно, дорожит больше всего.

Эта бескорыстная жажда познания вырастает в факт еще более знаменательный, если мы хоть немного прислушаемся к господствующим течениям и направлениям мысли в переживаемое время. Лет 30–35 тому назад, в 60-х годах, русское общество было охвачено необыкновенным, чисто-юношеским увлечением наукой, – и много было в той поре чистого, идеалистического, возвышенного. Общества, курсы, чтения, кружки, просветительные учреждения всякого рода открывались во множестве; народное образование занимало все помыслы; книги, журналы, газеты получили небывалое до того времени в России распространение. Но, очевидно, были допущены какие-то ошибки; к светлomu и чистому просветительному движению примешалось, очевидно, что-то нечистое, – и движение это вдруг как-то затихло. Отовсюду в настоящее время раздаются жалобы на принижение идеалистических стремлений к знанию не только в обществе, но даже и в школе, где жажда знания среди юношей,

по-видимому, должна бы быть особенно напряженной. Мало того: и на Западе, в лице некоторых представителей знания (Карпенгер, Брюнетьер), и у нас в России (в лице графа Толстого с последователями, смеющегося «над барами, работающими головой») мы видим открытую проповедь мнения о так называемом банкротстве науки и даже полное ее отрицание¹²⁰.

Кратко отмечаем эти факты, чтобы показать, как даже при неблагоприятных условиях, тем не менее, в открываемых публичных лекциях пробивается наружу врожденное человеку стремление к истине и познанию, и как при всех далее авторитетных и влиятельных возражениях против научного знания интерес к нему не глохнет и не уничтожается. Христианство, в истинных своих представителях, всегда было чуждо обеим указанным крайностям. Никогда не усвоило оно одному только знанию всепасающей силы; никогда оно и не обвиняло, не упрекало науку в том, в чем она неповинна. Где люди, там и страсти, – а при этом условии не только наука, но и сама религия, даже святейшая и возвышеннейшая, какова религия христианская, не раз обращалась в средство достижения дурных целей или даже общественного принижения. «Главная немощь духа, – говорит знаменитый наш ученый и педагог Н.И. Пирогов в своих «Вопросах жизни», – главная немощь духа есть односторонность его на пути прогресса. Везде, начиная от моды и доходя до фанатизма, мы испытываем ее влияние».

Избегая этой односторонности, при всех увлечениях науки и даже при враждебном отношении ее к религии, которое, к сожалению, по временам, имело место в истории человеческой мысли; с другой стороны, и при всех случаях отрицательного отношения к науке, которые повторялись не раз и в прошлом и в нынешнем столетиях, – всегда и неизменно истинное христианство в лучших своих представителях покровительствовало знанию и поэтому мы видим, что христианские страны доселе – образованнейшие страны. Христианство полагало, что недостаток образования и культуры обуславливает несовершенное и недостаточно глубокое усвоение самого христианства, и поэтому везде, куда оно являлось с проповедью евангелия, оно основывало школу и церковь и полагало само начатки культуры и образованности. Оно доверяло истинной и уважающей себя науке; оно не боялось ее света, напротив, радостно его приветствовало, видя в нем прекрасное и незаменимое пособие для своих собственных целей – для целей царства Божия, Царства правды, мира и радости о Духе Святом (Рим. 14:17).

И оно никогда не ошибалось и не ошибется в науке, в ее также

истинных представителей. Было бы слишком долго, хотя, без сомнения, чрезвычайно интересно и поучительно, если бы я здесь привел пред вами исполненные возвышенной религиозности слова таких ученых, как Галилей, Коперник, Ньютон, Линней, Кювье, Лейбниц, Декарт и др. Это голоса из прошлого, хотя и не так далекого. Полагаю, что для знающих будут убедительны слова таких ученых, как, например, Гексли и нашего современника Спенсера, – людей, которых трудно упрекнуть в склонности обвинять науку в банкротстве или бессилии. Вот что говорит первый из названных мыслителей: «Истинная наука и истинная религия – близнецы, и разлучение их непременно поведет к смерти обеих. Наука процветает именно пропорционально ее религиозности, а религия процветает пропорционально научной ее глубине и твердости ее основ». А вот слова Спенсера: «Наука не только не противорелигиозна, как многие думают, но пренебрежение наукой не религиозно, отказ изучать окружающее нас творение не религиозен... При научном знании не пустословное поклонение (Богу), а поклонение действительное; не внешнее уважение, а уважение, доказываемое пожертвованием времени, мысли и труда. Религиозная сторона науки состоит в том еще, между прочим, что она одна может дать нам верное понятие о нас самих и о наших отношениях к тайнам существования. В то время, как она показывает нам все, что можно знать, она показывает и границы, за которыми ничего нельзя познать. Не догматическими положениями учит она нас невозможности понять конечную причину всех вещей, а ясно направляет нас к познанию этой невозможности, приводя нас во всех направлениях к границам, которых нам нельзя перешагнуть. Больше, чем что-либо другое, убеждает она нас в незначительности человеческого ума в сравнении с тем, что превышает его. Относительно преданий и авторитетов людей она держит себя, пожалуй, гордо, но пред непроницаемым покровом, открывающим Абсолютное, она покорна: и гордость и покорность ее истинны»¹²¹. Итак, по словам Спенсера, гордость ума пред Божеством – это признак его недостаточного развития, но ничто так не смиряет ум, как настоящая наука. В этом смысле знаменитый математик Паскаль делает глубокое замечание: «Последний шаг разума – признать, что есть бесконечное в вещах, превышающее его силу, – и если он не доходит до этого познания, то, значит, он очень слаб»¹²². Другой мыслитель, и именно основатель так называемой эмпирической философии, основывающейся на точном знании, Бэкон, замечает: «Мы должны расширять свой ум до возвышенности Божественных таинств, а не заключать последних в тесные пределы нашего разума». Таким образом, как в нравственной, так и в

научной области, смирение выше гордости и носит в себе задаток будущего, безграничного развития. И наоборот, по словам мыслителя Амиеля, «гордость – ограничение ума», или, как учит св. Иоанн Златоуст: «величайшее безумие – считать себя мудрым»...

И даже представители позитивизма, в лице Литтре, ученика самого Конта, вынуждены заявить: «Беспредельность тесно связана с нашим знанием и, однако же, недоступна для знания. Это океан, волны которого вечно бьют о наши берега, но пуститься в который мы не можем, так как у нас нет ни лодки, ни паруса».

Итак, напрасно в наше время, под прикрытием христианской религии, или во имя ложно понятых ее нравственных требований, некоторые объявляют войну царству науки, считая его враждебным по отношению к царству Божию. Здесь или ложь, или печальнейшее недоразумение. Мы уже видели, что настоящая наука не отдаляет человека от Бога и веры в Него. Если же мы из этой области исповедания веры сойдем в область чисто нравственных отношений, то и здесь увидим, что истинные и всемирно признанные представители научного знания всегда стояли за нравственные начала. Мы могли бы привести здесь чрезвычайно глубокие, меткие и образные выражения знаменитых мыслителей древнего и нового времени, но довольно указать одного-двух ученых представителей нашего века, еще здравствующих, чтобы убедиться в справедливости сказанного. «Наука, – говорит известный химик Бертло, – обладает двумя силами: одной – нравственной, другой – материальной; и та, и другая захватывают все области человеческих отношений... Наука утверждает несокрушимые основы морали, правила для поведения, опирающихся на неумолимые законы, нарушение которых грозит гибелью целым народам, как и отдельным лицам»¹²³. Не могу не привести слов нашего русского ученого профессора Бекетова, который в своей книге «Естествознание и нравственность», в выражениях и более ясных, и гораздо более теплых и сердечных, убежденно и горячо высказывает мысль о том, что только злоупотребление наукой может привести людей к безнравственным воззрениям. По его мнению, «основы христианской нравственности прямо подтверждаются точной наукой. Поэтому, нормальная жизнь человека, и с научной точки зрения, есть нравственно-христианская жизнь. Если, будто бы на основании науки, разные публицисты готовы выводить чуть ли не законность грабежа, то ведь это в истории человечества не новость. Развратники и всякие прожигатели жизни отлично умеют толковать в свою пользу разные отвлеченные теории и тем оправдывать себя». «Но при добросовестном знакомстве с наукой они перестали бы выставлять эгоизм

высшим принципом нравственности и борьбу с ближними взамен любви к ближнему. Наука открывает те пути, которыми вселенский закон, созданный и утверждённый Божеством, ведет человечество к совершенству, насаждает в душе человека, помимо его воли, чувство справедливости, переходящее, наконец, в христианскую любовь – высшее проявление христианской нравственности. Таким образом, наука самым действительным способом укрепляет основной принцип нравственности, провозглашенный человеку Божественными устами Спасителя. Науке, – так заканчивает свою книгу профессор, – предстоит и в будущем все с большей и большей силой развивать в человечестве истинное религиозно-нравственное чувство. Задача ее – помогать великим силам природы, установленным Создателем, вести человека к совершенству»¹²⁴.

Так говорят представители науки об отношении ее к христианской нравственности. Мы видим, что и в этом вопросе наука и религия идут рука об руку, и наука ведет нас к тому же свету, правде и добру, которые составляют содержание и конечную цель христианства, как царства Божия на земле: и она, под знаменем истины, объединяет людей различных национальностей, званий и состояний в одну великую семью, в царство мира и братства на земле; и она дает побуждения к нравственному совершенствованию, к исполнению нашего человеческого назначения на земле.

Таким образом, ваши предстоящие занятия на открываемых с нынешнего дня публичных лекциях должны способствовать делу христианства, укрепить в вас основы нравственности и общественной и личной.

Что требуется общественной моралью? Требуется, чтобы каждый из нас проявил любовь к ближнему, служение общему благу, любовь к отечеству и доставление ему наибольшей пользы всеми находящимися в нашем распоряжении средствами. Без сомнения, одна наука сама по себе бессильна создать в человеке нравственное настроение, бессильна породить самую нравственную энергию. Это – дело религии. Но наука снабжает добрую волю и энергию человека сведениями и указаниями относительно источников или причин того или иного зла, которым полна наша жизнь; она указывает средства и цели для нравственной энергии и правильные пути ей.

В этом отношении нравственный человек, вооруженный знанием, – неоценимое сокровище для общества. Опираясь на благородную деятельность таких людей, наука уже внесла много добра в жизнь человека и не перестанет быть благодетельною силою жизни и в будущем. Деятели

науки всегда будут находить высшее побуждение в служении ей и неиссякаемый источник нравственного удовлетворения – в содействии благу человечества, в служении человечеству, страдающему невежеством, неправдою, бедностью, болезнями. Это останется и высшей нравственной целью науки. «Ведь весь смысл жизни и все значение любви к ближнему в настоящих условиях исчерпываются тем, что в религии называется искуплением, а в обычном языке – борьбою со злом. Но наука как раз именно ставит себе целью возможно лучшее устройство жизни личной и общественной путем хорошо вооруженной борьбы с разного рода злом, как бедность, несправедливость, пороки и преступления»¹²⁵.

Что такое, далее, нравственность личная? Она состоит в совершенствовании нашего собственного духа, его способностей, в развитии нравственной личности. Она неизбежно должна исходить из сознания превосходства духовной жизни пред чувственной. В ней – основа и общественной нравственности: обществу нужны люди с твердыми убеждениями и правилами, с определенными идеалами. Кто хочет принести добро людям, будь прежде всего сам хорош. Но можно ли на этом пути выработки нравственной личности и нравственного закона отрицать значение науки и научных занятий? Свободное время вы теперь будете отдавать учебным занятиям: уже то одно, что это может отвлечь вас от занятий пустых, легкомысленных, а иногда и предосудительных, одно это будет иметь огромное значение в смысле нравственном. Но самое занятие наукой есть занятие облагораживающее, просветляющее, гуманизирующее; оно развивает вкус к тем насаждениям познания, которые, без сомнения, дают перевес духовной стороне человека пред чувственной; оно неизбежно способствует духовному повышению личности и открывает путь к сознательному и любовному усвоению нравственных идеалов; оно, наконец, закаляет дух и дает ему умение настойчиво, твердо и успешно достигать высших духовных целей существования.

Вот почему мы призываем вас к нравственному отношению к открываемым публичным лекциям. Справедливо, что новым часто называют то, что на самом деле старо, только «хорошо забыто». Но в деле нашем, с этой стороны и новом и старом, пусть не будут забыты уроки прошлого; не станем закрывать глаза на ошибки этого прошлого, а они, к сожалению, бывали, и они-то, по нашему разумению, во многом обуславливали, между прочим, быстрое охлаждение к широкому просветительному движению, о котором я выше упоминал. Приветствуя радостно оживление этих неумирающих ни при каких условиях порывов к

знанию, мы должны твердо помнить, что если знание становится во враждебное отношение к религии или нравственности, к обществу или отечеству, то оно роет себе могилу. Такое знание называется так только по недоразумению; на самом деле, оно служит вывескою умственной и нравственной незрелости.

Призывая вас к нравственному отношению к открываемым научным занятиям, мы открыто заявляем, что науку нужно брать чистыми руками, приступать к ней нужно с чистым сердцем. Библейский мудрец говорит: *«Птицы слетаются к подобным себе, и истина обращается к тем, которые упражняются в ней»* (Сир. 27:9). Этим самым мы вам, господа, первые слушатели лекций, вам, а не иному кому, вверяем и поручаем их судьбу. От вас зависит упрочить их существование; от вас зависит привлечь к ним всеобщее сочувствие; от вас зависит рассеять недоверие и сомнения, с которыми многие относятся к новому делу. Сомневаются в искренности и долговечности ваших желаний учиться; сомневаются в усердии, которое вы должны будете проявить; боятся этого смещения полов мужеского и женского; боятся, как бы среди вас не появилось какой-либо дурной пропаганды; вы, а не иной кто, вы делом, а не словами, должны будете показать несостоятельность этих опасений и оправдать доверие и надежды тех благородных работников-учредителей этих курсов, которые, в глубокой вере в облагораживающую силу науки и в лучшие свойства человеческой природы, находят решимость к своим трудам прибавить еще труд и упорный, и нелегкий.

Позвольте мне заключить речь глубоко-поучительным наставлением апостола: *«Никто да не обольщает вас пустыми словами... Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе: поступайте, как чада света, потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине. Испытывайте, что благоугодно Богу, и не участвуйте в бесплодных делах тьмы... Смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы. Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия»* (Еф. 5:6–11, 15–17). *«Все испытывайте, держитесь доброго»* (1Фес. 5:21).

Теперь же призываем вас к молитве, а затем – к бодрому и неустанному труду. Аминь.

Подвиг спасения на водах¹²⁶

Благословением архипастыря нашего и желанием почтенных представителей Общества, которое сегодня торжествует праздник двадцатипятилетия своей человеколюбивой деятельности, призываюсь я к слову в настоящие знаменательные минуты, в этой необычной обстановке, прямо в виду того места, где не раз проявлялось и исполнялось дело «спасения на водах»...¹²⁷ Когда я обдумывал, что сказать здесь по долгу служителя слова в назидание одним, в похвалу и благодарность другим, то мне ясно представилось, что лучшим учителем нашим в данном случае может служить многовековой опыт Церкви в связи с живой наличной действительностью.

Перенесемся мыслью на мгновение ко временам глубокой христианской древности. Вот где-нибудь в уединенном частном доме, в подземной катакомбе, или в другом потаенном месте собралась община христиан на свою святую молитву. Вот в молитве разгораются и пламенеют сердца, и возвышенная любовь христианская вспоминает пред Богом о всякой душе христианской, скорбящей и озлобленной, милости Божией и помощи требующей... С тоскою озираясь вокруг, богомольцы не видели в своей среде многих братьев: одни взяты на суд и мучение за исповедание веры, другие сосланы уже в дальние края или захвачены в плен врагами; те остались дома ради нужд житейских, те лежат, прикованные к одру болезни, а иные, «прежде отшедшие», покоятся в сырой земле до общего всем восстания... О всех болит сердце христианское, за всех и вся несетя молитва к Престолу милосердия, – но какая это мольба упреждает все другие, и о ком из бедствующих прежде всего вспоминает, следуя голосу любви, слово общецерковного «прилежного моления» (ектении, литии)? О плавающих, путешествующих... Господу помолимся!

Да, тяжелы были тогда всякие путешествия, но тяжелее и опаснее всех – плавание по морю. И в мольбе о плавающих виделся христианам Спаситель, утишающий бурю и спасающий апостолов от смерти и кораблекрушения, виделся Спаситель, подающий руку помощи тому апостолу, который взмолился к Нему словами: «Господи, спаси меня, я утопаю!» Молитва веры чего сделать не может? Древние сказания переполнены повестями о том, как в море плывущим и люто страждущим на призыв молитвы являлась небесная помощь, и в этот подвиг человеколюбия облечены были особо избранные святые, среди них

Пресвятая Богородица и святитель Христов Николай-Милостивец.

С того далекого времени многое изменилось в жизни. Науки и искусства далеко шагнули вперед по части всестороннего улучшения человеческого быта, по части улучшения и условий путешествия. Но и доселе, верная духу и преданиям глубокой древности, св. Церковь хранит свое моление о плавающих и возглашает его за каждой службой. Ибо как ни велика разница между прежними кораблями и лодками и нынешними огромными пароходами, все же и доньше остается верным и метким присловие нашего народа: «Кто в море не бывал, тот и горя не видал, тот и Богу не маливался»... Слишком уж слаб человек пред грозной водяной стихией в час ее гнева и бешенства: оттого жуткое чувство одиночества и бессилия охватывает всякого непривычного при первом плавании по морю, даже тихому и спокойному; оттого с таким напряженным вниманием и болезненной чуткостью останавливается всякий на известии о том или другом несчастье на реке или на море. И если вообразить себе все ужасы гибели какого-либо судна, в роде «Русалки» 6 лет назад, или «Бургони» прошлым летом; если представить себе эти душу потрясающие вопли о помощи погибающих отцов, матерей, малых детей, весь этот смертельный ужас и смятение и трагическую смерть; если представить себе оставшиеся осиротелые семьи – этих несчастных, которым не дано даже утешение увидеть тела дорогих покойников; если вспомнить, что число гибнущих на водах в одной России, по статистическим данным, простирается до 8000 человек в год, то как не приветствовать благородные сердца и любящие души, что приходят на помощь бедствующим? Как не порадоваться, что число членов Общества спасения на водах достигает почтенной десятитысячной цифры, что Первым Членом записан Государь Император, а покровительство над Обществом приняла на себя Государыня Императрица! Как не благодарить Общество, которое, судя до отчетам его, прославилось поразительными случаями истинно-самоотверженного спасения погибающих, которое предупредило до 900 случаев крушения судов, спасло от гибели более 10000 человек и содержат до 1300 пунктов и учреждений для помощи утопающим!

В районе деятельности местных членов Общества, в Тифлисе и Тифлисской губернии, нет и не может быть таких грандиозных несчастий, какие мы видим на морях; зато на наших водах, на этой, например, реке, что вы видите пред собой, нет и плавания на усовершенствованных судах: опасность здесь непосредственно близка, и гибель плавающих так же возможна и в такой же примитивной – в смысле предохранения от опасности – обстановке совершается, как в дни далекой древности. В

последние 12 лет Тифлисское Окружное Правление Общества сосредоточивает свою деятельность исключительно в пределах г. Тифлиса и Тифлисской губернии. Если принять во внимание, сколько помощи оказано было здесь, на Песках, во время бывших наводнений; если принять во внимание, что здесь, на этой самой реке Куре, за последние 12 лет утонуло 203 человека и спасено Обществом 450 человек, – то, полагаем, всякому ясно, что деятельность Общества достойна полного сочувствия и поддержки. О милосердии сказано, что оно изобретательно на добрые дела, что «различен милованья образ и широка заповедь сия» (Златоуст). Дело спасения утопающих говорит само за себя, оно не нуждается в том, чтоб его заносить в нарочитые списки добродетелей или напоминать о нем милосердию христианскому. Что, если бы, братие мои, сейчас здесь вдруг раздались с реки вопли и крики погибающего: «Спасите, спасите, утопаю!» Чье бы сердце не сжалось мучительно и не облилось кровью? Чья бы душа не заныла от горя и жалости? И вдруг бы один из нас, бросившись в воду, на наших глазах вытащил и спас погибающего: сколько бы радости засияло у всех на лицах, сколько бы искренних похвал и горячей благодарности получил великодушный спасатель!

Братья мои! В нравственной оценке деятельности исчезают времена и сроки, места и обстановка. Читая отчеты тифлисского кружка деятелей Общества, видишь много раз и ежегодно эти подвиги спасения, только неприметные и скромные, не кричащие и не картинные... Воздадим же Обществу полной мерой почтительной благодарности, искреннего сочувствия и деятельной материальной помощи. Человеколюбивая деятельность Общества нуждается в расширении и в Тифлисе, и в губернии; везде для нее требуются затраты, постоянные и немалые материальные средства для поддержания и расширения существующих спасательных учреждений, для основания новых, для содержания рабочих лодок, спасательных приборов и проч. Стыдно и позорно будет, если в многолюдном и богатом городе нашем и во всей губернии не найдется достаточно лиц, сочувствующих не только вообще полезному и доброму, но и поистине святому делу помощи гибнущим на водах! Стыдно будет, если это святое дело, за недостатком средств и сочувствия, по необходимости, должно будет сокращаться и постепенно замирать! Где же будет наше христианство, где будут культурные успехи нашего времени и нашего края, где будет наше общественное развитие, – все то, о чем мы любим говорить с таким достоинством и так часто? Правильное общество, развившееся на христианских началах, имеет ту особенность, что среди него всегда находятся люди, которые умеют отдать свою жизнь за жизнь

другого. *«Больши сея любви никтоже иматъ, да кто душу свою положить за други своя» (Ин. 15:13)*, от нас же требуется не пожертвование жизнью, а пожертвование незначительной частью материального достатка ради бедствующих и погибающих. Будем же *любить не словом или языком, но делом и истиною (1Ин. 3:18)*.

Св. Церковь, по Духу любви Христовой, всегда готова сочувствовать и содействовать всякому полезному предприятию, все равно, где бы оно ни происходило, хотя бы это было в области самых простых и ежедневных наших нужд; тем более радостно и усердно, в молитвенном предстательстве, призывает она благословение Человеколюбца-Бога на святое дело спасения погибающих на водах, как на дело человеколюбия по преимуществу. Но *«всяко деяние благо, и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов» (Иак. 1:17)*: слово апостола. Вспомним и слово Господа Иисуса: *«Без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15:5)*, Он первый благостный Спасатель утопавших, ставший некогда на корме тонувшего корабля, ставший некогда пред апостолом, утопавшим в пучине водной стихии, – Он да станет ныне между нами и Его небесное благословение да будет на всех деятелях и сотрудниках Общества спасения гибнущих на водах! Аминь.

Помощь голодающим¹²⁸. Завет Христов

Когда дети соберутся ко гробу отца, когда близкие и любящие соберутся вместе вспомнить дорогого покойника, то прежде всего они считают своим долгом узнать его последнюю волю, последнее завещание. Эту священную волю, эту священную просьбу решится нарушить разве только безнадежная и закоренелая в порок совесть, разве только самое зачерствелое сердце.

Братие и дети! Во гробе лежит, в мертвецех вменися ради нас умученный Спаситель. Во гробе наш Учитель, наш Друг, наш Брат и в то же время наш Господь и Царь основанного Им среди нас духовного царства. После всех ужасающих терзаний духа и тела спит Он сном мертвенного покоя – весь язва, весь страдание и мука, спит, зане предал дух Свой Богу и Отцу, и зане все уже Им совершишася... Склонилась увенчанная тернием глава, упокоилось окровавленное, истерзанное чело, смежились скорбные очи и молчат Его уста; молчат уста, но вещает сердце, и голос Его достигает до наших времен и будет слышимым, и властным, и громким до скончания века. Оно вещает об Его последней воле, которую Он завещал нам в час тягчайшей муки, когда на тайной вечери, в виду скоро грядущей смерти, Он вел последнюю, прощальную беседу с учениками. И сейчас, когда Спаситель наш возлежит пред нами изображенный как мертвец, на груди у Него вы видите книгу Завета, а в ней эта предсмертная к нам просьба: *«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга... По тому узнают вас, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин. 13:34–35). И заповедь не только дана, но и подтверждена и исполнена прежде всего в лице Самого Завещателя. По единой любви и благодати воплотился Он и пришел в грешный и гибнущий мир; ради единой любви и благодати жил Он среди людей, благодворя и поучая, – и ради единой и безмерной любви и благодати, невинный, умер Он на кресте в искупительном подвиге, в несказанных мучениях духа и тела, и ныне видится во гробе. Не для мертвого хранения в памяти только, не для одного повторения только в слове дал Он и нам Свою заповедь; не для одного бесплодного знания завещал последнюю волю. Он говорит нам: *«Образ Я дал вам, да последуете стопам Моим»* (Ин. 13:15; ср. 1Пет. 2:21); *«имеющий заповеди Мои и соблюдающий их, тот и любит Меня»* (Ин. 14:14, 21). И смотрите, как скоро сказались и плоды Его завета: как только Он умер Сам, уже около Него явились любящие сердца, и любовь учеников принесла Ему не одни горячие слезы, не одни слова глубокой

любви и сожаления, но и чистую плащаницу, но и пелены, и новый гроб, и обильные ароматы.

Найдем и мы сегодня средство выразить Ему любовь и показать, что мы – ученики Его; найдем и мы сегодня средство подражать святым погребателям Христовым и принести Ему духовные ароматы, и обвить Его угодной Ему плащаницей и чистыми пеленами. Он Сам некогда указал отдельно дела завещанной Им любви: алчущего напитать, жаждущего напоить, одеть нагого, принять бездомного, посетить больного и заключенного; Он Сам при этом сказал, что сделанное этим меньшим Его братьям, собственно сделано Ему Самому (Мф. 25:31–45).

Братие и дети! В лице меньших братьев и ныне алчет и жаждет наш Спаситель, и к нам, к Своим ученикам, искупленным кровию Его, во имя заповеданной Им любви, простирает руки и просит нашей помощи. Не в одной, а во многих губерниях России теперь голод. Голод усиливается именно теперь, когда к весне истощены все зимние запасы; грядущая Пасха, светлый день радости христианской, вместо радости, обещает голодному люду одну скорбь, одно страдание. Несутся к нам оттуда вопли отчаяния и душу потрясающие призывы. Вместо моего пасторского слова, послушайте скорбное слово пастыря другого, живущего непосредственно посреди ужасов голода и излишнего думы и скорби наболевшей души своей в письме, которое теперь перепечатано во многих газетах¹²⁹. «Господи, Господи, вразуми и научи, что мне сделать с нуждающимися! Душа моя скорбит смертельно, видя толпы народа, идущие к моему дому с просьбой о помощи. Плачут, кланяются в ноги, говорят: «Добрый наш батюшка, не дай помереть! Ради Самого Создателя помоги! Вот, батюшка, моя семья три дня не ела, силы нет ходить, а ребяточки кричат: мама, хлеба! мама, есть хочу!.. Родимый батюшка, дай ради Бога хотя фунтиков 5 муки, настряпаем ржаных лепешек и душу отведем». Вот, благотворители-христиане, вот что мне, служителю престола Божия, приходится видеть. Вникните, православные, в нужду бедствующих, не евших по три дня! Вообразите себе невинных детей, кричащих с душу потрясающим плачем: мама, хлеба! мама, есть хочу... Но чем я и как окажу пособие? Боже мой, вот еще сейчас пришла толпа, вручила список голодающих: 49 семейств, 281 крайне нуждающихся. Вразумите же, научите, что мне делать?! Ради Бога, ради Господа, ради Царицы Небесной, помогите, помогите, помогите скоро!»

Вот вам голос непосредственного свидетеля несчастья. Знаете ли вы, дети, что такое нужда безысходная, знаете ли вы, сколько ужаса в этом слове: голод? Можете ли себе представить малюток и подростков,

изнывающих от желания что-нибудь поесть, хоть корку сухого хлеба, которого нет в доме и на стороне купить не за что? Представьте себе это именно теперь, когда везде в домах у нас идут приготовления к наступающим светлым праздничным дням, когда у нас всего будет вволю, когда наши столы будут ломиться от кушаний, – и каждый будет занят своей радостью? «И когда мы в радости своей будем делить с родными и друзьями наш хлеб пасхальный, когда будем тысячи раз возвещать друг другу священную весть воскресения, – в это время где-нибудь – и не в одном месте, во мраке и холоде убогого жилища несчастная мать вдова, томимая нуждой, прижмет, рыдая, к груди голодных малюток своих»¹³⁰. И до нее донесется величественный гул звона пасхального, и ее душу осветит свет воскресения и ее сердце вспомнило из далекого беспечального прошлого великие дни великой пасхальной радости христианской, и она, забывшаяся на минуту в общем забытии мировой радости, поцеловала головки спящих малюток своих; но затем, затем... когда проснулись они и залепетали; «мама, хлебца, мама, есть хочу», вспомнила она, что ничего не может дать им, даже облитого слезами куска черствого хлеба. Так для того ли раздастся тысячекратно; Христос воскрес и – воистину воскрес?! Для того ли в светлый день Христов будет царить духовный восторг молитвы в наших храмах, где все именоваться будут братьями, где даже ненавидящим и обидящим простится все воскресением?! Для того ли, наконец, этот предлежащий во гробе Божественный Мертвец оставил нам Свою последнюю волю и дал предсмертный завет любви взаимной?! Сюда, сюда, к нужде и голоду обратим мы сегодня взоры свои с деятельною, сколько можем, помощью! Кое-что здесь уже сделано для взрослых нуждающихся¹³¹.

Сегодня же, в этом храме, принадлежащем детям, в этом месте молитвы детской, соберем наши посильные лепты в пользу голодающих детей-школьников в тех местностях, которые пострадали от неурожая. Отрем каждый слезы хоть одного несчастного: это будет лучшей данью, лучшим поклонением и лобзанием Умершему Господу, завещавшему нам Свою предсмертную волю: «*Сие заповедую вам, да любите друг друга*» (Ин. 15:17). Это не помешает, не омрачит и нашей радости Его грядущего Воскресенья; напротив, и возвысит ее, и восполнит новой радостью чистой, светлой и духовной! Аминь¹³².

Помощь голодающим ¹³³. Звание христианское

Ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами, В те дни пришли из Иерусалима в Антиохию пророки и один из них предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, который и был при кесаре Клавдии. Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие к братьям, живущим в Иудее, что и сделали, послав собранное к пресвитерам через Варнаву и Савла (Деян. 11:26–30).

Приведенные слова взяты из нынешнего апостольского чтения, которое вы слышали за литургией. Эти слова, в связи с прочитанными сейчас другими местами из апостольских посланий¹³⁴, переносят нас к тем далеким временам, которые переживала Церковь Христова в первые дни своего существования, к тем временам, когда, среди гонений и преследований, первыми верующими, первыми горячими и беззаветно преданными Христу учениками устраивался внутренний распорядок церковной жизни и на все века широко намечались те пути, по которым должна была пойти эта жизнь в последствии.

Нарочно я подчеркиваю последнюю мысль. Церковь Христова вечна не только по своему непрерывному существованию, имеющему продолжиться, по слову апостола, дондеже Христос придет (1Кор. 11:26); не только по своей неодоленности даже вратами адовыми, по обетованию Христа (Мф. 16:18), – но и по тем внутренним вековечным основам веры, любовью споспешествуемой (Гал. 5:6), которые неизменно развивались и развиваются в исторической ее жизни. Отказаться от этих основ для Церкви – это то же, что дереву оторваться от своего корня, или человеческому организму совершенно отрешиться от своего пережитого прошлого... Это невозможно.

Таким образом, время, к которому переносит нас слышанное сегодня апостольское чтение, может быть названо отдаленным разве только в количественном смысле, в смысле большого числа протекших лет; но по существу своему, по внутреннему духу, по качественной стороне жизни христианской оно близко, оно должно быть близко и общецерковному сознанию, и сознанию каждого отдельного верующего. Не напрасно мы в слышанных словах апостольского чтения находим краткое, но знаменательное замечание о том, что ученики в Антиохии, о жизни которых идет речь в этом месте книги Деяний Апостольских, *впервые стали называться христианами*, – именем, которое навеки осталось за

верующими, которое остается и за нами, без сомнения, не как мертвый звук, а как живое свидетельство единства духа новых христиан с древними. В противном случае, удерживать это имя было бы бессмысленно.

В виду этого духовного родства нашего и неумирающей связи с древними христианами, чрезвычайно важно и чрезвычайно поучительно знать, что же прежде всего заметно проявилось у тех, которые впервые назвались христианами? Какие черты жизни, какие нравственные стремления их прежде всего остановили на себе внимание Св. Луки, писателя книги Деяний Апостольских?

Момент, на котором Св. Лука останавливает наше внимание в своем повествовании об устройстве первенствующей Церкви трудами апостолов, был моментом чрезвычайной исторической важности. Юная Церковь христианская, вначале как бы повитая пеленами еврейства, изумительно быстро растет, множится, зреет и мужает, вырастает, наконец, бесконечно шире самого еврейства, обращаясь в силу всемирную, всеобъемлющую... Замечательно, что чудная, сверхъестественная быстрота этого роста совершается под воздействием гонений и преследований. Верующие, гонимые в Иерусалиме, рассеялись по окрестным странам, дошли до Финикии, Дамаска и Кипра, везде проповедуя евангелие, но сначала только иудеям. (Деян. 11:19). Наконец, под влиянием этих проповедников, в Антиохии Сирийской, в богатом, людном, международном городе, в центре умственной и торговой жизни Востока, совершается событие, имевшее решительное влияние на судьбы Церкви: христианство здесь приобрело многочисленных последователей из среды язычников и, таким образом, образовало первую общину-церковь верующих не из евреев¹³⁵. Апостолы из Иерусалима посылают сюда для утверждения новообращенных Варнаву, который приглашает к себе на помощь ап. Павла, и трудами их учреждается в Антиохии великая и славная Церковь, в которой и дано в первый раз верующим знаменательное имя христиан. Это было великой победой над Иудейской исключительностью, которая силилась заключить христианство в тесный круг еврейства и сделать его чем-то вроде иудейской секты; это было великой победой над духом обособления и разделения, которые сковывали смертельными путами жизнь древнего человечества; это было осуществлением торжественного завета Христова: *шедше в мир весь, проповедуйте евангелие всей твари (Мк. 16:15); шедше научите вся языки (Мф. 28:19)... наченше от Иерусалима и даже до последних земли (Лк. 24:47 и Деян. 1:8)*. Древний мир был мир без любви. Ему во многом можно удивляться; пред ним за

многое можно склониться в почтительном изумлении; он достиг величайших успехов в философии, в искусстве, в государственном строении, он произвел великих мужей и героев; но в этом мире сердцу человеческому было душно и тесно; в нем не было этой любви, все оживляющей, которую апостол называет «совокупностью всех совершенств» (Кол. 3:14), а Спаситель поставляет главной отличительной чертой своего учения: *по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Ин. 13:35)*. Победой над этим миром христианство было обязано, главным образом, силе служащей и деятельной любви, и те, которые в Антиохии в первый раз назвались христианами, первые же и показали, что любовь, заповеданная Христом, немедленно среди них дала свои плоды. Наступил страшный голод, – несчастье, которое время от времени посещало римскую империю. (Св. Лука, писатель кн. Деяний Апостольских, как очевидец и современник, указывает время этого голода при Клавдии кесаре. Историки относят это несчастье в римской империи к 41 и 42 гг. по Р. Хр.). В торговой и богатой Антиохии голод этот не был так страшен, но для земледельческой Палестины, с ее бедным и довольно густым населением, он был поистине ужасен. Как будут вести себя новообращенные Антиохийские христиане из язычников? Не скажется ли в них дух старой обособленности языческой, по которой даже живущий по ту сторону реки – уже враг?¹³⁶ Не проявится ли в них старый эгоизм, помышляющий только о своем покое и о личной выгоде? Не скажется ли в них старое язычество, по понятиям которого милосердие считалось не избытком силы, как в христианстве, а признаком душевной слабости?¹³⁷

Наконец, не скажется ли в них по отношению к голодающим Палестины это давнее презрение к Иудеям, к народу, имя которого в то время на языке римлян и греков было знаком всего низкого и обращено было в ругательство?¹³⁸

Нет, вера Христова вытравила в их душах языческое жестокосердое, и огнем воодушевленной любви расплавил те ледяные преграды, которые в древнем мире лежали между отдельными людьми и между отдельными племенами. Мы видим, что антиохийские христиане, никем не побуждаемые, по движению собственного сердца, вручают Варнаве и Савлу свои пожертвования в пользу голодающих братьев в Палестине. То же самое мы видим потом во время проповеди ап. Павла в самом центре язычества – в Македонии и Греции; и здесь христиане с таким же усердием давали пособия нуждающимся братьям палестинским. И в дальнейшей истории Церкви мы знаем такие поразительные примеры, что

верующие, по свидетельству Оригена, налагали на себя пост, ничего не ели в продолжении известного времени, и оказавшиеся таким путем сбережения пересылали и передавали нуждающимся.

Все, что написано, в наше научение преднаписано, говорит слово Божие (Рим. 14:4). И о подвиге христианской благотворительности мы слышим и читаем у священных писателей для того, чтобы не только умилиться духом пред величием, простотой и щедростью прежнего деяния христианского (заметьте, у апостола во 2Кор. 8, среди похвал усердию жертвователей нет ни одного имени), но и для того, чтобы самим проникнуться сожалением к бедствующим и голодающим братьям и придти к ним с деятельной помощью. Вы знаете, что несколько губерний внутри России с русским и инородческим населением поражены голодом. Нужно ли говорить, что с наступлением весны положение крестьян этих губерний значительно ухудшилось? Нужно ли говорить, что после того, как съеден весь хлеб, прирезан на пищу скот и продано все, что можно продать, – вместо прежнего недоедания, уже настоящий голод, смертельный голод постучался в двери к несчастным? Слово церковное не нуждается в искусственных примерах для возбуждения чувства сострадания: оно обращается к христианскому чувству верующих, которое способно представить и понять весь ужас несчастья. Представьте же себе самую простую картину. Вот семья; раннее утро; просыпаются дети, встают взрослые; вчера был съеден последний скудный кусок хлеба; хочется есть; взрослые угрюмо молчат, непонимающие дети поднимают крик; хлеба и ничего съедобного нет; старшие ушли выпросить, достать где-либо, – и возвращаются с пустыми руками, потому что кругом везде голод. Наступает время обеда, нужно накрывать стол, стол стоит пустым, муки голода усиливаются в привычный час принятия пищи... Что же делать, что делать? Вот до чего доходят, судя по газетным известиям: семья затапливает печь и нарочно с угаром ее закрывает; все ложатся в избе, все приходят в состояние бессознательности и до следующего мучительного дня, по крайней мере, не чувствуют приступа голода. Работать? Но не всегда найдется работа, да голодавший, обессиливший, какой работник? Наконец, голод вызывает болезни. И вот страшные вести идут из пострадавших губерний: там к бедствию присоединились голодный тиф и цинга; там в жилищах смрад от болезней; там смерть ежедневно уносит свои жертвы. На помощь пришло правительство; все епископы епархий, расположенных в местностях, пострадавших от неурожая, открыли подписку в пользу голодающих. Но и кроме этого, многие благородные, самоотверженные труженики во имя блага народного

находятся теперь среди бедствующих и взывают к нам о помощи: «Поскорее дайте средств, поскорее и во время шлите помощь!» Только великий духом народ, только великий во смирении, в терпении и покорности воле Божией народ не дойдет в таких страшных обстоятельствах до отчаяния, до исступления, до преступности... Нужно спасти этот народ. Неужели сытый голодного не понимает? Но это правило не про христиан писано. Неужели нужно напоминать, что страдают наши братья по человечеству, братья по Христу, братья по отечеству, родные и единовѣрные? Но это, значит, доказывать, что сейчас день, а не ночь. Неужели нужно напоминать, что если милосердие не должно разбирать самарянина и еврея, то тем более *«не заботящийся о близких, о родных по плоти и вере»*, по слову апостола, *«от веры отвергся и хуже неверного»* (1Тим.5:8); что, по другому слову апостола, мы *«дондеже время имамы, да делаим благое ко всем, паче же к присным в вере»* (Гал.6:10)? Но это понимали даже и не христиане.

Что можем, сделаем и мы. Соберем наши лепты, примем участие, сколько можем, во всенародном подвиге помощи голодающим, которому начало положено с высоты Царского престола. Приучайтесь и вы, дети, где можете и сколько в силах, к благотворительности, которая всегда составляла лучшее украшение женщины, *«чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость»* (2Кор.9:11). Пусть не умирает в нас дух древнего христианства, и как во времена апостолов в первый день недели (1Кор.16:2), т.е. в воскресный, за богослужением собирались жертвы нуждающимся, так поступим и мы в нашем воскресном молитвенном собрании, поступим так, как поступили антиохийские верующие, первые названные христиане: *«тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, что и сделали, послав собранное к пресвитерам рукою Варнавы и Савла»*.

Рука просящего протянута: да не оскудеет рука дающего! Аминь¹³⁹.

Памяти А.С. Пушкина¹⁴⁰. Вечное в творчестве поэта

«Пусть поэт ни разу даже не назовет Бога, но лишь бы сам он знал Бога, шел к Богу, – он все равно всех и поведет к Богу, о чем бы ни говорил. Если душа поэта чиста, то и мы всегда только очистимся от соприкосновения с нею и никогда не осквернимся, какие бы нечистые, даже чудовищные образы ни представлял он нам» (Жуковский).

«Я думаю, что Пушкин – серьезно верующий, но он про это мало говорит... Жуковский сказал о нем однажды: «Как Пушкин созрел, и как развилось его религиозное чувство! Он несравненно более верующий, чем я» (Записки А.О. Смирновой).

Всякий раз, когда христиане поминают молитвой умершего собрата, – будь то младенец, или старец, будь то знатный вельможа, или безвестный простой поселянин, – Церковь всегда и неизменно возглашает умершему вечную память. Для людей вдумчивых в этом обыкновении Церкви найдется много глубоко-поучительного, глубоко-отрадного. Церковь не может отказаться от этого обыкновения, не отказавшись от одного из основных устоев христианства и всякой религии вообще, – от веры в бессмертие человеческого духа. Человек не особь только своего рода, не листик от дерева, не волна – одна из бесчисленных волн в море... Человек – это личность, и, как личность, он не может возникнуть для того, чтобы исчезнуть бесследно. Отлившись в законченный духовно-нравственный образ, определив себя здесь, в земной жизни, оставив в ней заметный или мало приметный, но все же тот или другой след, он продолжает жить и после смерти и развиваться в области иного бытия, для изображения которого у него нет ни слов в языке, ни красок, ни образов в воображении. И современники, и потомки могут забыть умершего; имя его может изгладиться быстро, не переживши и холмика земли на его безвестной могиле; но будет о нем память пред лицом Бога, для Которого нет мертвых, а все живы (Лк. 20:38); будет о нем память в молитвах Церкви, которая до скончания мира содержит в лоне материнской любви своей всякую верующую душу как богосозданную и богоискупленную, ни одной из них не считает ничтожной, и за каждую и за всех умоляет Божественное милосердие.

Сегодня мы поминаем редкого человека – христианина; поминаем человека, у которого с вечной памятью общего всем бессмертия сливается вечная память в своем народе и бессмертие в сознании лучших представителей всего человечества. И потому в настоящие молитвенные

минуты особенно знаменательно, особенно вразумительно звучит церковное возглашение ему вечной памяти.

С самых первых дней литературной деятельности имя Александра Сергеевича Пушкина стало приобретать себе славу; шли годы, расширялась его деятельность, ширилась и росла его известность. Смерть принесла ему не забвение, а еще большую славу: «Слух о нем прошел по всей Руси великой, и ныне называет его всяк сущий в ней язык». В последние двадцать лет уже в третий раз русская земля всенародно чтит своего поэта¹⁴¹, и каждый раз образ его вырисовывается все ярче и ярче, деятельность его понимается и ценится все глубже и глубже, растет и растет его имя, и мнится и видится, что память о нем становится чем дальше, тем дороже, и – «любезная народу» – будет воистину «вечная память»:

«Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль»...

Это потому, что в жизни и деятельности поминаемого поэта, очевидно, много было несокрушимого и вечного, было много неумирающего, что –

«Прах переживет и тленья убежит».

Так исполняется и в условиях земных слово апостола: *«Сеющий в плоть, от плоти пожнет тление, а сеющий в дух, от духа пожнет жизнь вечную»* (Гал. 6:8).

Что же такого вечного, несокрушимого и неумирающего было в деятельности нашего поэта?

Знаю, что не мне и не здесь говорить об его литературной деятельности в целом, не мне давать ее всестороннюю оценку после того, как столько об этом и сказано, и написано людьми, без сравнения более меня сведущими и более к тому подготовленными. И в нынешний день, без сомнения, во всех концах великой России и далеко за ее пределами этому предмету посвящены будут чтения и речи, и вы услышите сегодня оценку поэта от специальных, более опытных и умудренных ценителей.

Но есть нечто, что и уместно, и должно сказать служителю Церкви, и не станем скрывать: это «нечто» выражено прежде всего в словах заупокойного нашего моления, в котором, кроме возглашения вечной памяти умершему, чаще и настойчивее звучит: *«О еже проститися ему всякому согрешению вольному же и невольному»*... Церковь также неизменно возглашает это моление о всех своих чадах, от царя до простолюдина. Пусть не покажется оно нарушающим согласный хор похвал и славы в честь великого поэта. Прямота с искренностью,

напротив, разъяснит дело, облегчит сердце, а чрез это и на праздник наш не будут набегать унылые тени. *«Несть человек иже поживет и не согрешит»*, – говорит Церковь в оправдание своего неизменного моления. Согрешил, живя, и поминаемый писатель; согрешил и в литературной деятельности, иногда как будто бы и далеко уклоняясь от религиозно-нравственного идеала, от того, что незыблемо и вечно; согрешил, наконец, и тем, что умер жертвой дуэли, этого нелепого и нечестивого общественного предрассудка. Кто обо всем этом не знает? Кто об этом не думал, кто не говорил? Правду сказать, на эту отрицательную сторону жизни и деятельности поэта обращали больше, чем надо, внимания, так что, можно сказать, и с этой стороны «слух о нем прошел по всей Руси великой», и окружающее его и музу его туманное облако непонимания, недоумения и клеветы не совсем еще рассеялось и доньше. Нашлись и находятся особые любители, которые с рвением, достойным лучшего дела, обходя в поэте вечное и достойное, а часто и не зная и не умея понять этого вечного, с особенным наслаждением подчеркивали его слабости и недостатки, с непонятной радостью утверждали, что поэт был и ненадежным христианином, и ненадежным сыном отечества, и приписали ему много такого, чего он никогда не делал, чего никогда не говорил. Что сказать на это?

Не нужно забывать, что поэт «платит дань своему веку, когда творит для вечности» (Карамзин); не нужно забывать, что в земной деятельности человеческой высшие дары, небесные, – а ими нескучно наделил Творец нашего поэта, – проявляются в брэнной человеческой оболочке; что задача нравственной жизни есть постепенное отрешение от всего, что есть в этой оболочке низменного, чувственного, себялюбивого и жесткого; что в широте натуры лежит возможность и глубокого отклонения от нравственного идеала, но вместе и возможность самого возвышенного ему служения. Великие люди, как люди, без сомнения, глубоко иногда падают, но зато и восстают, и каются, и прошлое смывают, заглаживают, и являются опять-таки великими в своем восстании. Церковь, олицетворяя нравственный закон и нравственный суд, не закрывает глаз на эти падения великих; не скрывает греха Давида, отречения Петра, гонительства Павла, былой греховности Марии Египетской или Евдокии преподобной; но она внушает нам при воспоминаниях об усопших приводить себе на память лишь общее представление о человеческой слабости и греховности «с теплой мольбой о прощении согрешений почившего, со смиренным сознанием собственной греховности и предстоящей всем людям смертной участи».

«Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.
Своих... великих поминают
За их труды, за славу, за добро,
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют».

Только в таком смысле воспоминания об этой последней стороне жизни усопших могут быть полезны и для усопших и для живых. А иное припоминание – с осуждением, с тайными самоуслаждением, со злорадством, с какими бы то ни было нечистым и страстным отношением – это «кощунство, более преступное, чем разрывание могил и поругание смертных останков», это осквернение внутреннего духовного мира живых и нарушение вечного покоя мертвых; это, наконец, наглядное свидетельство о невысоком нравственном состоянии самих судей и тех, кто им радостно внимает¹⁴². Да и полезно ли это кому-нибудь? Нет, –

«Укажут они
Все недостойное, дикое, алое,
Но не дадут они сил на благое,
Но не научать любить глубоко».
Не справедливее ли слово поэта:
«Спящих в могиле виновных теней
Не разбуду я враждою моей?»¹⁴³.

По меткому выражению одного из великих писателей наших, Пушкин был «всечеловек» (Достоевский); по словам современного Пушкину другого великого поэта, Пушкин удивительно мог переноситься во все века, пережить, понять и художественно изобразить все душевные состояния (Гоголь). Изображая жизнь во всех ее разнообразных проявлениях, конечно, он отмечал и ее отрицательные стороны; но изобразить их хотя бы и художественно – еще не значит им сочувствовать. Может быть, однако, с этой стороны он был и виновен; виновен тем, что в его изображении всякая страсть как бы имеет право на законное существование, представлена не в отталкивающем, а иногда как будто в привлекательном виде, не заклеена огненным обличем. С нравственной точки зрения, это теневая сторона деятельности поэта. Но при всем том он был более всего поэтом не только «положительной стороны русской действительности», по выражению известного критика (Белинского), но и поэтом положительной стороны жизни вообще. Этим он особенно дорог в нашей литературе, вообще не очень богатой положительными талантами, положительными стремлениями; этим он

дорог и в воспитании юношества, как открывающий ему источник чистого, возвышенного, жизнерадостного и уравновешенного идеализма. И нельзя не признать, что с течением времени это положительное выступает в творчестве нашего поэта все сильнее, все ярче, входит в связь с его возвышенным религиозным настроением и в последние годы его недолгой жизни становится одним из основных мотивов, если только не самым основным его творчества:

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живых стихов я был полезен,
И милость к падшим призывал».

Но Пушкин, как личность, был нераздельным со своей поэзией; это в нем особенно бросается в глаза, и его глубокой искренности, необыкновенной правдивости не отрицала никакая, даже самая пристрастная и озлобленная критика. Как натура художественная, чуткая, отзывчивая, Пушкин мыслил вслух, чувствовал вслух и, так сказать, жил вслух. Его душа – это как бы механизм в хрустальном футляре, всем видный, для всех открытый. И все, что у нас обыкновенно скрыто в глубине духа и не показывается на свет Божий, все движения страстей, все грехи мыслей, – все это, при указанном свойстве поэтической природы Пушкина, было открыто для наблюдения, и все это у него выливалось в слово. Оттого в первых ранних произведениях поэта мы видим следы его неправильного домашнего и школьного воспитания, отражение окружавшей его легкомысленной жизни, видим иногда нечто несерьезное, нечто нечистое, недостойное, стоящее в противоречии с религиозно-нравственным идеалом. По его собственному признанию, –

«В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире он своей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, неги и страстей»;
сам он говорили о себе, что –
«Меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он».

«В ранних его произведениях, – говорит о нем один глубокомысленный критик-философ, – мы видим игру остроумия и формального стихотворческого дарования, легкие отражения житейских и литературных впечатлений. Но в легкомысленном юноше быстро выросла великий поэт, и скоро он стал теснить «ничтожное дитя мира». Под тридцать лет решительно обозначается у Пушкина –

«Смутное влечение
Чего – то жаждущей души», –
неудовлетворенность игрой темных страстей и ее светлыми
отражениями в легких образах и нежных звуках:

«Познал он глас иных желаний,
Познал он новую печаль!»

Он понял, что «служение музе не терпит суеты», что «прекрасное должно быть величаво», т. е. что красота, прежде чем быть приятной, должна быть достойной, что *«красота есть только осязательная форма добра и истины»*¹⁴⁴. С течением времени в нашем поэте, рядом с художником, не подавляя художника, усиливается и живет глубокий мыслитель, и плодом этой совокупной деятельности является нам наш великий Пушкин, вечный Пушкин. Как последний удар резца над великим произведением, открывая миру неувядаемую красоту души поэта, является его смерть, которая завершила и дала нам и Пушкина-христианина.

Никто из судей Пушкина не осудил так бесповоротно и не оплакал так сильно его падений, как сам же поэт: эти минуты, в которые лира его служила «звукам безумства, неги и страстей», вместо «звуков сладких и молитв», вызывали в нем глубокие сожаленья, тяжкие чувства. И тогда «струны лукавой невольно звук он прерывал, и лил потоки слез нежданных и ранам совести своей искал целебного еля». «В унынии часто помышлял он о юности своей, утраченной в бесплодных испытаньях, о строгости заслуженных упреков – и горькие кипели в сердце чувства». Он сознавал, что «в пылу восторгов скоротечных, в бесплодном вихре суеты, о, много расточил сокровищ он сердечных за недоступные мечты». Он, выражаясь его сильным языком, «проклинал коварные стремленья преступной юности своей, самолюбивые мечты, утехи юности безумной»:

«Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мне стыдно идиолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?»

В порыве покаянного чувства поэту предносится образ евангельского блудного сына, и он –

«Как отрок библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,

Увидев, наконец, родимую обитель,
Главой поник и зарыдал!»

Минуты раскаяния в прегрешениях юности были особенно горьки и томительны для поэта:

... "В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змии сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных, не смываю...
Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе в бедности, в чужих степях
Мои утраченные годы...
И нет отрады мне, – и тихо предо мной
Встают два ангела...
Но оба с крыльями и с пламенным мечом,
И стерегут... и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах вечности и гроба».

И когда он так блуждал, «часто утомленный, раскаяньем горя, предчувствуя беды», в нем назревал постепенно полный нравственный переворот. Бывали минуты уныния, когда поэт с горечью восклицал:

«Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам!»

Но это были только минуты. В общем, все же «в надежде славы и добра глядел вперед он без боязни», и все более и более звучали в нем струны того вечного, живого, высокого, светлого, святого, что мы называем религией. Много стихотворений вылилось у него в этом новом, все усиливавшемся настроении духа, – и это самые чистые, самые возвышенные создания его поэзии, вызывающие на глубокое раздумье. Так, он не пал под бременем греха и отчаянья и, не стыдясь вслух пред миром оплакивал свои паденья, не стыдился исповедовать тот символ

веры, который звучал в нем все явственнее, все звучнее, все настойчивее. Читайте его стихотворение «Странник». Как сильно изображено в нем его пробуждение к новой жизни, принятое окружающими чуть ли не за безумие; указание пути к этой жизни находит он у юноши, читавшего какую-то книгу, о которой не трудно догадаться по содержанию. «Узкий путь спасенья и тесные врата», очевидно, указаны были ему в священной книге евангелия (Мф. 7:13–14). «Как от бельма врачом избавленный слепец», увидел он свет и в нем –

«Спасенья тесные врата,
И к ним бежать пустился в тот же миг.
Побег мой произвел в семье моей тревогу:
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих.
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал.
Иные уж за мной гнались, – но я тем боле
Спешил перебежать городское поле,
Дабы скорей узреть, оставя те места,
Спасенья узкий путь и тесные врата»¹⁴⁵.

С наступлением поры полного расцвета сил, в нем замечательно ясно пробудилось и определилось религиозное сознание. Так называемое полуневерие его ранних лет было не глубоко, оно «было более легкомыслием, тем убежищем, и оно прошло вместе с другими легкомысленными увлечениями» (Вл. Соловьев). То, что поэт сказал о Байроне, приложимо вполне и к нему самому: «Вера внутренняя перевешивала в душе его скептицизм, высказанный им местами в своих творениях. Скептицизм сей был временным своенравием ума, идущего вопреки убеждению внутреннему, вере душевной»¹⁴⁶; а у Пушкина он был и временным отпечатком того уродливого в нравственно-религиозном отношении воспитания, которое он получил и которое он сам, даже в годы молодости, так беспощадно осудил, как «самое недостаточное и самое безнравственное» (в известной записке, поданной Императору Николаю I-му в 1826 г.)¹⁴⁷. Читайте его стихотворение «Безверие»; оно тем более поучительно, что написано в первый период его поэтической деятельности, когда нравственный перелом в нем обозначился еще недостаточно ясно (1817 г.). Стихотворение может быть названо

подробным раскрытием мысли древне-языческого поэта Вергилия: «Блажен, кто верует: ему тепло на свете». Наш поэт и в раннем возрасте глубоко прочувствовал истину этих слов. Он просит взглянуть па неверующего «не там, где каждый день –

Тщеславие на всех наводит ложну тень,
Но в тишине семьи, под кровлею родной,
В беседах с дружеством иль с темною мечтой.
Взгляните: бродит он с увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой...
Того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет,
Которого вся жизнь есть мрак и исступленье, –
Восплачьте вы о нем, имейте сожаленье.
Напрасно вокруг себя печально взор он водит:
Ум ищет Божества, а сердце не находит.
Лишенный всех опор, отпавший веры сын,
Уж видит с ужасом, что в мире он один,
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира.
Ужасно чувствовать слезы последней муку
И с миром начинать безвестную разлуку.
Тогда, беседа с оставленной душой,
О, вера, ты стоишь у двери гробовой.
При древнем торжестве священных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,
Тревожится его безверное мученье.
«Счастливицы», мыслит он, «почто не можно мне,
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме, и немощном и строгом
С одной лишь верою повергнуться пред Богом?»
Нет, нет, не суждено ему сей тайны знать...
Безверие одно по жизненной стезе
Во мраке вождь унылый»...

При чтении других сочинений поэта видим, что он бесповоротно отказывается от сочувствия всякому виду вольнодумства¹⁴⁸, осуждает Вольтера и его направление; библия вдохновляет его¹⁴⁹, евангелие становится его любимой книгой¹⁵⁰; он призывает Бога, допускает Его Промысл; восхищается псалмами, приводит слова Екклесиаста; в стихи перелагает молитвы, слова священного писания; молится Богу, ходит в

церковь, посещает монастыри, служит молебны; приступает к таинствам¹⁵¹; высказывает желание в память своего рождения выстроить в своем селе церковь во имя Вознесения¹⁵².

«В простом углу своем средь медленных трудов
Одной картины он желал быть вечный зритель;
Одной – чтоб на него с холста, как с облаков,
Пречистая и наш Божественный Спаситель,
Она – с величием, Он – с разумом в очах,
Взирали кроткие во славе и в лучах»,
Он чтит, благоговя, возмущаясь всяким видом кощунства, чтит –
«Христа-Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть Свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию,
Того, Чья казнь весь род Адамов искупила».

В своей лире поэт теперь находит чудные, чарующие звуки возвышенного религиозного строя. Оживают у него «отцы – пустынники и жены непорочны» со своей умильной молитвой; с великой силой утверждается значение нравственного элемента в жизни. «У всякого своя есть совесть, она проснется в черный день», говорит поэт даже о разбойниках. Возвышенным вдохновением звучат его слова о совести, влагаемые в уста скупого рыцаря и Бориса Годунова: «Совесть – когтистый зверь, скребущий сердце, незванный гость, докучный собеседник, от коей меркнет месяц и могилы смущаются и мертвых высылают; она одна среди мирских печалей успокоит, и, здравая, она восторжествует над злобою, над темной клеветой. Но если в ней единое пятно, единое случайно завелось, тогда беда! Как язвой моровою, душа сгорит, нальется сердце ядом. Ужасно!.. Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!» В наставлениях детям, в словах Бориса Годунова и Гринева-отца, поэт обнаруживает глубокое, согретое теплым сочувствием и убежденное понимание основ религиозно-нравственной жизни; выступают у него в произведениях люди истинной чести и долга («Капитанская дочка»), и поэт сумел найти их среди неприметных героев нашего смиренного прошлого; рисуются у него женские образы непорочной чистоты: эта Татьяна, что «молитвой улаждала тоску волнуемой души», и эта набожная, душевно-привлекательная дочь бесстрашного и скромного в подвиге героя-капитана. В своих произведениях, проникая в глубь истории, поэт входит в духовное общение с многовековой жизнью целого народа и затем с мыслью и жизнью всего человечества. Здесь прошлое не представляется ему

«мертвую скрижалью» ищет в нем смысла и той внутренней связи, по которой прошедшее является основой для будущего; постигает он здесь цену религии, этой вековой основы жизни и в истории человечества и в истории родины.

«Религия, – говорит он, – создала искусство и литературу; все, что было великого в самой глубокой древности, все находится в зависимости от религиозного чувства; без него не было бы ни философа, ни поэзии, ни нравственности»¹⁵³. Величаво выступает у него патриарх Иов, как представитель древней русской церкви; привлекательными чертами рисуется инок Пимен-летописец. Значению духовенства и духовному образованию приписывает он высшую государственную важность (Т. VII, стр. 45); признает благодетельное значение для России православия¹⁵⁴; заявляет, что «в России влияние Церкви было столь же благотворно, сколько пагубно в землях неправославных; что, огражденное святыней религии, духовенство наше было посредником между народом и высшею властью; что монахам русские обязаны нашей историей и просвещением» (Т. VII, стр. 61). Изучив глубже историю России, он уразумел великий подвиг власти в деле строения Русской, земли, понял глубоко-политический и философский смысл нашего единодержавия¹⁵⁵, и признательными стихами отвечал на подвиги царей, вождей и правителей народа, осудив бунты и измены: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»¹⁵⁶. Самое рабство народа, крепостничество, которое поэт ненавидел всей душой, в его воображении рисовалось «падшим по манию царя», а не путем насильственного переворота¹⁵⁷. По его словам, «те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молодцы, или не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим и своя шейка – копейка, и чужая головушка – полушка»¹⁵⁸.

Теперь и жизнь не кажется ему, как прежде, «даром напрасным и случайным». Известно, что на это унылое стихотворение московский архипастырь, митроп. Филарет, в свою очередь, написал ответное стихотворение, глубокомысленное и истинно-христианское: «Не напрасно, не случайно, – жизнь от Бога мне дана». Пушкин с величием покаянного чувства писал архипастырю:

... "Ранам совести моей
Твоих речей благоуханных,
Отраден чистый был елей;
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,

И силой кроткой и любовной
Смиряешь гордые мечты.
Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт».

И уж не смерть призывает он к себе: душа полна замыслами творений новых, в которых скажется просветленный дух поэта, «отвергший мрак земных сует». Правда, и теперь «день каждый, каждую годину привык он думой провожать, грядущей смерти годовщину меж них стараясь угадать»; и теперь «минувших лет угасшее веселье ему тяжело, как смутное похмелье, и, как вино, печаль минувших дней в его душе была чем старе, тем сильней; сулило ему труд и горе грядущего волнуемое море»... «Но не хочу», – говорит он, –

«Не хочу, о, други, умирать!

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»...

Это он писал, по словам биографов, как раз пред тем, когда женитьбой полагал предел жизни старой и начинал новую, просветленную. Он понял значение страдания, а это значит понять и христианство. И слово его оказалось пророческим: страданиями проразумел он смысл жизни и, наконец, смысл смерти; трехдневные страдания после дуэли окончательно укрепили его дух и сделали его зрелым для жизни новой, вечной.

Но остановимся на короткое время, и от литературных произведений Пушкина перейдем к его личности, как она являлась наблюдательному взору его лучших и более вдумчивых современников и последующих ценителей. Здесь мы увидим опять, что поэзия Пушкина была нераздельна с его личностью и, при его глубокой искренности, сливалась совершенно с его жизнью.

Пушкин всегда производил на всех его знавших впечатление огромной умственной силы. Это был «ум здравый, живой, трезвый, уравновешенный, чуждый всяких болезненных уклонений» (Вл. Соловьев). Таким в годы молодости показался он Императору Николаю I-му, который после первого свидания с поэтом сказал: «Сегодня я беседовал с самым замечательным человеком в России». Таким он казался лучшим русским людям, современникам его: Гоголь, Вяземский, Плетнев, Жуковский – это все его друзья и почитатели. Иностранцы утверждают то же. Французский посол Барант называет его «великим мыслителем»¹⁵⁹; Мицкевич говорит о нем: «Пушкин удивлял слушателей живостью, тонкостью и ясностью

ума... Речь его, в которой можно было заметить зародыши будущих его произведений, становилась более и более серьезной. Он любил разбирать великие религиозные и общественные вопросы»¹⁶⁰. Но и при таком постоянном уме всем бросалось в глаза, что Пушкин в последние годы как-то особенно вырос. Очевидно, то, что вылилось в его стихотворениях, его религиозно-философское настроение, охватило его всецело. «В последнее время, – говорит о нем Гоголь, – набрался он так много русской жизни и говорил обо всем так метко и умно, что хоть записывай каждое слово: оно стоило лучших его стихов; но еще замечательнее было то, что строилось внутри самой души его и готовилось осветить пред ним еще больше жизнь». Другой великий писатель, – кроткая, благочестивая и вдумчивая, чистая душа, – В.А. Жуковский, после одной беседы с Пушкиным, оставшись в кругу друзей, заметил о нем: «Как Пушкин созрел, и как развилось его религиозное чувство! Он несравненно более верующий, чем я». «Я думаю, – говорит А.О. Смирнова, в записках которой мы находим приведенные отзывы, – я думаю, что Пушкин серьезно верующий, но он про это мало говорит». Глинка рассказал мне, что он застал его однажды с евангелием в руках, причем Пушкин сказал ему: «Вот единственная книга в мире: в ней есть все». Вышеупомянутый Барант сообщает Смирновой после одного философского разговора с Пушкиным: «Я и не подозревал, что у него такой религиозный ум, что он так много размышлял над евангелием». По словам кн. Вяземского, поэт наш находил неистощимое наслаждение в евангелии и многие священные тексты заучивал наизусть; «имел сильное религиозное чувство, был проникнут красотой многих молитв (особенно любил покаянную великопостную, которую и переложил стихами), знал их наизусть и часто твердил их»¹⁶¹. А вот благоговейный отзыв Пушкина о святых: «Воля создавала, разрушала, преобразовывала... Ничто не может быть интереснее истории святых, этих людей с чрезвычайно сильной волей... За этими людьми шли, их поддерживали, но первое слово всегда было сказано ими»¹⁶². С этими словами, которые дошли до нас в записках современницы, почитательницы Пушкина, вполне согласуются оставшиеся черновые рукописи поэта: из них мы видим, что Пушкин в конце жизни тщательно изучал жития святых, Четии-Минеи и Пролог, откуда делал выписки, переложения и проч.

В 1835 году он принимает участие и советом и самым делом в составлении «Словаря исторического о святых, прославленных в Русской Церкви», а в следующем году дает об этом словаре отчет в своем журнале («Современник»); здесь он делает краткий обзор нашей литературы этого

рода и высказывает «удивление по тому поводу, что есть люди, не имеющие никакого понятия о жизни святого, имя которого носят от купели до могилы». Замечателен по глубине и разумению духа библейской религиозной морали отзыв Пушкина о пророке Моисее. Личность Моисея всегда поражала и привлекала его: «Это пророк, царящий над всей историей народа Израильского и возвышающийся над всеми людьми. Моисей велик в совершенно другом роде, чем греческий Прометей. Он не восстает против Вечного, он творит Его волю, он участвует в делах Божественного Промысла... Он видит Бога лицом к лицу. И умираете он один пред лицом Всевышнего»¹⁶³. Уразумев с этой стороны сущность и величие библейской нравственности в исполнении Высшей воли, поэт уразумел и другую близкую истину христианства – учение о глубокой поврежденности человеческой воли, о первородном грехе и силе зла. Беседуя однажды о философском значении библейского образа духа тьмы, искушителя, Пушкин заметит: «Суть в нашей душе, в нашей совести и в обаянии зла. Это обаяние было бы необъяснимо, если бы зло не было одарено иногда прекрасной и приятной внешностью»¹⁶⁴. Об этой стороне зла и сам поэт в одном из своих стихотворений говорит: «Сомнительный и лживый идеал, волшебный демон, – лживый, но прекрасный».

Нам остается теперь сказать о смерти поэта, которая завершила его нравственное перерождение. Кто хочет знать об этом захватывающие подробности, того мы отсылаем к бесподобному по глубине мысли и чувства рассказу Жуковского, друга Пушкина и свидетеля его трехдневной предсмертной агонии. Нельзя читать без глубокого умиления, как терпеливо переносил поэт свои ужасные страдания, о чем говорил, как щадил покой домашних, как благословлял детей, как готовился к смертному исходу. Умирая, он выразил желание получить последнее христианское напутствие в исповеди и причащении, от чего, мы знаем, не отказывался он и раньше. «За кем прикажете послать?» – спросили его. Он отвечал: «Возьмите первого ближайшего священника». Между тем начались его ужасные страдания. Боль от полученной раны возросла до высочайшей степени; то была настоящая пытка. Лицо страждущего изменилось; взор его сделался дик; казалось, глаза его готовы были выскочить из своих орбит; чело покрылось холодным потом; руки охолодели; пульса как не бывало. Больной испытывал ужасную муку, и здесь-то необыкновенная твердость его души раскрылась в полной мере. Готовый вскрикнуть, он удерживался, боясь обеспокоить близких... Когда боли утихли, началась последняя исповедь и предсмертное причащение. По словами кн. Вяземского, священник, совершитель таинства, «со

слезами говорил ему о благочестии, с коим умирающий исполнил долг христианский». «Трехдневный смертельный недуг, разрывая связь его с житейской злобой и суетой, но не лишая его ясности и живости сознания, освободил его нравственные силы и позволил ему внутренним актом воли перерешить для себя жизненный вопрос в истинном смысле. Что перед смертью в нем действительно совершилось духовное возрождение, это сейчас было замечено близкими людьми»¹⁶⁵.

«Особенно замечательно то, – писал Жуковский, – что в эти последние часы жизни он как будто сделался иной: буря, которая за несколько часов волновала его душу, исчезла, не оставив на ней следа; ни слова, ни воспоминания о случившемся». «Но это не было потерей памяти, а внутренним повышением и очищением нравственного сознания». Когда его товарищ, и секундانت (на дуэли), – рассказывает кн. Вяземский, – пожелал узнать, в каких чувствах в Геккерну он умирает и не поручит ли отмстить убийце, то Пушкин отвечал: «Требую, чтобы ты не мстил за мою смерть; прощаю ему *и хочу умереть христианином*».

Жуковский так описывает первые минуты после смерти поэта: «Когда все ушли, я сел перед ним и долго смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо. Это не было ни сон, ни покой; не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу, не было также и выражение поэтическое. Нет, какая-то важная, удивительная мысль на нем разливалась, что-то похожее на видение, на какое-то *полное, глубоко-удовлетворяющее знание*»...

Трехдневным страданием, трехдневным этим крестом совершилось до конца его нравственное созревание и перерождение, как некогда на Голгофе совершилось перерождение распятого с Иисусом после покаянной молитвы. Мы видим здесь окончательное торжество духа в нем и его примирение с Богом.

«Я уверяю, – говорит Жуковский, – что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась в нем и прежде, будучи свойственна его высокой природе; но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец *нашего Пушкина*».

Наш Пушкин умер рано; умер не в ослаблении мысли и деятельности, не уставший от жизни, не изживший своего ума и энергии; умер, еще будучи в состоянии совершить гораздо более того, чем сколько он сделал.

«Пушкин – выше своих произведений; наиболее совершенные его создания не дают полной меры его сил». Такова точка зрения литературной критики. Но мы, поминая поэта, поминаем в нем человека-христианина. С этой точки зрения, жизнь человека ценится не количественно, а качественно, и момент смерти есть дело Божьего Провидения. «Пожив в мале, исполнь лета долга... От Господа исправляются стопы мужу».

Поэзия, эта «религии небесной сестра земная, лекарство душ, безверием крушимых», привела Пушкина «к нетленной той завесе, которою пред нами горный мир задернут»¹⁶⁶, в то время, когда душа его созрела в христианском смысле окончательно, когда путь земного очищения им был пройден. Дал бы поэт еще нам что-либо великое, и что именно, или уж не мог дать, – это, собственно, вопрос ненужный, бесполезный. Но то, что он оставил по себе, то, чем он сам был в своих воззрениях, в своей личности, в своей смерти, дает нам залог для светлых христианских чаяний и упований. Он вечному служил. Пусть же в памяти нашей сохранится из жизни и деятельности поэта только то, что по существу своему достойно вечности: не слабости, увлечения и падения, а то, в чем выражается вечная нравственная природа духа. Пусть то, что сеял он в плоть по немощи, по греховности, от плоти пожнет смерть и тление и в памяти людской пусть будет забыто и похоронено. А то, что сеял он в дух – разумное, духовное, вечное – пусть склонит к нему милость Предвечного, пусть от духа пожнет ему жизнь вечную и среди людей даст ему вечную память!

Памяти А.С. Пушкина¹⁶⁷. Идеализм в жизни

Святой апостол Павел, останавливая внимание христиан на их высоком призвании, обращает их взор к Начальнику и Совершителю нашего спасения – Иисусу Христу, и в виду Его славного Вознесения дает верующим такой завет: «*Вышних ищите, идеже Христос, одесную Бога сядя; горняя мудрствуйте, не земная*» (Кол. 3:1–2). Вот и поучение нам в нынешний праздник. Оно приобретает особую силу и особое значение в настоящие дни, когда вы, учащиеся дети, призваны чествовать великого нашего поэта и переноситься мыслью к его деятельности¹⁶⁸. Чем силен поэт? Чем сильна поэзия? Без сомнения, тем, что она возносит душу человека над миром принижающей суеты, очищает и окрыляет ее высшими запросами, высшими интересами. Выражаясь языком священного писателя, и поэзия учит нас вышних искать, горняя мудрствовать, а не земная. Недаром св. апостол Павел, образованнейший человек своего времени, когда выступил на проповедь евангелия высокопросвещенным эллинам, то в подтверждение своего слова ссылаясь не на их глубокую философию, а приводил не раз в своих речах стихи греческих поэтов. Недаром и среди величайших отцов и учителей Церкви нашей было столько лиц с высоким поэтическим даром (наприм., Григорий Богослов, Иоанн Дамаскин), и даже более того: почти все наше величавое и умиленное богослужение, не говоря уже о псалмах, есть одна возвышенная священная поэзия и на первоначальном языке большей частью написано стихами.

Я не без цели заговорил об этом. Наше время не без основания обвиняют в черствости, в сухости и бессердечии. Один из наших отечественных мыслителей¹⁶⁹ считает характерной чертой нашего времени «нравственную скудость при огромном умственном богатстве». «Душа, – говорит он, – видимо, оскудевает в людях и в их взаимных отношениях. Быстро исчезает та добродушная веселость, то радостное настроение, та нравственная бодрость, которые сближают людей, устанавливают между ними прочные связи, поднимают общежитие и с которыми живет так легко даже при самых трудных и прискорбных обстоятельствах».

Так говорит наш отечественный мыслитель, а на дальнем Западе не так давно умерший всем известный философ¹⁷⁰ характеризует жизнь современности почти буквально тождественными словами: «Душа убывает в людях»...

Неутешительны последствия этого явления: недостаток духовности, принижение интересов, мелочность стремлений, оскудение идеализма породили сухость и черствость жизни, одиночество, себялюбие в людях и то всеобщее недовольство жизнью, которое разрешается в наши дни поражающим числом самоубийств¹⁷¹. «Никогда общественная жизнь, по-видимому, не была так развита, и никогда не чувствовалось душе так одиноко посреди этого шумного многолюдства» (Кавелин). Скучно и тоскливо, холодно и неприветливо среди умных людей, постигших мудрость века умом и оставивших сердце в духовном голоде... Тем большую важность должны приобретать в глазах наших все пути, ведущие к восстановлению идеализма в жизни; тем драгоценнее должны становиться для нас все средства, содействующие поддержанию и укреплению идеалистических чувств в душевном строе человека. В ряду таких средств и одним из самых действительных является поэзия, художественное словесное творчество, «лекарство душ, безверием крушимых, крыло могучее, подъемлющие родные ей сердца на высоту»¹⁷². В этом нравственный и воспитательный смысл тех торжеств, которые теперь совершаются в учебных заведениях, совершатся сегодня и у нас, в гимназии.

Но никогда не нужно, дети, забывать, что поэзия есть «религии небесной сестра земная», и если она одинока и разрывает родственную связь с этой сестрой, то всегда она будет и бессильна, и бессодержательна. Все высокое, светлое и чистое получает источник и освящение в религии: без нее возвышенные идеалы поэзии и спорны, и изменчивы, и ненадежны. Вот почему религиозные мотивы мы видим у всех сколько-нибудь выдающихся поэтов. Нужно сказать еще более: без религиозности можно быть только стихотворцем, но не поэтом.

Таким образом, поэзия, которая ныне достойно прославляется в лице великого А.С. Пушкина, только тогда может оказать на вас облагораживающее, возвышающее влияние, когда она будет стоять в неразрывной связи с религией.

В день Вознесения Господня напоминаем вам эту истину. Воспоминаем ли мы самое начало искупительной деятельности Христа Спасителя, в день празднования Рождества Его, нам Церковь говорить: «Христос на земли – возноситеся»¹⁷³; «сего ради высокий Бог на земли явился человек, да нас на небеса возведет»¹⁷⁴. Стоим ли мы у самого конца искупительной деятельности Богочеловека, – в праздник Его Вознесения еще с большим правом, еще с большей настойчивостью поучают нас: «Вышних ищите, горняя мудрствуйте, не земная».

Возносите же ко Христу вознесшемуся; отдавайтесь молитвенному общению с Богом; проникайтесь, пламенейте религиозными мыслями и чувствами; не стыдитесь ложным и преступным стыдом отдаваться вашим религиозным порывам, к которым так склонны невинное отрочество и чистая юность, – и тогда и ученье, и поэзия, и литература, и все вами изучаемое, действительно, явится для вас воспитательной силой, созидающей и развивающей духовный мир ваш; иначе все это будет только упражнением ума и памяти, да обогащением языка красивыми словами и фразами. Но ведь *дух животворит, плоть же не пользует нимало* (Ин. 6:63); но ведь *плоть и кровь царствия Божия не наследят* (1Кор. 15:50); но ведь *помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир* (Рим. 8:6). Итак, всегда и везде, и при всех обстоятельствах да будет нам близок нынешний урок апостола: «*Вышних ищите, иде же Христос, одесную Бога сидя; горняя мудрствуйте, не земная!*» Аминь.

Памяти А.С. Пушкина¹⁷⁵. Заветы поэта

С этого священного места, с которого не раз вы слышали слово назидания, в этом нашем школьном храме, в котором вы собрались сегодня на трогательную добровольную благодарственную молитву, примите теперь наш привет и поздравление с окончанием нелегких трудов учения, с окончанием курса гимназии.

В знаменательный год и под знаменательными воспоминаниями оканчиваете вы труды своего школьного образования: разумеет только что отпразднованное у нас юбилейное торжество в честь нашего великого поэта. Недаром же учащиеся, оканчивающие в настоящем году курс учения, по крайней мере, в нашем городе, с замечательными единоподушием, без всякого официального указания, дают себе название «пушкинского выпуска». По поводу юбилейного празднования вы уже слышали с церковной кафедры и о значении дела и личности А.С. Пушкина, и о значении поэзии вообще, как носительницы и хранительницы высокого и чистого идеализма, столь необходимого юности, – того идеализма, которым нужно запастись вам теперь, в ваши молодые годы, чтобы не затеряться и не разменяться в суете и мелочах жизни. Но и теперь, в этой прощальной речи, напоминаем вам некоторые заветы великого поэта, на которых уместно остановиться именно в настоящие минуты, и которые применимы к вашему положению.

Прежде всего пожелаем вам, при конце ваших учебных занятий, гореть чистой, возвышенной любовью к просвещению, к самообразованию и к просвещению других, – той любовью, которую мы видим у нашего поэта. Помните, что в деле умственного и нравственного развития вашего, кто остановился на одном месте, тот неизбежно пойдет назад; кто остановится только на том, что дала ему гимназия; кто не будет стремиться к самоусовершенствованию, кто не будет стараться быть светом для других, – тот обнаружит чисто внешнее отношение к науке, тот окажется недостойным звания истинно-просвещенного человека, тот зарует данный ему талант в землю, как раб злой, лукавый и неблагодарный. От всей души желаем вам, по слову нашего поэта, познать и полюбить «и тихий труд и жажду размышленья»; желаем вам, чтобы во дни наступающей свободы от обязательных урочных учебных занятий вы, взглянув на изображение поэта на своих аттестатах, которые сейчас получите, могли применить к себе его слова:

«Владею днем моим, с порядком дружен ум;

Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне"¹⁷⁶.

Подобно поэту, познайте прелесть духовных наслаждений, удовольствие и сладость умственного труда, наслаждение в работе мысли, в работе над созданием внутреннего духовного богатства; как он, учитесь

—
«В истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить»,
почаще обращаться «к оракулам веков», о которых говорит поэт, что голос их «гонит лени сон унылый и рождает жар к трудам».

В этих грядущих трудах самоусовершенствования желаем вам от души много, много раз еще испытать то светлое чувство удовлетворенности, которое, без сомнения, вы переживаете в настоящие минуты при окончании труда, потребовавшего от вас целых годов усилий мысли и душевного напряжения.

Я не стану повторять вам того, что говорилось здесь в день юбилейного празднества о религиозно-нравственных воззрениях нашего поэта; на этом мы в свое время остановились достаточно. Но не могу не напомнить, особенно тем из вас, которые по выходе из нашей школы прямо вступают в жизнь, не могу не напомнить остерегающего слова поэта:

«О, люди, жалкий род, достойный жалости и смеха,
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенья
Поэта приведет в восторг и умиленье!»¹⁷⁷.

Жизнь, действительно, часто смешивает мишуру, гнилую и дешевенькую, с чистым и ценным золотом; жизнь, действительно, часто, поклоняясь внешнему успеху, громким фразам, модным затверженным мнениям, принятым обычаям, огульному большинству, налагает печать рабства на свободный дух человека и слепит ему духовные очи. Вас учили Верховной Истине, Верховному Добру. Служите же истине и добру, ищите не минутного, а вечного; цените людей и самих себя и все в мире не по внешнему успеху, а по внутренней ценности; сумейте вовремя разглядеть под громким словом пустоту, под блестящим и ярким ярлыком ничтожность содержания, а под простой внешностью, часто под

непризнанным со стороны большинства или даже гонимым словом сумеете, когда нужно, вскрыть и найти драгоценную внутреннюю суть.

Мера определения этой сущности вещей была указана вам в нашей школе. Повторим ее словами поэта¹⁷⁸.

«Религия, – говорит он, – создала искусство и литературу; все, что было великого в самой глубокой древности, все находится в зависимости от религиозного чувства; без него не было бы ни философии, ни поэзии, ни нравственности». «Вот книга, – говорит поэт об евангелии, – единственная книга. В ней все есть: в ней каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и к происшествиям мира; из нее нельзя повторить ни одного выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицей народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного. Но книга эта называется евангелием, – и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, прельщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие».

И сейчас, в настоящие минуты, вы слышали «божественное красноречие» этой книги, это трогательное и глубоко назидательное повествование об исцелении десяти прокаженных, которые учат нас благодарности¹⁷⁹. Отдаваясь сейчас молитве, в конце умственных трудов, вы показываете, что храните чувство благодарности к Богу. Храните же это святое чувство всю жизнь, перенесите его и на то учебное заведение, которое вас воспитало. Благодарная любовь к родной школе – это требование благородного сердца, это ваш нравственный долг, это, наконец, ваша собственная польза. Те, которые пренебрежительно забывают школу, или, легкомысленно осуждая ее, только радуются уходу из-под ее крова, сами не знают, какого драгоценного дара они лишаются. Всякая школа, как учреждение живое, имеет свой облик, свои предания, свое особое, как бы таинственное, благотворное воздействие на учащихся; тайна этого воздействия открыта любви и преданности и совершенно сокрыта от равнодушия и холодности. Любовь к школе поможет вам усвоить ее успехом все наилучшее, чему она вас учила, и остаться верными до конца ее заветам религиозности, трудолюбия и одушевленного служения ближнему; благодарная любовь к школе не позволит вам растерять в жизни лучшие дары свои и даст вам силы удержаться от падения при встрече с соблазнами и испытаниями; благодарная любовь и память о школе, наконец, доставит вам много отрадных минут в будущем. Пройдут

годы и, может быть, не один десяток лет, и вдруг, после многих и многих треволнений, превратностей и испытаний, кто-либо из вас, уставши от жизни, в час уныния, в скорби, в одиночестве вдруг встретит свою подругу детских незабвенных лет учения. Какие польются тогда тихие и сладкие речи; как, ярко оживая, восстанут давно отошедшие образы; какой свежестью и силою весны жизни повеет на душе, – и слезы, чистые, святые, живительные слезы, оросят усталую душу и обновят, окрылят ее неумирающими воспоминаниями.

И во всем этом наш поэт может служить вам примером. Чувство доброго товарищества, под кровом которого вы прожили здесь много лет, – чувство товарищества, эту первооснову широкого, разумного и сердечного человеческого общения, поэт наш воспел в звучных вдохновенных стихах. Нередко вспоминал он своих товарищей по учению и свою родную школу в Царском Селе с горячим чувством любви и благодарности:

«Нам целый мир – чужбина,
Отечество нам – Царское Село.
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подняв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим»¹⁸⁰.

Да позволено будет мне сделать здесь маленькое отступление. Один из литературных преемников Пушкина¹⁸¹ в поэтической форме описывает собрание добродетелей у Верховного Существа. Все добродетели были между собой близки, родственны и знакомы. Только две из них, как оказалось, совершенно не знали одна другую. Верховное Существо, в изображении поэта, взяв за руку одну из этих добродетелей, подводит ее к другой и знакомит: «Благодетельность», – сказала оно указывая на первую. «Благодарность», – прибавило оно, указав на вторую. Обе добродетели несказанно удивились: с тех пор как мир стоит, они встретились первый раз.

От всей души желаем вам не быть в числе тех, к которым применимо это грустное и нелестное для человечества поэтическое изображение! От всей души, и не для себя, а для вас же самих, желаем вам сохранить самые добрые чувства к воспитавшей вас гимназии. Но воспоминания о ней пусть не будут воспоминаниями только о стенах и вообще о внешней форме обстановки, лиц и событий вашего учебного времени. Но пусть по преимуществу будут вам памятны те семена вечного, живого, высокого, доброго, чистого и светлого, что сеялись вам здесь не скудно. И дай Бог, чтобы вы через много лет имели право в применении к себе повторить

слова, недавно высказанные на юбилейном торжестве одного учебного заведения от лица его питомцев: «Что нам гимназии дала, то в нас и есть: Бог, церковь, родина, гуманность, совесть, честь». *«Прочее же, братие моя, елика суть истина, елик честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляйте... сия творите, и Бог мира будет с вами»* (Флп. 4:8–9).

«Бог же мира, возведый из мертвых Пастыря овцам великого кровию завета вечного, Господа нашего Иисуса Христа, да усовершит вас во всяком добром деле, к исполнению воли Его, творя в вас благоугодное пред Ним Иисус Христом, Ему же слава во вки веков! Аминь» (Евр. 13:20–21).

Добро ли нам zde быти?¹⁸²

На горе Преображения три апостола, избранные из братии своей, видели блистающую славу Иисуса, моего Господа и Спасителя. И вот один из них, Петр, восхищенный видением, воззвал к Тебе, Господи: *добро нам zde быти!* Где нашел ты добро, св. апостол? Где восхотел ты обитать, ученик Христов? В теле ты был, или вне тела? На земле ты восхотел жить, или духом уже обитал на небе?

Но если бы он говорил о небесном, а не о земном, то не продолжил бы речи своей, не сказал бы: *«сотворим себе три сени: Тебе едину, Моисею едину и едину Или»...*

Итак, добро ли нам здесь жити, здесь, на земле, братия мои? Повторим ли и мы слово и пожелание апостола?

Да, возлюбленные, добро нам и zde быти, добро обитать на земле! Добро – наше милое, невозвратное детство, чуждое тяжких тревог, изнурительных трудов, забот и печалей, когда дух веселился, тело цвело здоровьем, требовало игр и забав, легко жилось, легко верилось.

Добро – наша юность, краса жизни, светлый праздник бытия моего! Взглянешь в промчавшийся миг этой юности, – засмеешься радостно... Как легко жилось тогда, как легко думалось и работалось! Как легко открывался ум для познания, сердце – для любви к людям, воля – для труда и грядущего подвига жизни! Как легко сходилась с людьми, как создавались заветные думы, слагались стройными идеалами жизни, и ясными очами любовно, бестрепетно смотрел в глаза загадочной жизни, на порог которой вступал бодро, исполненный сил и надежд!

Добро и ты, мое мужество, – годы труда, годы осуществления того, о чем мечтал, исполнения того, что сложил в сердце для будущего; годы создавшейся семьи, возросшей из любви, годы первых успехов в жизни общественной, годы работы любимой, сознательной, которой отдавался весь безраздельно, весь без остатка... Крепко любилось, крепко работалось!

Добро ли и ты, грядущая старость? Но пока пришел я к тебе, много было такого, что отравило чашу радости жизни. То правда, что как заглянешь в молодость, – улыбнешься радостно, но и то правда, что как посмотришь в другой раз, – так от стыда закроешься руками... Да и мужество мое сколько раз язвилось стрелой людской зависти, людского недоброжелательства, сколько раз увидело себя обманутым, сколько раз должно было сознаться, что раньше думалось ошибочно, а то, что затеяно,

оказалось то напрасным, то непосильным, когда разбивалось о собственное мое непонимание, о собственную мою неумелость, а то о лень, нерадение. А сколько терял в это время близких, дорогих и любимых, которые сходили в могилу, шли в путь всея земли, в страну неведомую, назад своих жертв не отдающую, и как всякий раз при прощании с ними, при воспоминаниях о них приходило на мысль, что тот же и мой конец – неумолимый, неотвратимый... И каким холодом обдавало тогда все существо мое, как мелко, недостойно, ничтожно казалось все, за чем гонялся, как за ветром в поле, что считал своим счастьем, чего добивался с трудом и изнурением: богатства, славы, людских почестей! Но особенно страшно тогда становилось при воспоминаниях о том, что и назвать стыдно, о чем людям поведать совестно, – о грехах моей мысли, извращенных чувствах, о похотении тела, чувственного, растленного. Но, видно, и ты – добро, старость грядущая! Ибо не хочется умирать, и, говорят, чем больше стар, тем больше умирать не хочется... Живет человек, хилый и немощный, прикованный часто к одру, наполняя день вздохами и стонами, проводя ночь бессонную только в помыслах о прошедших днях здоровья и крепости, – а жить все хочется...

Да, ты добро, самая жизнь моя, от начала до конца, вся ты добро, потому что Богом создана, Богом целью осмыслена, Богом к счастью предназначена. Где этот смысл, где путь к этому счастью? *Аз есмь путь и истина и жизнь*, – слышим мы слово Христово в евангелии. *Сей есть Сын Мой возлюбленный*, – услышал с неба и ты, св. апостол, когда воззвал на горе Преображения: *добро есть нам zde быти*. Да, в Нем, во Христе, в Его учении, в Его жизни, в Его искуплении, только в Нем добро истинное, только с Ним свет – невечереющий, немеркнувший, только с Ним и счастье безысходное, бесконечное, ничем не омрачаемое...

Но если так, то зачем же гнетут меня скорби житейские, болезни и немощи старости, зачем страшит смерть грядущая – неизбежная? Ведь там-то встречу я Его, Христа моего и Спасителя, встречу и увижу *не яко зеркалом в гадании, но лицом к лицу!* Ибо и Сам Он сказал, отходя на небо: *«Возьму вас к Себе, не оставлю сырыми! Иду уготовать место вам, да идеже буду Аз и вы будете. Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Мя веруйте, в дому Отца Моего обители мнози суть»*. Итак, если это тело, сия хижина духа распадается, то мы имеем уготованное от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный и вечный. При свете этой мысли и самая жизнь наша есть добро только относительное, только напоминающее оное добро вечное, небесное. Прекрасны детство, юность,

мужество, но прекраснее без конца тот образ бытия несказанного, недомыслимого, где не будет уже старости и дряхлости, слабого младенчества и вообще никакого телесного возраста. Прекрасен здесь Божий мир и небо голубое, высокое, и земля со всеми тварями, море лазурное, степь широкая, леса дремучие, горы, реки, звезды небесные, – вся природа, Богом назданная. Но прекраснее, о, как прекраснее та скиния Бога с человеками (Откр. XXI), где не будет солнца и луны, где отрет Господь всякую слезу человеческую в граде, не имеющем стен, и храме, где будет покровом нашим Сам Агнец Божественный, Господь Иисус, где будет новое небо и новая земля, на которых воцарится вечная правда...

Добро, воистину добро *там* нам быти, и лицезрети Бога, в союзе любви с нашим Спасителем, в сообществе наших родных и присных – святых Божиих, суцу краугольну Самому Иисусу Христу!

И чем дальше живешь, чем больше умираешь для этой мишуры и обмана жизни, чем явственнее познаешь всю эту суету и крушение духа, – тем чаще возлетаешь в эти небесные обители и жаждешь преобразить существо свое, разрешиться и со Христом быти. Преобразился и весь пребыл в свете Господь, Начальник нашего спасения, – преобразусь некогда и я, – и, полный света, вступлю в царство света – Христа, облеченный в одеяние веры и добрых дел. Но сие – тогда только, если здесь во все дни моей жизни памятовать буду слово, реченное Отцом о Сыне апостолам на горе Преображения: *Сей есть Сын Мой возлюбленный: Того послушайте.*

Да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе!

Просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси нас! Аминь.

Старая пословица одного из старейших в мире народов о том деле, которому мы сейчас полагаем начало молитвой, выражается так: «Ученье в молодости – резьба на камне, а в старости – черчение на песке». Без сомнения, вы хорошо понимаете, какая мысль выражена в этих глубоких и остроумных словах и как она применима к нашему настоящему положению; без сомнения, вы хорошо понимаете, что нужно воспользоваться временем весны вашей жизни и отдаться учению всецело и безраздельно, приступить к нему с настроением серьезным, относиться к нему вдумчиво, приложить к нему все старание.

Но, начиная сегодня дело учения, мы ведь подразумеваем под этим не одно только усвоение тех или других познаний, а весь учебно-воспитательный строй и порядок жизни нашего учебного заведения, а сюда относится далеко не одно только обучение в узком смысле этого слова. Ведь понятие о человеке образованном и просвещенном никто не ограничивает только суммой его познаний, – и если бы школа занималась одним только обучением и преподаванием научных истин, если бы учащиеся исключительно в этом видели задачу, осуществлению которой должны быть отданы самые дорогие годы юности, то, без сомнения, дело школьное понято было бы крайне односторонне, и вместо ожидаемой пользы могло бы принести существенный вред. Правду сказать, тогда бы оно было слишком легким, а самое учительство, это возвышенное, благородное и драгоценнейшее занятие, могло бы свободно и без вреда обращаться в простое ремесло. Но потому-то и признают дело школьное и занятие служителей школы чрезвычайно трудными и ответственными; потому-то в настоящие минуты мы и обращаемся к высшей Божественной помощи с особой горячей мольбой, с особым чувством смирения, – потому, что обучение тем или другим истинам науки есть только часть, правда, важная и существенная, но далеко не единственная в нашем и вашем деле. Мы не должны забывать уроков прошлого и настоящего, чтобы готовить лучшее будущее. Мы должны поэтому помнить, что история не раз была свидетельницей гибели государств и народов, в среде которых было много людей ученых и умных, но очень мало людей, созидających общее благо и готовых жертвовать для него собой; что и ныне быть умным, искусным и многознающим еще далеко не значит быть хорошими человеком и способствовать благу и счастью людей. Одни познания, как бы глубоки они ни были, это – свет, который светит, но не

греет. Мало того, опыт людей, хоть немного поживших и наблюдавших окружающую жизнь, ясно говорит нам, что наука сама по себе есть меч обоюдоострый и может быть употреблена так же во благо, как и во зло, и что ученый злодей, играющий мыслью и словом, в тысячу крат опаснее злодея неученого. Мы должны, наконец, помнить, что мало для человека знать добро, а нужно еще захотеть его и найти в себе силы осуществить это добро, победить препятствия, которые стоят на этом пути и которые коренятся и в нашем внутреннем мире – в эгоизме и лени, и в окружающей внешней обстановке. Здесь-то, в виду необходимости постоянной борьбы с искушающим злом, и становится ясно, как день, необходимость в годы воспитания образовать твердый характер, закалить волю, которая не менее, если не более, чем ум, управляет историей, движет народами, окрашивает так или иначе жизнь общественную. Люди сильной воли доведут до конца, при всех препятствиях, всякое благое начинание; они, при знании и добром направлении, оставляют вечный благодетельный след в истории человечества. Но несчастье, несчастье иметь дело с людьми безвольными, неустойчивыми, колеблющимися, как былинка в поле; несчастье доверить какое-либо дело людям, которые не могут заставить себя сделать то, что их собственный разум считает нужным и полезным, которые не сумеют даже вовремя явиться и приступить к работе, которые сами на себя не могут положиться с уверенностью, тем более – на них другие. И вот, на воспитание воли и обращены заботы школы, и это дело представляется особенно трудным, требующим со стороны воспитателей постоянной вдумчивости, большого опыта и умения, неизменной терпеливости и глубокой веры в свое дело.

Здесь-то, воспитывая и обучением и всем строем жизни школьной, работники школы часто, по слову Писания, «сеют слезами», и испытывают много, много горьких минут, которые доставляют им неразумие и своеволие, т.е. слабование учащихся, – таких минут, когда невольно опускаются в бессилии руки и в душе погасает надежда на успех работы. В довершение всего нередко и сами учащиеся, а подчас и взрослые, их окружающие, не понимают этой стороны воспитания и занимаются только отрицанием и осуждением школьных порядков. Воля нуждается в развитии посредством упражнения, которое, по законам природы, должно идти от легкого к трудному, от простого к сложному. Так, мускул, например, в руке, постепенно упражняясь, приобретает более и более крепости и силы; так, приученное к порядку и повиновению войско способно совершить чудеса геройства и самоотвержения, достигнуть цели, победить встречающиеся препятствия, что совершенно недоступно

беспорядочной толпе. Потому и семья благоразумная и благоустроенная, начиная с легкого, дает воле детей постоянные упражнения: здесь сядь, там стой, тогда-то приди, тогда-то выйди, так-то садись за стол, так-то держи себя и т.п. Потому и школа благоразумная и благоустроенная, получая от семьи самое дорогое ее достояние – детей, в союзе с семьей продолжает дело укрепления воли учащихся; отсюда подробные указания для исправления обязанностей религиозных ли то, нравственных или учебных, отсюда разные назначенные часы, условленные звонки, чтобы вовремя явиться, вовремя уйти из школы, вовремя трудиться и отдыхать; отсюда задаваемые уроки, определенные учебники, правила относительно одежды и внешности, приветствий, ответов, классного и внеклассного поведения. Все это, развивая и укрепляя волю постоянными упражнениями, подготавливает ребенка к самостоятельной жизни взрослого человека, к той жизни, в которой какое бы кто место ни занимал, на каждом шагу будет сталкиваться с долгом, с разными требованиями, правилами и предписаниями. Все это, путем постепенного перехода от легкого к трудному, от малого к великому, имеет в виду воспитать людей долга – высшая нравственная цель, к которой стремится христианская школа, следуя заповеди святого апостола: *«Да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован» (2Тим.3:17)*. Ведь только животные неразумные находятся вне всякого свободно признаваемого долга и обязанностей...

А между тем, как прислушаешься, сколько обвинений возводится на правила школьной жизни, сколько недовольства в самих учащихся, сколько нареканий – скажем прямо – и в самых семьях! Вместо того, чтобы содействовать школе в ее трудном деле укрепления воли детей, нередко окружающие их лица, заодно с неразумными детьми, повторяют неразумные речи: «К чему, говорит, все это? Зачем эти стеснения и правила, эти звонки и сроки, эти правила об одежде, наружном поведении? Есть ведь задачи поважнее, а это все пустячно, ничтожно, излишне! И зачем стеснять свободу детей?» Послушаешь учащихся: какими счастливыми представляются им лица, не обязанные подчиняться разным звонкам и школьным формальностям! Как стремятся они нередко приблизить хоть в воображении ту кажущуюся безмерно счастливой минуту, когда окончится время учения и откроется широкое поле для дела настоящего, для обязанностей серьезных... О, не завидуйте вышедшим в жизнь и освободившимся от школьных якобы стеснений! Поверьте нам, дети, наш долг тяжелее в тысячу крат, и школьная жизнь в наших воспоминаниях представляется нам, как золотое, невозвратное время,

когда все было ясно указано и определено в поведении и трудах, когда не могло быть тягостных сомнений, как поступить в том или другом случае, когда легко было быть исправным и соблюсти спокойствие духа. О, не спешите к серьезным обязанностям: настанет пора и для них, а теперь учитесь исполнять малый долг, малые обязанности! ведь кто не в силах поднять пяти пудов, как может браться за десять или двадцать?!

Поймите же необходимость и важность всего строя школьной жизни, и в настоящие минуты проникнитесь решением относиться к нему с полным уважением и с полной готовностью подчиниться ему. Не принудительного, не вынужденного подчинения хотим мы, а свободного, сознательного и любовного; не внешне формальной и фарисейской праведности ждем от вас и не пред нашими глазами, а пред лицом совести и Бога. Ведь и животное приучают к тем или другим действиям: но это выучка, дрессировка, принуждение. У человека же, существа разумного и свободного, все поведение должно носить печать сознания и свободы.

Поэтому к вам, старшие наши ученицы, особое слово и особая усиленная просьба. Вы более развиты умственно, вы более сознательно относитесь ко всему окружающему, вы поэтому должны глубже понять сказанное нами и применить к делу. От вас мы ожидаем большего усердия, большей исправности и – скажем прямо – ожидаем помощи в воспитании малых. Им вы должны подавать пример поведения. Многие из вас, специалистки педагогических классов, и сами в будущем готовятся вступить в ряды деятелей школы. Помните же, что кто не умел в свое время свободно и разумно повиноваться, тот никогда не будет уметь хорошо и разумно повелевать; кто сам тяготился правилами собственного воспитания и небрежно относился к ним, от того трудно ожидать, что он будет хорошим воспитателем других. Свечу нельзя зажечь от другой свечи – незажженной.

А все вообще будем помнить, что кто не приобрел здесь в школе, в годы юности и воспитания, религиозности, стремления к исполнению долга, трудолюбия, исправности, тот и в жизнь пойдет таким же нравственно убогим и ничтожным, тот праздно, бездельно и бесполезно тунеядцем пройдет по ниве этой жизни. Приобретайте же себе добрые привычки и склонности! Не теряйте золотого времени детства и воспитания: «в молодости ученье – резьба на камне», твердая и прочная, пред которой бессильно разрушающее влияние времени; «а в старости – это черчение на песке» гибнущее от дуновения ветра...

Вступим же бодро в подвиг труда и призовем себе молитвенно помощь вышнюю. Тот, Кто в годы детства Сам *бе повинуюся* Родителям и,

возрастая и укрепляясь духом, исполнялся премудрости под сенью благодати, в любви у Бога и людей (Лк. 2:40, 51–52); Тот, Кто жизнь Свою после лет отрочества и юности отдал трудам неустанного учительства, – да ниспошлет и нам, ученикам Своим, благодатную помощь в трудном и святом нашем деле учения. Аминь.

Крест и храм¹⁸⁴

Присутствуем сегодня, братие и дети, при знаменательном совпадении праздников. Крест воздвигаем, крест воздвигаем Господа Иисуса и радуясь возносим имя Его и Того величаем крайнее снисхождение¹⁸⁵; и храм основываем и полагаем сейчас начало его строения благословением и нарочитою молитвою. Мысль человеческая, естественно, любит искать сближения и связи в случайно совпадающих событиях; но если в делах житейских эта связь часто едва уловима и даже совершенно отсутствует, то в области религиозно-нравственных проявлений нашей жизни эта связь всегда может быть открыта и заключается в том единстве, которое дает этим проявлениям святая Церковь. Она связует их внутренним родством в единстве цели: все направлять к славе Бога и к высшему благу людей.

Но нынешнее совпадение праздников наших, можно сказать, особенно близко и доступно душе христианской. Если Церковь, основывая храм, водружает на его месте крест; если во внутреннем убранстве храма она везде помещает изображение креста и крестом же неизменно украшает и освящает решительно каждую богослужебную принадлежность; если, и закончив здание храма, она увенчивает его опять тем же крестом: то не ясно ли отсюда, что здесь должна быть связь не временная и не случайная, а существенная и постоянная? Крест и храм – это два образа, два символа, в которые облекается одно и то же содержание. Христианская мысль привыкла не отделять креста от Христа распятого, а с распятым Христом представляет она неизбежно все величайшее и таинственное дело всемирного искупления чрез кровь Христову, излианную за жизнь мира и доселе изливаемую, по вечной заповеди и обетованию Распятого, на алтарях христианских храмов. Итак, можно сказать, храм раздает только то, что приобретено крестом... и пострадавший на кресте Христос Иисус – вот Кто, объединяющий и Единый, должен заполнить наши мысли и сердца в настоящие молитвенные минуты нашего сугубого праздника.

Пусть же станет Он посреди нас, и Его небесное благословение на дело наше да снидет!

Пусть исполнится здесь, на этом месте, Его слово, сказанное некогда о храме Божиим: *дом Мой – домом молитвы наречется!* (Лк. 19:46; ср. Ин. 2:16, Мф. 21:13.)

Пусть исполнится здесь Его высокое обетование: *где двое или трое*

собраны во имя Мое, там Я посреди них! (Мф. 18:20.)

Пусть раздаётся Ему на месте этом детская чистая хвала и детское осанна, которое с любовью некогда принимал Он от детей в дни земной Своей жизни! (Мф. 21:15.)

О, призри же с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей (Пс. 79:16), и утверди, и укрепи, и возрасти, – и плодотворным сотвори до века! Аминь.

Суд земной¹⁸⁶

На заре истории древнего Израиля, вышедшего из рабства египетского и направлявшегося к новой свободной жизни к осуществлению своего мирового призвания, его престарелый и умудренный опытом вождь ясно провидел для горячо любимого народа тяжелое, полное опасностей будущее. Что было нужно дать этому народу в пустыне, посреди окружающих врагов-кочевников? Что было нужно дать народу, чтобы сделать его способным войти в обетованную землю Ханаана, удержать там посреди многообразных влияний основы своего религиозного быта, свою духовную физиономию, и затем – послужить светом миру, откровением для языков, в завет родов и во спасение до последних пределов земли? (Ис. 49:6; ср. Ис. 42:6). Изумительное по мудрости решение предпринимает богоумудренный вождь Израиля: он дает своему народу не способы материального обогащения, не крепкую военную организацию, не усовершенствования египетского воинского искусства и, вообще, не внешние блага, а дает ему, по указанно Божью, закон. С тех пор огненными, несокрушимыми буквами начертано было это слово на всей истории Израиля; они написали закон в своем сердце, они повторяли его устами, они воплотили его в жизни; закон был «ризою и повитием» его бытия; он любил его глубоко и нелицемерно, и нельзя без чувства умиления читать восторженные обращения еврея к своему закону. *«Велик мир у любящих закон Твой, Господи, и нет им преткновения. Истомилась душа моя желанием судов Твоих. О, как я люблю закон Твой, весь день размышляю о нем! Благ мне закон Твой, лучше тысячи золота и серебра, лучше меда устам моим!»* (Пс. 118:165, 20, 97, 72, 103). И не знал еврей большего страха: *«Да не разорится закон Моисеев»* (Ин. 7:23). Закон был новым столпом облачным и огненным, который днем и ночью освещал исторический путь избранному народу. Все, что было им оставлено миру вечного и прекрасного, – а этими заслугами не оскудело избранное семя Израиля, – все было сделано им под воспитательным влиянием закона. И все, что было привнесено им в жизнь дурного, нежелательного, самое отвержение Христа, искажение нравственных воззрений, служение тьме и эгоизму, – все это было следствием отступления от закона, ясно предвещавшего времена нового и вечного Законодателя (Втор. 18:15), ибо закон был пестун, – воспитатель во Христа (Гал. 3:24). Шли годы, века и тысячелетия; возникали и гибли блестящие цивилизации; в пестрой смене исторических судеб нарождались и падали народы; рушились всемирные

монархии; перемещалось много раз русло культурной жизни человечества; но среди всех перемен, среди всех переворотов маленький народ, ведомый крепкою рукою закона, сохранит удивительную духовную живучесть; лишенный политической силы и влияния, задавленный могучим Римом, презираемый в том мире, который ценил только внешнюю силу, он, в свою очередь, могуче влиял на поработителей силой своего закона и воспитывал мир для Христа и в нем – для новой, лучшей жизни. «Побежденные дали закон победителям», восклицает Сенека, видя усиливающееся влияние еврейства.

Да простит мне достопочтенное собрание это, может быть, длинное отступление; но мне хотелось пред лицом хранителей закона напомнить яркий исторический пример, указывающий, как глубоко и благотворно значение закона в жизни народов.

Правда, с течением времени закон Израиля стал обращаться в мертвую и мелочную обрядность, и Израиль, выражаясь сильным языком Свящ. Писания, *"гоня (искавши) закон правды, в закон правды не постиже"* (Рим. 9:31); наконец, тот же закон убил и Того, о Ком закон сам прорекал и в Ком имел свое высшее исполнение. Но не нужно забывать, что дело закона было сделано, воспитанное им избранное семя дожило до времени Христа, дало Марию и Иосифа, дало Иоакима и Анну, дало Иоанна Крестителя, первых апостолов; не нужно забывать, что по лицу всего мира это же семя Израиля подготовило в самом дряхлеющем язычестве благоприятную почву для восприятия христианства.

«Когда же наступила полнота времени» (Гал. 4:4), когда воспитательное влияние закона исполнило свою задачу и *«скончашася вся по закону Господню»* (Лк. 2:39), – тогда явился Предрекаемый законом и Желанный всеми народами (Агг. 2:6–10). Но Он пришел не нарушить закон, а восполнить (Мф. 5:17)! В Божественном *«Совершишася»* восполнен древний закон; при свете этого всемирного глагола стала ясной необходимость не одной только правды, но и милости; стало ясно, что *исполнение закона любы есть* (Рим. 13:10), и что весь закон в этом едином словеси исполняется (Гал. 5:14). Не один еврейский народ, – весь древний мир в своих законодательствах убедился, как трудно сохранить одну правду, не обращая ее в жесткость и жестокость, и как трудно сохранить и милость, не обращая ее в попустительство и в полное безразличие добра и зла. И вот, у креста Искупителя исполнилось то, чего так жаждало человечество и чего оно еще никогда не видело: по слову Писания, *милость и истина здесь встретились, правда и мир облобызались* (Пс. 84:11).

С тех пор в обновленной жизни людей, с углублением христианских начал и христианского мировоззрения, более и более утверждался этот закон Христов в его вековечном идеале – совместить правду с милостью.

Благодать не требует насильственных изменений, и царство Божие сравнивается не с бурным течением всесокрушающего потока, а с закваской, проникающей постепенно в тесто (Мф. 33:33), и с семенем, неприметно растущим на ниве (Мк. 4:26). Под влиянием неблагоприятных обстоятельств возможны были и временные отклонения в нравственном росте христианских народов, как бывают задержки в росте семени и в действии закваски; но сильно и бессмертно заложенное Христом новое начало жизни человечества, и врата адovým никогда не видеть победы (Мф. 16:18).

Под влиянием неблагоприятных условий и наша родина была некогда «в судах черна неправдой черной», как, может быть, слишком резко выразился поэт в порыве покаяния за прошлое нашей истории... Русский народ как бы стоял тогда пред своими руководителями и молил словами древнего псалмопевца: *отверзите мне врата правды!* (Пс.117:9.) И не находите ли вы, просвещенные слушатели, некоторого подобия временам давно минувшим и в нашем недавнем прошлом: вот молодой и сильный народ, носитель великих надежд и, без сомнения, с великим мировым будущим, исходит из своего рабства – разумею крепостное право – и, свободный на пути новой жизни, подобно древнему Израилю, получает из рук Помазанника Божия закон... И если в древности, всего чрез 40 лет странствования в пустыне, народ еврейский, едва сменив только одно поколение, сумел изумительно быстро войти в дух этого закона и сделать его основой жизни, – то не видим ли мы на наших глазах, в промежуток времени еще меньший, это изумительно быстрое действие и нашего закона в жизни государственной и общественной? Не мне, конечно, как служителю Церкви, говорить здесь о внешних преимуществах, о практической пользе, которую доставляет правильное устройство суда членам общества и государства. И эта сторона жизни, конечно, имеет свое значение, но для служителя Церкви, но с высшей точки зрения – интересов не временных, а вечных – «важнее то нравственно-воспитательное влияние, какое оказывает такой суд на общество». По словам одного ученого юриста, «такой суд воспитывает как власть, представляющую правосудие и служащую для него органом, так и всех членов общества, прибегающих к содействию правосудия и со стороны наблюдающих за его отправлением. В этом отношении, влияние суда, быть может, еще могущественнее, чище и нравственно выше на последнюю группу простых

наблюдателей, в которой оно развивает чувство законности, правды, уважение к личности и интересам других»¹⁸⁷. Как бы ни смотрели научные теории на происхождение закона, всегда люди будут видеть в понятии закона, кроме формального признака – воли и веления власти, и признак материальный – известное нравственное содержание. Пусть даже закон – только продукт наличного нравственного уровня общества и его создание: всегда возможен и ход обратного влияния в психической жизни человека. Ведь и мысль, конечно, родит слово, но кто же станет спорить, что и слово, в свою очередь, возбуждает и питает мысль?

«Жизнь человека и общества, – говорит другой ученый (Иеллинек), – не есть бестолковая и беспорядочная игра. Благодаря физической и психической природе первого и его потребностям, в ней образуется ряд необходимых отношений к внешнему миру и к другим личностям. Поэтому юридический порядок общественной жизни возвышается до общих абстрактных правил». Эти правила, прибавим, вступая по необходимости в связь с христианством, являются нравственными и, следовательно, воспитательными. Так, действительно, закон и суд воспитывают общество, и если они согласны с христианством, то, без сомнения, отделяя правое от неправого, законное от незаконного, они идут рука об руку с Церковью Христовой. Кто же станет отрицать христианский характер нашего суда, если он поставляет целью своею давать «правду и милость»¹⁸⁸, если он напутствуем был горячею молитвою приснопамятного Царя, призывавшего «благословение Всевышнего на успех этого великого дела»¹⁸⁹.

Остановиться на этом важно именно теперь, когда вокруг молодого учреждения суда слышатся нападки и глумления. Конечно, суд гласный не станет избегать суда гласности и над самим собой; конечно, никто из деятелей суда не станет считать себя непогрешимым и, конечно, найдутся частные недостатки и промахи в таком жизненном и многосложно деле, как отправление правосудия. Ведь широка, *широка заповедь Господня зело* (Пс. 118:96), говорит Писание, – широка по самой букве и еще пространнее по духу, и труден подвиг ее хранителей. И потому не указание этих недостатков страшно: не ошибался тот, кто ничего не делал, и напряженная работа деятелей суда, только что законченная, ясно свидетельствует о зорком внимании их к делу, об исправлении его недостатков, о всестороннем улучшении. Но когда, во имя ложно понятого христианства, во имя сектантской предвзятой нетерпимости, отрицается за судом самое право на существование; когда суд, наряду с Церковью и государством, объявляется злом и считается силой, тормозящей благо

человечества; когда в литературно-художественном произведении, облетевшем ныне весь образованный мир, подбирается нарочно, в позор, в поругание и отрицание суда, все темное, ничтожное, и пред всем светом указывается, как типичное и постоянное, – тогда, действительно, есть опасность соблазна и смущения. Мы разумеем последнее произведение Л. Толстого – «Воскресение»...

Будь это направлено на учреждение выдохшееся, заменившее формой душу живу, тогда бы такое «отрицание ради злоупотребления того, чем злоупотребляют», несостоятельное логически и нравственно, было бы, по крайней мере, хоть понятно. Но какая несправедливость именно к суду нашему, к учреждению, которое доселе хранит возвышенный, благородный энтузиазм первых дней своего существования, в котором еще не сменилось первое поколение работников, исполненных самого чистого идеализма и глубокой веры в добро и свет своего дела!

И вот в такой момент объявляется Монаршия благодарность всему судебному ведомству, и слово Царское гласит о нем, что оно «ревностно и честно, нередко при тяжелых условиях, выполняет свое призвание стоять на страже закона»¹⁹⁰.

Это уже второе выражение Царской благодарности деятелям суда¹⁹¹, без сомнения, исполнит радостью сердца служителей правосудия. Слово Божие заповедует нам *радоваться с радующимися* (Рим. 12:15). Пусть же радость наша будет не горделивою и самомнительною, а чистою и плодотворною! Пусть она исполнит нас веры в то, что суд наш и впредь будет идти светлым путем искания правды и милости, возвышения народной нравственности и народного правосознания, особенно здесь, на нашей окраине, которая еще так недавно почувствовала животворное влияние русской гражданственности! Пусть эта радость окрылит наш суд решимостью глубже и глубже приникать к Вечному Источнику правды и милости и в Нем почерпать силу для труда, основу для деятельности! Тогда суд его будет – суд Божий (Втор. 1:17). И пусть наша радость исполнит нас светлой надеждой на то, что силой воспитательного влияния суда христианского, действующего в дружном согласии и с Церковью, и со школой, и с правительственной властью, будет всегда исполняться над нашим милым отечеством древнее священное слово:

«Во мнозе правде крепость многа!» (Притч. 15:5.) Аминь.

Царственный Страдалец¹⁹²

Сегодня, дети, исполняется ровно три месяца со дня безвременной кончины усопшего Наследника всероссийского престола Великого Князя Георгия Александровича. Смерть Цесаревича последовала в то время, когда учебные заведения были отпущены на каникулярный отдых, и вот учебное начальство, в виду истекающего всенародного траура по Усопшем, сегодня призывает вас почтить воспоминанием и молитвой в Бозе почивающего Великого Князя.

В отечестве нашем издревле повелось, что горе и радость Царя и семьи Царской становятся горем и радостью народа. Но к этой неразрывной связи жизни Царя с народом, к чувству глубокого христианского соболезнования к скорби Матери-Царицы и Царственного Брата Усопшего присоединяется и искреннее уважение к обаятельной нравственной личности Покойного. Это, дети, была душа набожная и боголюбивая, кроткая и любящая, около которой всем чувствовалось так тепло и хорошо, около которой нарождалось столько светлых надежд на служение Цесаревича дорогой нашей родине... Трогательная скромность Почившего не разглашала о делах любви и благотворения в нашем крае, где он и умер, но та глубокая скорбь, что охватила все окружающее нас население, без различия религий и народностей, те горячие молитвы, которые возносились у его гроба, показали ясно, какая светлая душа отошла в мир горний.

И наша гимназия пользовалась милостивым его вниманием; и в этом храме нашем не нужно забывать, что первую жертву на его устройство дал именно покойный Цесаревич. На его же средства и его же имени стипендия имеется в нашей гимназии. И вообще, мир детский, особенно дети бедные и обездоленные, пользовались заботами Цесаревича, и когда добрые люди и здесь, в Тифлисе, устраивали что-либо в их пользу, чтобы скрасить их горькие дни, чтобы помочь их сиротству или бедности, в числе жертв и пособий находились и жертвы умершего Великого Князя. Трогательна и незабвенна его религиозность, его любовь к церкви, к храмостроительству, его заботы о восстановлении церквей и монастырей, чем занят он был и в последний день своей жизни, за несколько часов до кончины.

Да будет же мир его духу и да будет покой тому, кто в годы молодости, в цветущее время жизни не имел здесь покоя от тяжелого недуга телесного и среди всеобщей скорби и молитв отошел к Богу

Живому, пред Которым все вечно живы!

Забота о русских переселенцах¹⁹³

Ваше высокопревосходительство! Вы приходите к нам в предшествовании громкой славы государственного мужа, умудренного опытом в деле новом и чрезвычайно важном и посвятившего много трудов на пользу нашего дорогого отечества. И в настоящие минуты здесь, в этом самом здании, наше переселенческое Общество на себе испытывает широту вашего благотворного влияния. Позвольте же мне, скромному служителю Церкви, отдающему часть своего досуга от прямых служебных обязанностей духовному созиданию наших переселенцев, позвольте мне здесь, в приюте переселенцев, от лица их, прежде всего, поблагодарить вас за этот самый приют, который мы имеем благодаря вашему соизволению. Позвольте нам надеяться, что дело наше, в начала малое и робкое, при вашей мощной поддержке будет расти, крепнуть и шириться и сослужит добрую службу и здешнему краю, и целям общегосударственным. Позвольте надеяться, что ободренное вашим милостивым вниманием, вашей авторитетной поддержкой, Общество переселенческое почувствует теперь под собой твердую почву, и из разных слоев местного населения привлечет в свою среду членов, усиленно работающих на пользу меньшего брата, нашего переселенца. Этот меньший брат во многом здесь нуждается; но кроме земли, за которой он сюда идет, ему нужна и духовная крепкая почва, которой всегда был силен русский человек. Только имея эту почву веры и связи с родимой Церковью, он здесь не угасит духа, не затеряется и явится плодотворным служителем русского дела. Наше Общество глубоко проникнуто этой мыслью и, сколько могло, работало в этом направлении. Позвольте же и в этом посещении нашего приюта видеть одобрение ваше тем благотворительным и христианским началам, которые здесь положены в основу жизни.

Радостные, мы ожидали вас, как ближайшего слугу царева, – и ныне радость наша исполнилась. Радостно приветствуем вас, радостно и сердечно благодарим вас за посещение, за привет, за ласку и, радостные, желаем вам и молим от Бога еще многих лет доброго и неустанного труда на пользу дорогого отечества в полной мощи тела и духа! Господь сил да благословит входы и исходы и все пути жизни вашей!

Священная летопись первых времен мира представляет нам человека в раю – прекрасном саду эдемском, относительно которого Творец дал его обитателю заповедь; «*возделывать и хранить рай*» (Быт. 2:15). Никогда не может быть излишним напомнить ту истину, что «Библия – не есть учебник астрономии или геологии, а документ религии; что она и не предназначена к тому, чтобы давать ответы на вопросы естествоиспытателей или предвосхищать их исследования, а имеет своей целью удовлетворение религиозных потребностей. Таким образом, и то, что она говорит о сотворении мира, она говорит не как естественно-научный реферат, а как религиозное назидание» (Лютард).

К этому религиозному назиданию естественно обращается наша мысль в настоящие минуты по поводу приведенного мной библейского повествования о первых начатках жизни человечества. Мне кажется, достопочтенное собрание, что в повелении Бога первозданным людям: «*храните и возделывайте рай*», «*наполняйте землю, подчиняйте ее себе и господствуйте над нею*» (Быт. 1:28), – что здесь именно указана сущность того, что мы называем культурой, и определены навсегда культурные задачи человечества. Человеком заключилось творение; таков голос и религии, и науки. Но в то время, как наука видит в этом мире – и, заметим, видит совершенно справедливо со своей опытной точки зрения – великую мастерскую естественных сил и естественных законов, религия прибавляет сюда свое воззрение, без которого не может обойтись человек и без которого мир наш был бы и бессмыслен, и жалок, и пуст, и холоден: она объединяет эти силы и законы в Едином Творце, Божественные свойства и планы Которого осуществились в мире. Таким образом, и голос веры, и голос науки согласно говорят нам, что мир не есть что-либо чуждое для человека, что в нем выступает и волнуется родственная нам жизнь, которая предназначена для нас. Природа – это великая и богатая образная письменность, которую дано разгадывать и читать из всех тварей земных только одному человеку; она опознала себя в сознательном духе человека; все голоса ее находят себе отзвуки в нашей груди, и человек есть, так сказать, и пророк, и первосвященник, и царь в творении... На этом и основана культура. Подчинять себе мир; господствовать над ним, по библейской заповеди; проникать в него духом; облагораживать, одухотворять окружающую природу; сделать этот мир нашим материальным и духовным достоянием в самом широком смысле этого

слова, сделать его орудием и местом насаждения Царства Божия и религиозно-нравственного миропорядка, по указанию Божественного Откровения, и в этой деятельности не знать и не иметь даже гадательно определяемых границ, – вот воля Божия о нас, вот наше призвание, вот и культурная задача человечества. История есть постепенное выполнение этой задачи, и мы видим, как, углубляясь более и более в этого рода деятельность, человек, если он не забывал Единой Высшей Силы, если он не смешивал средства с целью, – и сам духовно совершенствовался, возрастая от силы в силу. В противном случае, он неприметно обращался из царя в раба этого мира... Участие, которое отдельные лица или племена принимали в указанном призвании, различно, в зависимости от окружающих условий жизни, не все виды такой деятельности служат одной цели. Кто не знает, что и та культурная работа, которая чествуется в нынешнем торжественном собрании и в открываемой сегодня выставке предстает на суд общества, имела огромное значение в деле духовного возрастания человечества вообще и его главнейших представителей – древних индо-европейских племен, в частности? В настоящее время наука историческая, при помощи сравнительного языкознания, начертала пред нами образ первоначального состояния этих наших арийских предков в Средней Азии, от которых произошли народы – носители культуры. Мы видим здесь, прежде всего, на почве земледелия и оседлости пышный расцвет драгоценных добродетелей духа, постоянства, терпения, настойчивости, мира и кротости, и над всем этим – живых и могучих религиозных чувств преданности Божеству, покорности Его воле, веры и надежды на Его милосердие.

Сказанным и определяется нравственное значение сельского хозяйства, садоводства и проч., хотя, по-видимому, эти отрасли культуры занимают только предметами вещественными и материальными, как бы удаленными от духа и его жизни. Сказанным же определяется и отношение Церкви к настоящему торжеству.

Да почиет же Божие споспешествующее благословение на деле, которому начало положено Господним обетованием в саду Эдема! В нашей широко раскинувшейся стране, в частности на нашем Кавказе, столь богато одаренном природой и еще мало возделанном культурной работой человека, – какое широкое, какое раздольное и благотворное поле для такой деятельности! Как служитель Церкви, прикосновенный и к делу учебному, не могу умолчать и о том участии, которое здесь принимает и наша юная кавказская школа в общей культурной работе на пользу края.

При торжественном открытии памятника одному поэту в соседней с

Россией высоко культурной стране, его собрат по деятельности, ныне знаменитый писатель (Бьёрнсон), сказал, между прочими, следующее:

«Все присутствующие, я думаю, знают о трогательном обычае, который усвоил себе прославляемый поэт в последние годы жизни. Он обыкновенно гулял с карманами, полными древесных семян, которые время от времени и разбрасывал горстями по дороге; мало того, он и друзей своих приглашал следовать его примеру, говоря: «Кто знает, сколько доброго может из этого выйти?» В этих простых словах, дышащих такой наивной, заботливой любовью к родине, – целая поэма, не уступающая, пожалуй, лучшим произведениям нашего славного поэта».

Нами представляются и наши школы, и все эти учреждения, и отдельные лица, принявшие участие в выставке, во главе с почтенным и ученым нашим Обществом именно такими добрыми сеятелями на ниве нашей родины. Самая выставка эта есть не только ознакомление общества с достигнутыми результатами труда, но вместе и практический урок народу, – урок, следовательно, и новое семя, новое поучение....

Да ущедрит же Господь труд сеятелей знания богатой и благословенной жатвой! Аминь.

Случайно совпадает день открытия занятий наших с праздником в честь святых ангелов, и случайно же предложено нами назначенное сегодня церковным уставом и сейчас прочитанное евангельское чтение (Мф. 13:24–43). Но человек нередко в случайных совпадениях ищет себе тех или других указаний, да и священное евангелие Иисуса Христа – это такой богатый родник и таких вечных и жизненных истин, что, кажется, каждая строка и страница его применимы ко всякому случаю жизни. Стоит только посмотреть в нем не на букву и не на чернило, но и «под чернило», как выражались древние отцы, толкователи евангелия. Станем же во свете поучения прочитанной притчи у нашего дела. Божественный Учитель любил сравнивать Себя с сеятелем, слово Свое – с семенем, а слушателей – с различными видами почвы, на которую падает семя. Не такие мы учителя, как Христос; не таково, конечно, и слово наше, как слово Его: но все же мы должны по совести сказать, что в минувшее первое полугодие занятий, со стороны самих деятелей открытых в нашем городе публичных лекций, сделано было все, чтобы вести дело и усердно, и добросовестно, и в добром направлении. Помнится нам, как сейчас, первый день открытия этих лекций: такая же молитва, собрание лекторов и сочувствующих делу лиц, и собрание слушателей – гораздо многочисленнее, чем это. Помнятся одушевлявшие нас надежды, помнятся и высказанные нами тогда в церковно-учительном слове пожелания. Слава Богу, этим пожеланиям дано было исполниться. Не смущает нас ныне это видимое уменьшение слушателей. И при самом начале дела мы не скрывали от себя его трудностей, не скрывали, что, по слову евангельской притчи, семя наше будет падать и на дорогу, и на камень, и в терние, но верили, что упадет и на добрую почву. И ныне мы молим, да не погибнет начатое дело, и вам же, слушатели, поручаем судьбу его. Да не ослабевают любовь к знанию, усердие, исправность, настойчивость и трудолюбие. Враг человек да не всеет плевел посреди пшеницы! Будем храниться от всякого вида плевел: дело, начатое чисто, без всяких скрытых целей, без личных своекорыстных расчетов, вне всяких узких партийных стремлений, в содружестве с верою и нравственными началами, освященное молитвою, обвеянное и согретое благородными мечтами благородных людей, – это дело должно и впредь оставаться чистым и недоступным ни для каких плевел. В первые годы существования всякого учреждения, обыкновенно, и полагаются прочные начала и общие основы для дальнейшей его жизни,

создается зерно неумирающего потом предания, которое и определяет навсегда нравственный облик учреждения. От нас и от вас, значит, зависит не маловажное дело. Будем же серьезно трудиться, и каждый, в меру сил, будем стараться стяжать нашим будущим курсам доброе имя среди добрых людей, прочное и устойчивое положение и залог светлого будущего; будем стараться, чтобы наше дело, по словам другой притчи Спасителя, было подобно зерну горчичному, которое, хотя меньше всех семян, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его (Мф. 13:31–32).
Аминь.

Любовь Божественная в Боговоплощении – призыв к любви человеческой ¹⁹⁶

За несколько недель до праздника Рождества Христова св. Церковь начинает готовить нас к великим воспоминаниям Боговоплощения и всемирного спасения человечества; своими песнопениями и молитвами, поучением евангелия и уроками апостольскими она внушает нам соответствующее настроение духа, вводит нас в область мыслей и чувств, достойных предстать у колыбели воплотившегося Вифлеемского Богомладенца. Под влиянием этого учительного воздействия Церкви, и в моей душе, братие и дети, возникало и слагалось слово проповеди к вам в нынешний светлый праздник.

И вот, пред самым праздником горестные известия дали иное направление нашему слову: землетрясение, которое неделю назад испытали мы и которое, по милости Божией, не унесло жертв из среды нашей, недалеко от нас, в пределах нашей губернии, произвело страшное опустошение. Разрушены более десяти деревень, погибли под развалинами сотни людей, осиротели дети, и население, подавленное ужасом, потерявшее имущество, в стужу и морозы остается без крова, без пищи, без пристанища... Что теперь испытывают такие вот, как вы, дети? Что испытывают малютки, у которых не стало крова, погибли близкие и родные? Какова для них радость праздника? И не наш ли долг христианский, если не доставить им этой радости, то по крайней мере помочь им хоть на первых порах, пока не определятся их положение и дальнейшая судьба! «Требуется широкая и скорая помощь», – так гласят известия с места несчастья. Подадим же эту помощь именно сегодня, в наш великий праздник! Велик Господь наш в Своем Божественном воплощении, – но Он есть Любовь. Он и воплотился по неизреченной любви нашего ради спасения: делами любви поэтому достойнее всего чтится Его величие! Радостен наш праздник, – но памятью о несчастьи и благотворением не умалится его радость; напротив, она станет и чище, и светлее, и духовнее. Торжествует детство у колыбели Христа-Богомладенца, – но лучший дар детских сердец есть умение с малых лет проникаться любовью и милосердием ко всему, что скорбит и страждет, и нуждается в помощи! Велико ныне благоволение Бога к человекам, – но величие Его засияет ярче и подтвердится наглядно жизнью христианской и благоволением человека к человеку. Ибо что говорит Писание? *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я –*

медь звенящая или кимвал звучащий. Если я имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я – ничто! И если я раздам все имущество мое, и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы!» (1Кор. 13:1–3).

Судьбы Божии – бездна многа! Страндание очищает человека; страдание других учит нас милосердию; страдание – для всех есть вклад в душевный капитал и великая нравственная школа... Что же? Страндания и гибель ближних, и, затем, возможные страдания, смерть и гибель, что висели над нашими главами, – неужели все это пройдет бесследно для души нашей? Невольно вспоминается вечно-памятное наставление Спасителя: «Когда вы видите облако, поднимающееся с запада, тотчас говорите: дождь будет, и бывает так; и когда дует южный ветер, говорите: зной будет, и бывает. Лицемеры! лице земли и неба распознавать умеете, как же времени сего не узнаете?». «В это время пришли некоторые и рассказали Ему о галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их. Иисус сказал им на это: Думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк. 12:54–56, 13:1–5).

Пусть эти слова Господни заставят нас войти во внутренняя души нашей, а сердце наше пусть любовью ответит на призыв о помощи несчастным.

Да не оскудеет рука дающего во имя Господне! Аминь.

Памяти Д.В. Григоровича¹⁹⁷ († 22 декабря 1899 года.)

Скончался писатель Димитрий Васильевич Григорович!.. Живой свидетель-современник и видный деятель расцвета новейшей русской литературы, освободительных и просветительных течений русской жизни; один из последних представителей славной семьи наших писателей-идеалистов, из которых многие связаны были с ним тесными и сердечными узами дружбы, единомыслия и сотрудничества; один из преданнейших служителей русского искусства, которому он отдал половину своего труда и жизни¹⁹⁸, – покойный писатель дорог для русского образованного общества, дорог для русского народа. Где же, как не в школе, должны с особенной теплотой вспоминать писателей, – этих учителей целого ряда поколений? Где, как не здесь, среди учащихся и учащихся, должны особенно ясно сознавать, что значит художественное дарование, что значит творческое слово, и какое жизненное и благотворное влияние на окружающую среду имеет чистый и благородный служитель литературы?

Известный факт: у нас в России, в силу особенностей строя нашей жизни, художественная литература имела и имеет гораздо больше значения, чем в других странах, и является огромной силой, воспитывающей общество. Вследствие этого, нравственный облик писателя и его деятельности, нравственное достоинство его идей и самый способ их проповеди приобретают особую цену. Д.В. Григорович – это литературное имя, из-за которого не возникнет резкой борьбы партий, не поднимутся резкие, противоречивые суждения. «Талант симпатичный», – так обычно характеризуют, его; слово мирное, мягкое и ясное, проникающее в душу; сердечность и отзывчивость к нуждам меньшей братии, но без злобных выходов и обвинений, без злобных и задорных намеков, призывающих к мести; любовь на почве любви же, а не озлобления, – вот бесспорные и общепризнанные черты в литературной деятельности покойного. Талант второстепенный, по сравнению с его современниками, крупными художниками слова, он не зарыл этого таланта в землю и оставил заметный след в родной литературе, а чрез это и в жизни родного народа. Что бы ни говорили о влиянии на него впечатлений европейской так называемой социально-филантропической литературы, тем не менее его главные произведения, его «Деревня», его «Бобыль» и «Антон Горемыка» не могут быть заимствованием по самому существу изображаемых жизненных явлений, специально принадлежащих

русской действительности. Эти произведения, несомненно, останутся явлениями историческими для русской жизни, и имя симпатичного писателя, впервые обратившего внимание общества на тяжелый быт родного крестьянства и призывавшего к теплому сочувствию к крепостному мужику; имя писателя, положившего начало изображению действительного русского крестьянина – пахаря, рыбака, фабричного, нищего, переселенца, с их человеческими правами и с их горькой судьбой, – имя этого писателя останется незабвенным. Слезы, пролитые над его «Антоном Горемыкой», это те слезы лучших русских людей – печальников народного блага, которые приблизили светлый день освобождения народа от вековой крепостной зависимости, а выведенные в его рассказах характеры из жизни простонародного крестьянства, сильные и привлекательные, полные любви и кроткого незлобия, показали, что народ, их создавший, достоин свободы.

Вместе с тем, в этих изображениях сказалась, конечно, душа и самого писателя кроткая и набожная... Бесподобная, чудная жизнь и смерть его «Онисимыча», молитва его «Андрея» в «Светлое Христово Воскресение», детская молитва мальчика, скорбный молитвенный вопль несчастного прохожего, описание нашего дивного православного богослужения, – все это могло вылиться только из-под пера человека и проникновенно понимающего, и сердцем прочувствовавшего всю высоту святой нашей веры. Закljučаем наше слово напоминанием, особенно уместным здесь, в этом молитвенном собрании учащих детей: покойный писатель был другом детей; изображения их часто встречаются в его сочинениях, и мы видим здесь, как тепло сочувствовал он детским радостям и печалю. Покойный писатель, далее, был и учителем детей: его произведения, как образцовые по слогу и воспитательные по содержанию, давно уже вошли в состав детских книг для чтения и детских учебных хрестоматий.

Когда из мира уходит художник слова, в высоких дарованиях души отмеченный перстом Божьего избрания, в обществе и в печати естественны чувства скорби и сожаления об утрате его, как писателя. Но этого мало. В христианском обществе к естественному сожалению о потере писателя присоединяется любовь к нему, как к личности, и первым порывом сердца является тогда желание отнестись к нему прежде всего, как к человеку-христианину, в общей смертной судьбе его и в общем, неизбежном для всех, переходе его в таинственную область загробного бытия, к страшному престолу Господа славы...

Здесь любовь разрешается в молитву. Помолимся же, братие и дети, об упокоении души усопшего родного писателя! Аминь.

1900 г.

Тайна обаяния великого полководца¹⁹⁹

Восхвалишь славных мужей и отцов нашего рода!.. Есть между ними такие, которые оставили по себе имя для возвещения хвалы их... мужи, которых дела не забываются. Тела их погребены в мире, а имена их живут в роды. Народы будут рассказывать об их мудрости, – и Церковь будет возвещать их хвалу (Сир. 44:1, 8–9, 13–14).

Это слова древнего библейского мудреца. С того времени, как они были произнесены и записаны, прошли века и тысячелетия, но седой опыт минувших веков не умалил, а только подтвердил великое и поучительное значение воспоминаний исторического прошлого.

И сегодня пред нами одно из таких воспоминаний нашей русской истории – столетний юбилей смерти великого Суворова. Уместно ли это воспоминание в день радости о Царе нашем и в день молитвы о нем? Но чтить память героя, беззаветно любившего родину, служившего ей верой и правдой, отдавшего ей все труды своей жизни и свои гениальные дарования, не знавшего ничего выше долга по отношению к отечеству; чтить память героя, беззаветно преданного верховной власти, – это, несомненно, лучшее поучение в день церковно-гражданского праздника. Уместно ли, далее, с церковной кафедры говорить о человеке мирском, о герое, который стяжал себе славу главным образом подвигами брани? Но отмечать добро, где бы оно ни было, указывать его в живых носителях, воплотивших добро в бессмертных подвигах, – это непреходящая обязанность проповедника истины. А если в воспоминаемом деятеле вместе с тем проявляются черты истинной и искренней религиозности; если он, будучи верным и преданным сыном родины, был в то же время любящим и смиренным сыном Церкви Божией, – то служителю Церкви естественно остановиться на нем с чувством отрады и естественно обратиться к своим слушателям с горячим призывом: «Братья-сограждане, братья-христиане! Берегите святое наследство!».

Наш Суворов – это русский великий герой, во всем самобытный, всегда неизменно и глубоко – народный; имя его – непререкаемое имя; слава его – не спорная слава, и нравственный образ его представляется удивительно ясным и целостным. На него может указать с честью и гордостью каждый сын нашей великой родины. И, смотря на него с чувством народной гордости, мы можем, действительно, и должны говорить себе и другим: «Берегите его духовное наследство!» И если в день Царского праздника нужно вспоминать нам и говорить о

гражданских обязанностях, о служении родине, то мы с полным правом можем указать на него, как на достойный пример для подражания. Он был воин, но в нем совместились достоинства, который нужны не одному воину, но и всякому служителю родины. Он – герой народный в полном смысле слова. Всем известно, как любил он свой народ, – любил русское меткое слово, русские песни и пословицы, русские обычаи, даже кушанья; но это более касается внешности. Главное в нем то, что он был как бы повит народным нашим духом во внутреннем мире своем. И прежде всего наш герой – сын и питомец народной религиозной веры. Он учился ей и в родном доме от дней раннего детства; он учился ей и потом, проживая в близком и непосредственном общении с солдатами в их казармах и исполняя вместе с ними, в первые годы своей службы, обязанности низшего воинского звания. Его простая, спокойная, глубокая и прочная религиозность как бы перелилась в него из недр духа нашего боголюбивого народа. Всегда она в нем одинакова и неизменна: и на поле битвы, и в упоении славы, и в домашней жизни, и на клиросе или на колокольне деревенской церкви, в которой он пел и читал, подавал кадило и правил должность пономаря, будучи в звании генералиссимуса. Он не богословствует, не философствует в деле веры, не стремится поправлять так или иначе Церковь: он любит ее простой, сердечной любовью; смиренно, по-детски, бесхитростно, как хороший, благочестивый христианин, в ней он видит опору и руководство жизни. «Солдат-христианин, а не разбойник», – вот его воззрение на воина. «В дома не забегать, безоружных не убивать, с женщинами не воевать, просящего пощады миловать, малолетних не трогать», – вот и вывод из его религиозного воззрения. «Умирай за Церковь и за Царя; останешься – честь и слава, умрешь – Церковь Бога молит», – вот и истинно народное поучение его солдатам. Сам он построил прежде всего церковь в Новой Ладоге, когда там командовал войсками, – черта опять чисто-народная; здесь же устроил он школу, в которой сам учил детей солдатских Закону Божию, и вообще за религиозным развитием солдат следил с большим вниманием. И набожность его была чисто-народная; утром ежедневно, надев один из орденов своих, молился он с пением; входя в комнату, крестился на образа; пред обедом всегда творил молитву; даже зевая, крестился; мимо церкви не проезжал, не помолясь; при богослужении сам пел на клиросе и читал Апостол, и отлично знал церковный наш обиход. В то же время он с уважением относился ко всем религиям и требовал этого и от подчиненных; и в этом, несомненно, сказалась в нем наша русская черта широкой веротерпимости. Не нужно забывать, что такую глубокую и

простую религиозность Суворов сохранял в век разлива неверия и повального увлечения легкомысленной и вольнодумной философией энциклопедистов; вера у него, как у всех великих людей, уживалась с огромным умом, с высоким и основательным по тому времени образованием, над которым он трудился целую жизнь. И не деланной, не искусственной была в нем эта религиозность: чтобы убедиться в этом, довольно знать его детские годы, в которые он проявлял особую набожность, начитанность в Свящ. Писании и любовь к богослужению; довольно знать его зрелые годы деятельности, в которые религия везде служила ему опорой и руководством и определяла его мировоззрение; довольно знать об его предсмертных минутах, которые провел он, как благочестивый христианин, причастившись Таин Христовых и трогательно простившись со всеми окружающими. С другой стороны, никогда деланная религиозность не привлекла бы к нему сердца солдат, которые чувствовали в нем близкого, родного по духу человека, понимали его с полуслова. Несомненно, великий полководец говорил с нашим народом языком его веры, не взятым напрокат, а от души и сердца. Здесь и тайна его влияния, тайна его всероссийской славы, его народности. Даже в знаменитых шутках и странностях его сказывается что-то, напоминающее старых русских юродивых, этих доселе неразгаданных и засмеянных учителей и воспитателей народного нашего духа.

Но когда нужно было, Суворов умел показать, что религия в нем – не один обряд, а глубочайший и основной фонд его жизни. Тогда он возвышался до вдохновенного красноречия и до понимания самых тонких проявлений нравственного идеала, самых тонких оттенков нравственного чувства. «Герой, – говорит он, – смел без запальчивости, быстр без торопливости, деятелен без опрометчивости, подчинен без изгибчивости, начальник без самонадеянности, победитель без тщеславия, благороден без гордости, доступен без лукавства, скромнен без притворства, приятен без легкомыслия, обязателен без корысти, пронцателен без коварства, искренен без оплошности и резкости, благосклонен без изворотов, услужлив без своекорыстия; враг зависти, ненависти и мщениа, он низлагает соперников добротой, управляет друзьями верностью. Он властитель стыдливости и воздержания. Нравственность – его религия; он исполнен откровенности и презирает ложь; правый по характеру, он отвергает лживость; в делах своих он взвешивает предметы, уравнивает меры и предается Божественному Провидению».

Такое представление о нравственно-уравновешенном человеке создал себе Суворов в то время, когда под влиянием развращающей модной

чувственной философии его века царили всюду распущенность нравов и нравственное безразличие; такое представление он сумел и осуществить в труднейшее время господства интриг, внезапных повышений и падений. В среде, нередко пропитанной ложью и фальшью отношений, иногда в условиях подчинения какому-либо завистливому и капризному временщику, особенно на первых порах своей деятельности, Суворов везде сохранял свою прямоту, правдивость и преданность долгу, и история знает, что он не запятнал себя ничем бесчестным. В такой преданности долгу служебному и нравственному тайна и его посмертного обаяния. Удивительно глубоко было в нем это сознание долга. Известно, что еще в ранней молодости, в бытность простым солдатом, изумил он Государыню исполнением закона, когда, стоя на часах, отказался принять от нее подарок.

Сознание долга потом проходит самой замечательной чертой чрез всю его жизнь; на войне, в мирной гражданской деятельности, в начальствовании и подчинении, в славе и в тяжких обстоятельствах опалы и гонения, в шумной столице среди придворных и в одиночестве деревни, куда заточила его зависть врагов и где он жил безропотно, без жалоб и сетований, покорный власти и долгу повиновения во всех обстоятельствах жизни. «Научись повиноваться прежде, будешь повелевать другими; будь добрым солдатом, если хочешь быть хорошим фельдмаршалом», – это слова самого Суворова. Но долг и повиновение у него – это не простая исправность, не обычная точность: эти свойства найдутся и у добросовестного наемника. Долг и повиновение перестают быть неразрешенной загадкой и вырастают в огромную нравственную силу, когда проникнуты любовью и осмыслены религией. «Какие обильные сеянна расточает это средоточие, чтобы освещать и преобразить нашу жизнь! Все проистекает из этой мысли: долг требует исполнительной деятельности, и эта деятельность есть выражение высшей воли, план Создателя для сотворенного Им мира. Сколько есть обязанностей малозначащих, тягостных, утомительных! Сколько есть существований однообразных бесцельных, преисполненных большими и малыми трудностями! Это и останется таковым, пока вы будете взирать только на себя и вокруг себя; но поднимите взор: вы не понимаете, почему возложено на вас исполнение того или другого долга; вам загадочно, почему вам назначено такое, а не другое место в общей экономии вселенной; это тайна Владыки мира. Но каков бы ни был долг, он предназначен Богом. При этой мысли все изменяется в глазах наших: что казалось ничтожным, становится многозначащим; что представлялось

достойным презрения, оказывается возвышенным; что было тяжело и отвратительно, является святою ношей, переносимой с любовью. Исполнять волю Божию, довершать отчасти творения Господа и Создателя – какая великая обязанность, какое дивное преимущество! Лучи предвечного величия все в мире освещают. Посмотрите, что подчас происходит, когда в природе все туманно, когда небо помрачено густыми парами; но темная завеса разрывается, появляется солнце и вдруг все блещет и сияет! Лист древесный, ветвь, только что омраченная тенью, водяная капля, самая пыль, попираемая и воздымаемая ногами, – все позлащено. Воля Божия, отражающаяся во всех человеческих обязанностях, преобразует и возвышает все предметы. Множество человеческих существ обрели наслаждение и умиротворение в исполнении наитруднейших обязанностей, и со спокойным, радостным лицом, со взорами, блестящими упованием, шли на плаху и на костер. Множество людей умели с мыслью о Боге мужественно переносить жизненные бедствия и самые унижительные обязанности общественного положения. Они обрели в себе терпение, сознавая свое бессмертие; они радовались, зная, что при каждом исполнении долга они повинуются воле Того, Кто всемогущ и всеблаг»²⁰⁰. Так говорит один современный христианский мыслитель.

При свете такого понимания долга, наш Суворов поистине велик. Таких подвижников сознательного и любимого долга, как патриарх Гермоген и Авраамий Палицын, как Минин или Долгорукий, как Суворов или Нахимов, – таких людей не даст простая точность и исправность, не даст самое добросовестное наемничество, – таких людей ни нанять, ни купить невозможно! Для этого нужна воспитанная на почве народности, освященная религией любовь к родине, – тот истинный и благородный патриотизм, который, не обращаясь в узкий и нетерпимый зоологический национализм и народное себялюбивое задорное самомнение, любит родину беззаветною любовью, в простоте, ясности и горячности души, так же просто, ясно и горячо, как любит ребенок свою мать, так же вольно и естественно, как естественно и вольно течет ровная, спокойная и многоводная река нашего севера, как естественно сияет и греет солнце, как естественно грудь наша дышит воздухом... И наш Суворов дышал такой любовью к родине и ею осмысливал свой долг, и одухотворял его. Нужно ли прибавлять, что такими именно людьми жива и крепка и вековечна всякая общественная организация? «Всякое дело начинать с благословения Божия, до издыхания быть верным Государю и отечеству», – вот его слова, которые можно назвать заветом грядущим поколениям. Какой бы

величественный памятник ни воздвигли ему теперь из гранита или металла, лучшим и надежнейшим памятником ему будет вечная память о нем в благодарных сердцах и следование его заветам.

Помяная его ныне в день молитв о Царе нашем и об отечестве, пожелаем от всей души и пред Царем царей молитвенно просить будем, чтобы дорогая наша родина не оскудевала такими носителями духа, чтобы образ Суворова, – этого великого воина и достойного гражданина, – был у нас не только славным историческим воспоминанием, но и повторялся, и осуществлялся и, таким образом, продолжал жизнь в окружающей нас живой действительности. Аминь.

Крест наперсный²⁰¹

Что могу сказать я вам в ответ на слово любви вашей? Простите, если в эти минуты все существо мое полно смущения и слово мое собственное связано. Скажу в ответ, отбросив деланную скромность, чтобы придти к скромности действительной и ценной.

Вы подчеркиваете мою любовь к долгу моего звания. И в эти минуты и пред этим крестом не могу я отречься от того, что действительно люблю его больше жизни. Но не в словах, а в делах должна явиться любовь моя, – и здесь я вижу, как мало еще сделано, и как много остается сделать.

Вы указываете на отзывчивость мою ко всяким вопросам жизни и на постоянное желание мое осветить их с точки зрения высшей религиозной правды и Христова евангелия: действительно, я старался быть таким именно служителем Церкви – Церкви живой и действенной; но и самое скромное служебное положение мое, и ограниченность знаний и способностей делали круг моей деятельности узким и заставляли быть только истолкователем и проповедником истин, и прежде меня и лучше меня сказанных другими служителями Царства Божия.

Вы поставляете мне в заслугу проповедание истины: скажу только словами апостола: *«Аще благовествую, несть ми похвалы, нужда бо належит, горе же мне, аще не благовествую»* (1Кор. 9:16).

Вы ставите мне в заслугу, что я старался перебросить мост между верой и знанием, религией и наукой. Да, братие, мое задушевное убеждение, дававшее мне силы и бодрость дела, – задушевное и дорогое убеждение, что *Бог есть Свет и тьмы в Нем несть ни единыя* (1Ин. 1:5), что просвещение человечества без Бога будет помрачением, что и сама религия в работе богодарованного разума найдет себе крепкую опору, что придет время полной гармонии между этими областями. Но что я мог сделать в этой грандиозной работе? Я – со скудным образованием, занятый ежедневной затяжной работой, на далекой окраине, вдали от оживляющих и освежающих центров просвещения? Сделал очень мало, или даже – ничего!

Но вот любовь ваша покрыла во мне, в рядовом священнике, за одно только усердие, – покрыла все немощное, все недостающее и почтила таким знаком чести, таким дорогим для священника и всезахватывающим по знаменательности символическим даром, и в такие минуты жизни, и после таких испытаний... Чем могу я воздать вам и какими словами выразить мою благодарность? Но не в словах, а в делах служения пусть

будет прежде всего моя и благодарность.

А затем в молитвах неумолкаемо да будет благословенно имя моего благостного архипастыря, разрешившего и благословившего мне принять этот дар ваш.

В молитвах неумолкаемо и в благодарном сердце на всю жизнь памятно да будет дорогое для меня и отныне близкое, родственное имя каждого из тех, чья подпись украсила это прочтенное сейчас вами трогательное писание. Каков бы ни был духовный крест моего будущего служения, взгляд на этот крест заставит меня вспомнить, что крест – премудрости книга, что в нем поучение о вере, и о надежде, и о любви – о всем христианстве. Судит ли мне Бог радость – крест ее да осмыслит; судить ли Бог испытующее и воспитывающее горе – крест его растворит и смягчит. Память же о вашей любви не раз сведет радость в мою душу, и за эту радость, которая охватывает все существо мое, примите мою сердечную благодарность.

Русская идея²⁰²

«Общество ревнителей русского исторического просвещения учреждается в память Императора Александра III с целью умножения и распространения знаний по отечественной истории в духе русских начал, проявленных в славное царствование в Бозе почившего Государя».

Так гласит первый пункт устава Общества, отдел которого открывается в настоящие минуты благословением церковным и молитвой. Не станем распространяться о средствах, которыми Общество может достигать осуществления своей задачи, не станем ближе и подробнее определять его цели: об этом с достаточной ясностью говорит и устав Общества и его пятилетняя деятельность. Не станем выяснять и причин возникновения Общества: они красноречиво и с великой силой убеждения изложены в записке, которая была составлена при самом учреждении Общества, и, повергнутая на воззрение Государя Императора, удостоилась Его одобрения²⁰³.

В настоящие минуты хотелось бы уяснить себе и определить значение русской идеи и русских начал, о которых говорится в уставе Общества, для нашего края, для наших местных условий. Не покажется ли эта идея вносящей раздор и разделение? Не покажется ли открытое проявление, открытое уяснение русских начал неуместным среди разноплеменного и разноречивого населения нашего края, среди множества взаимно сталкивающихся здесь всякого рода племенных интересов, под влиянием неулегшихся еще воспоминаний о старых счетах разнообразных народностей Кавказа?

Ставим вопросы прямо; ставим прямо потому, что глубоко уверены, глубоко убеждены в величайшей благотворности русской идеи именно здесь, в нашем крае. Трудно отделить идею от ее носителя. Русская идея, так ярко выраженная в царствование Императора Александра III, как бы воплотилась, как бы опознала себя в Его личности. Его дорогое имя, поэтому, сделалось знаменем нашего Общества, Его имя – это вместе с тем и наша защита против всех возможных возражений и нападков на принципиальную сторону деятельности нашего Общества. Какое же это знамя? И какой образ рисуется с именем почившего Государя?

На могильном памятнике одного из древних народных властителей восточный поэт сделал такую цветистую надпись: «Война была его ремеслом. Голубые глаза неба не видели ему подобного». Других слов похвалы не нашлось в устах поэта. На священной для нас могиле

Александра III не может быть помещена такая надпись. Покойного Царя-Праведника весь мир проводил в могилу с другим именем, которое было наречено ему так любовно и единодушно, с именем: «Миротворец». Как прекрасно, как глубокопоучительно, что имя это, а не другое усвоено тому именно Царю, который поднял знамя русского самосознания, русских исторических государственных начал! Россия в течение всей своей прошлой многовековой истории никогда не была государством завоевательным, никогда не жила насилием и хищничеством, не занималась грабежом и воевала только поневоле. Оттого и идея русская, по всей справедливости, может быть названа «миротворной». Начиная от принятия христианства и последовавшего после этого нашего племенного и государственного объединения, и до освобождения крестьян уже в нашем столетии, все у нас совершалось замечательно мирно и спокойно. Эта особенность нашей истории, резко отличающая ее от истории западноевропейской, в которой, например, моменты государственного объединения всегда сопровождалась кровопролитиями, а процесс роста той или другой национальной идеи, или сословиях прав, или религиозной свободы всегда захватывал века кровавой и отчаянной борьбы. Напротив, какое-то священное, величаво-торжественное и тихое настроение охватывало русский народ всегда, когда ему приходилось совершать какой-либо великий исторический подвиг или переживать великий момент своей истории. Наш героизм не картинный, не кричащий, не бьющий напоказ; наш героизм – это тихое, спокойное и смиренное исполнение нашей мировой задачи, как предуказанного Провидением долга. Таков был, по нравственному характеру, и подвиг жизни и деятельности незабвенного Царя-Миротворца. В его созидательной государственной работе мы видим, как еще более утвердились и определились мирные задачи русской идеи. Говорим: яснее определились; говорим так потому, что русская идея не вчера явилась, не есть какая-либо неожиданность, не есть нечто, созданное личным желанием покойного Государя; Он явился величаво-прекрасным ее выразителем, а корни ее уходят в глубь веков и органически связаны со всей нашей историей. В его царствовании и в его лице, по выражению поэта, то, что «на Руси было лишь чувством и преданием, как кованной броней закреплено сознанием». Старые Московские князья-собиратели оставили нам государственное объединение; Великий Петр объединенному и окрепшему после смутного времени государству сообщил великие блага европейского просвещения: русская идея в наше время имеет задачей подавить все жесткое и внешнее, что по необходимости допускается и допускалось в деле объединения,

претворить, пресуществить в себя европейское просвещение, – и все это как бы христианизировать, т.е. всему этому дать глубочайший нравственный смысл и нравственное направление, из орудия пользы обратить в орудие нравственного развития, и из орудия царства человеческого обратить в орудие царства Божия. «Всякое просвещение и всякое духовное начало, не вполне еще проникнутое человеческой любовью, имеет свою гордость и свою исключительность. Но русской земле была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не вытекающей из правды христианской, или идея правды, противоречащей чувству любви»²⁰⁴.

Вот почему глубоко правдивы слова записки, составленной при учреждении нашего Общества и выяснявшей его цели и стремления: «Претворив в себе все те начала западного просвещения, которые были ему нужны для создания государства, русский народ вступает отныне на поприще всемирной истории, в семью других народов, как равноправный ее сочлен, во всеоружии им самим созданных и всем миром признанных прав самостоятельной и самобытной личности».

Каково же это вступление, и что оно несет с собою?

В библии есть рассказ о том, как однажды пророк и судья Самуил посетил город Вифлеем. Было тревожное время. «Старейшины города с трепетом вышли навстречу ему и сказали: мир ли вход твой, о, прозорливче? И рече: мир! Пожрети Господу приидох; освятитесь и возвеселитесь днесь со мною, – идите к жертвоприношению»²⁰⁵.

Если бы русскому народу, в момент вступления его на поприще всемирной истории, был предложен тот же вопрос: «Мир ли приход твой?»; если бы русской идее в момент, когда она засияла во всем блеске, созданная народом и возвещенная миру покойным Государем, был предложен тот же вопрос: «Мир ли приход твой?», – то с полным правом на эти вопросы русский народ, опираясь на все свое прошлое, мог бы отвечать: «Мир! Для жертвоприношения Господу пришел я; освятитесь, возвеселитесь ныне со мною, идите к жертвоприношению»... Да, русская идея воистину на челе своем имеет огненными словами начертанную надпись: *«Слава в вышних Богу, мир на земле, благоволение в человеках»*. Вот почему, чуждая национальной гордыни, хищничества и насилия, не опасна, не гибельна она ни для каких племен, с которыми она велением исторических судеб, т.е. волею Божией, соприкасается. Это не значит, конечно, что русское в ней слилось с нерусским и, обезличившись, перестало быть самим собой. Напротив, в лице почившего Государя мы видим именно торжество русского самосознания. Смирение народа не есть

отречение от своей личности, и широкое христианское отношение ко всем окружающим не есть потеря своей духовной физиономии. Безродные шатуны никогда не были и никогда не будут великими в истории; они везде – только обуза человечества. Поэтому русская идея, являясь широко-человечной, тем более остается русской, и в нравственно-религиозной основе находит свою характеристическую черту и существенный признак. С этой именно стороны видна она в самом самодержавии нашем, которое под сенью веры православной является исключительно созданием и достоянием русского народа, и которое сильно только и исключительно внутренней нравственной силой; видна она в миротворной деятельности того именно Царя, который явился ее ярким выразителем; видна она в деятельности его Царственного Сына, среди бранных помыслов и бряцания оружия напомнившего так недавно о мире всего мира, и во дни последнего пасхального паломничества в Москве приносившего трогательную и знаменательную молитву: «Да благословит Господь Российскую державу, прочно покоящуюся на незыблемой истине православия, свято хранящего вселенскую правду любви и мира»²⁰⁶.

Широко-человеческая, воистину христианская, проникнутая возвышенным нравственно-религиозным характером, покоящаяся на вселенской правде любви и мира, чуждая корыстных эгоистических замыслов, русская идея, и она одна здесь, на Кавказе, принесет мир, покой и благоденствие его народам. Они обретут в ней высшее духовное единение между собой, порядок жизни внешней, и вместе нравственную устойчивость и высоту интересов жизни внутренней, духовной. Они обретут в ней освобождение от принижающих мелочных интересов и мелочных домашних, оставленных в наследие минувшей историей, распрей и счетов; они обретут в ней смысл существования, т.е. средство приобщения ко всемирно-исторической жизни и средство освящения в возвышенных религиозно-нравственных стремлениях святой Руси... А «правда возвышает всякий народ»... Близится день столетия со дня присоединения нашего края к России; минувшее столетие – время, не особенно большое для целой страны, – и, тем не менее, оно покажет воочию всю истину слов Императора Александра I-го, которыми он утвердил окончательно присоединение Грузии к России: «Не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и без того обширнейшей в свете Империи приемлем Мы на Себя бремя управления царства Грузинского. Единое достоинство, единая честь и человечество налагают на Нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращение их скорбей, учредить в Грузии наше

правление»...²⁰⁷

Только безнадежная слепота, только упорство злобы, намеренно закрывшей глаза на истину, не видят этого великого значения для нашего края тех начал, которые принесены сюда русской идеей, и которым члены нашего Общества желают служить здесь *«оружием истинного знания, трезвой мысли и твердого слова»*.

Таким образом, несомненно, предстоит борьба, хотя и бескровная, с этой намеренной или ненамеренной слепотой. Но не будем смущаться этим. Ведь все великое вступало в мир путем труда и подвига горячих ревнителей блага, и для утверждения своего опять требовало и труда и усилий. Само царство Божие, и оно *«силою берется, и употребляющее усилие получают его»* (Мф. 11:12). То же и во всех областях жизни, то же и в деле развития и расширения русской идеи. Московские князья-собиратели дали последующим поколениям завет продолжать их дело; Петру Великому должны были последовать и последовали столетия упорной работы продолжения его просветительной деятельности; наш долг, как современников Императора Александра III, и долг последующих за нами поколений состоит в том, чтобы продолжать освещать, осмысливать и путем бескровной борьбы, мирной и не озлобляющей, утверждать в умах и сердцах, и особенно среди молодого поколения, основные начала русской идеи и русского самосознания. Ибо *«принадлежать народу, значит с полной и разумной волей сознавать и любить нравственный и духовный закон, проявившийся в его историческом развитии»*. Но да не будет это познание только научным и теоретическим. *«Есть другое, высшее познание, – познание жизненное, которое может и должно принадлежать всякому великому народу»* (Хомяков).

Да растет же, и ширится и крупнеет здесь силами и деятельностью открываемый отдел Общества ревнителей русского исторического просвещения, и да будет благословение успеха его деятелям! Старые русские люди говорили: *«Только коренью основание крепко, то и древо неподвижно; только коренья не будет, к чему прилепиться?»*²⁰⁸. Эти слова положены во главу угла в деятельности нашего Общества. Пусть же именно *«жизненным познанием»* исходит от него и широко распространяется здесь ясное и правильное понимание тех начал, которым служит наше Общество, на пользу и нашему краю и всему великому нашему отечеству. Да будет присно во благословениях имя великого душой незабвенного Государя Императора Александра III-го! Да будут приложены дни на дни и лета на лета его Царственному Сыну,

Продолжателю и Носителю его заветов! Да умножит Господь дни и лета Государыни Императрицы, в день рождения Которой сегодня мы открываем наш отдел: избранная почившим Государем в спутницы жизни его Первенцу-Сыну, Свидетельница его праведной кончины и Участница всероссийской о нем скорби, и Она является живой связью нынешнего царствования с предыдущим, залогом благословения почившего Царя-Праведника Венценосному Сыну и Его царству.

Да растет же и крепнет Его Государево земское дело и, по старинному выражению предков наших, «да приидет же русское царство все в достоинство».

Подойдите сюда, братцы, поближе; хочу я сказать вам несколько слов по поводу нынешнего торжества в вашем поселении. Вот сегодня, в радостный для всей России день восшествия на престол нашего дорогого Государя Императора, вы видите здесь у себя в вашем малом, скромном и еще недавнем поселении именитых слуг царских. Среди служебных занятий, среди трудов своих и сложных обязанностей они нашли время, чтобы прибыть к вам сюда и привезти вам дорогой, самый дорогой подарок – школу для детей ваших. Для чего этот подарок и почему он так дорог? Для чего это так сделано, что из всех построек здешних лучшая – это школа? Для чего это так сделано, что прежде, чем хорошенько, прочно и окончательно устроить здесь ваши хозяйства и весь крестьянский обиход, постарались построить хорошо и прочно и с большими заботами эту школу, при всей скудости средств переселенческого общества, заботящегося о вас, при других неотложных нуждах?

В пояснение этого, послушайте, братцы, я расскажу вам нечто из святого евангелия. Однажды Иисус Христос был в пути со Своими учениками; изнемог Он и, усталый, сел у колодца, а ученики пошли в город купить пищи. В это время подошла к колодцу простая женщина за водой, и вот Спаситель, усталый, нуждающийся в отдыхе и пище, в подкреплении Своих сил, как бы совершенно забыл обо всем этом и повел с пришедшей женщиной продолжительную беседу о Боге, о храме, о том, как нужно молиться Богу и служить Ему и волю Его исполнять. Возвратились между тем апостолы из города и, заботясь о своем Учителе, стали просить Его: «Учитель, ешь!» Но Он сказал им: *«У меня есть пища, которой вы не знаете. Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его»* (Ин. 4). Так, братцы, и для всякого человека есть высшая духовная пища, которая драгоценнее и нужнее обыкновенной пищи, важнее всяких земных забот. И Спаситель про это говорил нам и учил: *«Не хлебом одним жив будет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»* (Мф. 4:4). Вот для того, чтобы дать вам хлеб духовный, высшую духовную пищу, которая будет питать ваши души, чтоб учить вас и ваших детей знать и исполнять волю Божию, – для этого и привезли вам сюда слуги царские и ваши радетели этот дорогой подарок – школу. Этим они хотят показать вам, какие у них желания относительно вас, что они хотят видеть в вас.

Дай Бог вам иметь и прекрасные жилища, и обильные урожаи, и

постоянные хорошие заработки, и устроенные в порядке хозяйства; во всем этом полезна, и очень полезна, вам будет грамотность и помощь школы: но все это не главное. Главное, чтобы вы имели в душах ваших жилище Богу, чтобы вы изобильны и богаты были на добрые дела, чтобы вы имели успех в постоянной работе над своими душами, чтобы вы устроили каждый у себя внутри, в душе и сердце, все в порядке, хорошо, по совести, по-Божьему! Пусть школа всему этому научит ваших детей, а вы и сами прислушивайтесь, да присматривайтесь, чему учат в школе, что говорят вашим детям. Грамотность тогда, кроме пользы душевной, поможет вам устроиться и в доме, и в хозяйстве. Сами вы нередко говорите: «Мы – народ темный, не знаем того и другого»; сами, значит, чувствуете вы, как тяжело без знания, без грамоты. Пусть же грамотность научит вас и как спасать душу, и как беречь тело, и как богатеть душой, и как устраивать лучше и земную жизнь нашу. Не все среди вас грамотны, и, конечно, не раз в жизни приходилось этим неграмотным пожалеть о своей темноте. Постарайтесь же, братцы, чтобы дети ваши не терпели того, что вам приходилось терпеть, чтоб они пришли к свету ученья. Поэтому и любите, и почитайте вашу школу, заботьтесь о ней, помогайте ей, чем можете, и постарайтесь, чтобы все дети вашего поселения учились в ней.

Теперь подойдите вы ко мне, детки. Вот, вы слышали, что говорилось вашим родным. Если они должны любить школу, то тем больше, особенно горячо должны ее любить вы, дети. Это ваша школа, ваше сокровище, ваша драгоценность; в ней вы получите для себя много хорошего, светлого, спасительного. Старайтесь же вы в ней учиться усердно, охотно, с любовью. Помните русскую пословицу: «Ученье – свет, а не ученье – тьма». Школьное ученье познакомит вас и с высшим небесным светом и ученьем, которое открыто нам в святом евангелии. В школе сами вы научитесь читать эту святую книгу и узнавать из нее, что хорошо, что дурно, и в чем воля Божия. Узнаете то, что есть для нас самого священного, нужного и дорогого: о Боге, об этом мире, о человеке, о нашей душе, о жизни будущей, счастливой и светлой для праведников, бедственной и тяжелой для грешников, о путях к Богу, о жизни, и делах, и об учении нашего Спасителя. Будете тогда разуметь молитвы и других этому учить; скоро, даст Бог, устроится у вас своя церковь, – будете тогда в ней и петь, и читать, яснее станет вам тогда церковная служба, яснее станет тогда вам и святая вера наша. Уж для одного этого стоит научиться грамоте. Но она сообщит вам и многое, многое другое, даст вам знание и о небе, о земле, о разных людях, о разных странах, о своей родине, научит вас разумно жить на земле, обходиться с людьми, разъяснит вам многое,

что вы видите кругом себя. Знание, дети, – что ключ к замку, который висит на сундуке с разным добром: и твой сундук, и твое добро, да без ключа и не отопрешь, и не возьмешь его. Так с грамотой вы кругом себя легче будете брать из мира Божьего все доброе и полезное. Но все же, главное то, что грамотность научит вас знать и то, что вы чувствуете внутри себя. Узнаете о том, кто это внутри нас как будто следит за нашими поступками и мыслями и иногда говорит нам: «Остерегись, не смей этого делать; это грех»; а иногда, напротив, говорит нам: «Вот это сделай, поспеши, это хорошо, очень хорошо, это Богу угодно». Заметите, что если не слушаешься этого голоса, что-то как червь гложет сердце и укоряет нас, а слушаешься – словно мать родная, ласкает, хвалит, одобряет. Узнаете, что это совесть, голос Божий в человеке... О, детки милые! научитесь, научитесь и узнавать, и слышать, и слушать этот голос и исполнять приказание его!

Так мы хотим, чтобы вы здесь не только становились все умные и смьшленные, но чтобы вы становились все более и более набожными, послушными, честными, работающими и добрыми. А когда выучитесь, дети, не думайте, что тогда можно вам возгордиться перед другими, по гордости искать себе другого места житья или службы, оставить семьи и дома и уйти куда-нибудь от крестьянской работы за легким трудом... нет, дети, нет! Не этого хочет школа, не этого хотят от нас Государь и Его слуги. Нужно вам здесь в своих семьях остаться, и работать, и здесь служить Богу и Царю, и быть хорошими русскими людьми, чтоб и другие люди, которые здесь живут, не русские, но подданные нашего же Царя, увидя вас хорошими, добрыми, умными, честными, умелыми, увидя вашу устроенную жизнь, полюбили бы и веру нашу, и нашу милую родину, Русь святую, и у вас бы учились всему хорошему!

Дай же Бог вам здесь, в этой школе, учиться с успехом и возрасти Создателю нашему на славу, родителям на утешение, Церкви и отечеству на пользу! Аминь.

Молитва за Царя²¹⁰

Молю прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за Царя и за вся, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте. *Сие бо добро и приятно* пред Спасителем нашим Богом (1Тим. 2:1–3).

Нынешний церковно-государственный праздник, посвященный молитве о Государе и Его Царствующем Доме, в день рождения Августейшей Его Родительницы Государыни Императрицы Марии Феодоровны, застает нас среди тревог Ее материнского и нашего верноподданнического сердца. Вы догадываетесь, конечно, возлюбленные соотечественники, что мы разумеем болезнь, постигшую нашего возлюбленного Царя в последние дни, в которые на всем широком пространстве нашего отечества русские люди участливо и тревожно прислушиваются ко всяким известиям о состоянии здоровья Государя.

Когда нас или близких нам людей, жизнь и здоровье которых нам чрезвычайно дороги, постигает болезнь, мы нередко вдруг начинаем понимать многое, дотоле нам неясное и непонятное. В таких именно случаях научаемся мы ценить тот дух любви и участия, который повелевает христианам «плакать с плачущими» (Рим. 12:15) и который находит для себя высшее выражение в молитве. Обыкновенно, мы так привыкаем к слову «молитва», мы так, можно сказать, злоупотребляем этим словом, мы так часто относимся к молитве, как к чему-то внешнему, иногда просто формальному, как к требованию приличия, обычая, известных общественных отношений, – что нередко за всем этим скрывается и гаснет дух истинной молитвы и ее вдохновляющее начало. А, между тем, что такое молитва друг за друга? Она есть, прежде всего, пламенная вера и любовь к Богу и искренняя, сердечная любовь к ближнему. Встречаясь с человеком мало знакомым, с которым мы не чувствуем внутреннего сродства, мы никогда не станем просить этого случайного встречного: «Помолитесь обо мне». Но дети пред отцом и матерью, но друзья горячие и задушевные, но люди, взаимно связанные крепким союзом искренней любви и уважения, знающие внутренний мир друг друга и единомысленные в вопросах высшего порядка, – такие близкие люди в особо важных обстоятельствах жизни, в минуты горячности чувств вдруг в письме или в личной беседе просят один другого – «Молитесь за меня»... И когда мы больны, или когда мы переживаем что-либо особенное в жизни, в эти минуты знать, что есть

участливые души, которые за нас молятся по влечению доброго и любящего сердца, – знать это составляет величайшую отраду и радость, а в болезни видеть у своей постели близкого и любящего человека, склонившегося в жаркой молитве за нас, – это значит получить высшее утешение и самое ясное и безошибочное доказательство любви к себе и преданности.

Братья-соотечественники! Ныне вся Россия, можно сказать, склонилась в такой именно мольбе у болезненного одра нашего возлюбленного Государя. И вот высшее церковное священноначалие, хранящее дух христианской участливости ко страждущим, дающее образ верноподданнической преданности Венценосному Помазаннику, чуткое к движениям души народной, благословляет и призывает нас вознести наши моления об исцелении возлюбленного Монарха нашего от постигшего его недуга. И если всегда нужно помнить наставление апостола *«прежде всех творити моления за Царя и за вся, иже во власти суть»*, если всегда представление о царственных заботах и трудах и постоянных тревогах Царя обширнейшего в мире царства вызывает в нас участливую молитву о нем, – то особенно это нужно сказать теперь, в настоящие минуты, при настоящих обстоятельствах.

Да вознесется же наша горячая молитва к Престолу Вседержителя из глубины любящих сердец. О, Господи, Царю царствующих и Владыка владеющих! Нашей любовью смиренно молим Тебя: нашей любви народной сохрани ее Сокровище!

Дни на дни приложи Царю и лета на лета! Умножи дни Его в нерушимом здравии и непремяемом благополучии, да совершит в крепости сил вся во славу Твою и во благо народа Своего, да и мы тихое и безмолвное житие проживем во всяком благочестии и чистоте. Он дорог нам, бесконечно дорог наш молодой Государь, дважды спасенный рукою Промыслителя, Носитель высших евангельских заветов христианнейшего в мире народа, хранящий мир всего мира, в Своей обаятельной кротости близкий и родной русской душе боголюбивой и привлекающей к Себе сердца народов далеко за пределами России. Он дорог нам, наш Государь, не знающий отдыха в царственных трудах и заботах о благе нашего отечества, об его просвещении, об его внутреннем и внешнем созидании.

Мы молим, мы верим, что нынешние скорбные обстоятельства – только временное испытание царелюбивому народу. Оно пройдет, это испытание, и *«вечер водворится печаль, а завтра радость»* (Пс. 29:6); но это испытание да будет нам в научение и назидание: пусть больше и больше возгорится пламенем любовь наша к Государю, пусть этими

могучими и властнонерасторжимыми узами соединятся души наши с Венценосным Вождем нашего отечества. О, крепка, могуча сила любви! Русский народ всегда был народом царелюбивым, и это свойство является в нем как бы его природной чертой. С Царями народ наш пережил и тяжелые годы своего исторического бытия, с ними же и от них видел он и получил много дней радости и могущества. На Царе наш народ утверждает свое общее жизненное благо. Царь для него – Отец всех членов русской семьи, Носитель и Представитель человеческой правды, возможной на земле. В Царе он видит основание своей свободы, равенство в правах гражданских пред всеми соотечественниками и защиту от врагов внешних и внутренних. Истинно русский с самого младенчества воспитывает в себе любовь к своему Царю, беззаветную к Нему преданность, простирающуюся до пожертвования своей жизнью. И начиная от времени нестроения в нашей земле и создания русского единогодержавия, во всех горестях и смутных временах своей жизни и до последних дней в крепкой взаимной любви Царя и народа Россия почерпала великую нравственную мощь, ею жила и живет доселе. Вместе с верой и любовью к Богу, непоколебимая, веками утвердившаяся, благословенная и освященная Церковью любовь к Царю служила могучим оплотом нашей народности в исторических судьбах ее.

А вера и любовь разрешаются в молитву: сие бо добро и приятно пред Спасителем нашими Богом. Да будет же горяча наша молитва о Царе нашем, вместе с молитвой об Его Августейшей Матери, и да сохранит Его Господь любви нашей, любви народной на многая лета! Аминь.

Печатное слово²¹¹

Да будет слово ваше – «слово благое к созиданию, слово здоровое, незазорное» (Еф. 4:29; Тит. 2:8).

Священный бытописатель первых времен мира представляет нам человека венцом творения, царем и как бы священником вселенной, которая в нем опознала себя и, впервые озарившись сознанием в нем и чрез него, стала пред Творцом в великом предстоянии хвалы и благодарения. Здесь же Библия изображает, как этот царь всей твари вводится в свое царственное достоинство. Что же он делает при этом? В чем проявляет он свое высшее происхождение и назначение? В чем показывает свое господство над окружающей природой? Удивительный ответ дает нам Библия. По ее изображению, достоинство первозданного человека проявляется не в требовании трепета и поклонения со стороны тварей, не в величественных и поражающих знаках властительства, а только в том, что он *нарекает имена животным*. Так разумное слово в устах человека явилось первым знаком и печатью его высшего происхождения, его царственного в мире достоинства и господства над тварью бессловесной.

С тех пор прошли века и тысячелетия над человечеством; переживало оно времена падения и удаления от Творца своего; соединялось с Богом в союзе заветном; получило, наконец, воссоздание и искупление в лице Богочеловека: но всегда и везде слово оставалось у него, как высший, неотъемлемый дар Бога и отражение Его образа. Ибо и в делах Самого Творца «*словом Господним небеса утвердишася*» (Пс. 32:6), словом вызван мир из небытия, словом же дано падшему человеку первоевангелие о Спасителе, и словом же в целом ряде веков Бог открывал людям волю Свою, когда являлся Своим избранникам, которые, в свою очередь, словом устным и письменным передавали людям вещания Божественной истины. И было «*слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные*» (Евр. 4:12). Когда же в неведомой любви Сама Истина – Сам Бог явился в мире воплощенным и обитал с нами, в полноте благодати и истины, Он благоволил назвать Себя Словом, в неустанном труде словом Он учил людей, а самовидцы и служители Слова воплощенного потом прошли весь мир с благовестием принесенного Им слова спасения. И было властно в мире слово служителей Слова: во всю землю изыде вещание их, в концы вселенной

слово их; оно победило царей и царства и, пересоздав нравственно людей, призвало их в новое и вечное царство, – в царство Божие, в Церковь Христову. Среди трудов и попечений об устройении этого всемирного царства Божия они уклонялись от всяких других забот и, предоставляя их особо избранным лицам, о себе говорили: *«мы же в служении слова пребудем»* (Деян. 6:4); среди обстоятельств, внушавших полное отчаяние в успехе дела, они слышали возбуждающий голос своего Спасителя, обращавшего их к тому же вечному орудию слова: *«Говори, Павел, не бойся, говори, и не умолкай»* (Деян. 18:9); связанные и в темницах, накануне мучительной смерти, они вселяли бодрость в гонимых, и мужественно говорили: *«слово Божие не вяжется»* (2Тим. 2:9).

И что еще глаголю? Не слово ли соединило людей в общества, создало города и царства? Не словом ли живут и пользуются знание, мудрость, наука, искусства, добродетель, закон? В молитве оно восходит к Богу, беседует с Ним, принимает от Него просимое. История знает и мир видел, как слово человеческое, подкрепленное правдой веры и святостью жизни, призывало ангелов, прогоняло темные силы, повелевало природе, укрощало зверей, исцеляло больных, воскрешало мертвых, повелевало облакам, изменяло состав воздуха, запрещало и низводило дождь на землю. Воистину исполнялось дивное и единственное в истории мира предречение о силе слова: *«Иже аще речет горе сей – двинися и верзися в море: будет ему, еже аще речет!»* (Мк. 11:23.)

Достопочтенное собрание! Не открывая в настоящие минуты нового органа печатного слова, мы в среде руководителей и работников старейшего в нашем крае представителя печати все же переживаем сейчас момент, когда уместно и благовременно напомнить себе и другим все то, что сказано нами о высоком значении человеческого слова. В области духовных явлений повторяется то, что мы замечаем в области явлений физических: чем с большей высоты упадешь, тем сильнее расшибешься... В области духа это значит: чем выше дар, которым злоупотребляют, тем больше, тем глубже вред от злоупотребления. Ни для кого не тайна, что этой участи не избегло и человеческое слово: *благий человек от благого сокровища сердца своего износит благое, а злой человек от злого сокровища сердца своего износит злое: от избытка бо сердца глаголют уста его...* (Лк. 6:45). Являясь орудием зла и греха, слово человеческое приносит плод по роду своему, – и нужно ли указывать, как извращаются в этом случае человеческим словом и нравственные, и религиозные, и житейски-бытовые понятия и отношения то с ученой кафедры, то в народной молве, а чаще всего – в ежедневной, нестрогой в выборе

предметов и суждений и неразборчивой во вкусах печати? Нужно ли говорить, как часто здесь истина перемешивается с ложью, прекрасное выставляется безобразным, преступное выдается за естественное и честное? Нужно ли отмечать, как нередко вместо положительной работы «к созиданию» (Еф. 4:29) слово человеческое служит темным силам отрицания и разрушения, производя соблазн, смуту и шатание в умах молодых и нетвердых и подготавливая в будущем распадение общества? Нужно ли, наконец, добавлять, как слово здесь является, по замечанию апостола, «прикрасою неправды» (Иак. 3:6), прикрывая клевету, злобу и легковесное критиканство блестящими фразами о высших интересах – о благе общественном, о правах человека, о свободе убеждений и совести, о свободе слова, смешиваемой с разнузданностью, о свободе чувства, смешиваемого с чувственностью, о счастье угнетенных и оскорбленных и т.д. Наше время особенно страдает этими недугами и наше именно время изобрело это лукавое, можно сказать кощунственное, печальной известности, изречение, что язык нам дан для того, чтобы скрывать свои мысли...

То самое Священное Писание, которое считает слово печатью Божественного избрания человека, ясно из глубины минувших веков предупреждает нас от этого извращения Божественного дара. «Нечестивые, – говорит оно, – расставляют своими словами сети для неопытных» (Притч. 12:6); «гортань их – открытый гроб, яд аспидов под устами их» (Пс. 5:10, 139:40); «уста их полны злословия и горечи» (Пс. 9:28). «Удар бича наносит рубцы, которые скоро заживают, но злоречивый язык причиняет неисцельные раны. Многие пали от острия меча, но не столько, сколько падших от злоречия» (Сир. 28). «Смерть и жизнь во власти языка» (Притч. 18:22). «Никакое гнилое слово да не исходить из уст ваших» (Еф. 4:29); напротив: «слово ваше да бывает всегда во благодати, солию растворено» (Кол. 4:6), – «слово здоровое, незазорное» (Тит. 2:8).

Да будут же памятны нам в служении слову печатному эти наставления вечного слова. Наше время, наш край нуждаются в положительной работе разумного слова посреди смуты и разногласия в нравственных, государственных и общественных воззрениях. И здесь ему предстоит и великая созидательная работа, и вместе с тем, естественно, и великая борьба с темными силами. Да будет же навсегда знаменем нашего органа и целью стремлений жизнь, а не смерть; да будет его слово, по завету апостола, – слово здоровое и незазорное, не к разрушению и отрицанию, а «слово благое к созиданию». Аминь.

Праздник веры и радости²¹²

Один из глубокомысленных ученых прошлого века, Монтескье, которого трудно заподозрить и упрекнуть в каком-либо религиозном или другом пристрастии, рассуждая о христианстве, высказал следующее замечание: «Удивительное явление! Христианская религия, по-видимому, имеет в виду только блаженство будущей жизни человека, между тем основывает также счастье его и в настоящей жизни». Хочется остановиться на этих словах в нынешний праздник веры и радости. Слишком подавляет нас ежедневная сутолока жизни, слишком резко бросается в глаза зло, так что за этим печальным зрелищем мы не видим радостной и бодрящей надежды, не видим залогов светлых и отрадных чаяний, – и пессимизм все более и более охватывает современную мысль, становясь господствующим настроением века. Великие праздники Церкви, великие воспоминания должны отрезвить и ободрить мысль, готовую впасть в безнадежное уныние, отравляющее всякую деятельность. Таков и настоящий праздник, таковы и нынешние воспоминания. Прошлое всегда должно быть указателем для настоящего и будущего, и в прошлом современность всегда найдет неумолкающее поучение.

Что такое был мир до Христа, и что принесло ему христианство?

Неизмеримо влияние христианства в области собственно просвещения разума человеческого в тех вековечных вопросах, которые метко указаны поэтом:

В чем состоит существо человека?

Откуда пришел он? Куда он идет?

Кто там вверху над звездами живет?

Для этих вековечных вопросов всегда открыт наш дух, но о них самые лучше мудрецы вне христианства только гадали, составляя себе смутные понятия. Прояснение этих понятий имеет величайшее значение для жизни человека, и мы сами не замечаем, как христианство в этом отношении обновило и преобразовало мир; не замечаем и того, что даже в тех случаях, когда люди открыто отступают от христианства и создают иные начала и основы жизни, они неприметно для себя пользуются его благотворным светом; так, солнце, скрывшееся за тучами или только что закатившееся на западе, все же светит нам хоть отраженными лучами...

Но если от этой возвышенной и неизмеримой области мы спустимся в область более доступную и видную, – к отношениям и складу жизни общественной, то и здесь увидим величайшую победу, победившую мир и

даровавшую людям источник вечной надежды и радости.

Можно сказать, христианство внесло обновление в мир и спасло его от окончательной гибели и разложения одним кратким словом: *Бог – любовь есть*. И до Христа знали о нравственности, говорили о доблести и добродетели, но прав был один из мыслителей-христиан, когда добродетелям древнего мира дал остроумное определение: *splendida vitia* – блестящие пороки. Воистину, только у Христа заповедь о любви является заповедью *новой*, утвержденной на сущности внутренней жизни Самого Божества, данной людям не в отвлеченных словах, не в туманной и недоступной дали бесплотных идеалов, а на реальном Носителе любви, на примере жизни и деятельности воплощенного Бога-Искупителя. Никогда еще нравственные начала не были утверждены так прочно, и никогда и в будущем не получают они основания более твердого и устойчивого. Из этой новой заповеди выросла и новая жизнь человечества. Жизнь его прежде Христа была подобна виденному некогда пророком свитку, на котором вписаны были слова: рыдание, жалость и горе... Уже оно было на краю гибели, уже оно задыхалось в атмосфере неверия, сомнения, эгоизма и ужасающей безнравственности; уже утопало оно в крови и слезах бесчисленных рабов, угнетенных и забитых народов, гибло в безграничной и непроходимой пропасти, лежащей во взаимных отношениях отдельных лиц, сословий, племен, народов и государств. Вопль безнадежного отчаяния проносится над миром. «Боги желают людям гибели», – замечает Тацит. «*Patet exitus*», – говорит Плиний, и этот *exitus* указывает откровенно только в самоубийстве. Но вот, как некогда над перевозданным хаосом, раздалось творческое слово, слово Христа, и все было соединено небесным началом любви, небесным учреждением для земли – учреждением вселенской Церкви, этого града и царства Божия, этой носительницы и хранительницы нового и вечного завета Бога с человечеством. Процвела пустыня пышным цветом; трагическая картина разлагающегося древнего мира сменилась отрадными видами нового, христианского общества, выросшего на почве древнего, по выражению одного апологета, «подобно тому, как белая лилия вырастает на гноище болотной почвы». Проповедью любви и искупления христианство внесло понятие о религиозно-нравственном братстве и равенстве людей в тот мир, в котором даже лучший представитель его, Сократ, «ежедневно благодарил богов за то, что он грек, а не варвар, мужчина, а не женщина»... Христианство внесло и понятие о добродетели туда, где имя добродетели заимствовано было от имени военной храбрости и отождествлялось с нею; христианство постепенным смягчением сердец ослабило, потом

уничтожило рабство, эту позорную и, казалось, неисцельную язву, разъедавшую весь организм древнего мира, который так свыкся с нею, что устами Аристотеля заявлял: «В доме гражданина необходимы двоякого рода орудия – безжизненные и живые, первые – неодушевленные рабы, вторые – одушевленные, но душа раба неодинакового свойства с душой господина!» Христианство собственно впервые создало семью в истинном смысле этого слова, создало своим высоким учением о святости семейного союза, который должен утверждаться не на основе грубости, чувственности, принуждения или страха, а на началах взаимной любви и преданности; этим возвышено было значение женщины, о которой древние говорили не иначе, как о существе, назначенном «проводить жизнь в скрытых местах и темноте» (Платон): из рабыни, равной другим рабыням мужа, из гетеры, созданной для каприза мужчины, она сделалась членом семьи, матерью в высшем и лучшем значении слова и даже более – вдохновителем духовной, религиозно-нравственной жизни семейства. Вместе с тем и дети стали рассматриваться не как будущие воины, на это только и пригодные, и достойные жизни или смерти в зависимости от того, обещают ли они быть физически крепкими или слабыми: в обновленной семье они явились благословением Божиим, будущими носителями и продолжателями того великого нравственного процесса оздоровления и возвышения человечества, которому начало положил Христос.

В дальнейшем влиянии своем на жизнь человечества христианство, как религия любви, спустилось туда, где всего более проявлялась бессердечная жестокость древнего мира – к разным несчастливцам, сделавшимся такими от природы, по собственной вине или по стечению неблагоприятных обстоятельств, – к людям голодным, нагим, бесприютным, убогим, калекам, осужденным, ссыльным... На них древний мир смотрел с холодным презрением и самое сострадание к ним считал не избытком жизни духа, как в христианстве, а слабостью и малодушием. Платон замечает о них: «Если они больны, не стоит заниматься с ними: неспособные к занятиям, бесполезны они для жизни». Плавт говорит еще более выразительно: «Что дают нищему, то теряют; подаянием длится бесполезная жизнь». Вероятно, поэтому и Виргилий в числе достоинств идеального мудреца указывает и то, что при виде несчастного он не унижится настолько, чтобы почувствовать к нему жалость и протянуть ему руку помощи. Как далек теперешний мир христианский от этих воззрений, которые, не нужно забывать, высказывались лучшими представителями древнего мира! Правда, встречаются и теперь пережитки этих диких

воззрений, вроде проповеди о сверхчеловеке, стоящем по ту сторону добра и зла (Ницше): но справедливо эта проповедь считается признаком душевной болезни ее автора. Правда, и устами новейшего романиста милосердие объявляется потерпевшим крушение, и вместо него объявляется основой жизни справедливость (Золя в ром. «Париж»): но настолько христианство вошло в мирозерцание людей, что подобный призыв одними остался незамеченным, на других не произвел впечатление, а в общем никого не увлек. Христианство явилось пред человечеством с особым усиленным и настойчивым ходатайством за всех несчастных; им христианство по преимуществу усвоило название меньших братьев и милость к ним отнесло к Самому Христу. И вот во имя учения Христова стали воздвигаться в мере благотворительные и просветительные учреждения, богадельни, больницы, странноприимницы, братства, союзы, приюты и школы; свет и теплота любви христианской стали проникать в самые дома заключения преступников, на места их наказания и ссылки, смягчая законы, изменяя взгляды на преступность, давая всем право защиты, отменяя жестокие казни и пытки; под влиянием христианства стали возможны примеры сотен и тысяч таких подвижников, которые во имя ближних отказались от личных радостей жизни и начали с того, что роздали все имущество бедным, что древний мир прямо назвал бы глупостью или сумасшествием. Правители народов стали возрастать и действовать в сознании обязанностей, а не прав, и само государство, – что уж совершенно чуждо древнему миру, – создало святых царей, и в числе первых задач своих поставило заботу о нравственном возвышении и просвещении подданных, возводя их от царства человеческого к царству Божию.

И доньше продолжается этот незримый процесс постепенного изменения и смягчения в человечестве понятий, нравов, взаимных отношений, самых законов и учреждений государственных. Не нужно поэтому смущаться видом человеческого невежества, безнравственности и себялюбия. Правда, нередко мы видим, как открыто попираются начала христианские и отдельными лицами, и целыми народами; правда, и доньше безбожные по несправедливости войны, из-за алчности и себялюбия, раздирают народы, и правые, но слабые гибнут под ударами сильных, – и нет ни одного народа, ни одного общества, в котором бы во всей полноте и жизненности осуществилось великое начало любви христианской. Но нравственные перевороты не могут быть ни механическими, ни насильственными; евангелие Свое Христос Спаситель сравнивает с закваской в тесте: путем медленным, но неуклонным и

постоянным, оно пройдет в тело человечества, пока не поднимет его все.

Процесс нравственного созревания мира не может остановиться, а может только временами замедляться. Но это дает нам основания не для уныния и отчаяния, а для бодрой работы, потому что впереди ее – светлое будущее: на новом небе и новой земле уже не будет места злу, а будет жить правда вечная.

Христианство еще не завершило своей миссии в мире, не прошло до конца своего пути, и его назначение состоит в том, чтобы внутренне очищать и возвышать жизнь человечества, пока будет оставаться на земле человечество. Но, смотря на то, что было до Христа, и что случилось после Него, смотря на этот величайший мирный переворот в человечестве, мы окрыляемся верой и светлой надеждой на победу добра. В этот светлый праздник веры и радости нам близко становится старое, но вечное и трогательное приветствие ангелов, воспетое в час явления в мир нашего Спасителя: *«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение»*.

Памяти К.Д. Ушинского²¹³

Слово Божие и церковное, провожая умерших «в путь всея земли», или поминая их по смерти, неизменно говорит нам о всех усопших: «*память их в род и род*». Такова вера христиан в вечную загробную жизнь, таково убеждение в непрестающем бытии духовной личности человека, такова уверенность в том, что память человеческая в церкви и в молитве обращается в вечную память пред Богом живых и мертвых...

Но то же слово Божие отмечает особенных людей, о которых не в этом только общем смысле личного бессмертия можно сказать: «*память их в род и род*». Оно говорит нам выразительно: «*Восхвалим славных мужей и отцов рода нашего. Есть между ними такие, которые оставили по себе имя для возвещения хвалы их, мужи, дела которых не забываются, тела их в мире погребены быша, а имена их живут в роды. Народ будет рассказывать об их мудрости, и Церковь станет возвещать их хвалу*» (Сир. 44:1, 8–9, 13–14).

Поистине таков поминаемый сегодня великий Сын земли святорусской Константин Димитриевич Ушинский. Поистине народ наш знает об его мудрости и возвестит ему хвалу. И поистине, память его в род и род, из поколения в поколения среди русских детей, в русской школе, которой он отдал всю свою жизнь и все великие дарования своего духа. Это он увидел в ученике «человека, как предмет воспитания», и, опираясь на дорогое для него «родное слово», дал ребенку в школе «детский мир», для него и поучительный, и глубоко интересный. Это он властно и самым делом разбил и показал ложь того присловья, сложившегося веками, что корень ученья горек, слишком горек для ребенка. Это он напомнил и указал грядущей русской школе старые и вместе вечно юные устои религиозности, без которых она и безлична, и бесплодна, и так опасна для народа, что из орудия созидания жизни обращается в средство ее разрушения... Зависть, злоба, клевета и недомыслие нередко отравляли дни нашего печальника народной школы при его жизни; но и доньше, с одной стороны, сознательная злонамеренность врагов религии и русского народа, с другой стороны, и бессознательное неразумие, жалкий космополитизм и педагогическое нечестие, которое смотрит на школьное дело, как на ремесло и средство к выслуге, – все это и доселе искажает великое его дело; печальнее всего то, что враги школы народной и религиозной, какова она должна быть по идее Ушинского, прикрываются именем покойного. Но не затенить навсегда мрачным тучами светлого солнца; врагам не

осилить великого и молодого народа, – и, верим, близится день осуществления лучших заветов поминаемого ныне убежденного служителя русской школы.

Оставляем и предоставляем другим указать на тот глубокий народный дух, на тот горячий патриотизм, которым был проникнут сам Ушинский и которому он отводил самое видное место в школьном воспитании. Как служитель Церкви, притом и в слове церковном, обращаю я ваше внимание на требования, которые предъявлял покойный педагог к школе и ее руководителям в смысле религиозном.

«Современная педагогика, – говорит он, – исключительно выросла на христианской почве, и для нас не христианская педагогика есть вещь немыслимая – безголовый урод и деятельность без цели, предприятие без побуждения позади и без результатов впереди. Можно ли себе представить, например, сколько-нибудь сносного учителя, который бы не коснулся в школе религиозных истин, если только он не занимается одним механизмом обучения, убийственным для детской головы? Мы требуем, чтобы учитель русского языка, учитель истории и т.д. не только вбивали в голову своим ученикам факты своих наук, но и развивали их умственно и нравственно. Но на чем же может опираться нравственное развитие, как не на христианстве? *Дело народного воспитания должно быть освящено Церковью, и школа должна быть преддверием Церкви*».

Таковы воззрения Ушинского. Золотыми бы буквами выбить эти слова на знамени нашей школы! Повторять бы, повторять бы их без конца всем, посвящающим себя делу обучения и воспитания молодых поколений, чтобы запомнить навеки эти слова, увы, к гибели нашей, нередко забываемые и пренебрегаемые! Но, может быть, кому-либо покажется, что Ушинский в приведенных словах его говорит о той, ныне модной, безличной и безразличной религиозности, которая не хочет знать Церкви и считать себя выше определенного исповедания и пустоту души и сердца прикрывает бессодержательными и туманными словами о широких идеалах «религии вообще». Нет, не нужно забывать, что, упоминая о религии, Ушинский при этом ясно и определенно подразумевает наше святое православие, говорит о нашей родной, бесконечно дорогой нам и, действительно, народной православной Церкви. Он страстно ждал и желал плодovitого сближения между этими двумя сторонами русской жизни – образованием и Церковью. «Если, – говорит он, – этого сближения еще не произошло, то в этом никак не виноваты основания православной религии, потому что православие есть единственная религия, представляющая все условия для такого сближения». И далее, после этих слов льется у

Ушинского воодушевленная, исполненная горячей любви речь о величайшем назначении православия. Редко можно найти в нашей литературе другое сочинение, где бы в кратких, но ясных и прочувствованных словах, с такою силою убеждения и искренности был разъяснен этот предмет, – для русских образованных и религиозных людей предмет величайшей важности²¹⁴.

Спаситель, обличая фарисеев, возвещал им «горе» за то, что они украшали и хранили гробы тех пророков, которых отцы их избивали, и последователей которых избивали и преследовали сами фарисеи. И мы можем оказаться в нравственном положении тех же фарисеев, если, поминая великих покойников, расточая им хвалы, будем далеки от их заветов и, еще хуже, будем топтать в грязь их идеалы. Близок день, говорим, когда заветы и идеалы Ушинского, нередко искаженные до неузнаваемости теми, которые служили его делу и прикрывались его именем, должны занять в русской жизни и школе надлежащее место. Молодым поколениям учителей и учительниц в этом деле предстоит важная задача: предстоит мужественно отстаивать в школе начала религии и народности, завещанные покойным автором русского «Родного Слова». Тоже предстоит и русской семье, в которой ныне все чаще и чаще мы видим образованную женщину. Недаром Ушинский верил в русскую женщину, недаром служил делу ее образования и с любовью предрекал ей успех в работе воспитания и обучения в семье и школе.

Ныне молитвою, а в жизни и деятельности осуществлением заветов покойного – только этим мы, действительно, исполним отрадное и светлое пожелание о нем святой Церкви: «память его в род и род». Аминь.

Женщина – христианка²¹⁵

В прошлое воскресенье, второе после Пасхи, Церковь наша воспоминала святых женщин евангельских, так называемых мироносиц; сегодня мы слышали за богослужением повествование книги Деяний Апостольских о воскресении ап. Петром доброй и благочестивой девушки Тавифы в Лидде; в следующий воскресный день назначается евангельское чтение о беседе Спасителя с самарянкой. Таким образом, мы стоим в круге таких священно-исторических событий и воспоминаний, в которых женщины занимают особенно видное место. В день учебного праздника нашей женской школы²¹⁶, – в день, когда мы, кроме того, прощаемся с этим священным алтарем и в последний раз совершили в нем святейшую бескровную и духовную жертву²¹⁷, – в этих совпадающих воспоминаниях естественно искать нам указаний и руководства для поучительных размышлений.

Почтим же с Церковью благодарным воспоминанием святых женщин евангельских. В земной жизни нашего Спасителя, даже в среде Его ближайших последователей, они занимают видное место. Когда раздалось первое священные слова Его проповеди о покаянии, когда разнеслись по лицу земли родной Его призывы к небу, к Богу, к вечности и святости, к спасению и к царству Божию, женские души сейчас же чутко отозвались на святое учение, и на обаяние святейшей личности Богочеловека. И, должно быть, радостно и отрадно женскому сердцу сознавать и слышать, что среди озлобленных врагов нашего Спасителя, среди той лжи и клеветы, зависти и ненависти, которые, соединившись вместе, сплели терновый венец Господу и вознесли Его на крест, среди этих темных и злых сил мы не видим ни одной женщины. Женщины, да еще дети с неизменною любовью относились к Нему и тогда, когда восхищенный Его учением и чудными делами народ готов был возвести Его на царский престол (Ин. 6:15), восклицал Ему: "осанна", и тогда, когда тот же народ, в непонятной изменчивости, чрез несколько дней вопил о Нем: «возьми, возьми, распни Его». В этой отзывчивости на проповедь Спасителя, в этой сердечной любви к Нему, в этой неизменной верности Ему со стороны женщин сказалась глубочайшая религиозность женской души. И смотрите, поучаясь, как вся история минувших веков громовым голосом, способным разбудить и вразумить мертвого, говорит нам об этой религиозности женщины! Вот прародители человечества после грехопадения и первоевангелия начали свой новый жизненный путь. Какое же первое

слово их занесено на страницы священной библейской летописи? Слово женщины, слово Евы, – и это первое слово женщины было: Бог, она произнесла его, когда, впервые испытав радость материнства, воскликнула: «*стяжах человека Богом*» (Быт. 4:1). Следите потом за историей человечества. Вот, совершенно минуя женщину, течет нарастающая жизнь государственная, общественная и даже семейная: женщина не законодательствует, не управляет, не учит, не влияет, не священнодействует, не носит меча, не занимается науками; она забыта, подавлена, унижена, как бы удалена из течения человеческой жизни; она – простая принадлежность дома и хозяйства, а в некоторых племенах низведена до степени домашнего рабочего животного. Но и в этом глубоком унижении живет в ней высокое достоинство человечности: эта область жизни истинно человеческой, и область самая высшая, никогда недоступная для животного, самая светлая и вековечная, не проходит мимо женщины, это – область религиозная. Нет времени у нас повествовать обо всех библейских женщинах: но кому не известны эти – Сарра, Ревекка, Рахиль, Руфь, Деворра, Анна, мать Самуила, Вирсавия, Соломония, Эсфирь, Анна, Елизавета?

Они, эти глубоко набожные женщины, как звезды, сияют среда тьмы дохристианской; они – предтечи славы и величия женщины христианской. Но величие их зависит от того, что они жили в Боге и для Бога. Женская душа всегда стремилась к Богу и умела проникновенно любить Его. Хотите видеть первую вдохновенную песнь женщины; первое ее высокое художественное произведение, поэтическое и музыкальное? Ее составила Мариам, сестра Моисея, и пропела с женщинами и девушками под звуки кифар и тимпанов. И опять эта песнь, как первое восклицание праматери Евы у врат заключенного рая, посвящена имени Бога: «*поим Господеви, славно бо прославися*»... (Исх. 15:20–21). Через много веков после того другая Мариам, у врат уже открытого рая после возвышенного благовестия Архангела, как Дева-Мать, открыла уста для своей вдохновенной песни, и песнь эта, первая песнь новозаветной женщины опять гласила о Боге и славилась Господа Спасителя: «*Величит душа Моя Господа, и возрадовахся дух Мой о Бозе, Спасе Моем*» (Лк. 1:46–47). Мы во временах новозаветных. Выступает Иисус Христос на дело общественного учительства: кому это впервые возвещает Он самое высокое духовное учение о Боге и открывает сущность истинного духовного богочитания? Женщине – самарянке; женщине-самарянке у колодца Иакова говорит Он великие, вечные слова: «*Дух есть Бог, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться*»... (Ин. 4:24). Затем мы видим около Него и Марию Магдалину,

и двух сестер Вифанских, Саломию, Сусанну, Иоанну, Марию Иосифову, Марию Иаковлеву, и кающихся грешниц, и женщину хананеянку, и женщин галилейских. Женщины идут за Ним, оставив дома и хозяйства и спокойную домашнюю жизнь; они слушают Его учение, они служат Ему от имений своих, они пребывают с Ним в Его напастях; участливым сердцем, любящей душою переживают они с Ним Его страдания. Вот жена язычника Пилата в решительную минуту осуждения Спасителя, как бы предчувствуя малодушную и себялюбивую робость мужа, шлет к нему свою просьбу: *«не делай зла Праведнику Тому»*... Вот женщины иерусалимские идут вслед за Страдальцем-Христом на Голгофу и, не боясь озлобленных врагов Иисуса, открыто выражают Ему сочувствие и плачут и рыдают о Нем; вот мироносицы бестрепетно у креста среди возбужденной толпы и слушают ругательство воинов, стоны распятых, проклятия разбойника, насмешки и неистовое злорадство важных и властных учителей народа; вот они пред гробом Иисуса, отдают Ему, яко мертвому, последнюю дань плача и рыдания; вот во едину от суббот, утру глубоко, сущей тьме и во мрак глубокий идут, бегут они к дорогому гробу по темным и пустынным улицам Иерусалима, мимо домов распинателей Христовых, мимо ужасной Голгофы, мимо окровавленных крестов, в темный сад, где сокрыто их Сокровище... И за любовь, за преданность, за пролитые слезы, за скорбь великую им первым Он является по воскресении и говорит им великое слово: *«радуйтесь!»* Потом они являются апостолами для самих апостолов и им возвещают о радости воскресителя. Что дальше? Вижу Марию Магдалину, которая доходит с проповедью о Христе Воскресшем до Рима и до двора самого кесаря и здесь предстает пред ним с приветствием: *«Христос воскрес!»* Вижу Фотину, эту жену самарянку, которая обращает в христианство Доминику, дочь императора, и с нею 100 рабынь ее. Вот апостол Павел впервые переносит слово евангельской проповеди в нашу Европу, – и здесь вижу первую уверовавшую, начаток стран европейских, женщину Лидию во Филиппах; вижу Димар, после речи св. Павла в ареопаге Афинском, принявшую слово благовестия; вижу Присхиллу, которую апостол в посланиях приветствует, как сотрудницу; вижу Фиву, диакониссу в Кенхреях, о которой св. Павел пишет: *«она была помощницей многим и мне самому»* (Рим. 16:1–2). Вижу потом Монику, почтенную мать великого Августина, который сам приписывал молитвам, слезам и любви ее искреннее обращение свое к истинной вере в Бога и Церковь: *«если я размышляю только об истине, и неустанно ищу ее одну, если люблю ее выше всего в мире, то этим я обязан тебе, мать моя»,* – говорит он в своих

письмах. Вижу Анаусу, мать св. Иоанна Златоустого, которая воспитала и сохранила нам этот светоч нашей Церкви; о ней великий из языческих риториков, враг христиан, должен был с восхищением сказать: «о, какие женщины у этих христиан!» Вижу свв. Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского и других многих величайших учителей Церкви, открыто заявлявших, что всем светлым, возвышенным, чистым, религиозным и самими собою они обязаны своим матерям и сестрам. Вижу свв. Веру, Надежду, Любовь, Софию, Екатерину, Анастасию, Варвару и великий сонм других мучениц, слабых женщин и девушек, безбоязненно и бестрепетно до смерти исповедовавших Христа. Вижу величайших подвижниц, завещавших миру пример самоотречения и самоотвержения. Вижу и в жизни обычной, мирской, этих двух женщин, о которых величайшему подвижнику и пустынножителю Макарию открыто было, что он не достиг меры их духовного возраста, и он пришел и увидел их: они, будучи не родными, много лет жили в одном доме вместе со своими мужьями в трудах, в нужде, в ежедневных заботах о детях, о муже и о доме, и за все это время не сказали друг другу ни одного непристойного слова, никогда не спорили и были единомысленны и мирны. Вижу знаменитую царицу Венгерскую Елизавету, невредимо выпившую воду того прокаженного, которому она усердно служила, чтобы показать ему, что он не отчужден от общества людей.

Говорить ли о тех женщинах, которые отдали жизнь и труды распространению христианства и благодетельствовали народу, племена и царство? Вот благочестивая царица Елена в греко-римском мире, вот девушка Нина, святая, равноапостольная, здесь, в Грузии; вот Хосровидухта в Армении, Клотильда во Франции, Берта в Англии, Феодора в Болгарии, Людмила в Богемии, Домбровка в Польше и у нас на Руси св. Ольга, небесная Покровительница нашего храма. А сколько их осталось неизвестными в роде той малознаемой Кандиды, внучки знатного мандарина китайского, которая обратила к христианству мужа своего и построила в родной области тридцать церквей! А сколько матерей, сестер и жен, – святых, благоговейных женщин влили благочестием на окружающую жизнь и помогли процветанию и расширению на земле Царства Божия! Не устроив храмов рукотворенных, подобно свв. Елене, Нине или Ольге, они в нерукотворенных храмах, в душах человеческих, и доныне первые возжигают светильник веры, внушают нам страх Божий, приучают нас к молитве, к целомудрию, к справедливости и чести, развивают в нас любовь к ближним, уважение к старшим, милосердие к нищим, сострадание к несчастным, укрепляют в сердцах наших

благоговение к святыне, уважение к пастырям, любовь в отечестве и уважение к власти. «Несколько лет тому назад,— говорит один европейский ученый (Навиль), — в Англии или Америке, хорошенько не помню, образовалось общество молодых людей, которые решились посвятить себя преимущественно благочестивым делам для блага человечества. Когда они стали спрашивать друг друга, кто из них обязан матери за направление, данное их сердцу и совести, то оказалось, что из ста двадцати человек более ста от матерей наследовали все, что в них было доброго».

Что же? Неужели все эти исторические примеры — простая случайность? Неужели не слышны для нас, как для глухих, голоса этого облака свидетелей?! Неужели мертвы их заветы и их посмертные уроки?! О, нет! Подобно путеводным звездам на небе в темную ночь, они указывают нам духовный путь жизни: «Взирая на звезды эти, позаимствуемся от света их!» Они говорят нам, что если вообще религиозность глубоко заложена в сердце человеческое, то для женской души религиозность — это родная стихия по преимуществу, — родная стихия, вне которой женщина духовно и нравственно гибнет. Противно видеть отсутствие того, что естественно, необходимо и, по преимуществу, должно принадлежать тому или другому существу: противно видеть, например, в ребенке преждевременную старость, или в старике неустойчивость и легкомыслие юноши, противно видеть в воине трусость, в называющем себя ученым — невежество, в судье безвестность, в священнике — религиозную холодность или небрежность, в учащемся — равнодушие к науке и леность. Точно также особенно противно в женщине отсутствие религиозности, — того, что составляет глубочайшую сущность и как бы душу души женской. Это — явление уродливое, отталкивающее, глубоко возмутительное и печальное, а в семье, а в школе, вообще там, где приходится влиять на других, — а многим из вас, помните, несомненно, придется действовать и в семье и в школе, — это явление прямо преступное.

И вот вам урок из нынешних воспоминаний церковных о св. женщинах, и вот вам завет этого отходящего от вас алтаря Господня и подготовка к новому и постоянному, и вот вам завет школы в день ее праздника: будьте религиозны, дети, будьте набожны; любите церковь Божию всем сердцем, всем существом вашим и не стесняйтесь проявлять свою веру, свою религиозную любовь, напротив, ею заполните всю вашу жизнь! Она вам так же необходима, как и пища; в ней, и только в ней — единый и единственный путь счастья вашего и спасения. Все прочее —

науки, искусства, навыки, умения, познания и проч., – все это и нужно, и полезно, и прекрасно; но все это освящается и получает высший смысл и цену только в религии. Здесь единое на потребу и здесь найдете то, что даст вам незаменимое и самое победоносное могущество, – могущество нравственное. Ищите же прежде всего царства Божия и правды его, и все прочее приложится вам! Утешительно говорить об этом именно теперь, когда, по-видимому, издыхает это нечестивое религиозное равнодушие и всюду повеяло животворным дыханием религии; когда общество наше, в лице многих и лучших представителей своих, проявляет особый интерес к вопросам веры и нравственности христианской, когда представители науки громкозвучно зовут нас к Богу. Утешительно говорить об этом теперь, когда ежедневная печать в минувшие светлые пасхальные дни приносила нам такие светлые и отрадные известия: Царь наш и Царица в первопрестольной Москве, посреди заветных святынь народных, и идут богомольцами из церкви в церковь, из монастыря в монастырь, от богомолья к богомолью, являя народу на высоте престола пример глубокой религиозности, смиренной веры, почтения к Церкви и ее пастырям и благоговения к святыне. Да посрамит Господь нечестивые глаголы тех безумцев, которые говорят легкомысленно о религии или даже безумно заявляют о вреде ее и тем смущают молодые души и неутвержденные сердца! Да заградит Господь уста тех пошлых и легкомысленных развратителей, часто волков в овечьих шкурах, у которых самое имя мироносиц обращено во что-то насмешливое.

И да будет Божья благодать тем чистым сердцам, которые верою и любовью подражают святым женам мироносицам! Да осияет и их Воскресший Своим словом: «радуйтесь», и вместе с ними да войдет радость жизни и бодрости и в государственную, и в общественную, и в нашу школьную жизнь, ибо всегда и везде исполняется нравственный вековечный закон, указанный в Свящ. Писании: «семя свято – стояние мира», и только праведниками стоят, и крепнут, и живут общества человеческие.

Заканчиваем наше слово великими словами св. ап. Петра, которыми он оканчивает свое прощальное послание к христианам: *«Итак, вы, возлюбленные, будучи предварены о сем, берегитесь, чтобы вам не увлечься заблуждением беззаконников и не отпасть от своего утверждения. Но возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Ему слава и ныне и в день вечный! Аминь».* (2Пет. 3:17–18.)

Близость Бога: с нами Бог²¹⁸

Поздравляем вас, дети, с устройством для вас постоянного храма и с настоящим торжеством освящения его. В эти торжественные минуты много бы хотелось сказать вам по поводу нашей церковной радости, но продолжительность службы и ваша видимая усталость стесняют пределы слова.

Напомню вам кратко в назидание века минувшие. Свойственно было всегда человеку искать Бога, стараться приблизить Его к себе, наглядно, ощутительно, образно представлять Его невидимое присутствие, и вот, на протяжении всех веков, от первых дней жизни, сколько запомнит себя человек, он на всем пространстве земли строил храмы, воздвигал жертвенники, приносил жертвы, изображал Бога в произведениях искусства, готов был видеть Его в собственных изваяниях, в мертвых предметах окружающей природы, в камнях и деревьях, в мерцании звезд, в дыхании бури, в шуме моря, в животных, в изображениях подобных себе людей.

Среди лжи этого богопоклонения светит и яркая искра правды, это – искание Бога и желание приблизиться к Нему. Но и в религии откровенной и истинной мы тоже видим стремление внешним образом выразить близость Божества. «Приблизися к нам, Господи, приблизися, везде Сый», – так молимся мы и в Новом Завете, когда Бог стал близок к человеку несказанно, приняв плоть и кровь человека...

Некогда Давид говорил о себе, что он не взойдет на ложе свое, не даст очам своим сна и веждам своим дремания и не успокоится, пока не устроит храм имени Всевышнего; говорил, что ему стыдно и горько видеть себя живущим во дворце кедровом, а кивот святыни покоящимся под шатром. Сколько усилий было потом употреблено благочестивым царем, избранником Бога и народа, сколько приготовлений сделано, чтобы устроить храм Господень! Но только сыну его – мудрому Соломону удалось осуществить это дело. А когда освящался храм, то был великий народный праздник во Израиле, во всех уголках его обетованной земли, потому что видели все ощутительно и ясно, что живет Господь видимо среди народа Своего, видели ясно пребывание Господа с народом Божиим. Так, в основе устройства храмов лежит вековечная, заветная мечта человека и человечества стать близкими к Богу, взыскать Его сердцем и как бы видеть очами проявление Его, знать и чувствовать, что с нами Бог.

Это желание потом проходит в величественных предсказаниях

пророков о Том, Кому имя будет Еммануил, еже есть сказано: с нами Бог... Это желание воплощается, наконец, в лице Богочеловека, с явлением Которого воистину можно было сказать словами пророка: «С нами Бог, разумеете языки, яко с нами Бог».

И ныне, дети, с освящением храма и мы вправе воскликнуть: С нами Бог...

Отныне это место всецело, безраздельно отдано будет богослужению; отныне здесь не услышится ничего, кроме священных молитв и песнопений²¹⁹; здесь будет скиния наша с Богом, лестница между небом и землею, место соединения с Богом, место таинственных священнодействий, низводящих на душу очистительные действия Пресвятого Духа. Но, дорогие дети, нужно помнить, что религия есть союз богочеловеческий, обоюдный; нужно не только, чтобы с нами был Бог, но чтобы и мы были с Богом; нужна не только святыня, но надобно, чтобы и мы были достойны святыни. Так, по слову одного св. отца, корабль, нагруженный сокровищами, должен иметь и удобную пристань: иначе мы не получим к нему доступа...

Да будут же души ваши в освященном храме нашем таким пристанищем духа Божия; да будут они достойны этой воздвигнутой святыни, и пусть не только с нами будет Бог, но и мы да будем вечно с Богом – верою, любовью, молитвою, исполнением Его закона и непрерывным, нескончаемым религиозно-нравственным возрастанием. Аминь.

Силы обновления жизни

К новому году и к новому XX веку²²⁰

Христианство не напрасно именуется *новым заветом* (2Кор. 3:16), *новой заповедью* (Ин. 13:34), путем *новым* и *живым* (Евр. 10:19); не напрасно оно называет каждого своего последователя *новой* тварью (2Кор. 5:17; ср. Гал. 6:15), *новым* человеком (Еф. 2:15, 4:24; ср. Кол. 3:10); не напрасно требует от нас не только единичного, но постоянного, непрерывного, повседневного обновления (Рим. 6:4; 2Кор. 4:16; 1Пет. 2:9; 1Кор. 5:7), и в нем полагает задачу нашей нравственной деятельности на земле дотол, пока, в завершение жизни мира, мы не увидим нового неба и новой земли (2Пет. 3:13), нового города – скинии Бога с людьми (Откр. 21:1–4), и пока не услышим вечного слова Бога, полагающего конец видимому порядку вещей: *се творю все новое* (Откр. 21:5)... Итак, если всегда ко времени и всегда полезно и необходимо размышлять нам о нашем непрерывном обновлении, то Новолетие жизни по преимуществу обращает нашу мысль к этому предмету.

Христианство увенчало собою пять с половиною тысяч лет пламенных ожиданий возрождения и обновления; о нем, как о новом завете, лучшем и совершеннейшем, как о величайшей радости и грядущей замене ветхого завета, говорили древние пророки еврейскому народу (Иер. 31:31–34); о нем, как о новом порядке вещей, мечтали философы и поэты древнего языческого мира, который был объят процессом нравственного разложения и стоял на краю гибели (Сократ, Платон, Вергилий, Тацит, Сенека); о нем же говорили и древние языческие религии, научившие народы Востока и Запада ожидать пришествия нового Учителя, нового Царя мира и Искупителя, имеющего сообщить людям волю небес, избавить от грехов и дать основы новой, блаженной жизни. Но причины, вызвавшие грех и заблуждение в древнем мире и заставлявшие человечество ждать обновленной жизни, не умерли в злой и греховной воле человека, и в истории христианского мира время от времени мы замечаем периоды упадка духа, отчаяния, сомнения и слабости, – периоды, когда нравственные начала как бы теряют силу в жизни человечества, и лучшие его представители начинают с тоскою озираться вокруг, ища средств вдохнуть в людей упавшую бодрость, поднять принизившееся нравственное состояние общества.

Едва ли мы ошибемся, если назовем и наше время ищущим этого обновления: оно стоит пред многими вопросами, пред многими язвами, требующими разрешения и врачевания. Не в наше ли время учащенные

случаи самоубийства показывают общее недовольство жизнью и даже какое-то притулившееся чувство жизни? Не наше ли время характеризуется особым разливом преступлений, иногда диких и совершенно необъяснимых, падением основ жизни семейной, общественной, государственной? Не в наше ли время раздалась эта проповедь философии смерти, – это апатичное отношение к деятельности, это учение о «неделании», о «непротивлении злу», отрицающее и брак, и общество, и государство, и науку, и искусство, и свидетельствующее тем самым о глубоком отчаянии, к которому пришел современный человек? И, вместе с тем, не в наше ли время наблюдаются эти отчаянные поиски за смыслом жизни, свидетельствующие о том, что старые позитивные и материалистические воззрения, и основанные на них и вера в силу и спасительность «правового строя», и социалистические попытки заново переделать жизнь людей в ее глубочайших основах, и прошумевшее увлечение реформами и «обновленным строем», – все это принесло только тяжелые разочарования и не дало человеку ни радости, ни покоя? Кто хочет убедиться в этом, пусть вспомнит облетевшие весь мир и повторенные во всех литературах воззрения на науку Карпентера, Брюнетьера или нашего Толстого, пусть прислушается к откровенным признаниям государственных людей Европы и Америки, к пессимистическим выводам современной философской мысли, к невольным вздохам руководителей социализма. Всего несколько лет назад социал-демократическая «Народная Газета», пред праздником Рождества Христова, завидуя вере верующих, их радости и полноте жизни, с редкою добросовестностью сделала характерное признание: «Нет загробной жизни, нет воскресения, нет никакой сверхъестественной божественной силы... Какой же смысл жить и мучиться?!»

Но, может быть, скажут, что это люди крайностей. Пусть так; но вот авторитеты, неоспоримые в науке: Бунге, Дюбуа-Реймон, фон-Бер, Вирхов, Вольф, Гельмгольц и Пастер... Один из них, Дюбуа-Реймон, выразительно сравнивает современного человека, гордого научными приобретениями, с жалким нищим, стоящим пред неизмеримым полем мироздания со своею котомкою знаний; этот нищий о многом должен оказать *ignoramus*, а о многом – *ignorabimus*... Литре, известнейшей позитивист, наперсник и преемник Конта, несмотря на все свое преклонение пред силою знания, говорит: «Беспредельность тесно связана с нашим знанием, и, однако же, недоступна для знания. Это океан, волны которого вечно бьют о наши берега, но пуститься в который мы не можем, так как у нас нет для этого ни лодки, ни паруса»...

Между тем, и доньше, в поисках за средствами исцеления общепризнанной язвы, фанатики веры во всеисцеляющую силу научного знания и основанных на нем государственно-общественных реформ обращают взоры человечества туда, где оно не раз уже потерпело крушение. Не христианство, конечно, и не нашу православную Церковь винить в отрицательном отношении к науке и к улучшениям общественной жизни. «Вопреки этому ложному воззрению, мы, – говорит известный ученый датский богослов Мартенсен, – должны с особенным ударением заявить, что культура, искусства и науки сами по себе не составляют зла, а, напротив, составляют неизбежное условие полного и совершенного бытия человека; даже нужно сказать, что культура, образование есть одно из условий для полного развития нравственности и религиозности, которые при варварском, некультурном состоянии могут развиваться только весьма несовершенно, почему христианство в странах, где не существовало культуры, всегда само насаждало начатки ее». Ведь не вопреки, а благодаря христианству, христианская Европа – в то же время и цивилизованная Европа.

Что касается, в частности, православной нашей Церкви, то даже такой исследователь, как Дрэпер, которого меньше всего можно заподозрить в пристрастном преувеличении заслуг христианства или православия, в своем известном труде об отношениях между религией (собственно – католицизмом) и наукой, отдает полную дань уважения и благодарности восточной православной Церкви и ее образ действий в этой области признает выше похвал. Но при всем уважении к культуре и образованию нельзя ожидать и требовать от них того, чего они дать не в состоянии; нельзя думать, что люди и мир могут сделаться лучшими только и исключительно чрез знание и прогрессивную культуру. Есть культура – и культура; если под нею не лежит здоровой духовной основы, если знание наклоняет человека только к жизненным удобствам, а не ведет его к истине, Верховной Истине – Богу, то это еще мало говорит о человеческой, в истинном смысле слова, стороне жизни; здесь, применяясь к выражениям Священного Писания, человек душевный, а не духовный, здесь только усовершенствованная жизнь животного. Прекрасно говорит древний пророк о таком знании: *«Мудрость твоя и знания твои – они сбили тебя с пути, и ты говорил в сердце своем: я и никто, кроме меня»* (Ис. 47:10).

Но если знание обращено и к вопросам нравственным, и тогда еще не в нем одно спасение. Как наивно и горячо верили и верят, что простое знание добра есть надлежащее и верное средство сделаться

добродетельным, что борьба, неизбежный спутник наш в нравственном восхождении, есть только борьба против заблуждений и предрассудков! Знание, может быть, спасет от глупости, хотя и здесь на всякого мудреца довольно простоты, но не может оно спасти от безнравственности. Кто из нас не испытывал моментов искушения ко злу, когда страсть пользуется правом сильного, когда грех манит обещанием наслаждения и счастья, обещает уплатить наличною монетою – непосредственным и немедленным удовлетворением нашего ли гнева, гордости или чувственности, и мы, тысячи раз обманутые, снова и снова легкомысленно верили обещанию? Неужели здесь были моменты только неведения? Нет, здесь было при знании какое-то бессилие, – та греховность, о которой учит нас Священное Писание, возводя нас ко временам первого грехопадения и к глубокомысленному мировому учению о грехе первородном, то зло, «неистребимо живущее в нас», о котором говорили древние философы от Гераклита до Сократа и Платона, и которое новый философ Кант так выразительно называет злом радикальным. По мнению Канта, в своем умозрении проникшего необыкновенно глубоко, стоявшего у врат христианства и совпадающего в этом пункте с классическим местом VII-й главы послания апостола Павла к Римлянам, это зло радикальное «требуется не частичного улучшения или преобразования, а целостного переворота в нас, который можно сравнить только с новым творением». Здесь и припоминаются слова апостола Павла, что христианин – «*новая тварь*» (2Кор. 5:17; Гал. 6:15). Таким образом, в виду этой греховности, и при совершенном знании человек часто «не в силах бороться в исполинской битве долга», потому что одно знание не может сделать слабые силы крепкими, нездоровые – здоровыми. Стоит прочесть знаменитую «Исповедь» блаженного Августина, чтобы убедиться в этой истине. По словам апостола Павла, «*закон свят, и заповедь свята, и праведна, и добра... а я плотян, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, что не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр. А потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, т.е. в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу... Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавить меня от сего тела смерти?» (Рим. 7:12, 14–18, 21–24).*

И вот, тяжкий житейский опыт разве не свидетельствует, что, находясь в среде образованных людей, деятели, которым вверена судьба обществ и государств, не находят себе надежных в смысле нравственном сотрудников, и разве не раздаются их горькие жалобы: «нет людей»?.. И разве редко люди пользуются изошренностью своего ума и обширными сведениями для совершения и сокрытия преступления? Всегда ли многоученость ведет за собою с необходимостью честность и любовь? «Даже в самых интеллигентных средах нередко обнаруживаются со всей отталкивающей нас силою крайнее своекорыстие, грубая заносчивость, беспокойная зависть, черная неблагодарность, даже открытое издевательство над правами и заслугою ближнего, адская мстительность, интриганство, способность к самой гнусной лжи и клевете из-за эгоистических целей и тому подобные отвратительные пороки. Обращаясь к народной среде, подвергающейся влиянию научного знания, не близорукие и честные люди не могли же не замечать аналогичных указанных явлений. Крайнее себялюбие, бессердечное отношение к ближнему, страсть к неразборчивой на средства наживе, полая распущенность, пренебрежительное отношение к родителям и вообще старшим, склонность к обману и плутовству, способность к вопиющим злодеяниям и вообще нравственная уродливость нередко отмечают собою преимущественно тех лиц из народа, которые получили сравнительно выдающуюся умственную дрессировку и нахватились тех или других знаний»²²¹. Посмотрим на древний мир в лучших его представителях, в мыслителях, честно говоривших и мысливших, и услышим то же разочарование в силе знания. Каким восторгом звучит речь Цицерона о философии: «О, философия, руководительница жизни и открывательница добродетели и гонительница пороков! Мы находим убежище в тебе, от тебя мы ожидаем помощи. Мы предаемся тебе всем нашим сердцем, всецело! К чьей помощи скорее обратиться мне, как не к твоей?!» Послушаем, однако, тех, кого считают образцами этой философской праведности. Марк Аврелий в своем сочинении «К самому себе» говорит: «О, душа моя! можешь ли ты когда-либо сделаться настолько доброй, правдивой, неизменной, чтобы хватило у тебя смелости показаться нагою (т.е. без притворства и маски)?» «Ты скоро умрешь, – говорит он дальше себе самому, – и доселе ты не сделался ни праведным, ни свободным от беспокойств и опасения, чтобы тебе не повредило то, что стоит вне тебя». Этот разлад между тем, что есть и что должно быть, у другого известного стоика – Эпиктета вызывает горькую жалобу: «Ах, покажите мне стоика! Клянусь богами, я жажду видеть его! Но ведь совершенно вне вашей

власти показать мне человека, который бы действительно был отчеканен (т.е. закончен). Покажите мне, по крайней мере, человека, который лежит в плавильне, чтобы быть вылитым и отчеканенным. Окажите мне хотя эту милость. Не откажите же в этом благорасположении к старцу – показать мне зрелище, которого я еще не видел доселе»²²². Впрочем, довольно здесь сказать одно: ведь Сенека, а не иной кто, мудрый и благородный Сенека воспитал Нерона... К этому стоит присоединить слова Гете, этого оптимиста, «счастливица и избранника судьбы», как его называли, этого поэта гармонии. «Стоит, – говорит он, – вдуматься в угнетенное состояние, в бедственность нашего времени, и иному часто может представиться, насколько мир мало-помалу подготавливается к страшному суду. И зло это все более накапливается от поколения к поколению. Мало того, что мы должны страдать за грехи наших отцов, мы и сами передаем эти унаследованные прегрешения потомкам, подкрепляя их своими собственными. Человечество, конечно, становится умнее и проникательнее, но отнюдь не лучше, не счастливее и не деятельнее, или если и становится таковым, то только на время. Я предвижу наступление времени, когда Бог более уже не будет иметь никакой радости от человеческого рода и все творение разобьет в прах, чтобы всецело возобновить его». Таковы выводы и заключения тех, кого идолопоклонники знания, во всяком случае, не могут признать ни невеждами, ни гонителями просвещения. Все это показывает, что, кроме знания, которое, несомненно, необходимо, несомненно же требуется и другая сила, чрез которую знание могло бы становиться деятельным.

Эту силу и думают найти в государственно-общественных преобразованиях; думают, что они, взятые сами по себе, независимо от другой какой-либо силы, независимо, между прочим, и от какой бы то ни было религии, способны дать верную основу внутреннего благоденствия царств и народов. Еще и доселе глубоко верят в то, что в смене одних реформ на другие, более жизненные и плодотворные, в широком развитии и правильной постановке законодательства и устройства общественной жизни можно почерпнуть силу обновления и возрождения и спасения человечества. Мы знаем в прошлом много энтузиастов этой веры. Светлые картины рисовались воображению таких верующих: улучшаются законы, предусматриваются взаимные отношения; под влиянием законов и реформ воспитываются люди; хорошее законодательство, в конце концов, поставит человека в невозможность быть худым и порочным, в невозможность совершить преступление... Социология даст для этого помощь; изучена будет психология масс и управление людьми;

урегулирование их жизни станет просто механическим, от того легким и в то же время верным и достигающим цели. Как химик, зная сродство веществ и их взаимное влияние друг на друга, может достигнуть путем соединения их того или другого желаемого результата, так правитель народов, блюститель законов, а лучше сказать – само человечество будет безошибочно управлять своею внутреннею жизнью по тем или другим найденным и подмеченным законам... Преступлений не станет, взаимные отношения урегулируются, жизнь человечества потечет ровно и спокойно... Правда, при ближайшем рассмотрении предполагаемых мер, в воззрениях на характер и сущность нужных преобразований расходились и расходятся до полной противоположности; одни мечтают об усилении власти, другие о широкой общественной инициативе, считая власть только стеснением личности и свободы; иные все упования возлагают и всех благ ждут от введения так называемого «правового» порядка, или общения имуществ, господства или ниспровержения «капитализма»; находятся и такие, которые словом и делом хотели бы насильственно и вообще во что бы то ни стало уничтожить теперешний строй жизни, как зло, и на месте его создать другой, а то и никакого – анархию; при этом и анархия одна – в воззрениях западноевропейских, до убийства «так себе» никому не мешавшей и жившей благотворительностью престарелой императрицы, другая – в воззрениях русской толстовщины и т.п. Тем не менее, при всем этом разнообразии стремлений и предполагаемых мер, остается вера в то, что стоит только дать тот или другой желанный строй жизни человечеству, и оно исцелится от своих язв и заживет счастливою жизнью.

Так говорили и говорят восторженные теоретики и мечтатели, но совершенно обратному учит жизнь и история всякого, имеющего глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

Увы, летописи мира громко проповедают ту истину, что в то время, как все отрасли человеческой деятельности, в том числе законодательство и правление, достигли высшего развития, в то же время и зло, живущее в природе человека, развивалось со свойственною ему силою и обнаруживалось разложением нравов, потрясая и сокрушая самые внутренние основания общественного благоденствия и счастья, – все, что было создано в течение веков напряженною деятельностью целого ряда поколений. Положение Сократа: «Знание есть добродетель», как известно, Аристотель дополнил тем, что к силе знания считал нужным прибавить и силу привычки, которая удерживала бы в людях как бы накопившееся добро. Вслед за этим мнением древности то же повторяли многочисленные голоса и нового времени. Опыт, однако, показывал иное.

Действительно, под влиянием долговременного воздействия законов и общественного строя силою привычки и внедренного обычая удерживалось добро; но тою же силою привычки удерживалось и зло, также делаясь «второю природою» и обращая в органы служения себе и ум, и волю человека. Оттого и случалось не раз, что эпохи высшего научного и государственного развития народов совпадали с эпохой высшего развращения их нравов и часто служили началом их гибели и падения. А ведь, по-видимому, должно было случиться как раз наоборот... Между тем, вот факты. Царство Соломона, блиставшее славою, мудростью и богатством, вследствие нравственного разложения, привело народ к разделению, потом к гибели. Вавилон, этот млат всея земли, по выражение пророка (Иер. 50:22), погиб в грубой чувственности и пороках непосредственно после всемирного могущества. Та же судьба постигла в свое время и Египет и Ассирию. Древняя Персия, достигши мирового господства, изменила вошедшей в свое время в пословицу чистоте своих нравов – и пала. Спарта, Афины и древнегреческая республики после расцвета сил стали клониться к упадку, – а у них ли не испробованы были все способы управления? Между тем, известен жалкий конец развратившейся и продажной Спарты, некогда неподкупной, славной своими нравами, известно свидетельство ученого грека Полибия о том, что в его время не было среди его соотечественников человека, которому бы при всех клятвах и расписках можно было поверить хоть два обола... Царствование Александра Македонского, это совмещение всего блистательного, могущественного, ученого, было вместе с тем совмещением всего безумно-роскошного, сладострастного, грубо-деспотического, и едва пережило себя. Блистательный век Людовика XIV, век всего изящного, утонченного, век расцвета поэзии и философии, как известно, был вместе с тем временем самого глубокого и сильного развращения, заражавшего всю Европу, и предварил ужасы революции²²³. Древний Рим, без сомнения, по словам своего национального поэта, отличался особым умением «править народами» (Виргилий); Рим служил и доселе служит образцом законодательства, он и сам пережил самые разнообразные виды управления. Однако, тяжело смотреть на картину его нравов, которую рисует не Гораций, Ювенал или Персий, способные, быть может, сгущать краски в своих сатирах, а трезвый Сенека: «Все полно разврата и преступления, ежедневно теряется стыд, порок не скрывается более, а явно выступает пред глазами всех. Разврат сделался до того открытым и так исполнил сердца всех, что невинность не только редка, но ее совсем нет». Брут с восклицанием: «Добродетель, я думал, что ты

значишь что-нибудь, но теперь вижу, что ты – одна тень», бросился на свой меч и убил себя. Тацит говорит, наконец, что в Риме «добродетель стала пороком». По словам Марка Аврелия, «верность и честность, справедливость и истина отлетели на небо». Эти женщины, считавшие мужей по консулам; эти знатные матроны, во избежание наказания, налагаемого за прелюбодеяние, записывавшиеся в официальные списки падших женщин, которым разврат был позволен; эти времена, при которых возможны были Тиверии, Калигулы, Клавдии, Агриппины, Мессалины, Нероны, «изобретатели преступлений», – все это составляет яркую иллюстрацию к огненно-обличительными словами апостола Павла, рисующего картину древнего мира в послании к Римлянам. И все это было при славном законодательстве... Тяжело, значит, жилось, когда философы восклицают: «Лучшее счастье – никогда не родиться»; когда Плиний говорит: «Прекраснейший исход из жизни – лишиться себя жизни»; когда Сенека, первый министр, славный именем, обладатель состояния в 16 миллионов рублей на наши деньги, поучает: «Цель всякой философии – научить презирать жизнь». «Видишь ли ты, – говорит он, – те крутые высоты? Оттуда вниз – дорога к свободе... Видишь ли ты то море, ту реку, тот колодезь? Там, в их глубине, живет свобода. Видишь ли ты то низкое сухое дерево? Там, на нем висит свобода. Видишь ли ты свое горло, свое сердце? Это место для кинжала, место спасения против рабства». У Плутарха читаем: «Приди, смерть, приди, смерть, верный врач наших зол; ты – пристань всех людей от бури страданий». Оттуда, из Рима, перенеситесь в современность: говорить ли о подкупках, подлогах, изменах, шпионстве, о страшной путанице нравственных понятий, о полной невозможности, за множеством лжи и взаимных изветов, узнать правого и виноватого, что мы ныне видим в Европе и у себя дома при всех «правовых» порядках, при всем господстве «великих идей», «великих реформ» и т.д. Так, при самом лучшем, гуманнейшем и справедливейшем законодательстве всегда найдутся люди, которые, пользуясь этим же законодательством, делают его средством нечистой наживы, оправдания преступления в судах, и чрез это – орудием народного развращения. Это, кажется, так понятно и так бросается в глаза, что излишне называть и явления жизни и учреждения законодательные... Всякий, кто хоть сколько-нибудь следил за жизнью, знает, что такие слова, как: закон, любовь, милость, правда, свобода, братство, гуманность, великодушие и т.п., – все, за что человечество полагало душу, нередко обращается в прикрытие зла, опошляется в устах людей и не заключает в себе ничего, кроме красивого слова и весьма некрасивого намерения...

Нет, никакое законодательство внешнее, если оно не опирается на законодательство внутреннее, нравственное, если оно не освящено высшим Божественным авторитетом, никогда не приведет человека к счастью, не упорядочит его жизнь, не даст ему веры в будущее торжество добра над злом, – а без этой веры жизнь человека и жалка, и бессмысленна... Есть отношения, есть стороны жизни, где внешнее законодательство бессильно. Поступки человека – плод его мысли, его сердечного настроения и направления; праведность, к которой мы стремимся, не есть только праведность мысли, но и чувства, которое является душой всего внешнего разнообразия действий. Нужно получить доступ в эту сокровенную внутреннюю область, чтобы из нее, как из исходного пункта, управлять внешними деяниями. Но эта область закрыта для внешнего закона. Юридически нельзя упорядочить отношений мужа и жены, отцов и детей, братьев и сестер, старших и младших в семье и в жизни; внешним законом нельзя внушить любви, уважения и повиновения по совести, а не по страху; под статью закона нельзя подвести нечистой мысли, грязного желания, завистливого намерения, зложелательства и корня зла – себялюбия. Внешнему закону всегда суждено будет иметь дело только с внешними же обнаружениями деятельности человека. Только нравственно-религиозное Божественное законодательство имеет полноту власти войти в дух, в сердце, оно властно сказать повелительное «не помысли», «не пожелай»; оно уполномочено потребовать: *«Сын мой, – дай мне твое сердце, и всяким хранением храни свое сердце, ибо в нем исходище жизни»* (Притч. 23:26, 4:23). Только оно, вместо того, чтобы сразу пересозидать общество и человечество, пересозидает сначала каждое отдельное сердце каждого отдельного человека, и тем безошибочно может улучшить и общество. Это законодательство, действительно, может уничтожить не одни листья дурных растений, но самый их корень: и это потому, что в своей созидательной деятельности оно пользуется не одними только человеческими, ненадежными средствами.

Человек внутренне поврежден грехом, этим «радикальным злом», как называет его философия; таким образом, причина зла лежит глубоко в самом человеке, и причина не внешняя, не случайная и преходящая, а глубочайшая внутренняя, заключающаяся в ненормальном состоянии самой нашей природы. Зло действует уже в ребенке... Очевидно, сам человек избавиться от такого зла не может, потому что и в науке и в законодательстве не уйдет он от себя, не уйдет от греховности, своего постоянного спутника. Нужна сила Божественная, чрезвычайная, нужно возрождение греховного духа и омовение его в очистительных водах

благодати, – а все это дает и дает христианство. В естественном своем состоянии и в отдельности от религии христианской человечество никогда не достигнет прочного и твердого нравственного улучшения, сколько бы ни напрягало к тому естественных сил ума и искусства; таков вывод всей истории древнего мира, голос всего дохристианского человечества. «Нужно, – говорил Сократ, – ожидать того, кто, – Бог ли он, или одушевленный Богом человек, – научит нас религиозным обязанностям, взаимным добрым отношениям и прогонит мрак от очей наших». По словам Платона, «не быть на земле порядку, разве придет Бог под образом человека и разъяснит нам наши отношения к Нему и наши взаимные обязанности»²²⁴. Даже индейцы веровали, что в конце греховного века Бог явится на земле во плоти, растерзает великого змия, врага людей, устроит великое царство, истребит все зло на земле и восстановит то счастливое время, которое было на земле, когда люди еще не согрешили²²⁵. В Риме поэт Вергилий воспевал имеющего родиться Младенца: «Он будет жить жизнью бессмертных, Он будет вселенною править; мир вечный устроит Божественный Отрок». «Под твоим покровом, – обращается к Нему поэт, – изгладится всякий след нашего преступления, и земля освободится от вечных тревог»²²⁶.

Так общечеловеческое сознание говорило, что своими собственными силами люди не могут сделаться чистыми сердцем. Человечество ждало искупления. Для достижения нравственного совершенства нам нужно стоять на совершенно независимой от врожденной греховности почве, вне нашего естественного я. Архимед сказал: «Дайте мне опорный пункта вне земли, и я поверну всю землю». Вот этого-то опорного пункта, этого рычага для того, чтобы повернуть, изменить, возродить себя, человек, поврежденный глубоко и внутренне грехом, не находит в себе, но находит его в чистой и могучей религии Христа, искупившего людей и даровавшего им чрез веру силы высшие, благодатные, – все потребные Божественные силы, яже к животу и благочестию (2Пет. 1:3). По словам поэта (Шиллера),

«Божество вы в вашу воспримите волю,
И оно сойдет к вам с мирового трона».

И когда Оно было воспринято, совершилось то, чего не мог сделать древний мир со своею философией и государственною жизнью: человечество процвело великим сонмом праведных, преподобных, самоотверженных, чистых и святых... Воистину, новая сила сошла к людям и во всех возрастах, полах, званиях и состояниях дала величайших представителей и героев нравственности. В христианстве почерпнуло

силы обновления и возрождения древнее человечество: в христианстве же оно найдет их и теперь; этих сил не изжить, не исчерпать. Оно ведь и теперь то же, чем было при первом своем появлении в мире: «Христос Иисус вчера и днесь, той же и во веки (Евр. 13:8); Я с вами, сказал Христос, во все дни до скончания века» (Мф. 28:20).

Не в углу (Деян. 26:26), не в скрытом месте совершилось спасение мира: его видели и испытали все народы. Не на небе, не за морем это слово спасения: оно «в устах наших, оно в сердце нашем, чтобы исполнить его» (Втор. 30:11–14). Даже древний язычник Софокл в своей «Антигоне» говорит о каком-то «неписанном и неразрушимом» законе религии и нравственности: «он ни от сегодня, он ни вчера, он живет во веки, и никто не знает, откуда он». Выразительнее же всех об этом сказал древний христианский учитель – Тертуллиан: «Душа – по природе христианка», и рано или поздно она к нему обратится, как блудный Сын к отцу после скитаний по распутьям мира. Блаженный Августин, опытно познавший и грех, и благодать возрождения, обращается к Богу с такою молитвою: «Ты сотворил нас для Тебя Самого: посему и мятется наше сердце, пока не обретет Тебя». Святитель Василий Великий говорит, что любовь и стремление к Богу так глубоко вкоренены в нас, что отказаться от них даже при всем желании человечество не может, ибо «вместе с устройением живого существа, разумею человека, вложено в нас прирожденное стремление, в себе самом заключающее побуждение к общению с Богом».

И если современное образованное человечество желает свой век сделать веком врачевания старых ран и исправления старых ошибок, то залогом исправления старых немощей и залогом будущего обновления жизни оно должно избрать обращение к Богу, ко Христу и к Церкви. И снова повторится тогда великое чудо исцеления расслабленного... Ибо в христианстве и теперь тот же дух, та же жизнь, что дарована ему на вечные веки. Своим небесным светом оно и науке поможет в ее исследованиях и предохранит ее от опрометчивых выводов; своим духом оно согреет и воодушевит государственное и общественное законодательство и даст ему величайшее достоинство авторитетности и силу внутренней обязательности; своею жизнью оно обновит нашу жизнь земную, осветит и облаженствует загробную. Слишком уж много боролся новый Прометей против Божества, и слишком много накопилось у него и горечи, и разочарования: исцеление будет в самой болезни, которая надежнее всего научит смирению, научит искать высшей помощи и принять ее не духом гордыни и отрицания, свойственным научному самомнению или сектантскому христианству, а духом любви и смирения,

свойственным истинной Христовой Церкви. И только в этой помощи, предлагаемой в христианстве, усталая мысль и потомленная жизнь человечества найдет возрождение; только при ней мы, по словам апостола, «в обновлении жизни ходити начнем» (Рим. 6:4), и среди несовершенств мира будем почерпать силы жизни и утешения в том отрадном веровании, что, по неложному обетованию христианства, мы увидим в грядущем новое небо и новую землю (2Пет. 3:13), где будет жить вечная правда. Истина – в Иисусе, – говорит апостол (Еф. 4:21). Во Христе «сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2:3). Он и доньше стоит пред миром и глаголет: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6); «Приидите ко Мне все» (Мф. 11:28).

Послесловие

В этот том вошли поучения мои, сказанные за время служения с 1889 г. по 1900 г., в звании приходского священника и законоучителя гимназии. Этот период моей службы был наиболее обилен проповедническими трудами, ибо я говорил поучения, буквально не опуская ни одного воскресного и праздничного дня. Но именно в этот период я очень мало печатал свои поучения в журналах. Вся масса сохранившегося в рукописях материала, накопившегося за это время, еще ждет издания в будущем. Предполагаю сделать это в дополнительных томах.

Примечания

- ¹ - Речь при первом служении в приходе поселка Кирпильского Кубанской области, 20 августа 1889 года.
- ² - Речь при прощании с приходом поселка Кирпильского Кубанской области, 6 октября 1890 года.
- ³ - Поучение в день памяти св. Николая, 6 декабря 1890 года. Пособие: прот. Д. Соколов. Беседа по священной истории Нового Завета. Сказано в церкви Ставропольской мужской гимназии.
- ⁴ - На акте Ставропольской духовной семинарии.
- ⁵ - Поучение в день Благовещения Пресвятой Богородицы, 1891 года марта 25 дня.
- ⁶ - В день коронации 15 мая 1891 г. и в праздник Преполовления.
- ⁷ - Поучение на Новый (1892-й) год в Ставроп. кафедр. собора по случаю голода в 30 губерниях России.
- ⁸ - Поучение в день Сретения Господня.
- ⁹ - При погребении ученика III класса гимназии Бориса Чаленко.
- ¹⁰ - Речь на молебен перед началом учения 20 августа 1893 года.
- ¹¹ - Слово в день празднования годовщины открытия Ставропольской мужской гимназии, 18 октября 1893г.
- ¹² - Крылов: Жизнь 12 апостолов. Ч. II, 24.
- ¹³ - Кол. IV, 4.
- ¹⁴ - Боголепов в своем рукод. к объяс. Четвероевангелия ссылается на стр. 37 на Евсевия и Иеронима.
- ¹⁵ - Свидетельство Никифора Каллиста.
- ¹⁶ - Херозерский: Исагогика, стр. 47.
- ¹⁷ - Иванов: Руковод. к объясн. Евангелия, стр. 473. Подробнее у Боголепова, стр.386.
- ¹⁸ - См. слово Никанора, архиеп. Одесского: Эммауэссские путники.
- ¹⁹ - Лк. XXIV. 13–21.
- ²⁰ - Лк. XXIV, 35.
- ²¹ - Филим. 24; Кол. V, 13, 11; 2Тим. IV, 10.
- ²² - 64–65 гг. (Горский, Фаррар).
- ²³ - Деян. XXVII:27, XXVIII:16; Филим. 23; 2Тим. IV, 10.
- ²⁴ - Кол. 4, 14.

- ²⁵ - 2Тим. IV, 6, 9–10
- ²⁶ - Иванов – выше питов. сочин., стр. 43.
- ²⁷ - Герике: Введение в новозав. кн., стр. 140. Ссылки на Иринея, Тертуллиана, Мураториев канон и Оригена, Евсевия, Иеронима.
- ²⁸ - Мф, V, 3, 6.
- ²⁹ - Речь при венчании преподавателя Н. Е. К. и Н. Г. К. в гимназической церкви 23 января 1894 г.
- ³⁰ - Слово в день Сретенья Господня 2 февраля 1894 г.
- ³¹ - Слово в день великомученика Пантелеимона в ст. Крымской 27 июля 1894 года.
- ³² - В праздник Казанской иконы Богоматери в ст. Крымской 8 июля 1864 г.
- ³³ - В день св. Владимира в ст. Крымской 15 июля 1894 года.
- ³⁴ - Слово в неделю 6-ю по Пятидесятнице 17 июля 1894 года; сказано в церкви станицы Крымской, Куб. обл.
- ³⁵ - В день Смоленской иконы Божией Матери 28 июля 1894г.; сказано в церкви станицы Крымской, Куб. обл.
- ³⁶ - Поучение в праздник к Покрова Богоматери.
- ³⁷ - Поучение в день празднования в честь Казанской иконы Божией Матери, 22 октября 1893 года, в Ставроп. Кафедральном Соборе.
- ³⁸ - Слово при прощания с учениками Ставропольской мужской гимназии 6 ноября 1894 года.
- ³⁹ - Ответная речь на приветствие ктитора храма и сослуживцев Ставропольской гимназии после поднесения образа Спасителя.
- ⁴⁰ - Речь при первом служении в церкви Елисаветпольской классической гимназии, 14 ноября 1894г.
- ⁴¹ - Поучение в день св. князя Владимира; сказано казакам в церкви станицы Крымской, Кубанской области.
- ⁴² - Памяти усопшего 25 октября 1895 г. сослуживца Венедикта Иосифовича Борковского. Слово пред панихидой об усопшем в кругу одних сослуживцев.
- ⁴³ - Речь при погребении инспектора народных училищ Елисаветпольской губернии, приват-доцента Новороссийского университета Михаила Александровича Шульгина, 8-го января 1896 года (6 января 1896 г.).
- ⁴⁴ - Покойный был приват-доцентом Новороссийского университета и

умер, доканчивая уже свою магистерскую, диссертацию по одному из вопросов естественной истории.

⁴⁵ - Таковы известные профессора университетов: Кавелин, Овсянников, Рачинский; таков и знаменитый писатель гр. Л. Н. Толстой, лучшие в годы своей жизни отдавший непосредственным занятиям в начальной школе.

⁴⁶ - Покойный, действительно, умер во время раздавшегося залпа при погружении св. креста в праздники Крещения Господня.

⁴⁷ - Речь, сказанная перед панихидой 20 октября 1396 года в церкви Елисаветпольской гимназии.

⁴⁸ - 19 октября на обычной в гимназии еженедельной (по субботам) религиозно-нравственной беседе ученикам рассказано было о жизни, деятельности и кончине Государя Императора Александра III.

⁴⁹ - Стэд в книге: «Правда о России». Выдержки в «Московских Ведомостях» за 1894 г., № 305.

⁵⁰ - Сказано в неделю 8-ю по Пятидесятнице в ст. Ново-Александровской, Куб. обл.

⁵¹ - Поучение в нед. 10-ю; сказано в стан. Ново-Александровской, Кубанской обл. 10 авг. 1897 г.

⁵² - Слово в праздник Св. Духа и в день рождения Благочестивейшей Государыни Императрицы Александры Федоровны, 25 мая 1898 г. Сказано в Военн. соборе г. Тифлиса,

⁵³ - Величание праздн. Вознесения.

⁵⁴ - Гельмгольц, Пастер, Тиндаль, Вирхов, Друммонд, См. Дюбуа-Реймон «Речь о пределах естествознания в Верл. Котол. Обществе». Перевод Милославского.

⁵⁵ - Брунетьер, Л. Толстой; отзывы Э. Золя и Ж. Синон – сн. «Москов. Ведомости», 1893 г. №№ 310–330.

⁵⁶ - Слова св. Феофилакта Болгарского: «Из тех, которые все основывают на умозаклучениях и наследованиях, никто не спас нас; во вывели нас из заблуждения рыбаари». Слов. Гильдебранда, стр, 2004.

⁵⁷ - Перед началом учения, сказано в церкви 1-й Тифлисской женской Великой Княгини Ольги Федоровны гимназии.

⁵⁸ - Тропарь молебна перед началом учения.

⁵⁹ - Св. Димитрия Ростовского.

⁶⁰ - В день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня; в церкви 1 Тифл. гимназии.

- ⁶¹ - В неделю 16-ю по Пятидесятнице.
- ⁶² - При составлении этих поучений автор пользовался следующими пособиями: 1) Э. Навиль: «Христос». 2) Н. Корсунский: «Пятнадцать речей из учебной практики», 3) Берсье: «Беседы», т. II. 4) Скворцов: «Из области практической философии», ст. 3. Все поучения на притчу о талантах сказанные в церкви 1 Тифл. гимназии.
- ⁶³ - Так смотрели даже Платон и Аристотель.
- ⁶⁴ - Фаррар «Первые дни христианства»
- ⁶⁵ - В неделю 17-ю по Пятидесятнице.
- ⁶⁶ - Н. Корсунский – вышецитов. сочин.
- ⁶⁷ - Чит.: Римл. VIII, 35; 1Кор. XV, 30; 2Кор. VI:4, XI:26, XII:10.
- ⁶⁸ - Н. Корсунский – вышецитов. сочин.
- ⁶⁹ - В неделю 18-ю по Пятидесятнице.
- ⁷⁰ - Апост. чтен. Литургии – 2Кор. IX, 6–11; вместо причастн. ст. читалось Кор. гл. XIII
- ⁷¹ - Антропология, Ушинского, II, 342 и 372.
- ⁷² - В неделю 19-ю по Пятидесятнице.
- ⁷³ - Вместо пения причастного стиха читались VI, XI, XII гл. из 2 Кор.
- ⁷⁴ - Аполог. Тертуллиана.
- ⁷⁵ - В неделю 20-ю по Пятидесятнице.
- ⁷⁶ - Вместо причастного стиха читалось послание ап. Павла к Ефессянам, гл. IV-VI.
- ⁷⁷ - В неделю 21-ю по Пятидесятнице.
- ⁷⁸ - Берсье – вышецитов. сочин
- ⁷⁹ - Вместо причастного стиха читалось 2Кор. IV, 16-VII гл.
- ⁸⁰ - В неделю 22-ю по Пятидесятнице Слово это, между прочим, вызвано некоторыми недоумениями, с которыми обращались учащиеся к автору этих поучений по произнесении предыдущей беседы.
- ⁸¹ - Бес. на слова ап. Павла: «не точию же, но и хвалимся в скорбях”..II. 3-й.
- ⁸² - Фаррар: «Первые дан христианства». Стр. 636.
- ⁸³ - В древности – Сократ, в новое время – Кант.
- ⁸⁴ - В день восшествия на престол Государя Императора.
- ⁸⁵ - В день празднования Казанской иконы Божией Матери, сказано в Тифл. военном соборе.

- ⁸⁶ - В праздник Богоявления; сказано в Тифл. военном соборе.
- ⁸⁷ - Название праздника в церк. уставе.
- ⁸⁸ - В неделю о блудном сыне; сказано в церкви Тифл. гимназии.
- ⁸⁹ - Слово епископа-затворника Феофана.
- ⁹⁰ - В праздник Сретения Господня; сказано в церкви Тифл. гимназии.
- ⁹¹ - В праздник Св. Духа. Представляет повторение выше напечатанного слова под тем же заглавием, с изменениями и дополнениями, применительно к жизни учащих; сказано в церкви Тифлисской женской гимназии.
- ⁹² - Велич. праздника.
- ⁹³ - Дюбуа-Реймон: «О пределах естествознания» – речь в Корол. Берл. Общ. Таковы же отзывы и др. выдающихся ученых., например, Гельмгольца Пастера, Тиндаля, Друммонда.
- ⁹⁴ - Брунетьер, гр. Л. Толстой; отзывы Золя и Ж. Симона в «Моск. Вед.» 1893г. №№ 310–330
- ⁹⁵ - Слова Феофилакта Болгарского: «Из тех, которые все основываю на умозаключениях и исследованиях, никто не спас нас; но вывели нас из заблуждения рыбаки». Слов. Гильдебрандта, стр. 2004.
- ⁹⁶ - Произнесено 26 сентября 1898 года в присутствии попечителя Кавказского учебного округа в домовый церкви 1-й Тифлисской женской Великой Княгини Ольги Феодоровны гимназии. Литургию пели более 200 учениц гимназии в четырехголосной гармонизации, под управлением преподавателя пения, свободного художника С.-Петербургской Консерватории Д. М. Яичкова. Начальством гимназии имелось в виду в недалеком будущем привлечь к общецерковному пению всех православных учениц, Первый опыт увенчался успехом: за три недели занятий более половины учениц могли уже петь литургию.
- ⁹⁷ - Около 300 человек; см 1Цар XVI, 4.
- ⁹⁸ - Профессор Свеглов: «Религиозно-нравственное значение искусства и в частности музыки». см. «Странник» 1894 г. №2.
- ⁹⁹ - Прощение сугубой ектеньи.
- ¹⁰⁰ - Прокимен пред чтением Апостола гл. 3-й; заимствован из. пс. 46, 1.
- ¹⁰¹ - Речь пред молебном в день тезоименитства и пятидесятилетнего юбилея службы Его Императорского Высочества Фельдмаршала и Председателя Государственного Совета Великого Князя Михаила Николаевича. Сказана 8 ноября 1898 года в церкви 1-й Тифлисской

женской Великой Княгини Ольги Феодоровны гимназии.

¹⁰² - Слово в царский день.

¹⁰³ - Речь на первом заседании Попечительского Общества в Доме трудолюбия в г. Тифлисе.

¹⁰⁴ - Речь на молебне при открытии в г. Тифлисе Дома трудолюбия 1-го ноября 1898 года.

¹⁰⁵ - Проф. В. О. Ключевский: «Добрые люди древней Руси». Публичн. лекция в 1891 г. в пользу пострадавших от неурожая.

¹⁰⁶ - Нищих Петр Великий указом своим повелел «весьма усматривать и каким возможно художествам, и ремеслам, и работам понуждать».

¹⁰⁷ - Московский работный дом попечительного совета заведений общественного презрения был поставлен прочно; возникшие при Екатерине II и ее приемниках работные дома быстро закрывались. См. «Церк. Вести» 1896г. стр. 218.

¹⁰⁸ - В 1898г. По словам газеты «Новое время» (№№ за февраль), насчитывалось по России 52 дома трудолюбия; число это, без сомнения увеличилось. Особую энергию в этом деле проявлял барон О.О. Буксенден, который, по поручению правительства, лично руководил в провинции устройством домов трудолюбия; он же еще в 1882 году принимал самое живое участие в устройстве кронштадтского дома трудолюбия о. Иоанна Сергеева-Кронштадтского.

¹⁰⁹ - Высочайш. указ 1 сентября 1895 года, утверждающий особым положением «Попечительство о домах трудолюбия».

¹¹⁰ - Мартенсен: «Христианское учение о нравственности», т. II, стр. 307–313. Еп. Феофан: «Начертание христ. нравоучения», стр. 106–108.

¹¹¹ - Известное *droit du travail* социалистических мечтаний.

¹¹² - Речь при открытии Тифлисском «Обществом попечения о детях» дома призрения детей с бесплатной детекой столовой 13-го декабря 1898 г.

¹¹³ - Слово в день Нового (1899) года.

¹¹⁴ - «Конечно, вопреки одному ложному воззрению, мы должны с особенными ударением заявить, что культура, искусства и науки сами по себе не составляют зла, а, напротив, составляют неизбежное условие полного и совершенного бытия человека; даже нужно сказать, что культура, образование – есть одно из условий полного развития нравственности и религиозности, который при варварском, некультурном состоянии могут развиваться только весьма несовершенно, почему христианство в странах, где не существовало культуры, всегда само

насаждало начатки ее». (Мартенсен: «Христ. учение о нравственности», т. I, стр. 48.)

¹¹⁵ - См., напр., известный труд Дрэпера об отношениях между религией и наукой, где он отдает полную дань уважения восточной православной Церкви.

¹¹⁶ - В местности города Тифлиса, называемой «Колючая Балка», существует церковно-приходская школа. В недавнее еще время эта местность была притоном духанов и ночных оргий; теперь, с устройством здесь молитвенного дома во имя святителя Феодосия Черниговского и с учреждением школы, жители злополучной Балки получили, наконец, возможность сносного существования, особенно после того, как при содействии Князя-Главначальствующего были закрыты здесь духаны. Каких-либо два года перед тем нельзя было и мечтать о том, чтобы в «Колючей Балке», где можно было встретить во множестве пьяных, где не безопасно было проходить и днем, явилось возможность устроить чисто детский праздник, – а между тем 3-го января 1899 года жители Балки присутствовали на редком торжестве: дети-школьники праздновали рождественские святки и зажгли в своей школе скромную елку. В празднестве приняли участие не только учащиеся в школе, но и все дети, проживающие в «Колючей Балке». В 4 часа вечера начался звон в молитвенном доме, куда собрались во множестве дети. Отрадно было видеть одушевленные детские лица, на которых написано было радостное ожидание. Общий подъем духа сказался на детском хоре, который участвовал в богослужении: никогда их голоса не звучали так бодро, никогда не слышалось в них столько воодушевления и усердия. Вечерню совершил о. ректор семинарии архимандрит (ныне епископ) Гермоген в сослужении с о. инспектором иеромонахом Димитрием (ныне епископ) и с законоучителем одного из Тифлисских учебных заведений свящ. Иоанном Восторговым. Чинно и стройно шло богослужение; благоговейно стояли дети, а позади – их родители, в умиленной молитве, особенно матери, многие с грудными детьми на руках. В конце вечерни, после пения тропаря, сказана была детям помещаемая здесь речь.

¹¹⁷ - Речь на молебне при открытии в г. Тифлис публичных лекций по среднеобразовательным учебным предметам, 26 января 1899 года.

¹¹⁸ - Служба Рождества Богородицы, 1 стих, на Господи воззвах.

¹¹⁹ - Канон Пятидесятницы.

¹²⁰ - Свидетельство о таком настроении можно видеть в речи Э. Золя на банкете франц. студент. в 1893 г. (Речь напечатана была почти во всех

газетах.). См. также «Русск. Мысль» 1883 г, №12, «Петерб. письма».

¹²¹ - «Вестн. Восп.» 1896 г., № 7, ст. Вагнера о естествознании.

¹²² - «Мысли» Паскаля.

¹²³ - Бертло: «Наука и нравственность». М. 1898 г. Стр. 42, 47, 54 и др.

¹²⁴ - Бекетов: «Нравственность и естествознание». Стр. 36, 41, 49, 53, 54. См. еще сочинения; Оле-Ляпруне: «Ценность жизни». Друмонд: «Эволюция и прогресс человека». Его же: «Естеств. закон в духовном мире». «Из дневника Амиеля», «Сев. Вестн.», 1894г., кн. 2, стр. 147 и кн. 3, стр. 265. Сабатье: «Бессмертие с точки зрения эволюции». Его же «Жизнь и смерть».

¹²⁵ - Проф. Светлов. «Труды Киевск. Дух. Акад.» 1897 г., № 10,

¹²⁶ - Речь на молебне по случаю исполнившегося двадцатипятилетия деятельности Тифлисского Окружного Правления Императорского Российского Общества спасения на водах 28-го февраля 1899 года.

¹²⁷ - Молебен был совершен под открытым небом, на берегу р. Куры, в самом опасном месте ее течения, где стоит спасательная станция Общества.

¹²⁸ - Слово в Великий пяток, пред Плащаницей при сборе пожертвований в пользу детей-школьников местностей, пострадавших от неурожая, 16-го апреля 1899 года. Сказано в домово́й церкви 1-й Тифлисской женской гимназии в присутствии Попечителя округа, учащихся и учащих.

¹²⁹ - Письмо о. Ивановского в «Волжск, Вестн.», «Неделя», в «Церк. Вестн.» и друг., в №№ за март 1899 г.

¹³⁰ - П.С. Мысли в день Пасхи.

¹³¹ - Служащие гимназии собрали по подписке в своей среде 500 рублей и оставили в пользу голодающих.

¹³² - После речи собрано у Плащаницы в пользу голодающих детей-школьников более 200 рублей.

¹³³ - Слово в неделю о самарянке при сборе пожертвований в пользу голодающих крестьян Поволжских губерний, 16 мая 1899 года; сказано в церкви 1 Тифл. женск. гимназии.

¹³⁴ - По обычаю, установившемуся в гимназической церкви, вместо запричастного стиха читается Слово Божие, в настоящий воскресный день читалось: 1 Кор., гл. XVI и 2 Кор., гл. VIII и IX.

¹³⁵ - Раньше были единичные случаи обращений такого рода (Корнилий) и притом обращений так называемых прозелитов еврейских.

(См. Деян гл. X.)

¹³⁶ - Rivalis от rivus, как думают.

¹³⁷ - Мнение Сенеки, Квинтилиана. У последнего есть фраза: «неужели ты так опустил, чтобы с жалостью относиться к бедному?» «Человек для человека – волк», говорит Плавт. Он же высказывает мнение, что «если телосложение рабочего недостаточно крепко, то врач без смущения может оставить его, так как рабочий уже бесполезен для своего ремесла», наконец, он прямо «не советует давать голодному есть и пить», – жестокая мораль! См. Фаррар: «Первые дни христианства», отр, 122–123.

¹³⁸ - Примеры – в сочинениях Цицирона и Горация.

¹³⁹ - После речи собрано в церкви в пользу голодающих около 100 рублей.

¹⁴⁰ - Речь при поминании А. С. Пушкина, в день столетия его юбилея со дня его рождения, 26 мая 1899 года. Сказана в сокращении в церкви Тифлисской 1-й женской гимназии в присутствии всех учащихся и учащихся. Составлена частью по речи о Пушкине архиепископа Никанора Херсонского.

¹⁴¹ - Разумею 6 июня 1880 г. – открытие памятника поэту в Москве; 29 января 1887 года – пятидесятилетие со дня его смерти и, наконец, настоящий праздник столетнего юбилея со дня его рождения.

¹⁴² - Вот резкий приговор этому явлению со стороны самого Пушкина: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в низости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего: он мал, как мы; он мерзок, как мы» (Письмо к кн. Вяземскому.)

¹⁴³ - Слова Некрасова.

¹⁴⁴ - Вл. Соловьев: «Судьба Пушкина».

¹⁴⁵ - Стихотворение написано 26 июня 1834 г.

¹⁴⁶ - Полн. собр. сочинен., под. ред. Ефремова. V, 107–110.

¹⁴⁷ - «Ни в одном из моих сочинений, – пишет сам А. С. Пушкин, – не видно ни направления к безверию, ни кощунства над религией». (Письмо к гр. Бенкендорфу.)

¹⁴⁸ - По поводу одной печатной кощунственной выходки поэт, негодуя, пишет: «Я от дерзости этой до сих пор прийти в себя не могу».

¹⁴⁹ - Письмо к жене 25 окт., 1834 г.

¹⁵⁰ - См. Записки А. О. Смирновой. Цитаты из этих записок ниже приводятся по статье Мережковского о Пушкине в книге: «Философия течения русской поэзии».

¹⁵¹ - Полн. собр. соч. Пушкина, т. VII, стр. 7, 180, 287, 305, 316, 343, 349.

¹⁵² - Анненков «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии». Изд. 1873 г., стр. 306.

¹⁵³ - Записки А. О. Смирновой,

¹⁵⁴ - Замечателен ответ А. С. Пушкина известному Чаадаеву по поводу его оскорбительного для православия «философского письма», помещенного в «Телескопе» (1836 г., № 15). «Вы утверждаете, – пишет наш поэт, – что источник, откуда мы заимствовали христианство, был нечист, что Византия достойна презрения... Ах, Сам Иисус Христос не был ли иудеем, и Иерусалим не самая ли незначительная нация? Но разве евангелие вследствие этого менее изумительно? Мы приняли от греков евангелие и предания, но не приняли вместе с тем недугов Византии. Нравы Византии – не нравы древнего Киева».

¹⁵⁵ - См. Зап. Смирновой; Мережковского выше цит. сочин., стр. 46. Очень пространное и интересное рассуждение поэта, замечательно совпадающее с выводами Ле-Бона, автора сочинения «Психология толпы».

¹⁵⁶ - «Капитанская дочка».

¹⁵⁷ - Стихотворение «Деревня».

¹⁵⁸ - Собр. сочин., т. VI, стр. 314, VII, 44 и 61.

¹⁵⁹ - Зап. Смирновой.

¹⁶⁰ - Соч. В.Д. Спасовича. II, 265.

¹⁶¹ - П. Анненков: «А. С. Пушкин. Материалы для биографии». Стр. 373–379.

¹⁶² - Зап. Смирновой.

¹⁶³ - Там же.

¹⁶⁴ - Там же.

¹⁶⁵ - Вл. Соловьев: «Судьба Пушкина».

¹⁶⁶ - Слова В.А. Жуковского.

¹⁶⁷ - Слово в праздник Вознесения Господня, 27 мая 1899 г. Произнесено в церкви Тифлисской 1-й Великой Княгини Ольги Феодоровны женской гимназии в присутствии Попечителя округа, учащихся и учащихся.

¹⁶⁸ - К этому дню приурочены были главные торжества в честь А. С. Пушкина в Тифлисской 1-й Великой Княгини Ольги Феодоровны женской гимназии: были произнесены речи, читались и пелись стихотворения

поэта, устроены литературное утро для старших классов гимназии и литературный вечер с живыми картинами – для младших.

169 - Проф. Кавелин в своей книге «Задачи этики».

170 - Дж. С. Миль.

171 - По статистическим данным, до 50 000 самоубийств в год в Европе.

172 - Слова В.А. Жуковского.

173 - 1-я песнь канона Рождества Христова.

174 - Из акафиста Спасителю.

175 - Речь на молебне, сказанная выпускным воспитанницам (VII и IX классов) Тифлисской 1-й Великой Княгини Ольги Феодоровны женской гимназии 12 июня 1899 года.

176 - Послание Чаадаеву, 1821г.

177 - «Полководец», 1835 г.

178 - Зап. Смирновой.

179 - Евангельское чтение благодарственного молебна: Лк. XVII, 12–19. После евангелия и сказана настоящая речь.

180 - «19 октября 1825 г.»

181 - И. Тургенев – «Стихотворения в прозе».

182 - В праздник Преображения.

183 - Речь на молебне пред началом учения в 1-й Тифлисской женской гимназии 31-го августа 1899 г.

184 - Речь при закладке церкви в 1-й Тифлисской женской Великой Княгини Ольги Феодоровны гимназии 14 сентября 1899 года.

185 - Стих. на Господи воззвах праздника.

186 - Речь на молебне в соединенном собрании Тифлисской судебной палаты и Тифлисского Окружного Суда по поводу объявления Высочайшей благодарности чинам судебного ведомства 19 сентября 1899 г.

187 - Слово проф. Моск. универ. Н.К. Соколова. См. проф. Н.М. Коркунова: «Госуд. право», гл. 1

188 - Маниф. 19-го марта 1856 г.

189 - Высоч. указ Прав. Сенату 20-го ноября 1864 г.

190 - Высочайший рескрипт Министру Юстиции 1 июля 1899 г.

191 - Первое – по поводу 10-летия суда. См. «Собр. Указов правит.» 1874г., №100

¹⁹² - Памяти усопшего Наследника Цесаревича и Великого Князя Георгия Александровича, 28 сент. 1988г.

¹⁹³ - 29-го сентября 1899 г. Министр Земледелия и Государственных Имуществ д. т. с. А. С. Ермолов в сопровождении местных чиновников подведомственного ему Министерства посетил переселенческий пункт на Вере. На пункте Министра ожидал комитет Закавказского переселенческого Общества в полном составе, в лице председателя комитета т. с. В. Г. Бутыркина, товарища его т. с. К. П. Яновского и др. По прибытии Министра на переселенческий пункт священник И. Восторгов приветствовал его помещаемой здесь речью.

¹⁹⁴ - Речь при открытии выставки сельскохозяйственного учебно-научного дела в Военно-историческом музее 12 октября 1899 г.

¹⁹⁵ - Речь при открытии публичных лекций средне – учебного курса, 8 ноября 1899г.

¹⁹⁶ - Слово в день Рождества Христова при сборе пожертвований в пользу пострадавших от землетрясения в Ахалкалакском уезде, Тифл. губ. Сказано в церкви 1-й Тифлисской женской гимназии.

¹⁹⁷ - Речь, сказанная на панихиде в церкви 1-й Тифлисск. женской гимназии 26 дек 1899 г.

¹⁹⁸ - Покойный состоял секретарем, а потом одним из главных руководителей Общества поощрения художеств; благодаря его энергии прекрасно поставлена при Общ. рисовальная школа, устроены худож. музей, мастерская, библиотеки. Сотни учеников ежегодно получают здесь первоначальное художественное образование.

¹⁹⁹ - Речь в день столетнего юбилея со дня смерти великого полководца А. В. Суворова (6 мая 1800 г. – 6 мая 1900 г.). Сказано в Тифлисском Александро-Невском военном соборе при служении высокопреосвященнейшего Флавиана экзарха Грузии, в высокаторжественный день 6 мая 1900 г.

²⁰⁰ - Э. Навиль: «Долг», стр. 33–34.

²⁰¹ - Ответная речь при поднесении креста 21 мая 1900 г.

²⁰² - Речь при открытии Тифлисского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III 25 мая 1900 г.

²⁰³ - Напечатана в первой книге «Известий» Общества от 20 февраля 1900 года; книга эта разослана Советом Общества всем членам Тифлисского отдела Общества.

- ²⁰⁴ - Хомяков. Сочинения, т. I, стр. 5,247.
- ²⁰⁵ - Царств XVI, 4–5, русский и слав. текст.
- ²⁰⁶ - Из пасхального Рескрипта Августейшему Московскому генерал-губернатору 9 апреля 1900г.
- ²⁰⁷ - Манифест 12 сент. 1801 г.
- ²⁰⁸ - Окружная грамота народа Московского 1611 года.
- ²⁰⁹ - Речь к крестьянам и к детям-школьникам при открытии начальной школы в новоустроенном русском поселении в Караязах 21-го октября 1900 г.
- ²¹⁰ - Слово в день рождения Государыни Императрицы Марии Феодоровны. Произнесено в Тифлисском Александро-Невском соборе 14-го ноября 1900 г.
- ²¹¹ - Речь на молебне в редакции газеты «Кавказ» 14-го ноября 1900 г.
- ²¹² - 25-го декабря 1900 г. Статья.
- ²¹³ - Сказано в церкви 1-й Тифлисской женск. гимназии в декабре 1900 года.
- ²¹⁴ - Воззрение Ушинского на данный предмет мы изложили главным образом по его статье «О нравственном элементе в русском воспитании». Краткость церковного слова не позволила нам коснуться этого вопроса во всей широте и освятить его другими сочинениями покойного педагога.
- ²¹⁵ - Слово в 1-й Тифлисской женской гимназии в неделю о расслабленном 1900 года. Печатается вопреки хронологическому порядку, как заключение служения автора в звании законоучителя 1-й Тифлисской женской гимназии.
- ²¹⁶ - В этот день был назначен торжественный акт в гимназии.
- ²¹⁷ - Ввиду устройства новой церкви в гимназии, алтарь старой был предназначен к упразднению.
- ²¹⁸ - При освящении новой церкви при 1-й Тифлисской женской гимназии в конце 1900 г.
- ²¹⁹ - До того времени гимназия имела зал-церковь, причем только алтарь оставался неприкосновенным, а зал служил и рекреационной комнатой, и местом публичных, собраний, и т. п.
- ²²⁰ - Статья представляет подробное раскрытие новогодней проповеди.
- ²²¹ - Проф. Гусев: «Религиозность как опора нравственности».
- ²²² - Мартенсен, II, 31, 37.

- 223 - Пятницкий: «Нравственное богословие», стр. 37
224 - Шикопп: «Апологет. беседы», стр. 46.
225 - Геттингер: «Аполог. Христова», I, 236.
226 - Рождественский: «Апологетика», II, 374

Содержание

Полное собрание сочинений. Том I священномученик Иоанн Восторгов	1
1889 г.	3
Пастырь и пасомые1	4
1890 г.	7
Пастырские заветы2	8
Евангельские блаженства3	11
Боговдохновенность святого евангелия4	16
1891 г.	30
Христос в христианине5	31
Жажда духа6	34
1892 г.	37
Уроки старого и нового года7	38
Бессмертие8	42
У гроба доброго отрока9	45
1893 г.	47
Усердие труда10	48
Хороший ученик11	50
1894 г.	55
Значение семьи29	56
Мир душевный30	59
Подражание святым31	61
Великое призвание Русского народа32	65
Чудеса веры православной33	69
Причина болезней34	73
Храм – жилище Господа35	77
Храм36	79
Почитание Богоматери37	82
Привет прощальный38	86
Благодарный привет39	89
К новой юной пастве40	90
1895 г.	92
Христианство жизненное41	93
Труд учителя12	97

Труд учителя42	91
1896 г.	99
«Хороший человек»43	100
Памяти Царя-Миротворца47	104
1897 г.	108
Посещение храма50	109
Труд земледельца51	112
1898 г	115
Величие человека52	116
Усердие труда57	121
Поминай Господа Иисуса60	124
Христианское равенство61	128
Труд65	132
Труд христианский69	136
Лукавство лени72	140
Отрицательная нравственность75	144
Ответственность за труд77	147
Характер христианской нравственности80	151
Служение отечеству84	156
Историческое призвание России85	158
Христианство как свет миру86	162
Свобода88	166
Благо личное и общее90	170
Величие человека91	173
Общецерковное пение96	178
Светлый юбилей101	181
Повиновение102	184
Христианство и социальный вопрос103	190
Благотворительность и труд104	194
Детство112	198
1899 г.	201
На пороге XX века113	202
Силы обновления жизни	203
Святое детство116	209
Вера и знание117	212
Подвиг спасения на водах126	220
Помощь голодающим128. Завет Христов	224
Помощь бедствующим 129. Завет христианский	227

помощь голодающим 133. звание христианское	227
Памяти А.С. Пушкина140. Вечное в творчестве поэта	232
Памяти А.С. Пушкина167. Идеализм в жизни	248
Памяти А.С. Пушкина175. Заветы поэта	251
Добро ли нам zde быти?182	256
Обучение и воспитание183	259
Крест и храм184	264
Суд земной186	266
Царственный Страдалец192	271
Забота о русских переселенцах193	273
Культура194	274
Пшеница и плевелы195	277
Любовь Божественная в Боговоплощении – призыв к любви человеческой 196	279
Памяти Д.В. Григоровича197 († 22 декабря 1899 года.)	281
1900 г.	283
Тайна обаяния великого полководца199	284
Крест наперсный201	290
Русская идея202	292
Школа у русских переселенцев209	298
Молитва за Царя210	301
Печатное слово211	304
Праздник веры и радости212	307
Памяти К.Д. Ушинского213	312
Женщина – христианка215	315
Близость Бога: с нами Бог218	321
Силы обновления жизни	323
К новому году и к новому XX веку220	324
Послесловие	337
Примечания	338